

ДЕТСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

Рюальд Даль

Рюальд Даль

**ДЕТСКИЕ
БЕСТСЕЛЛЕРЫ**

**Бумажная Галерея
Москва
2001**

Роальд Даль

Детские бестселлеры («Джеймс и персик-великан», «Волшебный палец», «Чарли и Шоколадная Фабрика», «Чарли и Большой Стекланный Подъемник»). Перевод с английского. – М.: «Бумажная Галерея», 2001. – 304 стр.: с илл.

«Дети любят, когда их пугают. Они любят напряжение. Они любят действие. Они любят привидения. Они любят находить сокровище. Они любят шоколад, игрушки и деньги. Они любят волшебство. Они любят, когда их смешат. Они любят, когда негодяя настигает ужасная кара. Они любят героя и хотят, чтобы он был победителем».

Так говорил Роальд Даль – детский писатель, которого читают во всем мире, переводят на десятки языков, издают миллионными тиражами. Только в Великобритании между 1980 и 1990 годам было продано 11 миллионов экземпляров его детских книг в бумажных обложках – гораздо больше, чем родилось там за это время детей.

А еще Роальд Даль говорил: *«Надо, чтобы и взрослому, который читает ребенку, тоже не было скучно!»*

- © Roald Dahl. 1961.1964. 1966. 1973.
- © Nancy Elchholm Burkert. Рисунки. 1961.
- © William Pйne du Bois. Рисунки. 1966.
- © Faith Jaques. Рисунки. 1967, 1973.
- © Н. Демурова. Перевод. Предисловие. 2001.
- © М. Фрейдкин. Перевод. 2001.
- © М. Заболотникова. Оформление. 2001.
- © «Бумажная Галерея». Состав. 2001.

ISBN 5-900504-62-X

ДЖЕЙМС И ПЕРСИК-ВЕЛИКАН

рисунки Нэнси Эльхольм Бёркерт

перевод М. Фрейдкина

ВОЛШЕБНЫЙ ПАЛЕЦ

рисунки Уильяма Пене дю Буа

перевод Н. Демуровой

ЧАРЛИ И ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА

рисунки Фэйт Жак

перевод М. Фрейдкина

ЧАРЛИ И БОЛЬШОЙ СТЕКЛЯННЫЙ ПОДЪЕМНИК

рисунки Фэйт Жак

перевод М. Фрейдкина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мастер невероятного Роальд Даль... Детский писатель, которого читают во всем мире, переводят на десятки языков, издают миллионными тиражами. Только в Великобритании между 1980 и 1990 годом было продано 11 миллионов экземпляров его детских книг в бумажных обложках – гораздо больше, чем родилось там за это время детей. К концу жизни писателя (он умер в 1990 году) каждый третий ребенок в Англии покупал или получал в подарок в среднем одну его книжку в год. А ведь его издают – и тоже огромными тиражами – в США и прочих англоязычных странах, во всех странах Европы, в Бразилии, Таиланде, Израиле, Японии... Первый перевод повести «Чарли и Шоколадная Фабрика» на китайский язык вышел сразу в количестве 2 миллионов экземпляров. Детские книги Даля стали появляться в самом начале 60-х годов – спустя четыре десятилетия выходит наконец и русский томик с самыми известными его повестями «Джеймс и персик-великан», «Волшебный палец», «Чарли и Шоколадная Фабрика», «Чарли и Большой Стеклоанный Подъемник». Мы уже привыкли к гримасам советского и постсоветского книгоиздательства для детей, остается лишь пожать плечами и пробормотать вечное «лучше поздно, чем никогда!»

Роальд Даль родился в 1916 году в Южном Уэльсе в норвежской семье, переехавшей сюда в конце XIX века. Его отец Харальд Даль был судовым маклером, он обосновался возле Кардиффа, центра угольной промышленности Англии и там с годами создал солидную фирму. Мать, София Хессельберг Даль, происходила из семьи, где были и священники, и натуралисты. О своем раннем детстве писатель вспоминал как о светлом, ничем не омраченном времени; семья была сплоченной, дружной. Отец, знаток и любитель картин, цветов и растений, много внимания уделял детям, которых воспитывали как маленьких норвежцев: их крестили в норвежской церкви

в Кардиффе, они говорили по-норвежски и каждое лето ездили на каникулы в Норвегию, где их радушно принимала многочисленная родня. Там дети проводили целые дни на фьордах, купались, катались на лодках, удили рыбу и слушали сказки. Исследователи впоследствии отмечают влияние на творчество Даля североευропейского фольклора, норвежских сказок и кельтских преданий и легенд, которыми по праву гордится Уэльс.

Однако уже раннее детство Даля не было безоблачным. Ему не исполнилось и четырех, когда внезапно умерла от аппендицита его семилетняя сестра Астри, а два месяца спустя скончался от воспаления легких отец. Это горе отбросило тень на всю дальнейшую жизнь мальчика. Оставшись одна, мать, женщина умная, любящая и мужественная, посвятила себя воспитанию детей. По счастью, ей не приходилось заботиться о средствах к существованию. Роальд, единственный сын, занимал особое место в сердце матери, хотя внешне та держалась сдержанно, почти холодно. И мальчик всегда чувствовал ответственность перед семьей. Зная, что отец, великолепно владевший английским языком, хотел, чтобы сын получил образование в одной из английских «публичных» школ, репутация которых была очень высокой, мать оставляет Кардифф, переезжает в одно из английских графств и начинает готовить сына к вступительным экзаменам. Мальчика отдают в местные школы, сначала в одну, потом в другую, где он впервые остро испытал одиночество и горечь от осознания того, что миру детей противопоставит недобрый мир взрослых. Когда Роальду исполнилось 13 лет, он поступил в Рептон, одну из самых знаменитых публичных школ графства Дерби.

Рептон, как и другие публичные школы, вовсе не отличался демократичностью: попасть туда могли лишь дети обеспеченных родителей, да и порядки там царили суровые. Иерархичность и кастовость английского общества определяли весь строй этих закрытых школ-интернатов, призванных воспитать «возжей и слуг великой империи», которой в те годы еще была Великобритания. Нравы публичных школ мало изменились со времен, описанных Киплингом в повести «Столки и Компания» (интересно, кстати, что Даля в школе прозвали Столки). На склоне лет Даль вспоминал о днях, проведенных в Рептоне, в своей автобиографической книге «Мальчик. Рассказы о детстве» (1984). Как указывает биограф писателя Джереми Треглоун, в ней встречаются кое-какие фактические ошибки (так, например, Даль приписал садистские наклонности одного директора школы другому), но общая картина школьной жизни отражена достаточно верно и выразительно. Воспитание «капита-

нов» и «слуг» империи, строжайшая и часто бессмысленная дисциплина, унижительная система полного подчинения младших старшим, телесные наказания. Учеников то и дело поролы – тростью! – не только директор и преподаватели, но и старшие ученики-префекты, в услужении у которых, по старой традиции, находились младшие. «В Рептоне префектов никогда не называли префектами, – вспоминал Даль в своей книге. – Для них существовало специальное слово: боузеры, и жизнь и смерть младших учеников были в их руках. Боузеры могли вызвать нас к себе ночью и выпороть за то, что в раздевалке футбольный носок валялся на полу, а не висел, как полагалось, на крючке. Боузер мог выпороть нас за сотню других пустячных провинностей – за то, что мы сожгли гренки, поджаривая их ему к чаю, плохо вытерли пыль в его комнате, не сумели разжечь в ней камин (хотя половина наших карманных денег уходила на покупку растопки), за опоздание на переключку, за болтовню во время вечерней подготовки уроков, за то, что в шесть часов мы забыли переменить обувь на домашнюю. Список был бесконечным».

Учился Даль неважно. Даже преподаватель литературы упрекал его, как ни странно это кажется сейчас, за неряшливость и невыразительность сочинений. Зато в спорте Даль проявлял себя отлично, чему, конечно, немало способствовал его рост (6 футов 6 дюймов!); он был капитаном школьной футбольной команды и чемпионом по играм с мячом («пятерки» и сквош), требующим твердой руки, моментальной реакции, быстроты, выдержки. Но хотя спортсмены обычно пользовались в школе особой популярностью, а капитан футбольной команды автоматически назначался боузером, с Далем этого не произошло. Не в последнюю очередь и потому, что в качестве старшего ученика он никогда не притеснял младших, да и в других отношениях был не очень-то похож на будущего «капитана» империи. Он любил уединяться, занимался фотографией (в школе даже была устроена выставка его работ), читал. Ему не нравилась атмосфера «славной школы»; повседневное насилие, хотя оно и не очень затрагивало его лично, вызывало в нем негодование. Он чувствовал себя неуютно, одиноко, скучал по маме, по вольной жизни, по матери и сестрам. И когда годы обучения в Рептоне подошли к концу, он вздохнул с облегчением. Об университете разговора не было: и потому что уровень знаний Даля оставлял желать лучшего, и потому что ему хотелось путешествовать, увидеть новые земли, испытать себя. Ему удалось получить место в британской нефтяной компании «Шелл Ойл», и он отправился в Восточную Африку, где служил до самого начала войны. В 1939 году, пройдя ускоренный срок подготовки, он стал боевым летчиком Королев-

ского военно-воздушного флота, участвовал в боях в Греции и Сирии. Однажды, совершая вынужденную посадку в ночной темноте, он потерпел аварию, но, несмотря на тяжелые травмы головы, ног и позвоночника, сумел выбраться из горящего самолета. После выхода из госпиталя Даль настоял на возвращении в строй, снова участвовал в боях, сбил не один немецкий самолет, но непрекращающиеся головные боли заставили его, наконец, подчиниться врачам и вернуться в Англию. Он остался в армии и был послан помощником военно-воздушного атташе в Нью-Йорк, где и оставался до конца войны, работая на британскую разведку. Всю жизнь он боролся с последствиями военных травм. На склоне лет он скажет: «У меня было восемь серьезных операций: три на бедрах, пять на позвоночнике, и бесконечное количество более мелких».

В Америке он начал писать. Известный английский писатель С.С. Форестер, с которым он познакомился в Нью-Йорке, услышав его рассказы о воздушных боях (Даль был замечательным рассказчиком), предложил ему написать о своем военном опыте и послал его рассказ в «Сэттердей Ивнинг Пост», где он и был напечатан. Первые произведения Даля так или иначе связаны с войной; однако вскоре он отходит от военной темы и создает особый жанр сатирического рассказа-бурлеска. Эти рассказы заслужили Роальду Далю репутацию автора увлекательных и остроумных гротесков в духе «черного юмора». Некоторые критики, отмечая несомненный талант Даля, называли его «манипулятором»: «У него есть такт, чувство времени, ясный прозрачный стиль, необычайная изобретательность... Но главное, он умеет манипулировать читателем; ни один приличный писатель не обходится без этого умения, но ни один по-настоящему хороший писатель не позволит ему взять над собой верх». Другие критики отмечали, что «карикатуры человеческих слабостей» под пером Даля на редкость верны действительности и что «под личиной занимательного фантазера прячется социальный сатирик и моралист». Живя с 1942 года в Соединенных Штатах, Даль публиковал свои рассказы в популярных американских газетах и журналах; в Англии их издали нескоро. Приведем слова известного английского драматурга Нозла Коуарда, который, прочтя сборник рассказов Даля «Совсем как ты», сделал в своем дневнике такую запись: «Рассказы блестящие, воображение у него фантастическое. Но, к сожалению, во всех рассказах кроется что-то жестокое, мрачное и отталкивающее, и особый, почти подростковый, интерес к сексу».

Для детей Даль начал писать только в начале 60-х годов, когда у него самого появились дети. В 1953 году он женился на та-

лантливой американской актрисе Патриции Нил, о которой много говорили в то время. Как свидетельствуют все, кто его знал, Даль любил и понимал детей и, подобно своему отцу, много возился с ними. Он начал рассказывать сказки своим старшим дочерям Оливии и Тесс, когда они были совсем маленькими. Впоследствии эти сказки появились в печати, конечно, в переработанном виде. Первая повесть для детей «Джеймс и персик-великан» вышла в Соединенных Штатах в 1961 году и сразу привлекла к себе внимание и критики, и читателей. К Далю обратилось известное американское издательство, которое задумало издать серию небольших детских сказок, написанных известными «взрослыми» писателями. Осуществить этот замысел издательство так и не сумело, однако Даль успел написать небольшую сказку «Волшебный палец» (в несколько измененном виде она вышла уже в другом издательстве лишь в 1966 году). Изданная в 1964 году повесть «Чарли и Шоколадная Фабрика» имела огромный успех и стала международным бестселлером (в 1972 году Даль написал продолжение, которое назвал «Чарли и Большой Стеклоанный Подъемник»).

Роальд Даль нашел себя как детский писатель. Его детские повести, на мой взгляд, гораздо интересней, чем его сочинения для взрослых. Здесь он проявил себя как подлинный мастер. Недаром Элейн Мосс, известная английская исследовательница детской литературы, отдавала именно ему пальму первенства в этой области. Сам писатель в одном из своих интервью сказал: «Я пишу детские книжки прежде всего для своих собственных детей. Если бы у меня не было детей, я никогда бы не написал детских книг — просто не смог бы этого сделать. Посвятив 25 лет исключительно рассказам для взрослых, теперь я решительно предпочитаю писать повести для детей. Это, конечно, нисколько не легче, но гораздо приятнее и связано с удивительными находками».

Когда появились первые книги Роальда Даля для детей, они оказались настолько неожиданными, что многие поначалу как-то растерялись. Особенно нервничали американские библиотекари, которым по долгу службы полагалось рекомендовать или не рекомендовать их для чтения в школе. Работников библиотек смущала несомненно присутствовавшая в книжках агрессивность, которую они сочли преувеличенной и излишней. Вообще говоря, Дalia не раз обвиняли в этом грехе на протяжении всей его жизни. И вот что отвечал писатель на подобные обвинения: «Книги для детей писать опаснее всего. В них должна быть мораль, а дети терпеть не могут, когда их поучают. Детские книги также содержат — в приглушенном виде — насилие. Дети любят насилие, ведь они агрессивны от

природы. Не могу понять, почему многие взрослые отказываются это замечать».

Между прочим, некоторые психологи считают, что книги такого рода не только не приносят ребенку вреда, но, напротив, помогают освободиться от агрессии.

Как и другие хорошие произведения для детей, книги Даля адресованы не только детям, но и взрослым. («Ведь надо, чтобы и взрослому, который читает ребенку, тоже не было скучно!») Впрочем, отдельные критики считают, что Даль адресует свои книги ребенку расчетливому, прагматичному, далекому от всякой романтики, хотя такой взгляд, как нам кажется, не вполне соответствует действительности. Конечно, в книгах Даля есть и агрессивность, и некоторая грубоватость, и жестокость, но есть в них и понимание того, что эти качества – вовсе не лучшие проявления человеческой натуры. Недаром мудрый мистер Уилли Уонка выбирает победителем самого скромного и незаметного из своих гостей – Чарли Баккета! Роальд Даль пишет о тех, кому холодно и неудобно в жестоком мире взрослых, как было холодно и неудобно ему самому в школьные годы. Его герой (иногда это мальчик, иногда – девочка) – всегда мал, слаб, одинок, обижен, но Даль заставляет виновников жестоко расплачиваться за все эти обиды и унижения. И пишет он об этом так, что невозможно не торжествовать и не радоваться за маленького героя! Как все это весело! Как смешно! Какая фантазия, какие сюжеты и трюки! Какая виртуозная поэзия! Как умело он использует детский слэнг с его дразнилками и страшилками, как мешает простые или приниженные слова с высокими и поэтичными! Какой у него выразительный, лаконичный, прозрачный язык!

Во многом Даль продолжил и развил традиции английского нонсенса, который был введен в детскую литературу еще в середине XIX века Эдвардом Лиром. Но особенно дорог Далю другой мастер нонсенса – Хилэр Беллок, чьи «назидательные истории наоборот» вспоминаются, когда читаешь, например, песни симпатимпасов про Огастеса Глупа, Виолетту Борегард, Веруку Солт и Майка Телика из повести о Чарли и Шоколадной Фабрике. (Марк Фрейдкин перевел и лирики Лира, и стихотворения Беллока, и если вам не довелось их прочитать, найдите сборник «Английская абсурдная поэзия» и прочитайте его – не сомневаюсь, что вы получите удовольствие).

О том, какими качествами должен обладать, по его мнению, детский писатель, Даль рассказал в статье, посвященной детским книгам, которая была опубликована в августе 1976 года в журнале «Райтер» («Писатель»). Вот небольшой отрывок из этой статьи:

«Я думаю, что детский писатель должен обладать хорошим чувством юмора, если вы понимаете, что я хочу сказать. Он должен любить простые трюки, шутки, загадки и прочие детские фокусы. Он должен быть изобретательным и не держаться за условности. Сюжет у него должен быть по-настоящему первоклассным. Он должен знать, что детей увлекает, а что наводит на них скуку. Дети любят, когда их пугают. Они любят напряжение. Они любят действие. Они любят привидения. Они любят находить сокровище. Они любят шоколад, игрушки и деньги. Они любят волшебство. Они любят, когда их смешат. Они любят, когда негодяя настигает ужасная кара. Они любят героя и хотят, чтобы он был победителем. Но они не переносят длинных описаний и цветистую прозу. Они не переносят описаний любого сорта. Многие из них чутко реагируют на хороший текст и могут указать неуклюжую фразу. Им нравятся рассказы, в которых есть какая-то угроза. “Знаешь, чего мне хочется? – сказал большой крокодил маленькому. – Съесть на обед жирненького, сочненького ребеночка!” Вот какие вещи они любят». Разумеется, Даль говорит здесь о себе, и невероятней всего, что сам он обладает теми качествами, о которых пишет. Впрочем, недаром один очень неглупый критик назвал его мастером невероятного.

Н. Демурова

Джеймс
и Персик-Великан

книга для Оливии и Тесс

1

Первые четыре года своей жизни Джеймс Генри Троттер был вполне счастлив. Он тихо-мирно жил с мамой и папой в красивом доме на побережье. У него было сколько угодно товарищей для игр и под боком – море для купанья. О чем еще мечтать маленькому мальчику?

Но вот однажды родители Джеймса отправились в Лондон за покупками, и там с ними произошло ужасное несчастье. Их обоих среди бела дня и, заметьте себе, на людной улице проглотил огромный свирепый носорог, сбежавший из лондонского зоопарка.

Вы, разумеется, легко можете себе представить, насколько неприятным это было для таких добрых людей, как они. Но если заглянуть вперед, то для Джеймса это оказалось еще более неприятным. Ведь, что ни говори, папа с мамой отделались за какие-то там тридцать пять секунд, тогда как у Джеймса, оставшегося в полном одиночестве посреди чужого и недружелюбного мира, самое плохое было еще впереди.

Красивый дом на побережье пришлось немедленно продать, а Джеймса всего лишь с одним маленьким чемоданчиком, в котором лежала пижама да зубная щетка, отправили жить к двум его теткам.

Их звали тетка Квашня и тетка Шпилька, причем надо с прискорбием сообщить, что человеческие качества обеих оставляли желать много лучшего. Это были невероятно жадные, ленивые и жестокие женщины. С самого первого дня они начали бить несчастного Джеймса буквально ни за что ни про что. Они даже никогда не называли его по имени, а обращались

к нему не иначе как «омерзительная маленькая тварь», или «жалкое ничтожество», или «гнусное отродье». И уж конечно они не давали ему никаких игрушек, не говоря уже о книжках с картинками. Его комната была пустой и голой, как тюремная камера.

Все они – тетка Квашня, тетка Шпилька и теперь Джеймс – жили на юге Англии в какой-то странной развалюхе, стоявшей на макушке высокого холма. Этот холм был таким высоким, что если посмотреть вниз с любого места во дворе, то перед глазами на много миль вокруг расстились удивительно красивые леса и поля. Замечательный пейзаж! А если выбрать верное направление, то в ясный день Джеймс мог увидеть на самом горизонте маленькую серую точку – это был дом, в котором он раньше жил со своими любимыми мамой и папой. А еще дальше, прямо за домом, виднелось и море – тоненький ободок темно-синих чернил по краю неба.

Но Джеймсу ни в коем случае и ни под каким видом не разрешалось спускаться с холма. Сами тетки никогда не утруждали себя прогулкой или пикником, и, разумеется, не могло идти даже речи о том, чтобы Джеймс отправился куда-то один.

– Стоит выпустить эту мерзкую маленькую тварь со двора, – говорила тетка Шпилька, – как он сразу угодит в какую-нибудь переделку.

И страшные наказания, среди которых фигурировало даже недельное заключение на чердак, кишасший крысами, грозили Джеймсу, если он осмелится хотя бы только влезть на забор.

Огромный пустой двор занимал почти всю макушку холма, и единственным растением во всем дворе (если не считать кучки старых и грязных лавровых кустов в дальнем углу) было древнее персиковое дерево, на котором давно уже не росло никаких персиков. А вокруг – ни качелей, ни каруселей, ни песочницы. Ни даже кошки или собаки, чтобы составить компанию бедному Джеймсу. Ведь никого из окрестных детей никогда не пускали поиграть с ним. Естественно, от такой жизни Джеймс с каждым днем чувствовал себя все более одиноким, становился все грустней и грустней. Он часами стоял посреди двора, тоскливо глядя вниз на недоступные для него леса, поля и море, стелившиеся вдалеке волшебным ковром.

2.

И вот, после того как Джеймс Генри Троттер прожил со своими тетками три полных года, с ним произошло довольно странное событие. Причем это событие, которое, как я сказал, было всего лишь *довольно* странным, повлекло за собой другое событие, которое привело уже к *очень* странным событиям. А они, в свою очередь, стали причиной того, что вполне можно назвать *невероятно* странными событиями.

Все началось в один ужасно жаркий день в середине лета. Все трое – тетка Квашня, тетка Шпилька и Джеймс – были во дворе. Джеймса, как всегда, заставили работать – он колол дрова для кухонной плиты. А тетка Квашня и тетка Шпилька со всеми удобствами расселись в шезлонгах, попивая из высоких стаканов шипучий лимонад и следя, чтобы Джеймс не отставивался ни на минуту.

Тетка Квашня была низкорослой и ужасно толстой особой с маленькими поросычьими глазками, впалым ртом и такими белыми и отвислыми щеками, словно их долго варили в кипятке. Вся она походила на большой рыхлый кочан переваренной капусты. Тетка Шпилька, напротив, была высокой, тощей и костлявой. На самом кончике ее носа сидели очки в стальной оправе. У нее были узкие мокрые губы и визгливый голос, причем когда она злилась или волновалась, изо рта у нее летели мелкие брызги слюны.

И вот две эти отвратительные ведьмы сидели и потягивали свой лимонад, время от времени покрикивая на Джеймса, чтобы он работал быстрее. При этом каждая вслух рассуждала о том, какой красивой и обаятельной она казалась самой себе. На коленях у тетки Квашни лежало зеркало с длинной ручкой, и она то и дело поднимала его, любуясь своей гнусной физиономией.

«Я словно розочка свежа! –
Квашня вздыхала сладко. –

Как этот носик мал и мил,
Как вьется эта прядка!
А если б я чулок сняла,
Все б увидали, как бела
И элегантна пятка!»
«Ты просто прелесть, спору нет, —
Сказала Шпилька ей в ответ. —
Но ты, Квашня, прости меня,
Толста, как свиноматка!

Совсем другое дело — я,
Милашка и красotka.
Пленят любого нежный взгляд
И легкая походка!
А ряд зубов? А гибкий стан?
(Забудем маленький изъян —
Прыщи вдоль подбородка...)»
Квашня взъярилась: «Ах ты, дрянь!
Ты на себя получше глянь —
Длинна как жердь, страшна как смерть,
Костлява как селедка!

Зато достоинства мои
И впрямь неоспоримы.
Средь голливудских кинозвезд
Я б сразу вышла в примы!
Имела б дьявольский успех
И зрителями в странах всех
Была б боготворима!»
Тут Шпилька молвила: «О, да!
Ты — настоящая звезда!
Роль Франкенштейна ты вполне
Могла б играть без грима!»

А между тем несчастный Джеймс работал как каторжный. Жара стояла невыносимая. Он весь пропотел с головы до ног. Руки ломило от усталости. Огромный колун был слишком тяжел для такого маленького мальчика и вдобавок плохо заточен.

Работая, Джеймс думал о том, что могли бы делать в такой жаркий день другие дети. Они, наверно, гуляют в тенистых рощах, собирая букеты цветов, или катаются на велосипедах по своему двору. А его прежние друзья сейчас, конечно, у моря. Возятся на мокром песке, плещутся в воде...

Крупные слезы поползли у мальчика по щекам. Он перестал работать и прислонился к колоде для рубки дров, вконец удрученный своей горькой судьбой.

– Эй, что это там с тобой стряслось? – сейчас же завизжала тетка Шпилька, уставившись на Джеймса поверх своих стальных очков.

Джеймс разрыдался.

– Прекрати немедленно, гнусное отродье! – приказала тетка Квашня.

– И давай-ка за работу!

– Тетушка Квашня! Тетушка Шпилька! – сквозь слезы воскликнул Джеймс. – Ну, пожалуйста! Давайте хоть один разочек съездим на автобусе к морю! Ведь это не очень далеко... День такой жаркий, а мне так грустно и одиноко!

– Еще чего не хватало, никчемная ленивая тварь! – заорала тетка Шпилька.

– Надо всыпать ему хорошенько! – завопила тетка Квашня.

– Обязательно! – рявкнула тетка Шпилька. Она злобно уставилась на Джеймса, а он глядел на нее большими испуганными глазами. – Только попозже, когда жара немного спадет. А сейчас прочь с моих глаз, гнусное создание! Дай нам хоть полчаса отдохнуть от тебя!

Джеймс повернулся и побежал. Он бежал со всех ног в дальний угол двора и спрятался за кучку старых и грязных лавровых кустов, о которых мы упоминали выше. Там он закрыл лицо руками и плакал, и плакал...

3.

И именно в этот момент с ним произошло то самое *довольно* странное событие, повлекшее за собой множество других уже *очень* странных событий.

Внезапно Джеймс услышал за спиной шелест листьев и, обернувшись, увидел, как из кустов выбирается какой-то старичок в странном темно-зеленом костюме. Старичок был очень маленького роста, но с огромной и совершенно лысой головой и колючей черной бородашкой. Он остановился в трех ярдах от Джеймса и стал внимательно разглядывать его, опираясь на свою палочку.

Потом он заговорил скрипучим низким голосом:

– Подойди ко мне, мальчик, – сказал он, указывая на Джеймса пальцем, – подойди поближе, и я покажу тебе одну *волшебную* вещь.

Но Джеймс от страха не мог даже пошевелиться.

Старичок проковылял несколько шагов навстречу ему и достал из кармана пиджака небольшой пакет.

– Смотри, – прошептал он, тихонько раскачивая пакет перед носом у Джеймса. – Знаешь, что это такое? Знаешь, что там внутри?

Он подошел еще ближе, так что его дыхание, затхлое и слегка отдававшее плесенью, как воздух на старом чердаке, касалось щек Джеймса.

– Посмотри-ка, голубчик, – проговорил старичок, раскрывая пакет и наклоняя его к Джеймсу.

Внутри Джеймс увидел множество крошечных зеленых штуквин, похожих на маленькие камушки или кристаллики. Каждая была размером с зернышко риса. Они были сказочно красивыми, и вокруг них мерцало какое-то странное сиянье или свечение, отчего они блестели и искрились самым что ни на есть волшебным образом.

– Послушай, – прошептал старичок, – послушай, как они шевелятся!

Джеймс устался на пакет и действительно услышал слабое шуршание. Потом он заметил, что все эти тысячи маленьких зеленых штуквин медленно-медленно шевелятся и переползают друг через друга, как живые.

– В них больше волшебства и могущества, чем во всем остальном мире, – тихо сказал старичок.

– Но... но что они такое? – пробормотал Джеймс, обретая наконец дар речи. – Откуда они взялись?

– Конечно! – прошептал старичок. – Где уж тебе знать!

Он еще ближе придвинулся к Джеймсу, и кончик его длинного носа почти уперся в лоб мальчика. Потом старичок неожиданно отскочил назад и принялся бешено размахивать в воздухе своей палочкой.

– Крокодилы языки! – завопил он. – Тысяча длинных скользких крокодильих языков, которые двадцать дней и ночей варились вместе со зрачками ящерицы в черепе мертвой колдуньи! Добавь сюда ногти молодой обе-

зьяны, свиные потроха, клюв зеленого попугая, желудочный сок дикобраза и три ложки сахара. Дай настояться еще неделю, и лунный свет доделает остальное!

Неожиданно старичок впихнул пакет в руки Джеймса и сказал:

– Держи! Теперь это твое!

4.

Джеймс Генри Троттер стоял, сжимая в руках пакет, и во все глаза глядел на старичка.

– А теперь, – сказал тот, – тебе осталось сделать только вот что. Возьми большую кружку воды и высыпь туда все эти зеленые штуковины. Потом медленно, один за другим, брось в кружку десять твоих собственных волос. И тогда начнется! Эти штуковины заработают! Через несколько минут вода в кружке запенится и забулькает как бешеная. И в этот самый момент ты должен быстро выпить все до дна – всю кружку одним махом! Ты сейчас же почувствуешь, как у тебя закипит и запузырится все внутри. Из рта повалит пар, и прямо сразу с тобой начнут происходить чудесные, необыкновенные вещи. Ты уже никогда больше не будешь несчастным! Ведь сейчас ты несчастен, правда? Можешь не говорить, я знаю про тебя все! А теперь ступай прочь и сделай, как я сказал. Только не вздумай проговориться своим ужасным теткам! Они не должны узнать ни словечка! И еще: смотри, чтобы эти зеленые штуковины не удрали от тебя. Потому что, если ты, не дай бог, их потеряешь, все волшебство достанется кому-то другому. А ты ведь не хочешь этого, дружок? Так вот, запомни: они отдадут всю свою волшебную силу *первому*, кто встретится им на пути – будь то человек, животное, насекомое или даже растение. Так что держи пакет крепче, только не порви бумагу. Ну, ступай! Да поспеши – время уже давно пришло! Торопись!

С этими словами старичок повернулся и исчез в кустах.

5.

Через секунду Джеймс уже со всех ног бежал к дому. Он проделает все это на кухне, твердил он про себя, только бы пробраться туда, так чтобы тетка Квашня и тетка Шпилька ничего не заметили.

Он был ужасно взволнован. Он летел через густую траву, даже не чувствуя, как гнущая крапива хлещет его по голым коленкам. Тетка Квашня и тетка Шпилька сидели спиной к нему, и он свернул в сторону, чтобы обогнуть дом и попасть внутрь с заднего крыльца. Но неожиданно, как раз в тот момент, когда он пробежал под старым персиковым деревом, стоявшим

посреди двора, Джеймс споткнулся и шлепнулся носом в траву. Бумажный пакет лопнул, и тысячи крохотных зеленых штукочин рассыпались во все стороны.

Джеймс сейчас же вскочил на четвереньки, чтобы собрать свое бесценное сокровище. Но что это?! Они уходили в землю прямо на его глазах! Джеймс видел, как, вращаясь и изгибаясь, они ввинчивались в твердую почву. Он протянул руку к тем, что были поближе, чтобы подобрать их, пока не поздно, но они ускользнули из-под самых пальцев. Он потянулся за другими, но опять не успел. Он начал беспорядочно рыться в земле, стараясь спасти хоть что-нибудь, но все впустую. Они были слишком проворны. Едва он касался их кончиками пальцев, как они уходили сквозь землю! И буквально через несколько секунд не осталось ни одной!

Джеймс чуть не плакал. Теперь уж ему их не вернуть – они потеряны, потеряны навсегда!

Но куда же они могли подеваться? И почему, интересно знать, они так стремились под землю? Ведь *там* ничего и никого нет. Ничего, кроме корней старого персикового дерева и уймы всяких червей, пауков и сороконожек. А что говорил старичок? «Они отдадут свою волшебную силу *первому*, кто встретится им на пути – человеку, животному, насекомому или даже растению».

– Боже мой! – подумал Джеймс. – Что же тогда случится, если *первым* им встретится червяк? Или сороконожка? Или паук? А если они угодят в корни персикового дерева?

– А ну-ка вставай сейчас же, ленивый маленький негодяй! – раздался вдруг крик над самым ухом Джеймса.

Он посмотрел вверх и увидел, что над ним возвышается костлявая тетка Шпилька, злобно глядя на него через свои очки в стальной оправе.

– Ты, верно, забыл, что должен еще доколоть вон те поленья?

Сзади вперевалку подошла рыхлая, словно медуза, тетка Квашня. Ей тоже хотелось посмотреть, что там делается под деревом.

– Не посадить ли нам этого скверного мальчишку в колодец на всю ночь? – предложила она. – Это, должно быть, отучит его бездельничать целыми днями.

– Отлично придумано, дорогая Квашня! Но сначала он должен закончить свою работу. А ну пошевеливайся, гнусное отродье!

Бедный Джеймс медленно поднялся на ноги и грустно побрел к поленице дров. Ах, если б он не споткнулся, не упал и не уронил свой драгоценный пакет!.. А теперь все надежды на лучшую участь рухнули. Теперь его снова ждали только побои и обиды, невзгоды и лишения – сегодня, завтра, послезавтра и всю оставшуюся жизнь.

Он поднял колун и уже хотел снова взяться за работу, как вдруг сзади раздался крик, который заставил его остановиться.

– Эй, Квашня! Квашня! Иди скорей сюда и посмотри на это!

– На что?

– На этот персик! – кричала тетка Шпилька.

– На этот что?

– На персик! Вон там, на верхней ветке! Неужели ты не видишь?

– Должно быть, ты ошиблась, дорогая Шпилька. На этом несчастном дереве отродясь не росло никаких персиков.

– А теперь там висит один. Сама посмотри.

– Ты нарочно дразнишь меня, Шпилька. Я знаю, ты хочешь, чтоб я губы раскатала, а там ничего не окажется. Откуда на этом дереве возьмется персик, когда оно даже не цвело? На верхней ветке, говоришь? Ничего там нет. Ха-ха... очень смешно... Господи, боже мой! Провалиться мне на этом месте!.. И в самом деле персик!

– Да еще какой большой! – добавила тетка Шпилька.

– Что за прелесть! Что за прелесть! – закричала тетка Квашня.

В этот момент Джеймс тихонько положил колун и обернулся на двух женщин, стоявших под персиковым деревом. Что-то должно произойти, говорил он себе. Что-то необычное может произойти в любой момент. Он не имел ни малейшего представления о том, что именно это может быть, но каждой жилкой чувствовал: сейчас что-то случится. Это ощущалось в самом воздухе вокруг, в той внезапной тишине, которая опустилась на двор.

Джеймс на цыпочках подкрался поближе к дереву. Теперь тетки молчали. Они просто стояли и смотрели на персик во все глаза. Было очень тихо – не слышно даже дуновения ветерка. Только солнце нещадно палило с бездонного синего неба.

– Мне кажется, он вполне созрел, – сказал тетка Шпилька, нарушая молчание.

– Почему бы нам его не съесть? – предложила, облизываясь, тетка Квашня. – Пополам. Эй, Джеймс! Иди-ка сюда и быстро лезь на дерево!

Джеймс подбежал.

– Ты должен сорвать нам этот персик с верхней ветки, – продолжала тетка Квашня. – Видишь его?

– Да, тетушка Квашня, вижу.

– И не вздумай откусить хотя бы кусочек! Мы со Шпилькой собираемся съесть его сами прямо сейчас. Каждой достанется ровно половина. Ну, пошел! Лезь наверх!

Джеймс взялся за ствол дерева.

– Стой! – быстро проговорила тетка Шпилька. – Не двигайся!

Она смотрела наверх, широко раскрыв рот и выпучив глаза, как будто увидела призрак.

– Смотри! – проговорила она. – Смотри, Квашня! Он растет! Становится все больше и больше!

– Кто растет?

– Да персик же!

– Ты шутишь!

– Сама посмотри!

– Но, дорогая Шпилька, это же просто смешно. Такого не может быть. Это... это... это... Подожди-ка минутку... Нет... нет... так не бывает... нет! И правда! Боже ты мой! Эта штука действительно растет!

– Он уже вдвое больше, чем был, – выкрикнула тетка Шпилька.

– Этого не может быть!

– Но это так!

– Это просто чудо! Смотри на него! Смотри!

– Святые угодники! – вопила тетка Шпилька. – Он раздувается и растет прямо на глазах!

7.

Две женщины и маленький мальчик неподвижно стояли в траве под деревом, уставившись на этот небывалый фрукт. Маленькое лицо Джеймса пылало от возбуждения. Его глаза сверкали, как звезды. Он видел, что персик все раздувается и раздувается, словно воздушный шар.

Через полминуты он уже был размером с арбуз!

А еще через полминуты стал в два раза больше!

– Нет, ты глян, как он увеличивается! – кричала тетка Шпилька.

– Он теперь никогда не остановится! – вопила тетка Квашня, размахивая своими толстыми ручками и кружась вокруг дерева в каком-то никому не известном танце.

Сейчас персик был похож на огромную желтую тыкву, которая свешивалась с вершины дерева.

– Отойди от ствола, глупый мальчишка! – взвизгнула тетка Шпилька.

– Стоит его хоть чуть-чуть тронуть, и персик наверняка упадет! Он, должно быть, весит уже фунтов двадцать или тридцать.

Ветка, на которой рос персик, все сильнее клонилась вниз.

– Он падает! – орала тетка Квашня. – Ветка сейчас обломится!

Но ветка не ломалась. Она только все больше сгибалась под тяжестью персика.

А он продолжал расти.

Еще через минуту этот громадный плод весом и толщиной был уже не меньше, чем сама тетка Квашня.

– Сейчас он остановится! – вопила тетка Шпилька. – Не может же это продолжаться вечно!

Но он не останавливался.

Вскоре он уже был размером с небольшой автомобиль и свесился почти до самой земли.

Обе тетки в невероятном возбуждении скакали вокруг дерева, хлопали в ладоши и выкрикивали всевозможные глупости.

– Аллилуйя! – кричала тетка Шпилька. – Ай да персик! Ну и персик!

– Удивительно! Восхитительно! Изумительно! – орала тетка Квашня.

– Сколько еды!

Что же касается Джеймса, то он был настолько ошеломлен, что только стоял, смотрел и тихонько бормотал про себя:

– Какой он красивый! Ничего красивей я никогда не видел!

– А ты заткнись, маленький негодяй! – огрызнулась тетка Шпилька, случайно услышав его слова. – Тебя это не касается!

– Правильно! – заявила тетка Квашня. – Это не твое дело!

Персик становился все больше и больше, все больше и больше.

И наконец, когда он стал высотой с дерево, на котором рос, а шириной – с небольшой дом, нижняя часть персика мягко коснулась земли и сам он, казалось, успокоился.

– Теперь он не упадет! – закричала тетка Квашня.

– Он перестал расти! – завопила тетка Шпилька.

– Нет, не перестал!

– Нет, перестал!

– Нет, Шпилька, он только начал расти помедленней. Но не перестал совсем. Посмотри!

Наступила небольшая пауза.

– А теперь совсем перестал!

– Кажется, ты права.

– Как ты думаешь, можно его теперь потрогать?

– Не знаю, но лучше не рисковать.

Тетка Квашня и тетка Шпилька принялись медленно ходить вокруг персика, подозрительно разглядывая его со всех сторон. Они смахивали на двух охотников, которые подстрелили слона, но не были уверены, убит он или нет. Рядом с этим огромным круглым плодом они казались лилипутами.

Кожа персика была очень красивой – густого желтого цвета с жемчужно-розовыми и красными пятнами. Тетка Квашня недоверчиво подошла поближе и дотронулась до него кончиками пальцев.

– Какой он спелый! – воскликнула она. – Спелей не бывает! Слушай, Шпилька! А не взять ли нам с тобой лопату и не выкопать себе по хорошему куску?

– Нет, – сказала Шпилька. – Не теперь.

– Но почему?

– Потому что я так сказала!

– Но мне уж очень не терпится попробовать! – воскликнула тетка Квашня.

Слюни текли у нее так сильно, что стекали изо рта по подбородку.

– Дорогая Квашня, – медленно проговорила тетка Шпилька, подмигивая сестре и растянув в улыбке свои тонкие губы, – мы теперь можем огрести целую кучу денег, если, конечно, возьмемся за дело с умом. Ты скоро сама увидишь.

8.

Весть о гигантском персике размером с дом, как пожар, пронеслась по всей округе, и на следующий день десятки людей с самого утра уже карабкались вверх по крутому склону холма, чтоб поглядеть на это чудо.

Но тетка Шпилька и тетка Квашня наняли плотников, и те быстро поставили вокруг персика надежный забор, между тем как две эти предприимчивые особы обвешались огромными связками билетов и расположились перед воротами, требуя с каждого плату за вход.

– Подходите! Подходите! – вопила тетка Шпилька. – Всего один шиллинг, и вы увидите персик-великан!

– Для детей до шести лет скидка пятьдесят процентов! – надрывалась тетка Квашня.

– По одному, по одному, пожалуйста! Не толкайтесь! Не толкайтесь! Все успеют!

– Эй, ты! А ну, вернись! Ты же не заплатил за вход!

К обеду вокруг уже бурлила огромная толпа мужчин, женщин и детей. Все они, пихаясь, протискивались к забору, чтобы хоть одним глазком взглянуть на чудесный плод. По всему склону холма, словно осы, расселись вертолеты, из которых тучами высыпали корреспонденты газет, фотографии и сотрудники телевизионных компаний.

– С фотоаппаратами – двойной тариф! – кричала тетка Шпилька.

– Хорошо, хорошо, – отвечали журналисты, – мы заплатим, сколько вы скажете!

И деньги текли ручьем в карманы двух алчных теток.

А бедный Джеймс во время всей этой суматохи сидел запертый в спальне и глядел сквозь ставни на толпы народа внизу. Еще рано утром тетка Шпилька сказала:

– Если мы разрешим этому мерзкому отродью околачиваться там, он будет только путаться у всех под ногами.

– Ну, пожалуйста, – умолял Джеймс, – ведь я уже сколько лет не видел детей, а сегодня их здесь будет так много. Я так хочу поиграть с ними! И потом, я мог бы вам помочь продавать билеты...

– Замолчи сейчас же! – рявкнула тетка Квашня. – Мы с твоей тетей Шпилькой собираемся стать миллионершами, и нам совершенно ни к чему, чтобы кто-то совал нос в наши дела.

Когда наступил вечер и весь народ разошелся по домам, тетки наконец выпустили Джеймса из комнаты. Они велели ему отправляться во двор и убрать всю банановую кожуру, апельсиновые корки и клочки бумаги, которые остались от любопытных посетителей.

– Разрешите мне, пожалуйста, сначала немного поесть, – попросил Джеймс. – Ведь я ничего не ел с самого утра.

– Нет! – закричали они, выпихивая его за дверь. – Нам некогда готовить еду. Мы будем считать деньги!

– Но на улице уже темно! – заплакал Джеймс.

– Выметайся! – вопили тетки. – И не возвращайся, пока не уберешь все! Дверь захлопнулась, и в замке щелкнул ключ.

9.

Голодный и продрогший, Джеймс стоял во дворе совсем один, не зная, что ему делать. Вокруг лежала глухая ночь и высоко в небе сияла яркая белая луна. И тихо, тихо было все кругом...

Многие люди (а особенно маленькие дети) очень боятся оставаться ночью на улице одни, когда ярко светит луна. Вокруг все так мертво и неподвижно, а тени такие длинные и черные. Их причудливые очертания кажутся живыми существами. Стоит легонько хрустнуть ветке, и ты уже подпрыгиваешь от испуга.

Точно так же чувствовал себя и Джеймс. Он глядел прямо перед собой широко раскрытыми глазами и боялся перевести дыхание. Неподалеку, в центре двора, высился гигантский персик. Сейчас он выглядел еще более огромным, чем днем. Или это только казалось? Но какое это было потрясающее зрелище! Лунный свет сиял и переливался на его внушительных округлых боках, окрашивая их в серебристый цвет. Как будто величественный серебряный шар тихо лежал на траве – неподвижный, загадочный и необыкновенный.

Неожиданно Джеймс ощутил какое-то странное возбуждение. Легкая дрожь пробежала у него по спине.

– Сейчас со мной снова должно произойти что-то необычное, – сказал он себе, – что-то еще более странное, чем было до сих пор.

Он был абсолютно уверен. Он почти физически чувствовал, как *это* приближается.

Он огляделся, недоумевая, что бы это могло быть. Двор тихо лежал перед ним, серебрясь в лунном свете. Трава была мокрой от росы, и миллионы ее капелек сверкали под ногами, как маленькие алмазы. И вдруг весь двор и все вокруг словно бы ожило и наполнилось волшебством.

Движимый какой-то непонятной магнетической силой и почти не сознавая, что он делает, Джеймс Генри Троттер медленно направился к перси-

ку-великану. Мальчик перелез через ограду и остановился прямо под ним, уставившись на его огромный выпуклый бок. Он протянул руку и тихонько коснулся его кончиками пальцев. Кожа персика была мягкой, теплой и немного пушистой, как шкурка мышонка. Джеймс подошел еще ближе и слегка потерся щекой об эту мягкую поверхность. И в этот момент он внезапно заметил, что внизу, у самой земли, в боку персика было круглое отверстие.

10.

Это было довольно большое отверстие, что-то вроде норы, какую мог бы проделать зверь размером, скажем, с лису.

Джеймс опустился на колени и просунул внутрь голову и плечи.

Потом забрался туда целиком.

Прополз немного вперед.

«Это не нора, – подумал он возбужденно, – это настоящий туннель!»

В туннеле было темно и сыро, и Джеймс явственно ощущал странный горьковато-сладкий запах свежего персика. Сырой пол прилипал к коленям, стены и потолок сочились персиковым соком. Джеймс подставил рот. Вкус был изумительным.

Мальчик теперь полз вверх, потому что туннель вел прямо к центру плода. Каждые несколько секунд Джеймс останавливался и откусывал немного от стены. Мякоть персика была сочной и сладкой. Это очень освежало.

Джеймс прополз еще несколько ярдов, и вдруг – бац! – голова его ударилась обо что-то очень твердое, стоявшее поперек дороги. Он взглянул наверх. Перед ним высилась массивная стена, и Джеймсу сначала показалось, что она сделана из дерева. Он дотронулся до нее пальцами. На ощупь она тоже казалась деревянной, только почему-то в ней было много трещин и зазубрин.

– Господи! – промолвил Джеймс. – Я знаю, что это такое! Я дополз до косточки персика!

И тут он заметил, что в стене выдолблена небольшая дверца. Джеймс толкнул ее, и дверца распахнулась. Он прополз внутрь и, прежде чем успел оглядеться, услышал чей-то голос:

– Смотрите, кто пришел!

– Мы давно тебя поджидаем! – добавил другой голос.

Джеймс замер и с побледневшим от ужаса лицом уставился на говоривших.

Он попытался подняться на ноги, но его колени так тряслись, что ему пришлось сесть на пол. Он оглянулся назад, посмотреть, можно ли уйти обратно в туннель, но внезапно увидел, что дверцы больше нет.

За его спиной была сплошная коричневая стена.

11.

Джеймс в испуге огляделся.

Странные существа (некоторые из них сидели в креслах, а некоторые развалились на диване) внимательно рассматривали его.

Существа? Или это были насекомые?

Но насекомые, как правило, бывают немного меньше по размеру. Скажем, кузнечик.

А как бы вы назвали кузнечика ростом с собаку? Причем не маленькую. Едва ли его можно назвать насекомым, правда?

Так вот, прямо напротив Джеймса сидел Старый Зеленый Кузнечик, который был ростом с хорошую собаку.

А рядом с ним сидела огромная Паучиха.

А по соседству с Паучихой сидела гигантская Божья Коровка с девятью черными пятнышками на красной спинке.

Вся эта троица самодовольно восседала на роскошных креслах.

А на диване со всеми удобствами разместились переплетенные друг с другом Сороконожка и Дождевой Червь.

А в дальнем углу лежало что-то белое и толстое, с виду напоминавшее шелкопряда. Впрочем, это что-то спало сном праведника, и никто не обращал на него никакого внимания.

Каждое из этих «сущест» было ростом не меньше Джеймса, и в странном зеленоватом свете, струившемся откуда-то с потолка, все они представляли собой совершенно ужасающее зрелище.

– Я хочу есть! – внезапно объявила Паучиха, сосредоточенно глядя на Джеймса.

– А я просто умираю от голода! – сказал Старый Зеленый Кузнечик.

– И я тоже! – закричала Божья Коровка.

Сороконожка сел немного прямей и заявил:

– Мы все здесь умираем от голода. Нам необходима пища!

Четыре пары круглых блестящих черных глаз не отрываясь смотрели на Джеймса.

Сороконожка сделал туловищем вращательное движение, как будто собираясь соскользнуть с дивана, – но не соскользнул.

После этого наступило долгое молчание.

Паучиха широко раскрыла рот и деликатно пробежалась по губам длинным черным языком.

– А ты разве не голоден? – неожиданно спросила она, обратившись к Джеймсу.

Но бедный Джеймс, от страха прижавшийся к дальней стене, был слишком испуган, чтобы отвечать.

– Что с тобой? – спросил Старый Зеленый Кузнечик. – Ты выглядишь совершенно больным.

– Похоже, он вот-вот упадет в обморок, – добавил Сороконожка.

– Боже мой! – закричала Божья Коровка. – Бедняжка! Он, наверно, думает, что это его мы хотим съесть!

Все в комнате громко расхохотались.

– Господи! Какое ужасное, какое дикое предположение! – твердили все наперебой.

– Не бойся, – мягко сказала Божья Коровка. – У нас и в мыслях не было обидеть тебя. Разве ты не знаешь, что ты теперь один из нас? Ты в нашей команде. Мы все в одной лодке.

– Мы целый день ждали тебя, – сказал Старый Зеленый Кузнечик. – Уж думали, что ты не придешь. Как хорошо, что ты все-таки сделал это.

– Так что выше нос, мой мальчик! – сказал Сороконожка. – А пока я бы попросил тебя подойти поближе и помочь мне разуться. А то, когда я разуваясь сам, у меня на это уходит по нескольку часов.

12.

Джеймс решил, что в его положении не стоит быть чересчур несговорчивым, и опустился на колени около Сороконожки.

– Ты очень любезен, – проговорил тот. – Я тебе невероятно признателен!

– У тебя так много башмаков... – пробормотал Джеймс.

– У меня и ног немало, – гордо сказал Сороконожка. – Ровно сто, если быть точным.

– Опять он за свое! – закричал молчавший до сих пор Дождевой Червь. – Не может не врать, когда речь заходит о его ногах! Да откуда там возьмется сто, когда их всего-навсего сорок две. Все дело в том, что никому неохота взять да сосчитать. Все верят ему на слово. Да и потом, что тут необычного, если у тебя много ног?

– Бедняга! – прошептал Сороконожка на ухо Джеймсу. – Ведь он слеп и не может видеть, как я хорош собой!

– По моему мнению, – продолжал Дождевой Червь, – настоящее чудо – это когда у тебя вообще нет ног, а ты все равно можешь ходить!

– Ходить! – воскликнул Сороконожка. – Ты называешь это «ходить»? Это называется пресмыкаться! Рожденный ползать ходить не может!

– Я скольжу! – с достоинством произнес Дождевой Червь.

– Да, ты скользкий тип, ничего не скажешь! – ответил Сороконожка.

– Я не скользкий тип, – сказал Дождевой Червь, – а весьма полезное и любимое многими существо. Спроси любого садовника. А вот что касается тебя...

– Да, я – вредитель! – объявил Сороконожка, широко ухмыляясь и оглядывая комнату в поисках одобрения.

– Хоть убей, не пойму, почему он так этим гордится, – сказала Божья Коровка, улыбаясь Джеймсу.

– Я – единственный вредитель во всей этой комнате! – воскликнул Сороконожка. – Если, конечно, не считать Старого Зеленого Кузнечика. Но у него уже все в прошлом. Он слишком стар, чтобы быть настоящим вредителем.

Старый Зеленый Кузнечик повернулся к Сороконожке и окинул его испепеляющим взглядом своих огромных черных глаз.

– Молодой человек! – презрительно ответил он глубоким низким голосом. – Я не был вредителем ни единого дня во всей моей жизни. Я – музыкант!

– Джеймс, – сказал Сороконожка, – тебя ведь зовут Джеймс, правда?

– Да.

– Так вот, Джеймс, видел ли ты когда-нибудь такую огромную сороконожку, как я?

– Конечно, нет, – ответил Джеймс. – Но, скажи, как же тебе удалось стать таким?

– Все это весьма любопытно, – сказал Сороконожка. – Чрезвычайно любопытно. Вот послушай, как это случилось. Я болтался без дела во дворе под персиковым деревом, и вдруг какая-то маленькая штучка прошмыгнула у меня под самым носом. Она была ярко-зеленого цвета и очень красивая. Словно маленький камушек или хрусталик...

– Я знаю, что это было! – закричал Джеймс.

– То же самое случилось и со мной, – сказала Божья Коровка.

– И со мной! – заявила мисс Паучиха. – Откуда ни возьмись появились эти зеленые штуковины. Их было полным-полно!

– А я даже съел одну! – гордо объявил Дождевой Червь.

– И я, – подтвердила Божья Коровка.

– Я съел три! – воскликнул Сороконожка. – И вообще, попрошу не перебивать. В конце концов, кто рассказывает: я или вы?

– Сейчас не время рассказывать истории, – провозгласил Старый Зеленый Кузнечик. – Пора ложиться спать.

– Я отказываюсь спать в башмаках! – заявил Сороконожка. – Джеймс, ты сколько уже снял?

– Пока только штук двадцать, – ответил Джеймс.

– Значит, осталось еще восемьдесят, – сказал Сороконожка.

– Он снова врет! – завопил Дождевой Червь. – Не восемьдесят, а двадцать два!

Сороконожка покатился со смеху.

– Не надо наступать ему на мозоль, – сказала Божья Коровка.

Это привело Сороконожку чуть не в истерику.

– Ему? На мозоль? – верещал он, извиваясь от удовольствия. – Покажите мне, на какой ноге у него эта мозоль? И где у него эта нога?

Джеймс решил для себя, что в этом споре он все-таки на стороне Сороконожки. Конечно, тот был порядочной бестией, но так приятно иногда услышать, как смеются. За долгие годы, прожитые с теткой Квашней и теткой Шпилькой, он ни разу не слышал, чтобы они смеялись.

– Нам действительно пора ложиться спать, – сказал Старый Зеленый Кузнечик. – Завтра будет трудный день. Мисс Паучиха, не будете ли вы так любезны приготовить нам кровати?

Через несколько минут первая кровать была уже готова. Она с обеих сторон крепилась к потолку прочной веревкой из паутины и, натурально, больше походила на гамак, чем на кровать. Но, что там ни говори, это была невероятно искусная работа, а паутина сияла в бледном свете, как шелковая нить.

– Надеюсь, вам будет здесь удобно, – сказала мисс Паучиха Старому Зеленому Кузнечнику. – Уж я постаралась, чтоб кровать была самой мягкой, какие только бывают. Я сплела ее из нити высшего качества – даже для своей паутины я употребляю другую.

– Чрезвычайно вам признателен, дорогая леди, – сказал Старый Зеленый Кузнечик, забираясь в свой гамак. – Это как раз то, что мне было нужно. Желаю всем спокойной ночи!

Потом мисс Паучиха сплела гамак для Божьей Коровки, потом длинный гамак для Сороконожки, а потом – еще более длинный – для Дождявого Червя.

– А ты как любишь спать, – спросила она у Джеймса, когда очередь дошла до него, – на твердом или на мягком?

– На мягком, если вы будете так любезны, – ответил Джеймс.

– Ради всего святого, перестань глазеть по сторонам и займись моими башмаками, – сказал Сороконожка. – Такими темпами мы никогда не до -

беремся до своих кроватей. И потом, надо аккуратно раскладывать башмаки по парам, а не швырять их через плечо куда попало.

Джеймсу досталась нелегкая работенка. Каждый башмак был зашнурован до самого верха, и его нельзя было снять, не развязав и не расшнуровав. А чтобы жизнь и вовсе не казалась медом, все шнурки были завязаны на самые запутанные узлы, какие только можно придумать, так что каждый из них приходилось буквально разрывать ногтями. Почти два часа продолжалось это мученье. И к тому времени, когда Джеймс снял с Сороконожки последний башмак и выстроил их все – ровно двадцать одну пару – в ряд на полу около дивана, Сороконожка уже давно спал.

– Сороконожка, просыпайся! – прошептал Джеймс, легонько пихнув его в живот. – Уже можно перебираться в кровать.

– Спасибо, милое дитя! – ответил Сороконожка, открывая глаза.

Он спустился с дивана, просеменил через комнату и забрался в свой гамак.

Джеймс залез в свой. Как же там было мягко и удобно, особенно по сравнению с голыми досками, на которых его заставляли спать у теток.

– Погаси свет! – сонно пробормотал Сороконожка.

Никто не пошевелился.

– А ну, выключай свет! – повторил он, повысив голос.

Джеймс оглядел комнату, стараясь понять, к кому он обращается. Но все уже давно спали. Старый Зеленый Кузнечик громко храпел. Божья Коровка тихонько посвистывала. Дождевой Червь свернулся в клубок на одном конце своего гамака и сопел открытым ртом. Что же касается мисс Паучихи, то она сплела себе замечательный уютный гамачок в углу комнаты и расположилась в самой его середине, что-то нежно мурлыкая во сне.

– Я кому сказал, гаси свет! – сердито заорал Сороконожка.

– Ты это мне? – спросил Джеймс.

– Разумеется, нет, болван ты эдакий! – ответил Сороконожка. – Я говорю с этой полоумной Светлячихой. Она, видите ли, уснула, а свет не выключила.

Джеймс в первый раз за все время посмотрел на потолок и увидел там совершенно необычное зрелище. Что-то похожее на гигантскую (не меньше трех футов в длину) бескрылую муху стояло вниз головой, упиравшись своими шестью ногами в самый центр потолка, причем хвост этого существа горел в прямом смысле слова, и яркий зеленоватый свет освещал всю комнату не хуже, чем настоящая электрическая лампочка.

– Это и есть Светлячок? – спросил Джеймс, уставившись на источник света. – Никогда не думал, что они такие.

– Конечно, это Светлячок, – ответил Сороконожка. – По крайней мере, так *она* себя называет. Хотя на самом деле это самая обыкновенная бескрылая Светлячиха. Эй, просыпайся, ленивая скотина!

Но Светлячиха даже не пошевелилась. Тогда Сороконожка дотянулся из гамака до одного из своих башмаков и с криком «Да выключи ты свой проклятый фонарь!» запустил его прямо в потолок.

Светлячиха неторопливо открыла один глаз и покосилась на Сороконожку.

– А вот грубить совсем ни к чему, – холодно сказала она. – Всему свое время.

– Давай, гаси без разговоров, – прокричал Сороконожка, – а то я сам его погашу, тогда не обрадуешься!

– Привет, Джеймс! – сказала Светлячиха, посмотрев вниз и улыbnувшись Джеймсу. – Я и не заметила, как ты вошел. Рада видеть тебя, мой мальчик, и – спокойной ночи!

И тут – щелк! – свет погас.

Джеймс Генри Троттер лежал в темноте с широко раскрытыми глазами, слушая странные звуки, которые издавали во сне эти, с позволения сказать, существа, и недоумевая, что же с ним произойдет завтра утром. Впрочем, ему уже начали нравиться его новые друзья. Они были совсем не такими страшными, какими казались на первый взгляд. Собственно, они вообще не были страшными. Наоборот, несмотря на все свои склоки и споры, они выглядели вполне добродушными и дружелюбными.

– Спокойной ночи, Старый Зеленый Кузнечик! – прошептал он. – Спокойной ночи, Божья Коровка! Спокойной ночи, мисс Паучиха...

Он не успел пожелать «спокойной ночи» всем, потому что уснул.

14.

– Ура! Мы свободны! – надрывался чей-то голос. – Наконец-то мы свободны!

Джеймс рывком сел в гамаке и посмотрел вокруг. Все «существа» были уже на ногах и суетливо мотались по комнате. Вдруг пол резко накренился, как будто началось землетрясение.

– Вот оно! – воскликнул Старый Зеленый Кузнечик, возбужденно прыгая взад-вперед. – Держитесь крепче!

– В чем дело? – закричал Джеймс, высовываясь из своего гамака. – Что происходит?

Божья Коровка, которая, казалось, была самой доброй и отзывчивой из всех, подошла к Джеймсу и сказала:

– Если ты и вправду не знаешь, то мы покидаем навсегда этот ужасный холм, на котором прожили столько лет. Мы покатаемся в нашем огромном и прекрасном персике, пока не попадем в страну... в страну...

– В какую страну? – спросил Джеймс.

– Не все ли равно? – ответила Божья Коровка. – Хуже, чем этот безрадостный холм и твои омерзительные тетки, не может быть ничего.

– Слушайте, слушайте! – кричали все.

– Возможно, раньше ты не обращал на это внимания, – продолжала Божья Коровка, – но весь двор до самой вершины холма представляет собой крутой откос. И таким образом, единственное, что мешает персику покатиться вниз, это толстая плодоножка, на которой он висит. Стоит ей обломиться – и мы поехали!

– Смотрите! – закричала мисс Паучиха, когда комната в очередной раз страшно накренилась. – Кажется, началось!

– И как раз сейчас, – закончила Божья Коровка, – наш Сороконожка, у которого зубы острые, как бритва, сидит там, наверху, и перегрызает эту плодоножку. Кажется, ему осталось уже совсем немного, если судить по тому, как нас качает во все стороны. Не хочешь ли ты спрятаться под мое крыло, чтобы не упасть, когда мы покатымся?

– Это очень мило с вашей стороны, – ответил Джеймс, – но думаю, со мной будет все в порядке.

И тут через дыру в потолке просунулась ухмыляющаяся физиономия Сороконожки.

– Готово дело! – заорал он. – Мы свободны!

– Мы свободны! Мы свободны! – подхватили все остальные.

– Путешествие начинается! – вопил Сороконожка.

– Кто знает, чем оно кончится, – проворчал Дождевой Червь. – Когда имеешь дело с тобой, всегда надо готовиться к неприятностям.

– Чепуха! – сказала Божья Коровка. – Нас теперь наверняка ждут волшебные страны и всевозможные чудеса. Правда, Сороконожка?

– Никто не может знать, что нас ждет! – воскликнул Сороконожка. –

Может, ждет нас несчастный Двадцатибалда

Среди северных лютых морей.

Он боится простуд, ибо должен тогда

Все отсмаркивать сорок ноздрей;

Или Розовоглазый Человекоед,

Что глотает людей целиком.

Он их (жареных) жрет по семь штук на обед

И по восемь на ужин (с пивком);

Или милый Дракон средь друзей и подруг,

Или мнительный Единорог,

Или Монстр с половинками ног вместо рук

И с обрубками рук вместо ног;

Иль проказница Курочка, сердце свое
Обратившая к добрым делам.
В кипяток вы кладете яички ее –
Взрыв! – и вас разорвет пополам!

Или Гну, или Гнутрия с выводком Гнят,
Иль гнусавый, гнудосающий Гнус,
Чей пронгзит вас гнасквозь от затылка до пят
Гнутым жалом вгнезапный укус.

Может смерч нас смести, иль горячка трясти,
Иль погнбнем от голода все мы,
Иль (что хуже стократ!) можем смерть мы найти
На рогах кровожадной Дилеммы.

Но любая беда нам теперь не беда!
Не страшны нам ни холод, ни зной –
Лишь бы нам навсегда, навсегда, навсегда
Укатиться от Шпильки с Квашней!

А спустя еще секунду, медленно, мягко и как будто исподтишка, гигантский персик начал сдвигаться вперед и постепенно приходил в движение. Комната стала поворачиваться вокруг своей оси. Мебель поехала по полу и впечаталась в противоположную стену. Там же оказались и Джеймс, и Божья Коровка, и Старый Зеленый Кузнечик, и мисс Паучиха, и Дождевой Червь, и Сороконожка, который только что соскользнул вниз с потолка.

15.

В это время снаружи персика происходило следующее: тетка Квашня и тетка Шпилька, увешанные связками входных билетов, только что заняли свои места перед воротами, между тем как самые ранние любители достопримечательностей уже терпеливо карабкались вверх по склону холма, горя неборимым желанием взглянуть на персик-великан.

– Сегодня мы заработаем целое состояние, – говорила тетка Шпилька. – Ты только посмотри на этих людей.

– Интересно, куда подевался ночью проклятый мальчишка? – сказала тетка Квашня. – Он ведь вчера так и не вернулся домой.

– Он, наверно, упал в темноте и сломал себе ногу, – предположила тетка Шпилька.

– Или шею, – с надеждой добавила тетка Квашня.

– Попадись он только мне в руки, – проговорила тетка Шпилька, помахивая своей тростью, – я покажу ему, как шляться по ночам... Господи, помилуй! Что это за ужасный звук?

Обе тетки обернулись назад.

А звук этот, как вы понимаете, произвел наш персик, который, проломившись сквозь забор и с каждой секундой набирая скорость, катился через двор прямо к тому месту, где стояли тетка Квашня и тетка Шпилька.

Они обе в ужасе взвизгнули и пытались было побежать, но от страха только путались друг у друга под ногами. Они начали яростно толкаться, причем каждая из них думала в этот момент только о том, как спасти свою собственную шкуру. Толстая тетка Квашня споткнулась о коробку, в которую они складывали деньги, и упала носом в траву. Тетка Шпилька споткнулась о тетку Квашню и шлепнулась прямо на нее. И пока они, отчаянно вопя, кусаясь, царапаясь и колотя друг дружку, барахтались на земле, безуспешно пытаясь подняться, огромный персик прокатился по ним.

Раздался хруст.

И наступила тишина.

Персик катился дальше, а позади него лежали на траве сплющенные в блин тетка Квашня и тетка Шпилька, плоские и безжизненные, как бу-мажные куклы, вырванные из книжки с картинками.

16.

А между тем персик, подпрыгивая на кочках, со страшной скоростью катился вниз по крутому склону холма. Все быстрее, и быстрее, и быстрее... С воплями ужаса люди, карабкавшиеся вверх, едва успели разбежаться в разные стороны, когда этот чудовищный монстр со свистом пронесся мимо них.

У подножья холма он пересек дорогу, свалив при этом телеграфный столб и расплющив две припаркованные машины, и устремился прямо через поля, круша на пути изгороди и заборы.

Он разогнал стадо замечательных джерсейских коров, разметал отару овец, проломился через лошадиный загон и через свиной двор. И вскоре по всей округе в беспорядке носились толпы до смерти перепуганных домашних животных.

Не снижая скорости, персик промчался еще милю и на всех парах влетел в большую деревню.

Он несся прямо по главной улице, и люди в ужасе рассыпались кто куда. В конце улицы на его пути оказалось огромное каменное здание, и персик пробил его насквозь, оставив в кирпичной кладке два гигантских круглых отверстия.

А в этом здании, между прочим, помещалась знаменитая во всей округе шоколадная фабрика, и сейчас же из обоих отверстий наружу хлынула река теплого расплавленного шоколада. Спустя минуту, липкая коричневая масса растеклась по всем улицам деревни, просачиваясь под все двери и калитки. Обезумевшие от радости ребятишки, набив полные рты, бродили в ней, утопая по колено, а некоторые даже пытались плавать.

А персик катился все дальше, оставляя за собой длинный хвост разрушений. Коровники, лошадиные стойла, свиные загоны, сеновалы – все попадавшееся на его пути, разлеталось вдребезги, словно кегли на кегельбане. У тихого старичка, что сидел над ручьем и ловил рыбу, прямо из рук вырвало удочку, а у одной женщины по имени Дейзи Энтвисл, которая не успела вовремя отойти в сторонку, даже содрало кожу с кончика ее длинного носа.

Но должен же он когда-то остановиться!

А с другой стороны, если вдуматься, с какой стати ему останавливаться? Ведь пока круглый предмет находится на наклонной плоскости, он

волей-неволей должен продолжать движение вниз. А в нашем случае рельеф местности как раз и представлял собой наклонную плоскость, стремящуюся к морю, — к тому самому морю, куда Джеймс еще вчера умолял своих текстовиков свозить его.

И похоже, эта поездка все-таки состоялась! С каждой секундой персик был теперь все ближе и ближе к морю. Но не только к морю. Первыми на его пути стояли высоченные белые скалы.

Эти огромные скалы высотой в несколько сот футов давно пользовались нехорошей известностью во всей Англии. Море под ними было глубоким и холодным, и много кораблей исчезло здесь навсегда в его ненасытной пучине. Та же участь постигла и всех людей на этих кораблях. И теперь персик был всего в какой-то сотне ярдов от этого страшного места. В пятидесяти ярдах... в двадцати... в десяти... в пяти... — и вот, оказавшись у края пропасти, он как будто подпрыгнул вверх и на какое-то мгновение словно завис в воздухе, продолжая вращаться на месте...

И начал падать...

Ниже...

Ниже...

Ниже...

Ниже...

Ниже...

Ниже...

ШЛЕП! С ужасающим всплеском персик вонзился в воду и камнем пошел ко дну.

Но через несколько секунд он, как резиновый мяч, вынырнул обратно и теперь уже остался лежать на поверхности моря, безмятежно раскачиваясь на волнах.

17.

Внутри персика в этот момент царил совершенно неопиcуемый беспорядок. Джеймс Генри Троттер, весь в синяках и шишках, лежал на полу, будучи неотъемлемой частью того клубка, в который сплелись тела Сороконожки, Дождевого Червя, мисс Паучихи, Божьей Коровки, Светлячихи и Старого Зеленого Кузнечика.

Пожалуй, за всю историю никому еще не доводилось совершать такого ужасного путешествия, которое выпало на долю этих несчастных созданий.

Все начиналось прекрасно, и в те первые мгновения всеобщей радости и ликования, когда персик медленно двинулся вперед, никто не придавал особенного значения тому, что их стало слегка трясти и раскачивать. Когда

они почувствовали первый толчок и Сороконожка закричал «Это тетка Квашня!» и когда они почувствовали второй толчок и Сороконожка закричал «Это тетка Шпилька!», то все испытали только огромный прилив воодушевления.

Но когда персик выкатился со двора и со страшной скоростью, скача и подпрыгивая, устремился вниз, путешествие превратилось в настоящий кошмар. Джеймса то подбрасывало к потолку, то ударяло о стены, то швыряло вниз на пол. Потом снова вверх, снова о стены и снова вниз, и так до бесконечности. Точно таким же манипуляциям подвергались и остальные обитатели персика. Кроме того, в воздухе во всех направлениях носились кресла и диван, не говоря уже о сорока двух башмаках Сороконожки. Всё – и предметы мебелировки, и живые существа – болтались, как горошины в огромной трещотке, которую без устали тряс какой-то сумасшедший великан. Вдобавок от этой ужасной тряски что-то сломалось в осветительном механизме Светлячихи, и в комнате стало темно, как в могиле. Со всех сторон слышались вопли, крики, стоны и ругательства, и все продолжало безудержно кружиться, словно в калейдоскопе. В один из моментов Джеймс в отчаянье уцепился за две какие-то толстые перекладины, торчащие из стены. Но это оказались две ноги Сороконожки.

– Пусти, идиот несчастный! – во всю глотку заорал Сороконожка, освобождаясь от хватки Джеймса яростным пинком, после которого тот перелетел через всю комнату и приземлился на колющие колени Старого Зеленого Кузнечика.

Дважды Джеймс оказывался в объятиях мисс Паучихи (жуткое дело!) и однажды (уже ближе к финалу путешествия) несчастный Дождевой Червь, который каждый раз, перелетая комнату из конца в конец, щелкал своим длинным телом, как кнутом, обмотался вокруг Джеймса и ни за что не хотел отцепляться. Словом, эта была та еще поездочка!

Но теперь все осталось позади. В комнате неожиданно стало тихо и спокойно, и ее обитатели начали потихоньку со стонами и проклятьями освобождаться друг от друга.

– Нужен свет! – закричал Сороконожка.

– Да! – подхватили все. – Свет! Нужен свет!

– Я стараюсь, – проговорила бедная Светлячиха. – Стараюсь изо всех сил. Пожалуйста, потерпите немного.

Все застыли в ожиданье.

И вот слабый зеленоватый свет замерцал на хвосте Светлячихи и, понемногу разгораясь, осветил все вокруг.

– Славное путешествие, нечего сказать! – проворчал Сороконожка и, прихрамывая, прошелся по комнате.

– Да уж, – пробормотал Дождевой Червь. – Такое не забудешь до конца своих дней.

– Это стоило мне нескольких лет жизни, – сказала Божья Коровка.

– Но, друзья мои! – воскликнул Старый Зеленый Кузнечик, по возможности стараясь сохранить присутствие духа, – зато мы теперь здесь!

– Где? – закричали все. – Где «здесь»?

– Не знаю, – ответил Старый Зеленый Кузнечик, – но готов держать пари, что это замечательное место.

– Скорей всего, мы на дне какой-нибудь угольной шахты, – мрачно сказал Дождевой Червь. – Ведь мы так долго падали куда-то. У меня было такое ощущение в животе. Впрочем, у меня и сейчас там такое ощущение.

– А может быть, мы находимся в какой-нибудь прекрасной стране, где все вокруг поют, танцуют и играют на музыкальных инструментах? – предположил Старый Зеленый Кузнечик.

– Или на берегу моря, – подхватил Джеймс, – где вокруг столько детей, с которыми я мог бы поиграть в песке.

– Прошу прощения, – пробормотала Божья Коровка, внезапно покрывшись нездоровой бледностью, – я хотела бы ошибиться, но, по-моему, нас немного раскачивает взад-вперед, как поплавков.

– Как поплавков? – закричали все. – Что ты этим хочешь сказать?

– Вы еще просто не совсем оправились от путешествия, – мягко сказал ей Старый Зеленый Кузнечик. – Это скоро пройдет. Друзья, может быть, нам имеет смысл подняться наверх и посмотреть, где же все-таки мы находимся?

– Да! – закричали все хором. – Идемте скорей!

– А я отказываюсь показываться на люди босиком, – заявил Сороконожка. – Сначала я должен снова обуться.

– О, Господи! – проговорил Дождевой Червь. – Неужели сейчас снова начнется вся эта комедия?

– Давайте все вместе поможем Сороконожке обуться и покончим с этим, – предложила Божья Коровка.

Все принялись обувать Сороконожку, а мисс Паучиха тем временем занялась изготовлением веревочной лестницы, по которой можно было подняться к дыре в потолке. Старый Зеленый Кузнечик предусмотрительно решил, что поскольку они пока не знают, где находятся, то не стоит рисковать и пытаться выбраться наружу через боковой лаз. Лучше сначала вылезти наверх и осмотреться.

Спустя полчаса, когда веревочная лестница была готова и сорок второй башмак на сорок второй ноге Сороконожки аккуратно зашнурован, вся компания под оживленные выкрики: «Вперед, ребята!», «Вот она, земля обетованная!», «Как мне не терпится на нее поглядеть!» – с радостным воодушевлением устремилась к выходу. Обитатели персика по одному поднимались по веревочной лестнице и исчезали в темном сыром туннеле, который шел почти вертикально вверх.

Через минуту все они уже стояли на вершине персика рядом с обрывком плодоножки, шурясь от яркого солнечного света и беспокойно оглядываясь по сторонам.

– Что произошло?

– Где это мы?

– Это невозможно!

– Невероятно!

– Ужасно!

– Я же говорила, что нас раскачивает, как поплавков, – сказала Божья Коровка.

– Мы в открытом море! – закричал Джеймс.

Увы, это действительно было так. Мощное течение и сильный ветер настолько быстро отнесли персик от берега, что теперь земля была уже не видна. Со всех сторон их окружал бескрайний и бездонный океан. Маленькие волны тихо плескались о бока персика.

– Леди и джентльмены! – сказал Старый Зеленый Кузнечик, изо всех сил стараясь, чтобы в его голосе не прозвучал испуг или разочарование. – Боюсь, что мы оказались в довольно затруднительном положении.

– Затруднительном? – закричал Дождевой Червь. – О чем вы говорите, старина? Да нам просто настал конец! Мы все погибнем здесь! Можете сколько угодно болтать о том, что я слепой, но *это* я вижу совершенно ясно!

– Мне необходимо срочно снять башмаки! – заявил Сороконожка. – Я не могу в них плавать!

– Я вообще не умею плавать! – воскликнула Божья Коровка.

– Я тоже! – заплакала Светлячиха.

– И я! – сказала мисс Паучиха. – Нас здесь трое несчастных девушек, и мы все абсолютно не умеем плавать!

– Но вам и не нужно этого уметь, – спокойно сказал Джеймс. – Наш персик прекрасно держится на плаву, и рано или поздно мы встретим какой-нибудь корабль, который подберет нас.

Вся компания в изумлении уставилась на Джеймса.

– Ты действительно уверен, что мы не идем ко дну? – спросила Божья Коровка.

– Разумеется! – ответил Джеймс. – Разве вы не видите сами?

Все подбежали к краю персика и долго смотрели вниз.

– Мальчик совершенно прав! – сказал Старый Зеленый Кузнечик. – Наш персик превосходно держится на воде. Теперь нам надо только спокойно сидеть и ждать. Вот увидите, все непременно закончится наилучшим образом.

– Ничего подобного! – закричал Дождевой Червь. – Все должно закончиться наихудшим образом, и вы прекрасно это знаете!

– Бедняга! – прошептала Божья Коровка на ухо Джеймсу. – Так уж он устроен – из всего делает трагедию. Он просто не умеет быть счастливым. Ему хорошо только тогда, когда все плохо. Какой, однако, странный склад характера! Впрочем, быть дождевым червем уже достаточно плохо само по себе, не так ли?

– Даже если представить себе этот персик не пойдет ко дну и все мы не утонем, – продолжал между тем Дождевой Червь, – то нам предстоит умереть с голоду! Неужели вы забыли, что у нас не было ни крошки во рту со вчерашнего утра?

– А ведь он прав! – закричал Сороконожка. – Единственный раз в жизни Дождевой Червь прав!

– Еще бы! Конечно, я прав, – сказал Дождевой Червь. – И непохоже, что здесь нам удастся раздобыть пропитание. С каждой минутой мы будем все сильнее страдать от голода и жажды, и в конце концов нас ждет медленная и мучительная смерть. Собственно, я уже умираю. Я до последней крайности истощен отсутствием пищи и, честно говоря, в такой ситуации предпочел бы утонуть.

– Боже мой! – воскликнул Джеймс. – Да ты, должно быть, ослеп!

– Всем известно, что я слепой, – огрызнулся Дождевой Червь, – и совершенно ни к чему лишний раз напоминать мне об этом.

– Извини, пожалуйста, – быстро сказал Джеймс. – Я не это имел в виду. Но неужели ты и в самом деле не видишь...

– Да как же я могу видеть, если я слепой! – закричал несчастный Дождевой Червь.

Джеймс медленно перевел дыхание.

– Неужели ты не *понимаешь*, – терпеливо сказал он, – что еды здесь нам хватит на много недель вперед.

– Но где? Где же эта еда? – заговорили все.

– Да персик же! Весь наш корабль, можно сказать, сделан из еды!

– Ура! – радостно закричала вся компания. – Как же мы сами не догадались!

– Дорогой Джеймс! – сказал Старый Зеленый Кузнечик, ласково положив ему на плечо свою переднюю ногу. – Не знаю, что бы мы делали без тебя. Ты такой умный. Леди и джентльмены! Мы снова спасены.

– Вы, должно быть, все с ума посходили! – заявил Дождевой Червь.

– Вовсе мы не спасены. Если мы будем есть свой корабль, то на чем тогда мы будем плыть?

– Но если его не есть, то мы умрем с голоду! – сказал Сороконожка.

– А если его есть, то мы утонем! – закричал Дождевой Червь.

– О, Господи! – произнес Старый Зеленый Кузнечик. – Теперь стало еще хуже, чем раньше!

– А может быть, все-таки съедим по маленькому кусочку? – спросила мисс Паучиха. – Я так проголодалась...

– Можете есть, сколько хотите! – сказал Джеймс. – Ведь пройдет не одна неделя, прежде чем мы сможем проделать в этом огромном персике сколько-нибудь существенное отверстие. Неужели вы сами этого не видите?

– Боже ты мой! – воскликнул Старый Зеленый Кузнечик. – Он снова прав! Ну, конечно! Пройдет не одна неделя! Но давайте все-таки не будем делать много маленьких дырок по всей палубе. Я полагаю, нам лучше продолжать раскапывать тот туннель, по которому мы поднялись наверх.

– Превосходная идея! – сказала Божья Коровка.

– Чем это ты так озабочен? – спросил Сороконожка у Дождевого Червя. – Какие-то трудности?

– Трудности... – проговорил Дождевой Червь. – Трудности в том... трудности в том, что их, кажется, больше нет.

Все расхохотались.

– Выше нос, Дождевой Червь! – раздался голоса. – Пойдем, перекусим немного!

Вся компания направилась к отверстию и принялась огромными кусками пожирать сочную золотистую мякоть персика.

– Великолепно! – произнес Сороконожка, запихивая в рот изрядную порцию.

– Изумительно! – сказал Старый Зеленый Кузнечик.

– Просто сказочно! – проговорила Светлячиха.

– Какой божественный вкус! – воскликнула Божья Коровка.

Она поглядела на Джеймса и улыбнулась, а Джеймс улыбнулся ей в ответ. Они сидели рядышком на палубе и самозабвенно жевали.

– Знаешь, Джеймс, – заметила Божья Коровка, – до сегодняшнего дня мне никогда не приходилось пробовать ничего, кроме маленьких зеленых мушек, что живут в розовых кустах. Они просто восхитительны на вкус, но этот персик, пожалуй, еще вкуснее.

– Поразительно! – сказала мисс Паучиха, присаживаясь рядом с ними. – Лично я всегда считала, что большая, сочная, свежепойманная муха-синегрушка – это самая лучшая еда, какую только можно себе вообразить. Но когда я сейчас попробовала это...

– Какой аромат! – воскликнул Сороконожка. – Что-то потрясающее! Ничего подобного больше нет в природе. И никогда не было! Уж я-то знаю, что говорю, – ведь я перепробовал все самые вкусные блюда, какие только есть на свете!

И тут Сороконожка, несмотря на то, что его рот был набит мякотью персика, а по подбородку обильно струился душистый сок, вскочил и запел во всю глотку:

О сколько разных чудных яств
Я в этой жизни съел:
Суп из ушей домашних вшей,
Толченный в ступе мел;
Неплох и мох в желе из блох
(Когда он в меру спел),
И свежий торт из козых морд
И муравьиных тел.

Мне довелось отведать джем
Из крыльев мотылька,
Рагу из лап болотных жаб
(Протухшее слегка),
Плов из мослов больших ослов
(С душиком и без душика),
А также фарш из нежных спарж
И мокрого песка.

А ляжка старого клопа?
К ней был всегда хорош
Фритюр с пометом диких кур,
Да где его найдешь?
А рис с ноздрями дохлых крыс?
А тертый с хреном еж?
(Жаль, что желудку моему
Все это – острый нож!)

На завтрак я предпочитал,
Как истинный гурман,
Горячий тост, собачий хвост
И – перл заморских стран –
Деликатесный таракан
Под соусом «пикан»
(С доставкой на дом стоит он
Полфунта за стакан).

А к чаю я всегда любил
Крапивный острый мусс,
Бисквит из гнид – о, как магнит
Манит их пряный вкус! –
И крем из электродных клемм,
И комариный ус,
Который, как известно всем,
Коптят в поту медуз.

На день рожденья я себе
Заказывал в обед
Борщок из непромытых щек
Лягушки средних лет,
Рулет с шнурками от штиблет,
В мазуте жаренный омлет
И винегрет из сигарет
(Кишечнику во вред).

Коль про еду я речь веду,
То знайте, господа:
Такие блюда (спору нет!) –
Прекрасная еда!
Но я их все до одного
Готов отдать – о, да! –
Чтоб раз всего
Вкусить СЕГО
ВОЛШЕБНОГО ПЛОДА!

Вся компания была теперь совершенно счастлива. Денек выдался ясным, солнце ярко сияло с голубых безоблачных небес, и огромный персик в его лучах казался большим золотым шаром, плывущим по серебряным волнам.

– Смотрите! – закричал Сороконожка, когда все уже заканчивали свою трапезу. – Что это за длинная черная штука там, в воде?

Все бросились смотреть.

– Да их там две, – сказала мисс Паучиха.

– Их там видимо-невидимо! – воскликнула Божья Коровка.

– Кто это такне? – забеспокоился Дождевой Червь.

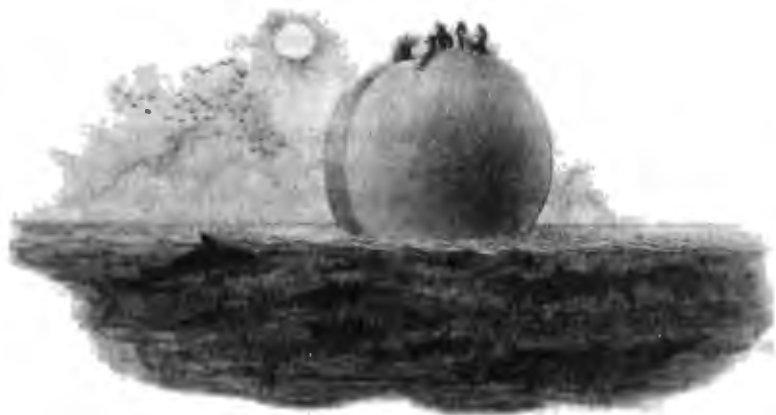
– Это, должно быть, какне-то рыбы, – сказал Старый Зеленый Кузнечик. – Они, наверно, приплыли, чтобы поприветствовать нас.

– Это акулы! – завопил Дождевой Червь. – Готов держать пари на что угодно! Это акулы, и они приплыли, чтобы сожрать нас!

– Чушь собачья! – заявил Сороконожка, но его голос внезапно задрожал и чувствовалось, что даже ему теперь не до смеха.

– Я ни секунды не сомневаюсь, что это акулы! – заявил Дождевой Червь. – Я просто знаю это.

Все уже понимали, что он прав, но слишком страшно было с этим согласиться. Путешественники молчали и с ужасом смотрели, как акулы медленно кружат вокруг персика.

– Допустим, это действительно акулы, – сказал Сороконожка, – но что они могут сделать нам, пока мы здесь, наверху?

Но не успел он договорить, как один из длинных черных плавников неожиданно изменил направление и, быстро рассекая волны, подплыл к самому боку персика. Из воды на компанию уставились маленькие злобные глазки.

– Пошла вон! – закричали все. – Пошла вон, гнусная тварь!

Медленно, даже немного лениво, акула разинула свою пасть (в которой вполне могла бы поместиться детская коляска) и вцепилась в бок персика.

Путешественники остолбенели от ужаса.

Остальные акулы как будто ждали этого сигнала. Их было штук двадцать или даже тридцать, и все они яростно набросились на персик, отталкивая друг друга и бешено пеня воду хвостами.

Неописуемое смятение воцарилось на вершине персика.

— Теперь нам конец! — рыдала мисс Паучиха, за неимением рук заламывая ноги. — Они съедят весь персик, а нам ничего не остается, как только ждать, пока они доберутся до нас!

— Она права! — кричала Божья Коровка. — Мы погибли!

— Я не хочу, чтоб меня съели! — вопил Дождевой Червь. — А ведь они начнут именно с меня, потому что я такой жирный, сочный и во мне нет костей!

— Неужели ничего нельзя сделать? — воскликнула Божья Коровка, обращаясь к Джеймсу. — Ты должен что-нибудь придумать!

Все посмотрели на Джеймса.

— Думай! — заклинала мисс Паучиха. — Думай, Джеймс!

— Давай, Джеймс, постарайся! — сказал Сороконожка. — Должен же быть какой-то выход!

Джеймс почувствовал, что все глаза, исполненные немой и страстной надежды, устремлены сейчас на него.

20.

— Есть одна вещь, которую мы могли бы попробовать, — сказал Джеймс Генри Троттер. — Я, правда, не ручаюсь, что это получится...

— Говори! — закричал Дождевой Червь. — Говори скорей!

— Мы сделаем все, что ты скажешь, — сказал Сороконожка. — Только надо торопиться!

— Успокойтесь и дайте мальчику договорить, — сказала Божья Коровка. — Продолжай, Джеймс.

Все придвинулись к нему поближе. Наступила долгая пауза, и в тишине отчетливо слышалось, как акулы яростно били хвостами по воде. Одного этого было достаточно, чтобы привести в отчаянье.

— Ну, говори же! — в нетерпенье закричали насекомые. — Говори!

— Ну же, Джеймс, — ласково сказала Божья Коровка.

— Я... я боюсь, что из этого ничего не выйдет, — пробормотал Джеймс. — Извините меня, ради бога. Я совсем забыл, что у нас нет веревки, а для моего плана ее нужно сотни ярдов.

– Какая веревка тебе нужна? – быстро спросил Старый Зеленый Кузнечик.

– Любая. Но достаточно длинная и крепкая.

– Но это как раз то, чего у нас есть сколько угодно!

– Откуда?

– А Шелкопряд? – закричал Старый Зеленый Кузнечик. – Разве ты не заметил Шелкопряда? Там, внизу? Он целыми днями лежит и спит, но нам ничего не стоит его разбудить и заставить прясть!

– А про меня вы забыли? – вмешалась мисс Паучиха. – Я умею прясть не хуже любого Шелкопряда. Больше того, я могу даже плести узоры.

– Можете вы вдвоем сделать достаточное количество?

– Сколько тебе потребуется!

– И быстро?

– Конечно!

– И веревка будет крепкой?

– Самой крепкой, какая только бывает! Толщиной с твой палец! Но зачем она тебе нужна? Что ты собираешься с ней делать?

– Я хочу поднять персик из воды! – решительно объявил Джеймс.

– Ты рехнулся! – закричал Дождевой Червь.

– Но это наш единственный шанс!

– Мальчишка сошел с ума!

– Он просто смеется над нами!

– Продолжай, Джеймс, – мягко сказала Божья Коровка. – Как ты собираешься это сделать?

– Он, должно быть, хочет привязать веревку к облакам, – съязвил Сороконожка.

– Нам помогут чайки, – спокойно сказал Джеймс. – Посмотрите, сколько их вокруг.

Все посмотрели наверх – в небе кружили огромные стаи чаек.

– Я хочу один конец веревки привязать к плодоножке персика, – продолжил Джеймс, указывая на плодоножку, которая торчала из палубы, как толстый короткий обрубок мачты, – а на другом конце сделать петлю и закинуть ее на шею чайке. Потом проделать то же самое со следующей чайкой, потом со следующей...

– Чушь! – закричали все.

– Бред!

– Ерунда!

– Дурацкая затея!

– Безумие!

– Как могут несколько чаек поднять в воздух такой огромный персик и нас в придачу? – спросил Старый Зеленый Кузнечик. – Для этого понадобятся сотни... тысячи чаек.

– У нас нет в них недостатка, – ответил Джеймс. – Посмотрите сами. Пускай нам понадобится пятьсот, шестьсот или даже тысяча чаек – сейчас трудно сказать, сколько. Я просто буду привязывать их к плодоножке до тех пор, пока их не окажется достаточно. И в конце концов они поднимут нас. Как воздушные шарик. Если дать кому-нибудь в руки достаточно много воздушных шариков, он поднимется в воздух. А у чаек подъемная сила гораздо больше, чем у воздушных шариков. Главное только успеть проделать все, пока эти проклятые акулы не потопили нас.

– Да ты не в своем уме! – сказал Дождевой Червь. – Каким образом ты намерен закидывать петли на чаек? Уж не собираешься ли ты подняться в воздух и гоняться за ними по небу?

– Просто наш мальчик от страха немного повредился рассудком, – добавил Сороконожка.

– Дайте же ему закончить, – сказала Божья Коровка. – Продолжай, Джеймс. Как ты собираешься это сделать?

– С помощью приманки.

– Приманки? Какой приманки?

– Приманкой должен быть червяк. Чайки любят червяков, а среди нас, к счастью, находится самый большой, самый жирный, самый розовый и самый сочный червь на свете!

– Можешь не продолжать! – раздраженно проговорил Дождевой Червь. – Ты уже сказал вполне достаточно.

– Нет, говори! – потребовали все остальные.

Они явно заинтересовались.

– Чайки давно уже заметили его, – продолжал Джеймс. – Поэтому их столько и слетелось сюда. Но они не осмеливаются напасть на него, пока все мы здесь. Так что, если...

– Нет! – закричал Дождевой Червь. – Прекрати немедленно! Все, что угодно, только не это! Я отказываюсь! Я... я... я...

– Спокойно! – произнес Сороконожка. – Тебя это не касается!

– Мне это нравится! А кого же это касается?

– Мой дорогой Дождевой Червь! Тебе в любом случае суждено быть съеденным. Так не все ли равно, мой друг, кто именно тебя съест – акулы или чайки?

– Я не согласен!

– Почему бы нам сначала не выслушать весь план до конца? – сказал Старый Зеленый Кузнечик.

– В гробу я видел все эти планы! – кричал Дождевой Червь. – Я не желаю, чтобы стая чаек заклевала меня до смерти!

– Ты благородно принесешь себя в жертву, – сказал Сороконожка, – и до конца своих дней я буду вспоминать о тебе с чувством глубокой признательности.

– И я тоже, – добавила мисс Паучиха. – Твое имя появится во всех газетах: «Дождевой Червь отдал жизнь, чтобы спасти своих друзей...»

– Но ему вовсе не потребуется отдавать свою жизнь, – сказал Джеймс. – Послушайте меня. Мы сделаем вот что...

21.

– Какая блестящая идея! – воскликнул Старый Зеленый Кузнечик, когда Джеймс кончил объяснять свой план.

– Этот мальчик – просто гений! – заявил Сороконожка. – Теперь, пожалуй, мне не придется даже разуваться.

– Ох, они заключат меня до смерти! – простонал Дождевой Червь.

– Никто тебя не заключет!

– Нет, заключут! Я знаю, что заключут! И я даже не смогу увидеть, как они приближаются ко мне, – ведь у меня нету глаз!

Джеймс дружески положил руку на плечо Дождевому Червя.

– Я не позволю им даже дотронуться до тебя. Даю честное слово. Но нам надо торопиться – посмотрите, что делается внизу.

Акул вокруг персика стало еще больше. Вода просто кишела ими. Теперь их там, наверно, было штук девяносто или даже сто. Неудивительно, что нашим путешественникам начало казаться, будто персик уже опускается в воду.

– Все по местам! – закричал Джеймс. – Живо! Нам нельзя терять ни секунды!

Теперь он был капитаном, и все приготовились выполнять его приказы.

– Все вниз, кроме Дождевого Червя! – скомандовал он.

– Скорей, скорей! – гомонили насекомые, торопливо спускаясь в отверстие туннеля. – Надо торопиться! Надо торопиться!

– Сороконожка! – закричал Джеймс. – Живо вниз и заставь Шелкопряда прять немедленно! Пусть он работает, как не работал никогда в жизни! Все теперь зависит от него! Это же относится и к вам, мисс Паучиха. Скорей вниз и сейчас же начинайте прять!

22.

Через несколько минут все были в полной боевой готовности.

Наверху не осталось теперь никого – никого, кроме Дождевого Червя.

Причем взорам голодных чаек представлялась только половина его туловища, похожая на огромную, розовую, жирную и сочную сосиску, которая безмятежно поджаривалась на солнцепеке. Другая половина находилась в туннеле в висающем положении.

Рядом с ней притаился Джеймс с веревочной петлей в руках, готовый набросить ее на шею первой подлетевшей чайке.

А ниже в туннеле расположились Божья Коровка и Старый Зеленый Кузнечик. Они держали Дождевого Червя за хвост, чтобы в нужный момент по команде Джеймса стащить его в туннель.

А еще ниже, внутри косточки персика, Светлячиха изо всех сил освещала помещение, чтобы Мисс Паучиха и Шелкопряд могли видеть, что они делают.

Там же находился и Сороконожка, который самозабвенно увещевал этих последних работать быстрее и эффективней. Время от времени Джеймс слышал, как из глубины доносился его голос:

– А ну, Шелкопряд, пошевеливайся! Работай быстрее, ленивая скотина, а не то мы выбросим тебя акулам!

– Внимание! – возбуждено прошептал Джеймс. – Подлетает первая чайка. Не шевелись, Дождевой Червь, не спугни ее! Вы внизу, приготовьтесь тянуть!

– Умоляю, не дай ей долбануть меня своим ужасным клювом! – со слезами в голосе проговорил Дождевой Червь.

– Не бойся, не бойся! Тсс...

Краешком глаза Джеймс следил, как чайка пикирует на Дождевого Червя. Внезапно она оказалась так близко, что мальчик мог разглядеть ее маленькие черные глазки и искривленный разинутый клюв, готовый схватить из спины Дождевого Червя изрядный кусок мяса.

– Тяни! – закричал Джеймс.

Божья Коровка и Старый Зеленый Кузнечик изо всех сил дернули за хвост и, как по волшебству, Дождевой Червь исчез с поверхности персика. В то же мгновение вверх взметнулись руки Джеймса и чайка сама влетела в петлю, которую он расставил на ее пути. Петля была сделана с умом – она сейчас же затянулась. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы чайка уже не могла вырваться.

– Ура! – воскликнул Старый Зеленый Кузнечик, высываясь из туннеля. – Отлично сработано, Джеймс!

Чайка рванулась вверх. Джеймс дал ей подняться яров на пятьдесят, а потом привязал конец веревки к плодоножке персика.

– Следующая! – закричал он, запрыгивая обратно в туннель. – Дождевой Червь, выползай наружу! Сороконожка, подавай веревку!

– Ох, как все это мне не нравится! – стонал Дождевой Червь. – Первый раз пронесло. А ведь она даже коснулась меня крылом, когда просвистела мимо.

– Тсс! – прошептал Джеймс. – Лежи тихо! Летит еще одна!

Они проделали свой трюк снова.

Потом еще, еще и еще.

Чайки подлетали одна за другой, а Джеймс ловил их и привязывал к плодоножке персика.

– Есть первая сотня! – воскликнул он, утирая пот, ручьем струившийся по его лицу.

– Давай дальше! – кричали все остальные. – Не останавливайся!

– Вторая сотня!

– Третья сотня!

– Четвертая сотня!

Между тем акулы, как бы почувствовав, что добыча может от них ускользнуть, еще яростней накинулись на персик, и он все ниже и ниже опускался в воду.

– Есть пятая сотня! – закричал Джеймс.

– Шелкопряд говорит, что у него кончается нить! – завопил снизу Сороконожка. – Он говорит, что ему не из чего больше прясть! И мисс Паучихе тоже!

– Скажи им, что *надо!* – крикнул Джеймс в ответ. – Сейчас нельзя останавливаться!

– Мы поднимаемся! – раздался чей-то вопль.

- Нет, еще нет!
- Я же чувствую!
- Нужна еще одна чайка! Скорей!
- Тихо! Вон она подлетает!

Это была пятьсот первая чайка, и в тот момент, когда Джеймс поймал ее и привязал к плодоножке, вся огромная махина персика начала наконец медленно подниматься из воды.

- Берегись!
- Поехали!
- Держись, ребята!

Но персик вдруг остановился и повис.

Он висел, раскачиваясь в воздухе над самой водой, но дальше вверх не поднимался.

– Еще всего одна – и готово! – закричал Старый Зеленый Кузнечик, высовываясь из туннеля. – Дело почти сделано!

Наступил решающий момент. В два счета пятьсот вторая чайка была поймана и припряжена к остальным...

И тут...

Медленно...

Величественно...

Словно какой-то сказочный золотой воздушный шар...

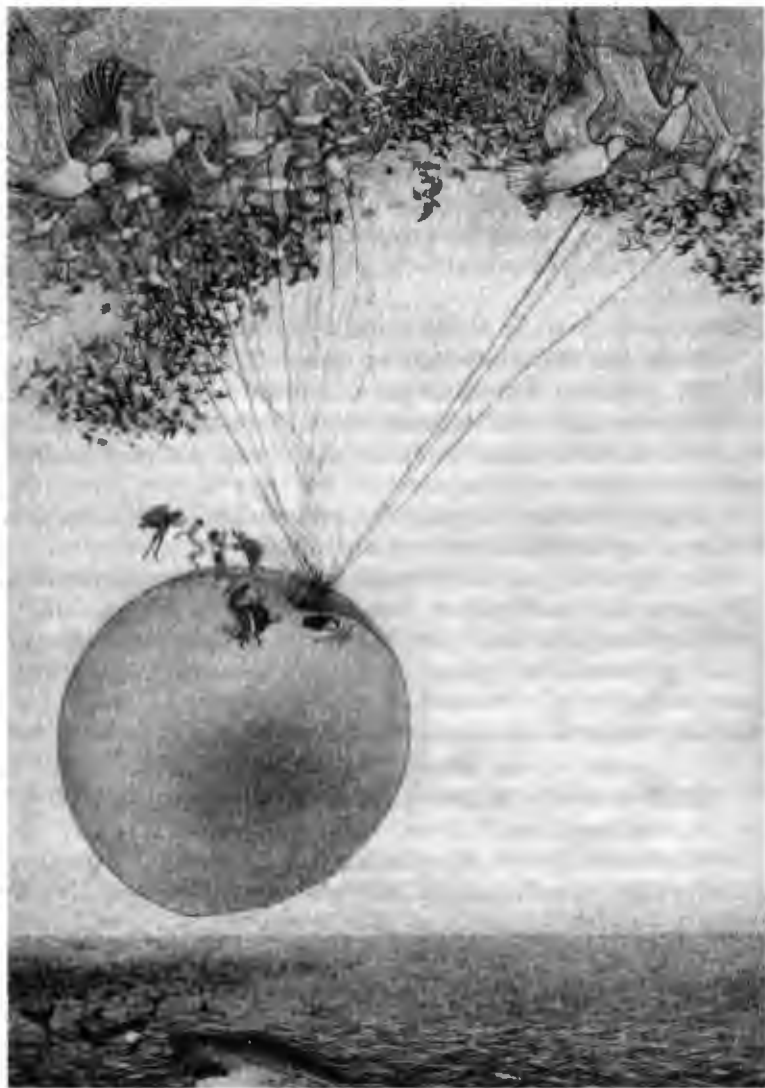
Гигантский персик, запряженный сотнями чаек, поднялся вверх и, роняя капли воды, устремился в небеса.

23.

В мановение ока вся компания была наверху.

- Вот здорово! – кричали все.
- Какое волшебное ощущение!
- Прощайте, акулы!
- Вот, оказывается, как надо путешествовать!

Мисс Паучиха, которая буквально визжала от возбуждения, схватила Сороконожку за талию, и они вдвоем пустились в пляс вокруг плодоножки персика. Дождевой Червь от радости встал на кончик своего хвоста и в одиночку выделял какие-то невероятные па. Старый Зеленый Кузнечик просто скакал на месте. Божья Коровка подбежала к Джеймсу и с чувством пожала ему руку. Светлячиха, которая и в самые патетические мгновения жизни оставалась крайне молчаливым и застенчивым существом, сидела у входа в туннель, тихо сияя от счастья (в прямом и переносном смысле). И даже Шелкопряд, бледный, осунувшийся и совершенно изможденный, из последних сил выполз наружу посмотреть на это чудесное воспарение.

Персик поднимался все выше и выше и вскоре уже висел над морем на высоте церковной колокольни.

— Я немного беспокоюсь за наш персик, — заговорил Джеймс, когда крики, пляски и всеобщее ликование немного поутихли. — Хотелось бы посмотреть, сильно ли акулы его повредили снизу, а отсюда этого никак нельзя увидеть.

— В чем же дело? — сказала мисс Паучиха. — Я могу спуститься вниз и провести небольшое обследование. Уверяю вас, это не составит мне никакого труда.

И не дожидаясь ответа, она быстро выпустила из себя длинную шелковую нить и прикрепила один ее конец к плодоножке персика.

— Я мигом, — сказала она и, спокойно подойдя к краю палубы, прыгнула вниз, разматывая за собой свою нить.

Вся компания в волнении столпилась у места ее прыжка.

— А вдруг нить оборвется? — проговорила Божья Коровка. — Это будет просто ужасно!

Наступила довольно долгая пауза.

— Как вы там, мисс Паучиха? — прокричал Старый Зеленый Кузнечик.

— Все в порядке! — раздался снизу ее голос. — Я уже поднимаюсь.

Вскоре она действительно показалась у края палубы, неторопливо, фут за футом, продвигаясь по своей шелковой нити и убирая в себя те ее участки, по которым она уже прошла.

— Ну что? — напустились все с расспросами. — Там, наверно, все ужасно? Все объедено акулами? Везде громадные дыры?

Мисс Паучиха вскарабкалась на палубу. Она выглядела очень довольной, но несколько озадаченной.

— Вы не поверите мне, — сказала она, — но персик практически не поврежден. Акулы ничего не смогли ему сделать. Только вырвали кое-где небольшие кусочки.

— А вы не могли ошибиться? — спросил Джеймс.

— Ну, разумеется, она могла! — заявил Сороконожка.

— Нет, я не ошиблась, уверяю вас, — ответила мисс Паучиха.

— Но ведь там же были сотни акул!

— Вода вокруг нас просто кишела ими!

— Мы сами видели, как они выхватывали огромные куски своими ужасными зубами!

— Не знаю, что вы там видели, — сказала мисс Паучиха, — но факт налицо: наш персик почти совершенно невредим.

— Почему же тогда мы начали тонуть? — спросил Сороконожка.

— А может быть, мы и не начинали тонуть? — предположил Старый Зеленый Кузнечик. — Может быть, это просто нам показалось от страха?

Надо сказать, в этом заявлении было гораздо больше истины, чем могли подумать наши путешественники. Дело в том, что нос у акулы чрезвычайно длинный и острый, а рот расположен очень низко, на довольно существенном расстоянии от носа. И поэтому ей практически невозможно впеститься зубами в какую-нибудь широкую, округлую и гладкую поверхность, каковой в нашем случае была нижняя часть персика. Даже если акула перевернется на спину, ей все равно крайне трудно это осуществить, потому

что нос будет все время ей мешать. Те, кто видел когда-нибудь, как шенок пытается укунить большой мяч, могут в общих чертах представить себе, как в действительности обстояло дело с акулами и персиком.

– Это, должно быть, какое-то волшебство, – проговорила Божья Коровка. – Дыры, наверно, сами каким-то образом затянулись...

– Ой, смотрите! – закричал Джеймс. – Под нами корабль!

Все кинулись к краю персика и уставились вниз. Никто из них никогда прежде не видел корабля.

– Это большой корабль!

– У него целых три трубы!

– А вон и люди на палубах!

– Давайте помашем им! Интересно, заметили они нас или нет?

Ни Джеймс, ни его спутники, конечно, не подозревали, что корабль, над которым они сейчас пролетали, назывался «Куин Мэри». Он только-только прошел Ла-Манш и держал курс на Америку. Не знали они и того, что в этот момент на мостике стоял сам капитан со своими офицерами и все они с изумлением смотрели на огромный шар, раскачивавшийся над судном.

– Не нравится мне эта штука, – проговорил капитан.

– И мне тоже, – сказал первый помощник.

– Вы думаете, она преследует нас? – спросил второй помощник.

– Я только сказал, что она мне не нравится, – пробормотал капитан.

– Это может оказаться опасным, – сказал первый помощник.

– Я понял, что это такое! – закричал капитан. – Это секретное оружие! Тысяча чертей! Надо сейчас же сообщить королеве! Страна должна быть предупреждена. Подайте мне подзорную трубу!

Первый помощник протянул ему подзорную трубу, и капитан уставился в небо.

– Там полным-полно птиц! – закричал он. – Все небо усеяно птицами! Хотел бы я знать, что они там делают. Подождите! Подождите минутку! Там люди! Я вижу, как они двигаются. Там... или эта проклятая трубка не сфокусирована? Кажется, там стоит маленький мальчик в коротких штанишках! Да, я отчетливо вижу маленького мальчика в коротких штанишках. А рядом с ним... рядом с ним... Рядом с ним что-то вроде гигантской божьей коровки!

– Минуточку, сэр... – начал было первый помощник.

– А рядом – огромный зеленый кузнечик!

– Сэр! – резко сказал первый помощник. – Сэр, прошу вас...

– А рядом – громадный паук!

– О, Господи! – прошептал второй помощник. – Он, должно быть, снова набрался. Вот что с человеком делает виски!

– А рядом – исполинская, просто исполинская сороконожка! – завопил капитан.

– Вызвать судебного врача! – приказал первый помощник. – Наш капитан плохо себя чувствует.

Мгновение спустя величественный шар исчез в облаках, и никто на корабле больше никогда его не видел.

24.

А на самом персике все по-прежнему были в крайне радостном и приподнятом настроении.

– Интересно, чем все кончится на этот раз? – спрашивал Дождевой Червь.

– Кто знает? – отвечали ему. – Обычно чайки в конце концов возвращаются на землю.

Мягко раскачиваясь, персик поднимался все выше и выше. Теперь он уже парил над самыми высокими облаками.

– Пожалуй, сейчас самое время послушать музыку, – сказала Божья Коровка. – Дорогой Кузнечик, не хотите ли вы сыграть нам что-нибудь?

– С большим удовольствием, дорогая леди! – ответил тот, отвесив ей галантный поклон.

– Ура! – закричали все. – Сам Кузнечик будет играть для нас!

Компания сейчас же расселась вокруг Старого Зеленого Кузнечика, и концерт начался.

С первых же нот аудитория была буквально очарована, а что касается Джеймса, то никогда в жизни он не слышал такой чудесной музыки. Летними вечерами во дворе у теток Джеймс часто слышал, как кузнечики стрекочут в траве, и ему всегда нравились эти звуки. Но то, что он слышал сейчас, не могло идти с ними ни в какое сравнение. Это и в самом деле была музыка – мелодия, аккорды, гармония – словом, все, что полагается.

А на каком удивительном инструменте играл Старый Зеленый Кузнечик! Он звучал, как скрипка! Как самая настоящая скрипка!

Смычком этой скрипки (то есть тем, что двигалось) служила Кузнечнику одна из его задних ног. А струной (то есть тем, что издавало звуки) была грань его крыла.

Причем Кузнечик использовал только верхнюю часть своей задней ноги (а именно – бедро), с невероятным искусством водя ею по краю своего крыла. Его движения были то быстрыми, то медленными, но в них чувствовалась легкость подлинного виртуоза.

Волшебная мелодия лилась и лилась, наполняя воздух чарующими звуками.

Первая часть закончилась. Все хлопали как сумасшедшие, а мисс Паучиха даже вскочила на ноги с криком:

– Bravo! Бис! Сыграйте нам еще!

– Тебе понравилось, Джеймс? – с улыбкой спросил у мальчика Старый Зеленый Кузнечик.

– О, это было прекрасно! – ответил Джеймс. – Это звучало, как самая настоящая скрипка!

– Настоящая скрипка? – воскликнул Старый Зеленый Кузнечик. – Силы небесные! Только послушать! Мой милый мальчик, я и есть настоящая скрипка. Верней, она – часть моего собственного тела.

– А что, неужели все кузнечики умеют играть так же, как вы? – спросил Джеймс.

– Ни в коем случае, – ответил Кузнечик. – Если ты хочешь знать, я имею честь быть так называемым «короткорогим» кузнечиком. Видишь, у меня на голове два коротких щупальца? Вот они. Как ты можешь заметить, они действительно довольно короткие. Поэтому я и называюсь «короткорогим». Так вот, только мы, «короткорогие», исполняем свою музыку, используя в качестве смычка заднюю ногу. Тогда как мои «длиннорогие» собратья, у которых от головы отходят длинные, загнутые щупальца, музицируют, приводя в соприкосновение два своих верхних крыла. Они не скрипачи и могут производить только гораздо более низкие по тембру звуки. Я бы сказал, что это больше похоже на банджо, чем на скрипку.

– Как все это интересно! – воскликнул Джеймс. – Подумать только, ведь до сегодняшнего дня я даже не задумывался, каким образом кузнечики издают звуки!

– Мой юный друг, – мягко сказал Старый Зеленый Кузнечик, – в этом мире есть очень много вещей, о которых ты еще не задумывался. Вот, например, как ты считаешь, где у меня расположены уши?

– Уши? Ну, конечно, на голове!

Все вокруг расхохотались.

– Так ты даже этого не знаешь! – воскликнул Сороконожка.

– Не угадал, попробуй еще разок, – с улыбкой сказал Старый Зеленый Кузнечик.

– Но им негде больше быть!

– Ты так думаешь?

– Ладно. Я сдаюсь. Так где же у вас уши?

– Вот здесь, – сказал Старый Зеленый Кузнечик, – по одному на каждой стороне моего брюшка.

– Это неправда!

– Нет, это чистая правда. Впрочем, я не вижу здесь ничего странного. А где, по-твоему, находятся уши у моих кузенов – сверчков и углокрылых кузнечиков?

– И где же?

– На ногах. По одному под коленкой каждой передней ноги.

– Ты хочешь сказать, что ты и этого не знал? – презрительно проговорил Сороконожка.

– Вы, наверно, шутите, – сказал Джеймс. – Уши не могут находиться на ногах.

– Почему же?

– Потому что... потому что это смешно – вот почему!

– А по-моему, смешно совсем не это, – заявил Сороконожка со своей обычной ухмылкой. – Я не хочу никого обидеть, но мне кажется, что по-настоящему смешно, когда уши растут у кого-нибудь с обеих сторон головы. Вот это действительно смешно. Как-нибудь на досуге посмотри в зеркало и сам убедишься.

– Вот язва! – воскликнул Дождевой Червь. – Ну почему ты такой неслучливый грубиян и задира? Ты должен немедленно попросить прощения у Джеймса!

25.

Джеймсу совсем не хотелось, чтобы Дождевой Червь и Сороконожка снова вступили в пререкания, и он быстро спросил у Дождевого Червя:

– А ты умеешь на чем-нибудь играть?

– Нет. Но зато я умею делать многие другие вещи, причем некоторые из них весьма и весьма необычны, – сияя произнес Дождевой Червь.

– Например?

– Ну, – начал Дождевой Червь, – например, вот что. Когда в следующий раз ты окажешься в поле или в саду, посмотри вокруг и подумай о том, что каждая крупинка почвы на поверхности земли, каждый самый крохотный ее кусочек за последние несколько лет обязательно прошел через тело Дождевого Червя. Разве это не чудесно?

– Но этого не может быть!

– Мой мальчик, это факт!

– Ты хочешь сказать, что дождевые черви на самом деле едят землю?

– Без передышки! – гордо сказал Дождевой Червь. – С одного конца входит, с другого – выходит!

– А какой в этом смысл?

– Что значит, «какой смысл»?

– Ну, для чего вы это делаете?

– Мы помогаем фермерам. Пройдя через нас, земля становится мельче и мягче, что весьма повышает ее урожайность. Если хочешь знать, фермеры просто не могут без нас обходиться. Мы – насущная и жизненно важная часть сельскохозяйственного процесса. Неудивительно, что фермеры в нас души не чают. Я думаю, они любят нас даже больше, чем божьих коровок.

– А они любят и божьих коровок? – спросил Джеймс, оглянувшись на Божью Коровку.

– Так мне говорили, – скромно покраснев, сказала она. – И вправду, бывает, что фермеры ездят за тридевять земель покупать живых божьих коровок целыми мешками, чтобы выпустить их на свои поля. Фермерам очень нравится, когда на их полях много божьих коровок.

– Но почему? – спросил Джеймс.

– Потому что мы уничтожаем всех вредных мелких насекомых, которые поедают урожай. Это огромное подспорье фермерам, тем более что мы не требуем с них ни пенни за свои услуги.

– Вы просто молодцы! – сказал Джеймс. – А можно мне задать тебе один нескромный вопрос?

– Сделай одолжение.

– Правда ли, что по количеству пятнышек на спинке божьей коровки можно определить, сколько ей лет?

– Разумеется, нет. Это детские выдумки, – ответила Божья Коровка. – Количество пятнышек у божьих коровок с возрастом не меняется. Конечно, некоторые из нас рождаются с большим количеством пятнышек, чем другие, но это говорит лишь о том, к какому семейству принадлежит та или иная божья коровка. Я, например, как ты можешь заметить, принадлежу к семейству, имеющему девять пятнышек, и, на мой взгляд, это большая удача. Девять пятнышек – это так красиво.

– Да, очень красиво, – проговорил Джеймс, глядя на ее ярко-красную спинку с девятью черными точками.

– Но с другой стороны, – продолжала Божья Коровка, – те из моих сородичей, которым меньше повезло в жизни, имеют всего-навсего по два пятнышка на спине. Ты можешь себе такое представить? А между прочим, они довольно часто встречаются. Хотя должна с прискорбием заметить, что их манеры оставляют желать много лучшего. Есть еще и божьи коровки с пятью пятнышками на спине. Они, конечно, держатся поприличней, но, на мой вкус, все-таки немного развязны.

– Но ведь фермеры любят и их тоже? – спросил Джеймс.

– Безусловно, – ответила Божья Коровка, – фермеры любят нас всех.

– Здорово! – сказал Джеймс. – Выходит, каждого из вас любят и ценят!

– Только не меня! – радостно закричал Сороконожка. – Я – вредитель и горжусь этим! Да, я – закоренелый, злостный и нераскаянный вредитель!

– Это уж точно, – сказал Дождевой Червь.

– А вы, мисс Паучиха, – спросил Джеймс, – любят ли вас люди?

– К сожалению, нет, – ответила мисс Паучиха с долгим и печальным вздохом. – Ни капельки не любят, хотя я приношу им только пользу. Целыми днями я ловлю в мою паутину комаров и мух. Я – очень трудолюбивое и благопристойное существо.

– Я знаю это, – сказал Джеймс.

– Вообще к нам, паукам, относятся крайне несправедливо, – продолжала мисс Паучиха. – Зачем далеко ходить – только на прошлой неделе твоя мерзкая тетка Квашня смыла в ванную моего несчастного старика-отца.

– Какой ужас! – воскликнул Джеймс.

– Я наблюдала за этой жуткой сценой с потолка, – пробормотала мисс Паучиха. – Это был просто кошмар. С тех пор мы уже больше никогда его не видели.

Большая слеза скатилась по ее щеке и с всплеском упала на пол.

– Но говорят, убить паука – это неплохая примета, – сказал Джеймс, оглядываясь по сторонам.

– Убить паука – это очень плохая примета! – воскликнул Сороконожка. – Это, может быть, худшая из всех примет на свете. Вспомни, что случилось с теткой Квашней, после того как она это сделала. Бамп! – и готово дело! Мы ведь все слышали это «бамп!», когда наш персик проехался по ней. О таком будет всегда приятно вспомнить. Это была месть за вас, мисс Паучиха.

– Да, меня это вполне удовлетворило, – сказала она. – Но может быть, вы могли бы спеть нам об этом какую-нибудь песню?

Сороконожка не заставил себя долго упрашивать.

– У тетки Квашни был живот
Огромный, как будто комод.
А то, чем сидят
(Или попросту – зад)
Было вдвое огромней. И вот

Однажды решила она:
«Я следить за фигурой должна.
Назло всему свету
Сажусь на диету
И буду, как серна, стройна».
Но под персик попала
И сразу же стала
Прозрачней и тоньше блина!

– Это было прелестно, – сказала мисс Паучиха. – А теперь про тетку Шпильку, пожалуйста.

– С удовольствием, – ухмыляясь ответил Сороконожка.

– Тетка Шпилька на старости лет
Тошей сделалась точно скелет.

Ее можно было
Воткнуть, словно шило,
В любой подходящий предмет.

Тут вздумалось ей возроптать:
«Хочу я толстушкой стать!
Поправиться чтобы,
Зефиры и сдобы
Я сотнями буду глотать!

И, верно, уж завтра к утру
Я фунта два-три наберу!»
Но персик наш ловкий
С похвальной сноровкой
Размазал ее по двору!

Все долго аплодировали и упрасивали Сороконожку спеть еще, и тогда он затянул свою любимую:

– Когда-то давно
Зайцы пили вино
И мартышки жевали табак.
А куры-несушки
Без доброй понюшки
Нестись не хотели никак.

А свиньи и раки
Ходили во фраке,
И в карты играли козлы,
А матушка Полли
Носила в...

– Осторожней, Сороконожка! – закричал Джеймс. – Берегись!

26.

Войдя в раж, Сороконожка так увлекся пеньем, что пустился в пляс, и, в свою очередь, так увлекся танцем, что не заметил, как оказался на самом краю палубы. Несколько ужасных секунд он еще балансировал у обрыва, отчаянно размахивая в воздухе всеми своими сорока двумя конечностями и пытаясь сохранить равновесие, но потом, прежде чем кто-то из друзей подоспел к нему на помощь, с пронзительным воплем полетел вниз. Все подбежали к краю персика и увидели, как длинное тело несчастного

Сороконожки кувыркается и барахтается в воздухе, становясь все меньше и постепенно скрываясь из виду.

– Шелкопряд! – завопил Джеймс. – А ну, за дело! Живей!

Шелкопряд тяжело вздохнул. Он еще толком не пришел в себя с прошлого раза, но делать нечего – и он снова начал прятать.

– Я спущусь за ним! – крикнул Джеймс, схватив конец веревки, которая начала выползать из тела Шелкопряда, и обвязывая себя вокруг талии. – Всем остальным держать Шелкопряда, чтобы я не утащил его за собой! А когда я три раза дерну за веревку, тяните меня наверх!

Он прыгнул с края палубы и, кувыркаясь в воздухе, как только что кувыркался Сороконожка, с огромной скоростью полетел вниз. Можете себе представить, в каком дьявольском темпе пришлось работать бедному Шелкопряду, чтобы поспевать за этим стремительным падением.

– Мы больше не увидим ни того ни другого! – воскликнула Божья Коровка. – О, Господи! И как раз в тот момент, когда все стало так хорошо и все мы были так счастливы!

Все три девушки – мисс Паучиха, Светлячиха и Божья Коровка – ударились в слезы. Заплакал и Дождевой Червь.

– Черт бы с ним, с Сороконожкой! – рыдал он. – Но я успел так прижаться к этому мальчику!

Старый Зеленый Кузнечик начал потихоньку наигрывать похоронный марш на своей скрипочке, и когда он закончил, все, включая его самого, уже просто утопали в слезах.

И тут неожиданно веревка три раза дернулась.

– Тяни! – закричал Старый Зеленый Кузнечик. – Ну-ка дружно! Все хватайтесь за меня и тяните!

Им пришлось вытянуть почти целую милю веревки, но насекомые трудились как бешеные и наконец над краем персика появились Джеймс и Сороконожка, который изо всех сил цеплялся за мальчика всеми своими сорока двумя ногами. С обоих ручьями лила вода.

– Он спас мне жизнь! – задыхаясь, проговорил Сороконожка. – Он заплыл чуть не на середину Атлантического океана, чтобы разыскать меня.

– Дорогой юноша! – сказал Старый Зеленый Кузнечик, похлопывая Джеймса по плечу. – От души поздравляю вас с этим замечательным поступком!

– Мои башмаки! – закричал Сороконожка. – Посмотрите, они совершенно размокли!

– Успокойся и скажи спасибо, что ты сам остался в живых, – сказал Дождевой Червь.

– Мы все еще поднимаемся? – спросил Джеймс.

– Разумеется, – ответил Старый Зеленый Кузнечик, – а между тем уже начинает темнеть.

– Может быть, нам спуститься в нашу комнату и дожидаться утра в тепле? – предложила мисс Паучиха.

– Нет, – сказал Старый Зеленый Кузнечик, – это не слишком разумное решение. На мой взгляд, всем нам было бы безопасней провести ночь здесь и оставаться на чеку. Если произойдет что-нибудь непредвиденное, мы, по крайней мере, будем готовы к этому.

Приближалась ночь, и Джеймс Генри Троттер со своими попутчиками тесно сгрудились на вершине персика. Над их головами со всех сторон гроздились облака – огромные, как горы, таинственные и угрожающие. Постепенно становилось все темней, и вот уже над макушками туч возшла почти полная луна, освещая все кругом своим зловещим светом. Гигантский персик, мягко покачиваясь, парил в воздухе, и сотни веревок, идущих вверх от его плодоножки, красиво серебрились в лунном сиянье. Не менее красиво смотрелась и стая чаек.

Вокруг – ни звука. Путешествие на персике меньше всего похоже на путешествие на самолете. Самолет движется в небе с таким ужасным грохотом и ревом, что все, кто могли бы обитать в этих огромных облаках, обычно скрываются при его приближении. Вот почему люди, путешествующие на самолетах, как правило, никого и ничего не видят.

А персик... О, наш персик плыл по небу совершенно беззвучно, не производя ни малейшего шума. И несколько раз на протяжении этого безмолвного ночного полета над пучинами океана Джеймсу и его друзьям довелось увидеть в мертвенном лунном свете то, чего до них еще не видел никто и никогда.

Один раз, когда они проплывали мимо массивного белого облака, они заметили на его верхушке группу странных, высоких и патлатых созданий, ростом примерно в два раза больше, чем обычные люди. Издалека их было практически невозможно разглядеть, потому что они почти сливались по цвету со своим облаком, но когда персик подплыл поближе, то стало очевидным, что эти «создания» – совершенно полноценные живые существа. Белые, высокие, лохматые и похожие на привидений, они, казалось, были сделаны из сахарной ваты.

– Ой-ой-ой! – сказала Божья Коровка. – Это мне совсем не нравится!

– Тсс! – прошептал Джеймс. – Не нужно, чтобы они нас слышали. Это, должно быть, Облачные Жители.

– Боже мой! Облачные Жители! – забормотали все, теснее прижимаясь друг к другу.

– Как хорошо, что я слепой и не вижу их, – сказал Дождевой Червь.

– А то бы я, наверно, завопил от страха.

– Надеюсь, они не обернутся и не заметят нас, – заикаясь, проговорила мисс Паучиха.

– Ведь они не собираются нас съесть? – тревожно спросил Дождевой Червь.

– Они собираются съесть тебя, – ухмыляясь, проговорил Сороконожка. – Они нарежут тебя тонкими ломтиками, как саями, и наделают себе бутербродов.

Несчастливого Дождевого Червя затрясло от ужаса.

– Но что они там делают? – с удивлением прошептал Старый Зеленый Кузнечик.

– Не знаю, – тихо сказал Джеймс. – Давайте посмотрим.

Облачные Жители стояли толпой и делали что-то совершенно непонятное. Сперва они (все одновременно) набирали полные пригоршни облака, потом скатывали их, пока те не превращались в большие белые шары, а затем бросали их в одну кучу. После этого странные существа снова набирали полные пригоршни облака и начинали все сначала.

Все это делалось в полной тишине и выглядело очень загадочно. Куча шаров росла на глазах, и вскоре их уже было столько, что ими можно было загрузить приличный самосвал.

– Да они просто сумасшедшие! – заявил Сороконожка. – Нам нечего их бояться!

– Тише ты, вредитель! – прошептал Дождевой Червь. – Если они заметят нас, то сожрут всех до одного!

Но Облачные Жители были слишком заняты своей работой, чтобы обратить внимание на огромный персик, проплывавший за их спинами.

Тут наши путешественники увидели, как один из Облачных Жителей поднял над головой свои клочковатые руки, и услышали, как он громко крикнул:

– Хватит, ребята! Уже достаточно. А теперь – за лопаты!

И все остальные сейчас же принялись радостно скакать, размахивая руками в воздухе и выпуская странные пронзительные вопли. Потом они бросились к куче шаров и, схватив огромные совковые лопаты, стали быстро швырять шары через край облака.

– Ну-ка, падайте! – распевали они во время работы. –

Ну-ка падайте, шары,
На дома и на дворы!
Разносите вы повсюду
Кашель, насморк и простуду!

– Это же градины! – возбужденно прошептал Джеймс. – Они делали градины и теперь швыряют их вниз на землю!

– Градины? – удивился Сороконожка. – Ерунда! Ведь сейчас лето, а разве летом идет град?

– Они, наверно, готовятся к зимнему сезону, – сказал Джеймс.

– Не может быть! – заявил Сороконожка, повышая голос.

– Тсс! – зашипели все остальные.

– Ради всего святого, Сороконожка, не будь ты таким шумным! – мягко добавил Джеймс.

Сороконожка расхохотался.

– Эти кретины ничего не слышат! – кричал он. – Они глухи как пни! Смотрите!

И прежде чем кто-нибудь успел ему помешать, Сороконожка приставил ко рту одну из своих передних ног, сложил ее в виде рупора и что было сил заорал:

– Эй вы, кретины! Чего это вы там делаете, хотел бы я знать? Идиоты! Придурки! Простофили! Ослы! Болваны!

Эффект был мгновенным. Облачные Жители резко обернулись, как будто их укусила оса. Увидев гигантский персик, который медленно двигался по небу в пятидесяти ярдах от них, они, как один, издали вопль изумления и, побросав свои лопаты, застыли неподвижно. Так они и стояли живописной скульптурной группой, глядя во все глаза, как огромный плод проплывал мимо.

Пассажиры персика (за исключением Сороконожки) тоже застыли, но не от удивления, а от ужаса. И тоже во все глаза глядели на Облачных Жителей, со страхом думая, что же теперь будет.

– Ну что, вредитель проклятый, доигрался? – прошептал Сороконожке Дождевой Червь.

– Я не боюсь их! – закричал Сороконожка.

И чтобы доказать всем, что это действительно так, он вскочил в полный рост и начал приплясывать, делая оскорбительные жесты в адрес Облачных Жителей всеми своими сорока двумя конечностями.

Натурально, Облачные Жители пришли в неопишемую ярость. Они сбросили оцепенение и, нахватав огромные пригоршни градин, ринулись к краю облака и стали, злобно визжа, швырять их в обитателей персика.

– Берегись! – закричал Джеймс. – Всем лечь на палубу!

К счастью, они успели это сделать! Крупная градина, если, конечно, швырнуть ее как следует, может ранить что твой камень или кусок свинца. А швырять Облачные Жители умели будь здоров! Уткнувшись лицом в сочную мякоть, Джеймс слышал, как градины свистели в воздухе, словно пулеметные очереди, и вонзались в бока персика с отвратительным хлюпающим звуком – плюх! плюх! плюх! плюх! А потом – бам! бам! бам! – по панцирю бедной Божьей Коровки, которая не могла целиком распластаться по палубе. А потом – бац! – прямо по носу Сороконожке. Бац! – ему по чему-то еще.

– Ой! – завопил он. – Ой, не надо! Хватит! Хватит!

Но Облачные Жители и не думали останавливаться. Джеймс видел, как они, словно стая огромных косматых призраков, метались от края облака к куче градин и обратно, хватали огромные пригоршни градин и яростно швыряли их вниз. А когда куча растаяла, они просто стали лепить руками новые снаряды, которые теперь были величиной с хорошее пушечное ядро.

– Быстро в туннель! – закричал Джеймс. – Иначе мы все погибли!

Путешественники бросились к отверстию, и спустя полминуты все уже были в безопасности под надежной защитой косточки персика. Они сидели и тряслись от страха, слушая, как градины бьются о его бока.

– Я изувечен! – стонал Сороконожка. – Я изранен с головы до ног!

– Поделом вору и мука! – злорадно сказал Дождевой Червь.

– Может быть, кто-нибудь будет так любезен и посмотрит, нет ли трещины в моем панцире? – попросила Божья Коровка.

– Дай нам немного света! – закричал Старый Зеленый Кузнечик.

– Я не могу! – прохныкала Светлячиха. – Они разбили мою лампу!

– Так вкрути новую! – заявил Сороконожка.

– Помолчите-ка минутку! – сказал Джеймс. – Слышите? Кажется, они перестали швыряться!

Все замолчали и начали прислушиваться. Действительно, ударов о бока персика больше не было слышно.

– Они остались позади!

– Чайки оттащили нас в сторону!

– Ура! Давайте вылезем и посмотрим!

С опаской путешественники стали карабкаться вверх. Джеймс полз первым. Он высунул голову наружу и посмотрел по сторонам.

– Все тихо! – сказал он. – Их нигде нет.

28.

По одному насекомые снова выбрались на вершину персика и тщательно огляделись. В небе по-прежнему ярко сияла луна и вокруг по-прежнему высились светящиеся громады облаков. Но Облачных Жителей нигде не было видно.

– В нашем персике течь! – закричал Старый Зеленый Кузнечик, перегнувшись через борт. – Смотрите, сколько в нем дыр и из всех льется сок!

– Теперь-то мы уж точно утонем! – воскликнул Дождевой Червь. – И все из-за этого проклятого Сороконожки!

– Не выступай! – вмешался Сороконожка. – Мы же пока еще не в воде!

– Ой, посмотрите! – закричала Божья Коровка. – Вон там!

Все повернулись, куда показывала Божья Коровка.

Прямо над собой на небольшом расстоянии они увидели совершенно невероятное сооружение. Это было что-то вроде огромной арки – такая округлая штукovina, вершина которой уходила высоко в небо, а края покоились на большом плоском облаке, бескрайнем, как пустыня.

– Что же это такое может быть? – спросил Джеймс.

– Мост!

– Обруч, разрезанный пополам!

– Гигантская подкова, стоящая вверх ногами!

– Если я ошибаюсь, пусть старшие товарищи меня поправят, – бледнея, пробормотал Сороконожка, – но кто это там карабкается по ней, если не Облачные Жители?

Ответом ему было леденящее душу молчание. А персик между тем подплывал все ближе к страшному месту.

– Это и вправду Облачные Жители! Их там сотни!

– Тысячи!

– Миллионы!

– Не хочу ничего об этом слышать! – взвизгнул несчастный слепой Дождевой Червь. – Я предпочел бы быть наживкой на крючке, чем снова встретиться с этими ужасными созданиями!

– А я бы предпочел, чтобы меня зажарили живьем и съели, как это делают с кузнечиками в Мексике! – простонал Старый Зеленый Кузнечик.

– Пожалуйста, потише! – прошептал Джеймс. – В этом наше единственное спасение!

Сгрудившись, путешественники застыли на вершине персика и в страхе смотрели на Облачных Жителей. Облако буквально кишело ими, а между тем все новые легионы лезли и лезли вверх на эту чудовищную и непонятную арку.

– Что это за штука? – прошептала Божья Коровка. – И что они делают с ней?

– Меня это мало интересует, – заявил Сороконожка, поспешно ретируясь к отверстию в персике. – Я не намерен здесь больше оставаться ни минуты. До скорого!

Но все остальные были так напуганы и загипнотизированы происходящим, что не могли двинуться с места.

– Знаете что? – проговорил Джеймс.

– Что? – зашептали все. – Что?

– Эта огромная арка... Кажется, они раскрашивают ее. У них банки с краской и большие кисти! Смотрите!

Он был совершенно прав. Теперь путешественники находились уже достаточно близко, чтобы разглядеть, чем там занимались Облачные Жители. Своими огромными кистями они с сумасшедшей скоростью размазывали краску по поверхности гигантской округлой арки, причем делали это так быстро, что уже через несколько минут вся она сияла великолепными цветами – красным, синим, зеленым, желтым...

– Это же радуга! – в один голос воскликнули путешественники. – Они делают радугу!

– Ой, как красиво!

– Какие прекрасные цвета!

– Сороконожка, вылезай! Тебе просто необходимо это увидеть!

Насекомые были настолько очарованы потрясающим зрелищем, что абсолютно забыли об опасности и начали говорить во весь голос.

Сороконожка осторожно высунул голову из туннельного отверстия.

– Ну-ну, – проговорил он. – Меня всегда занимало, как делается эта штука. Но зачем у них эти веревки? Что они с ними делают?

– Да, Господи боже мой! Они же на веревках спускают ее с облака на землю! – сказал Джеймс.

– Могу тебе сообщить кое-что еще, – неприязненно заявил Сороконожка. – Я хотел бы ошибиться, но кажется, мы сейчас врежемся в нее!

– Точно! Провалиться мне на этом месте! – воскликнул Старый Зеленый Кузнечик.

Радуга теперь раскачивалась в воздухе чуть ниже облака, примерно на том же уровне, на котором находился и персик, который довольно быстро приближался к ней.

– Мы погибли! – закричала мисс Паучиха, снова заламывая ноги вместо рук. – Настал конец!

– Я не переживу этого! – стenal Дождевой Червь. – Расскажите мне хотя бы, что происходит!

– Мы, кажется, пройдем мимо! – воскликнула Божья Коровка.

– Нет, не пройдем!

– Нет, пройдем!

– Не пройдем!

– О, Господи!

– Держитесь, друзья! – успел крикнуть Джеймс.

И тут персик с тяжелым стуком врезался в верхнюю часть радуги. Послышался громкий треск, и огромная радуга раскололась прямо посередине на два отдельных куска.

Но то, что произошло потом, было еще более неприятным. Вережки, на которых Облачные Жители опускали радугу вниз, перепутались с шелковыми нитями, идущими от персика к чайкам. Персик оказался в капкане!

Панический страх охватил наших путешественников. Джеймс Генри Троттер быстро взглянул вверх и увидел над собой тысячи разъяренных Облачных Жителей, уставившихся на него с края облака. Впрочем, их лица, закрытые длинными белыми волосами, разглядеть было практически невозможно. Ни носов, ни ртов, ни ушей, ни подбородков – на каждом лице сверкала только пара маленьких злобных глаз.

А дальше началось самое страшное. Один из Облачных Жителей, огромное волосатое чудовище ростом не меньше четырнадцати футов, сорвался с края облака в мощный прыжке, пытаясь дотянуться до какой-нибудь из шелковых нитей. Джеймс и его спутники с ужасом увидели, как он пролетел над ними в воздухе, поймал ближнюю нить, уцепился за нее руками и ногами и начал очень медленно, фут за футом, спускаться вниз.

– На помощь! Спасите! – закричала Божья Коровка.

– Он спускается, чтобы сожрать нас! – простонал Старый Зеленый Кузнечик. – Все за борт!

– Если так, то пусть он начнет с Дождевого Червя, – крикнул Сороконожка. – Что ему за прок во мне, ведь я костляв как рыба!

– Сороконожка! – завопил Джеймс. – Быстро перекуси нить, по которой он спускается! Пошевеливайся!

Сороконожка ринулся к плодоножке персика, схватил нить в зубы и перекусил ее одним движением челюстей. Сейчас же высоко над ними одна из чаек оторвалась от стаи и полетела в сторону. На ее шее болтался длинный обрывок нити, а на его конце, выкрикивая яростные ругательства, раскачивался огромный волосатый Облачный Житель. Он все выше и выше поднимался в залитый лунным светом небосвод, и, глядя на него, Джеймс Генри Троттер с изумлением проговорил:

– Надо же! Он, должно быть, почти ничего не весит, если всего одна чайка запросто его тащит. У него только и есть, что голос да волос!

Остальные Облачные Жители были до такой степени поражены зрелищем одного из своих товарищей, уносимого чайкой неизвестно куда, что выпустили из рук веревки, на которых висела радуга, и обе ее половинки, естественно, рухнули вниз на землю. А освобожденный персик начал сейчас же уходить в сторону от этого ужасного облака.

Но наши путешественники еще отнюдь не были в безопасности. Рассвирепевшие Облачные Жители вскочили на ноги и бросились по облаку вдогонку за персиком. На бегу они безжалостно обстреливали персик всевозможными твердыми предметами. На персик градом посыпались пустые ведра из-под краски, кисти, стремянки, табуретки, кастрюли, сковородки, тухлые яйца, дохлые крысы, бутылки из-под масла для ращения волос – словом, все, что только попадало под руку этим жестоким тварям. А один из них, тщательно прицелившись, окатил Сороконожку с ног до головы целым галлоном густой пурпурной краски.

– Мои ноги! – сердито закричал Сороконожка. – Они слиплись, и я теперь не могу ходить! И ресницы слиплись! Я даже не могу открыть глаза! А мои башмаки – пропали мои башмаки!

Но в тот момент все были слишком заняты тем, что сосредоточенно уворачивались от снарядов, которые летели на персик с облака, и поэтому никто не обратил особого внимания на жалобы Сороконожки.

– Краска начинает сохнуть! – стонал он. – Она уже затвердевает! Я не могу пошевелить ни одной своей ногой!

– Но ты еще можешь шевелить языком, – проговорил Дождевой Червь, – о чем остается только пожалеть.

– Джеймс! – вопил Сороконожка. – Спаси меня! Смой эту краску! Соскреби ее! Сделай хоть что-нибудь!

Прошло довольно много времени, прежде чем чайки сумели оттащить персик подальше от этого кошмарного радужного облака. Но в конце концов им это удалось, и путешественники, собравшись вокруг несчастного Сороконожки, получили возможность открыть дискуссию на тему о том, как удалить краску с его тела.

Между тем он представлял собой действительно впечатляющее зрелище. Он весь был ярко-пурпурным с головы до пят, причем краска начала уже сохнуть, и ему пришлось сидеть неестественно прямо, словно его облепили бетоном. Все его сорок две ноги торчали наружу, как обломки арматуры. Он пытался что-то говорить, но его губы уже не шевелились, и он мог издавать только какие-то булькающие горловые звуки.

Старый Зеленый Кузнечик подошел к Сороконожке и бережно потрогал его живот.

– Как эта краска могла так быстро засохнуть? – спросил он.

– Это специальная краска для радуг, – ответил Джеймс. – Она сохнет очень быстро и держится очень долго.

– Я ненавижу краску! – заявила мисс Паучиха. – Это крайне опасная вещь. Вдобавок она наводит меня на тягостные воспоминания о тетке Шпильке – я хочу сказать: о покойной тетке Шпильке. Когда она последний раз красила потолок на кухне, моя горячо любимая и глубоко несчастная бабушка по нечаянности ступила в еще влажную краску и прилипла. Всю ночь мы слышали ее душераздирающие крики о помощи. «Спасите!» – взывала она к нам, но что мы могли поделать? Ровным счетом ничего – вплоть до самого утра, когда краска высохла, и мы конечно же бросились к нашей дорогой бабушке, попытались ее успокоить и принесли ей немного еды. Поверите ли, ровно шесть месяцев она провела на потолке, стоя вниз головой, а ее ноги так и оставались замурованными в краске. Каждый день мы кормили ее, приносили ей свежих мух, с пылу с жару – только что из паутины. А двадцать шестого апреля тетка Квашня – я хочу сказать: покойная тетка Квашня – случайно взглянула на потолок и заметила ее. «Паук! – завопила она. – Мерзкий паук! А ну-ка, где моя швабра на длинной ручке?» И тут она... Нет, я не могу об этом вспоминать – это было так страшно...

Мисс Паучиха смахнула слезу и грустно посмотрела на Сороконожку.

– Бедняжка! – пробормотала она. – Мне так тебя жаль!

– Теперь он останется таким навсегда! – радостно сказал Дождевой Червь. – Наш Сороконожка уже не сможет пошевелиться. Он превратился в статую. Мы поставим его на лужайку, и птицы будут вить гнезда у него на голове.

– Мы можем попробовать очистить его, как банан, – предложил Старый Зеленый Кузнечик.

– Или протереть наждачной бумагой, – сказала Божья Коровка.

– Если он высунет язык, – заговорил Дождевой Червь, улыбнувшись, может быть, в первый раз за всю свою жизнь, – и притом достаточно далеко, мы все могли бы уцепиться за него и начать тащить. Таким образом, при определенном усилии мы сумели бы вывернуть нашего Сороконожку наизнанку и у него появилась бы новая кожа.

Наступила пауза, на протяжении которой все обдумывали это интересное предложение.

– Я думаю, – медленно начал Джеймс, – что лучше всего, по всей видимости, было бы...

Он внезапно остановился.

– Что это? – быстро спросил он. – Я слышал чей-то голос! Я слышал, как кто-то кричал!

30.

Все подняли головы, прислушиваясь.

– Тсс! Вот он снова!

Но голос был слишком далеко, чтобы разобрать слова.

– Это Облачные Жители! – воскликнула мисс Паучиха. – Я нутром чувю, что это Облачные Жители! Они опять за нами гонятся!

– Он раздается откуда-то сверху, – сказал Дождевой Червь, и все, кроме бедного Сороконожки, который не мог пошевелиться, машинально посмотрели вверх.

– Ой! – застонали все. – Спасите! Помогите! Теперь-то мы уж точно пропали!

Прямо над их головами кружилась неоглядная черная туча, угрюмая, страшная и угрожающая. Они еще смотрели на нее, когда она начала ре-

веть и гроыхать. И тут с самого ее верха снова раздался далекий голос, который, впрочем, звучал теперь вполне отчетливо:

– Отверзлись краны небесные! – надрывался он. – Отверзлись краны небесные!

А через несколько мгновений вся нижняя часть тучи словно бы раскололась, и из нее, как из лопнувшего бумажного пакета, ливнем хлынула вода! Путешественники хорошо видели это. Да и трудно было не увидеть. Ведь это был не обычный дождь. Ничего похожего. С неба прямо на их головы низвергалась сплошная стена воды, как если бы сверху опрокинулось целое озеро или даже море. И эта стена воды падала все ниже и ниже – сперва она обрушилась на чаек, а потом и на сам персик. Его обитатели, визжа от ужаса, в отчаянье искали, за что бы ухватиться – за плодоножку персика, за шелковые нити, за все, что попадется под руку. А вода лила и бурлила, хлестала и хлобыстала, хлопала и хлопала, хрипела и свирепела, беленилась и пенилась и падала, падала, падала... Это было все равно что попасть под самый большой в мире водопад и не иметь возможности выбраться из-под него. Наши бедные путешественники не могли ни видеть, ни говорить, ни даже дышать, и Джеймс Генри Троттер, который из всех сил держался за одну из шелковых веревок, уже говорил себе, что теперь-то наверняка всему конец. Но тут вдруг потоп прекратился так же внезапно, как начался. Поток воды больше не было. Спасательницы-чайки пролетели их насквозь, и теперь гигантский персик снова безмятежно раскачивался в загадочном лунном свете.

– Я утонул! – с трудом проговорил Старый Зеленый Кузнечик, извергнув из себя чуть ли не пинту воды.

– Я промок насквозь! – простонал Дождевой Червь. – Я всегда считал, что у меня водонепроницаемая кожа, но теперь я убедился, что это не так. У меня внутри полно воды!

– Посмотрите на меня! – раздался радостный крик Сороконожки. – Этот ливень смыл всю краску! Я свободен! Я снова могу двигаться!

– Это худшая новость из всех, какие я слышал за последнее время, – отозвался Дождевой Червь.

Но Сороконожка уже плясал по палубе, выделявал в воздухе сальто-мортале и во всю глотку распевал:

– Да здравствует ливень-спаситель!

Повержен проклятый краситель!

И снова я самый

Большой и упрямый

И дееспособный вредитель!

– Заткнись, сделай одолжение! – пробурчал Старый Зеленый Кузнечик.

– Посмотрите на меня! – не унимался Сороконожка.

Ни синяков на мне, ни ссадин!
А ведь по воле злобных гадин
Я запросто лишиться мог
Всех ста своих прекрасных ног
И стал бы жалок и убог.
Да, стал бы жалок и убог!
Но – черта с два! – будь я неладен!

31.

– С чего это мы так разогнались? – спросила Божья Коровка.

– Я думаю, что чайкам эти места нравятся не больше, чем нам, – ответил Джеймс, – вот они и хотят выбраться отсюда поскорей. Им тоже пришлось несладко во время этого ливня.

Действительно, чайки с персиком на хвосте скользили по небу все быстрее и быстрее. По обе стороны в призрачно-белом лунном свете проплывала туча за тучей, и путешественники еще несколько раз за эту ночь мельком видели, как Облачные Жители на вершинах облаков готовят для обитателей земли свои мрачные чудеса.

Однажды Джеймс и его друзья даже увидали в работе снежную машину. Облачные Жители крутили ручку, и из огромного выходного отверстия вырывалась наружу настоящая метель. Еще они видели, как Облачные Жители бьют молотками на длинных ручках в гигантские барабаны – таким образом они производили гром. Кроме этого, наши путешественники повидали морозильные фабрики, установки по производству ветров и те места, где создаются циклоны и смерчи, которые потом, бешено вращаясь, отправляются на землю. А один раз глубоко в лощине большого холмистого облака друзья заметили целый город, где обитали Облачные Жители. Все облако было изрыто пещерами, и у входов в эти пещеры жены Облачных Жителей, склонившись над маленькими плитами, пекли на ужин своим мужьям снежные лепешки. А вокруг резвились сотни детей – они визжали, смеялись и съезжали с окрестных холмов на тобогганах.

А еще через час, уже незадолго до рассвета, путешественники услышали над головами негромкий ухающий звук и, взглянув наверх, увидели какое-то огромное существо, похожее на летучую мышь, которое из темноты устремилось прямо на них. Медленно кружа вокруг персика, оно хлопало своими чудовищными крыльями и разглядывало его обитателей. А потом с пронзительным печальным криком снова исчезло во мраке.

– Господи, скорей бы утро! – вся дрожая, проговорила мисс Паучиха.

– Осталось совсем недолго, – ответил Джеймс. – Смотрите, вон там уже светлеет.

Вся компания молча сидела и смотрела, как над линией горизонта медленно поднималось солнце нового дня.

32.

Когда наконец совсем рассвело, Джеймс и его друзья поднялись на ноги и стали разминать затекшие и измученные ночными злоключениями тела. Тут Сороконожка, который все замечал первым, громко воскликнул:

– Смотрите! Под нами – земля!

– Правда! Правда! – закричали все, подбежав к краю персика. – Ура!

– Кажется, я вижу дома и улицы!

– Но какие же они огромные!

В трех тысячах футах внизу под ними, сверкая в лучах утреннего солнца стеклами миллионов окон, раскинулся громадный город. С такого расстояния автомобили, ползущие по улицам, казались маленькими жучками, а люди, спешащие по тротуарам, – крупными черной пыли.

– Какие же здесь высоченные домищи! – воскликнула Божья Корюшка. – В Англии я таких никогда не видала. Интересно, что это за город?

– Во всяком случае, это не Англия, – сказал Старый Зеленый Кузнечик.

– А что же? – спросила мисс Паучиха.

– Знаете, что это за дома? – закричал Джеймс. – Это небоскребы! А значит, это – Америка! Выходит, что мы с вами, дорогие друзья, всего за одну ночь пересекли Атлантический океан!

– Этого не может быть! – закричали все.

– Невероятно!

– Небывало!

– Неслыханно!

– Я всегда мечтал съездить в Америку! – заявил Сороконожка. – У меня был приятель, который как-то раз...

– Да помолчи ты хоть немного! – сказал Дождевой Червь. – При чем тут твои приятели, когда сейчас нам всем нужно думать об одном: как, во имя неба, теперь спуститься с этого неба на землю?

– Спроси у Джеймса, – предложила Божья Корюшка.

– Мне кажется, что это как раз не будет очень трудно, – сказал Джеймс. – Нужно только отпустить нас в свободу несколько чаек. Не слишком много, но как раз столько, чтобы оставшиеся уже не могли удерживать нас в воздухе. И тогда мы начнем постепенно опускаться, пока не совершим чудесную мягкую посадку. Для этого наш Сороконожка будет по одной перекусывать веревки...

А тем временем внизу под ними, в городе Нью-Йорке, поднялась настоящая паника. Когда над самым центром Манхэттена появился огромный шар величиной с дом, все решили, что это гигантская бомба, которую сбросила на них некая враждебная держава с целью уничтожить город до основания. На улицах завывали сирены воздушной тревоги. Все радио- и телепередачи были прерваны, и дикторы объявили, что населению надлежит немедленно укрыться в подвалах и убежищах. Тысячи людей, которые в тот утренний час торопились по улицам на работу, увидев в небе этого страшного монстра, в ужасе ринулись к ближайшим станциям метро. Генералы не отходили от телефонов и раздавали приказы всем, кто подвернется под руку. Мэр Нью-Йорка связался по прямому проводу с президентом Соединенных Штатов в Вашингтоне (округ Колумбия) и попросил о помощи, а президент, который в это время еще сидел в пижаме и завтракал, сейчас же отодвинул в сторону тарелку с недоеденными сладкими картофельными хлопьями и потребовал срочно соединить его со своими генералами и адмиралами. По всей огромной территории страны пронесся слух, что над Нью-Йорком висит и в любой момент может взорваться самая большая бомба в истории человечества, и во всех пятидесяти штатах – от Аляски до Флориды, от Пенсильвании до Гавайских островов – была объявлена военная тревога.

– Начинай, Сороконожка! – приказал Джеймс.

Сороконожка взял в зубы одну из шелковых нитей и перекусил ее. И снова одна из чаек оторвалась от стаи и полетела в сторону с обрывком веревки на шее. Правда, теперь на конце этой веревки уже не болтался разъяренный Облачный Житель.

– Давай следующую! – скомандовал Джеймс.

Сороконожка перекусил еще одну веревку.

– Почему мы не опускаемся?

– А я говорю, что мы опускаемся!

– Нет, не опускаемся!

– Не забываете, что сейчас персик гораздо легче, чем в начале путешествия, – сказал Джеймс. – Он потерял за ночь очень много сока от попаданий этих ужасных градин. Сороконожка, перекуси еще две веревки!

– Ага, теперь уже лучше!

– Пошло дело!

– Вот теперь мы действительно опускаемся!

В самый раз! Остановись, Сороконожка, не перекусывай больше, а то мы начнем падать слишком быстро.

Гигантский персик начал понемногу терять высоту, и дома и улицы внизу с каждой минутой становились все ближе.

— Интересно, появятся ли наши фотографии в газетах, когда мы спустимся вниз? — спросила Божья Коровка.

— Боже мой! Я же забыл почистить мои башмаки! — воскликнул Сороконожка. — Все должны немедленно помочь мне, чтобы я успел к нашему приземлению!

— Ради всего святого! — сказал Дождевой Червь. — Можешь ты хоть на минуту забыть о своих...

Но он не успел закончить, потому что внезапно прямо над ними раздался страшный рев. Все в страхе посмотрели наверх. Могучий четырехмоторный лайнер с воем и свистом вылетел из соседнего облака и пронесся в каких-нибудь двадцати футах над их головами. Это был самолет, совершавший ежедневный утренний рейс из Чикаго в Нью-Йорк. Пролетая над персиком, он единым махом перерезал все до одной веревки, которыми чайки были привязаны к нему. Чайки рванулись вверх, а гигантский персик, не имея больше поддержки в воздухе, камнем рухнул вниз.

— Спасите! — закричал Сороконожка.

— Помогите! — закричала мисс Паучиха.

— Мы погибли! — закричала Божья Коровка.

– Это конец! – закричал Старый Зеленый Кузнечик.
– Джеймс! – закричал Дождевой Червь. – Сделай же что-нибудь!
– Я не могу! – в отчаянье крикнул Джеймс. – Простите меня! Прощайте! Закройте глаза – осталось уже недолго!

35.

Крутясь колесом, персик стремительно неся к земле, а все его обитатели в ужасе и отчаянье уцепились за плодоножку, чтобы их не разбросало по воздуху.

Персик падал все быстрее и быстрее. Ниже, ниже, ниже... Еще совсем чуть-чуть, и он рухнет на дома и улицы и разобьется вдребезги!

А на Пятой авеню, на Мэдисон авеню и на других улицах города те люди, которые не успели укрыться в подземных убежищах, перестали метаться по мостовым и, застыв от ужаса, смотрели наверх. Они уже не пытались спастись – ведь они думали, что на них падает самая большая бомба в мире. Некоторые женщины плакали. Другие опустили на колени и вслух молились. Сильные духом мужчины немногословно прощались друг с другом: «ну, вот и все, Джо!», «прощай, старина!» Следующие полминуты весь город, затаив дыханье, ожидал неминуемого конца.

36.

– Прощай, Божья Коровка! – проговорил Джеймс, из последних сил держась за плодоножку персика. – Прощай, Сороконожка! Прощайте все!

До падения оставались считанные секунды, и было видно, что персик должен упасть в самую гущу высоченных небоскребов. Они неслись навстречу с головокружительной скоростью, причем у большинства из них крыши были плоскими, но у самого высокого крыша представляла собой конус, переходящий в длинный острый шпиль, похожий на гигантскую серебряную иглу, устремленную в небеса.

И надо же было случиться, что персик упал точнехонько на эту иглу!

С громким хлюпающим звуком игла вонзилась в персик до самой середины, и глазам потрясенной публики предстало невероятное зрелище: гигантский персик висел, наколотый на шпиль Эмпайр Стейт Билдинг!

37.

Что и говорить, это действительно была потрясающая картина. Между тем жители Нью-Йорка наконец осознали, что персик никак не может быть бомбой, и уже через несколько минут из станций метро и из подземных

убежищ хлынули тысячи людей, чтобы поглазеть на чудо. Почти на милю вокруг знаменитого небоскреба улицы были буквально запружены восторженными толпами, а уж когда пронесся слух, что там, наверху этого гигантского шара, движутся какие-то живые существа, то всеобщее возбуждение достигло предела.

– Это летающая тарелка!

– Пришельцы из космоса!

– Марсиане!

– Может быть, они прилетели с Луны?

А один человек, у которого с собой оказался бинокль, высказался так:

– Вот что я вам скажу, ребята: как-то уж очень странно они выглядят!

Тем временем к месту происшествия со всего города под вой сирен съезжались полицейские и пожарные машины. Они припарковались вокруг Эмпайр Стейт Билдинг, и двести полисменов и шестьсот пожарных ринулись внутрь здания. На лифтах они поднялись до последнего этажа и высыпали на смотровую площадку – туда, где обычно стоят туристы и откуда берет начало длинный шпиль.

Полисмены замерли с пальцами на курках пистолетов, а пожарные держали наизготовку свои топоры. Впрочем, с того места, где они стояли (практически под самым персиком), им никак нельзя было увидеть наших путешественников.

– Эй, наверху! – закричал начальник полиции. – Вылезайте наружу и дайте на себя посмотреть!

Внезапно над краем персика показалась огромная коричневая голова Сороконожки. Его черные глаза, большие и блестящие, как стеклянные шары, оглядели пожарных и полисменов, а отвратительное, уродливое лицо расплылось в широченной ухмылке.

– Берегись! – в один голос закричали пожарные и полисмены. – Это дракон!

– Морской змей!

– Оборотень!

– Привидение!

Трое пожарных и пятеро полисменов потеряли сознание, и их пришлось унести на носилках.

– Ну и образина! – воскликнул начальник полиции.

– Настоящее чудовище! – крикнул пожарный старшина.

А Сороконожка знай себе ухмылялся. Ему чрезвычайно нравилось всеобщее смятение, которое он производил своим видом.

– Слушайте меня! – закричал начальник полиции, приставив рупор руки ко рту. – Скажите, откуда именно вы прибыли к нам?

– Мы пролетели много тысяч миль! – крикнул в ответ Сороконожка, ухмыльнувшись еще шире и обнажив свои коричневые зубы.

– Вот оно что! – воскликнул начальник полиции. – Я же говорил, что это марсиане!

– Кажется, вы не ошиблись, – проговорил пожарный старшина.

В этот момент рядом с головой Сороконожки над краем персика оказалась голова Старого Зеленого Кузнечика, и еще шестеро взрослых и сильных мужчин упало в обморок.

– Это вампир! – завопил начальник полиции. – Типичный вампир!

– Или василиск! – добавил пожарный старшина. – Все назад! Он может броситься на вас в любую минуту!

– Хотел бы я знать, о чем это они говорят? – спросил Старый Зеленый Кузнечик у Сороконожки.

– Изучают меня, – сказал Сороконожка. – Но почему-то это их ужасно нервнрует.

И тут рядом с головой Старого Зеленого Кузнечика появилась жуткая голова мисс Паучихи. Для неподготовленного зрителя она выглядела, пожалуй, даже страшней, чем все предыдущее.

– Тысяча гремучих змей! – крикнул пожарный старшина. – Теперь нам конец! Это гигантский скорбункул!

– Нет, это еще хуже! – завопил начальник полиции. – Это ползучая кикимора! Только посмотрите на ее гнусную рожу!

– Это та самая тварь, которая на завтрак может целиком сожрать взрослого мужчину? – спросил пожарный старшина, бледный как полотно.

– Боюсь, что да, – ответил начальник полиции.

– Скажите, пожалуйста, – прокричала мисс Паучиха, – вы не могли бы помочь нам спуститься отсюда? У меня ужасно кружится голова.

– Это, скорей всего, ловушка! – сказал пожарный старшина. – Никому не двигаться без моего приказа!

– У них могут оказаться космические пистолеты, – пробормотал начальник полиции.

– Но должны же мы сделать хоть что-то, – мрачно заявил пожарный старшина. – Сейчас несколько миллионов человек смотрят на нас.

– Так в чем же дело? – предложил начальник полиции. – Приставьте свою лестницу и слазьте туда разобраться, что там делается. А я подожду вас здесь.

– Спасибо за совет! – огрызнулся пожарный старшина.

Скоро над краем персика торчало уже семь совершенно фантастических физиономий: Сороконожки, Старого Зеленого Кузнечика, мисс Паучихи, Дождевого Червя, Божьей Коровки, Шелкопряда и Светлячихи. Все они с чрезвычайным любопытством смотрели вниз, и среди пожарных и полисменов понемногу начало распространяться что-то очень похожее на панику.

Но внезапно паника прекратилась и раздался всеобщий вздох изумления. Над головами этих чудовищ появилась фигурка маленького мальчика.

Его волосы развевались на ветру, он смеялся, приветственно махал рукой и кричал:

– Привет, друзья! Привет всем!

Первые несколько мгновений люди внизу просто стояли и смотрели. Они не могли поверить собственным глазам.

– Чтоб я пропал! – воскликнул пожарный старшина, покраснев как рак. – Неужели это действительно обыкновенный мальчишка?

– Пожалуйста, не бойтесь нас! – кричал Джеймс. – Мы так рады, что оказались здесь!

– А как насчет этих страшилищ? – проорал начальник полиции. – Они не опасны?

– Ну, что вы! Они совершенно не опасны! – ответил Джеймс. – Это милейшие существа на свете. Сейчас я представлю их всех по очереди, и тогда вы все поймете:

– Позвольте мне представить вам:

Мой друг Сороконожка.

Он совершенно незлобив,

Хоть крупноват немножко.

Не раз к испанскому двору

Он зван был нянчить детвору,

Чтоб поутру учить добру

Наследников короны.

(«Теперь причина мне ясна, –

Сказал пожарный старшина, –

Как вышло так, что вся дина-

Стия лишилась трона».)

А это – Червь наш Дождевой, –

Джеймс монолог продолжил свой. –

Он дорог нам как таковой,
Но плюс к тому он гений
По части земляных работ.
Подкоп, туннель, подземный ход,
Канал для стока нечистот –
Все это он произведет,
Избавив вас от всех хлопот,
Ненужных трат, а также от
Малейших затруднений.
(Червь чрезвычайно был польщен.
От счастья весь зарделся он,
А Шелкопряд воскликнул: «Здесь
Не может быть двух мнений!»)

А Кузнечик? В нем дремлет талант – и какой!
Страстью к музыке с детства влеком,
Он на скрипке сыграет вам задней ногой,
Как не всякий сыграет смычком.
Может быть он игрушкой для детворы –
В магазине таких не сыскать! –
Только пятки ему пощекочешь, и пры-
Гнет он футов на семь или пять.
(«Он немного нелеп, но ничуть не свиреп!» –
Полицмейстер успел прокричать.)

А Джеймс продолжил свой рассказ:
«Ну а теперь, без долгих фраз,
Позвольте познакомить вас
С прелестной Светлячихой, чьи
Способности и качества
(При кротком нраве) таковы,
Что хоть сейчас могли бы вы,
Хотя иные этот шаг
Воспримут как чудачество,
Ее повесить в уголок
(На стену иль на потолок),
Тем самым сняв на долгий срок –
На чрезвычайно долгий срок! –
Проблему электричества.
(В ответ не меньше двадцати
Пожарных крикнули: «Свети!
Свети всегда, свети везде
На благо человечества!»)

Познакомьтесь также с тихой
И добрейшей Паучихой,
Что своею паутиной
Весь могла бы белый свет
Обмотать. И между прочим,
Я сегодня полномочен
Однозначно опровергнуть
Измышленья давних лет –
Клеветнические слухи
О какой-то Цокотухе,
Мол, хотела Паучиха
Съесть бедняжку на обед.
Пусть все люди доброй воли
У станка, в забое, в поле
Этой выдумке досужей
Дружным хором скажут «нет!»
(Юный коп воскликнул лихо:
«Ай да наша Паучиха!»
И от чувств избытка – в воздух
Разрядил свой пистолет.)

А Божья Коровка? Милей и умней
В природе существ не сыскать.
Как было приятно на персике с ней
В беседе часы коротать!
Жаль только пришлось ей покинуть детей –
Четыреста Божьих Телят,
Что очень скучают по маме своей
И скоро сюда прилетят.
(От счастья пустились пожарные в пляс,
А их старшина прокричал: «Хоть сейчас
Я в брак с ней вступить был бы рад!»)

Теперь мне вам представить надо
Достойнейшего Шелкопряда, –
Продолжил Джеймс свой краткий спич. –
В шелкопрядении достичь
Он совершенства смог такого,
Что от Парижа до Тамбова,
От Аппалачей до Судет
Его искусству равных нет.
И даже в лавках Сингапура,
Где по традиции культура

Шелкопряденья высока,
Шли нарасхват его шелка.
К тому ж, да будет вам известно
(А это знают повсеместно!),
Что честь имел он год назад
Поставить свадебный наряд
Английской королеве. Кстати,
Узнав об этом из печати,
Ваш президент, не будь дурак,
Послал ему заказ на фрак.
(Тут, обезумев от восторга,
Толпа на площади исторгла
Могучий клич: «Давно пора
Спустить их вниз. Ура! Ура!»)

38.

Через пять минут наши путешественники были благополучно спущены вниз, и Джеймс уже рассказывал о своих приключениях изумленным представителям городских властей.

Так, совершенно неожиданно для самих себя, обитатели персика стали героями. Их доставили к зданию муниципалитета, и на его ступенях сам мэр Нью-Йорка произнес прочувствованную приветственную речь. А в это время сотня верхолазов, вооружившись лестницами, веревками и лебедками, снимали огромный персик со шпиля Эмпайр Стейт Билдинг и опускали его на землю.

Мэр заключил свою речь торжественным восклицанием:

– Я полагаю, что в честь наших чудесных гостей мы должны устроить праздничное шествие!

Сейчас же была организована процессия, возглавляемая огромным открытым лимузином – в нем сидели Джеймс и его друзья.

Следом двигался сам персик, который с помощью подъемных кранов и лебедок был водружен на большой грузовик, где он и восседал, гордый, огромный и сияющий, как всегда. Конечно, снизу у него была небольшая дыра от шпиля Эмпайр Стейт Билдинг, и из нее прямо на мостовую лился персиковый сок, но кого теперь это беспокоило!

Следом ехал в своем лимузине мэр Нью-Йорка, а за ним – два десятка машин с виднейшими представителями обществности города.

Население Нью-Йорка пришло в невероятное возбуждение. Гигантские толпы выстроились вдоль всех улиц по пути следования кортежа, тысячи людей высовывались из окон домов. Они кричали, вопили, визжали,

свистели, хлопали в ладоши и швыряли под колеса машин конфетти и серпантин. А Джеймс и его друзья стояли в своем открытом лимузине и отвечали на приветствия.

И тут произошла одна забавная вещь. Когда праздничная процессия неторопливо двигалась по Пятой авеню, из толпы выбежала маленькая девочка и закричала:

– Джеймс, Джеймс! Ну, пожалуйста! Можно мне попробовать твой замечательный персик? Хотя бы самый малюсенький кусочек!

– Сделай одолжение! – крикнул Джеймс в ответ. – Ешь сколько хочешь, а то ведь он может и испортиться!

Не успел он договорить, как полсотни ребятишек выскочили на проезжую часть.

– А можно нам тоже? – кричали они.

– Ну, конечно! – отвечал Джеймс. – Хватит на всех!

Дети вскарабкались на грузовик, как муравьи, облепили огромный персик со всех сторон и жадно набросились на лакомство. Они ели, и ели, и никак не могли наесться. А тем временем со всех окрестных улиц сбегались новые толпы мальчишек и девочек, горящих желанием присоединиться к пиршеству. И вскоре за грузовиком, неторопливо двигавшимся по Пятой авеню, выстроилась очередь длиной чуть ли не в милю. Вот это была картина! Как будто в Нью-Йорке объявился знаменитый Ганс Крысолов из Гаммельна. А для Джеймса, который прежде и представить себе не мог, что на свете может оказаться так много детей, ничего лучшего просто нельзя было придумать.

Словом, когда праздничное шествие завершилось, гигантский персик был съеден до последнего кусочка, и в кузове грузовика осталась только большая коричневая косточка, вылизанная до блеска тысячами маленьких жадных язычков.

39.

Так окончилось это захватывающее путешествие. Но жизнь наших путешественников продолжалась. В новой стране каждый из них добился богатства и успеха.

Сороконожку пригласили на должность вице-президента по продажам в одну из самых респектабельных обувных компаний.

Дождевой Червь с его прекрасной гладкой розовой кожей выступал по телевидению, рекламируя женские кремы для лица.

Мисс Паучиха и Шелкопряд, пройдя специальные курсы переподготовки, научились прясть нейлоновые нити вместо шелковых и открыли фабрику по производству сверхпрочных канатов для канатоходцев.

Мисс Светлячиха поселилась в факеле Статуи Свободы и таким образом избавила благодарных нью-йоркцев от оплаты астрономических счетов за электроэнергию.

Старый Зеленый Кузнечик был сейчас же приглашен на должность первой скрипки в нью-йоркский симфонический оркестр, где его замечательное искусство получило заслуженно высокую оценку.

Божья Коровка, которую всю жизнь преследовали навязчивые страхи о том, что в ее домике пожар и детки все сгорели, вышла замуж за старшину пожарников, и они прожили в любви и согласии долгие годы.

Что же касается косточки персика, то она была установлена на почетном месте в Центральном парке и стала одной из самых популярных его до-

стопримечательностей. Впрочем, она была не только популярной достопримечательностью – она была и домом, в котором жила не менее популярная личность:

ДЖЕЙМС ГЕНРИ ТРОТТЕР
собственной персоной.

И в любой день недели все желающие могли постучать в дверь этого дома, зайти внутрь и увидеть своими глазами знаменитую комнату, где Джеймс впервые встретился со своими друзьями. А если посетителю посчастливилось, то он мог застать там Старого Зеленого Кузнечика, который иногда заходил отдохнуть в кресле перед камином, или Божью Коровку, которая порой забегала выпить чашечку чая и немного поболтать о том о сем, или Сороконожку, который часто заявлялся похвастаться только что купленным комплектом каких-нибудь особенно элегантных башмаков.

И каждый день сотни детей со всех концов страны приезжали в Нью-Йорк и приходили в Центральный парк только для того, чтобы увидеть косточку этого волшебного персика. Таким образом, Джеймс Генри Троттер, который, если вы помните, когда-то был самым грустным и одиноким ребенком на свете, теперь не имел недостатка в друзьях и товарищах по играм. А поскольку его постоянно упрашивали снова и снова рассказывать о путешествии на персике, то в один прекрасный день он решил, что было бы неплохо написать обо всем этом книгу.

Так он и сделал.

И это как раз та книга, которую вы только что закончили читать.

***В**олшебный палец*

Эта книга посвящается Офелии и Люси

На соседской ферме живут мистер и миссис Грегг. У них двое детей, оба мальчики. Зовут их Филип и Уильям. Я иногда хожу к ним поиграть.

Я девочка, мне восемь лет.

Филипу тоже восемь.

Уильям на три года старше. Ему десять.

Что вы говорите?

Ну, ладно. Пусть будет по-вашему.

Ему одиннадцать.

А неделю назад с семьей Греггов приключилась презабавная история. Попробую ее вам рассказать.

Больше всего на свете мистер Грегг и его сыновья любят охотиться. Каждую субботу они берут свои ружья и с утра пораньше отправляются в лес убивать зверей и птиц.

Даже у Филипа, которому всего восемь, есть собственное ружье.

А я охоту терпеть не могу. Ну, прямо на дух не выношу. По-моему, это неправильно, когда взрослые мужчины и мальчишки убивают животных просто ради забавы. Раньше, бывало, как приду к ним, так и начну уговаривать Филипа и Уильяма бросить это дело. А они надо мной только смеются.

Раз я даже сказала кое-что на эту тему мистеру Греггу, но он прошел себе мимо, будто меня там и не было.

И вот однажды в субботу утром стою я во дворе нашего дома и вижу: из лесу выходят Филип и Уильям со своим папашей и несут на палке чудесного олененка.

Я так разозлилась, что стала орать на них.

Мальчишки захохотали и стали строить рожи, а мистер Грегг велел мне отправляться домой и не лезть не в свои дела.

Ну, это уж было слишком. В глазах у меня потемнело, и не успела я опомниться, как сделала то, чего совсем не собиралась делать.

Я ПОДНЯЛА НА НИХ СВОЙ ВОЛШЕБНЫЙ ПАЛЕЦ!

Вот ужас! Что я натворила! Я подняла палец даже на миссис Грегг, хотя ее там вообще-то и не было. Я подняла палец на всю их семью.

Сколько раз я себе клялась, что никогда больше не подниму ни на кого свой Волшебный Палец! Да как я могу – после того, что произошло с нашей учительницей, старой миссис Уинтер...

Бедная миссис Уинтер.

Это случилось на уроке правописания.

Она мне говорит:

– Встань и скажи по буквам, как пишется «котенок».

– Ну, это просто, – отвечаю. – «К-а-т-е-н-о-к».

– Глупая ты девчонка! – говорит миссис Уинтер.

А я как закричу:

– И вовсе я не глупая девчонка! Я очень даже милая девочка!

– Отправляйся в угол! – говорит миссис Уинтер.

Тут я разозлилась, в глазах у меня потемнело, и я подняла свой Волшебный Палец на миссис Уинтер! И в ту же минуту...

Догадайтесь, что?

У нее вдруг стали расти усы! Большие черные усы, совсем как у кошки, только гораздо длиннее. И до чего же быстро они росли! Мы и глазом моргнуть не успели, как они уже выросли до самых ушей!

Тут все, конечно, захохотали как ненормальные, а миссис Уинтер говорит:

– Скажите на милость, что это вас так безумно развеселило?

Поворачивается к доске, чтобы что-то написать, а у нее сзади *хвост!* Длинный пушистый хвост!

Что тут поднялось, я даже описать не могу, но если вы спросите, пришла ли в себя миссис Уинтер, то я вам отвечу: «Нет, не пришла». И никогда не придет.

Волшебный Палец у меня с самого рождения.

Не могу вам объяснить, как я это делаю, потому что сама не знаю.

Стоит мне разозлиться, как в глазах у меня темнеет, и пожалуйста...

Кончик указательного пальца на правой руке начинает ужасно свербеть...

Из меня вдруг, словно при коротком замыкании, вылетает какая-то искра.

И ударяет в того, кто меня разозлил...

И тут начинается...

Словом, теперь вся семья Греггов была отмечена моим Пальцем – обратного хода тут нет, ничего не попишешь.

Я побежала домой и стала ждать, что будет дальше.

Ждать мне пришлось недолго.

Вот что у них произошло. (Я узнала это от Филипа и Уильяма на следующее утро, когда все уже кончилось).

В тот же день, когда я подняла Волшебный Палец на всю Греггову семейку, мистер Грегг вместе с Филипом и Уильямом после полудня снова отправились на охоту. На этот раз они собирались пострелять диких уток и поэтому повернули к озеру.

Не прошло и часа, как они подстрелили десять штук.

За второй час – еще шесть.

– Вот это денек! – воскликнул мистер Грегг.

Он просто себя не помнил от радости.

И тут над головой у него пролетели еще четыре дикие утки. Летели они совсем низко. Подстрелить их ничего не стоило.

БАХ! БАХ! БАХ! БАХ! – загремели выстрелы.

Но утки не падали.

– Промазали! – удивился мистер Грегг. – Вот странно!

И тут, представьте себе, утки повернули назад и полетели прямо на охотников.

– Ого! – сказал мистер Грегг – Что это они? Сами напрашиваются на пулю!

И снова выстрелил. И мальчишки тоже. И снова все трое промазали!

Мистер Грегг аж побагровел.

– Это из-за освещения, – сказал он. – Темнеет, ничего не разглядишь. Пошли-ка домой.

И они направились к дому, неся шестнадцать подстреленных уток.

Но четыре утки от них не отставали, и знай кружили над головами.

Мистера Грегга это ужасно раздражало. «Кыш!» – кричал он и снова стрелял, да только все без толку. Никак он не мог в них попасть. И всю дорогу до дому так и не сумел он их отогнать.

Поздно вечером, когда Филип и Уильям уже спали, мистер Грегг вышел во двор за дровами для камина.

Он как раз шел по двору, когда внезапно раздался утиный крик.

Он остановился и поднял голову к небу. Ночь стояла тихая. Тоненький бледный полумесяц плыл над деревьями на пригорке. Небо было усыпано звездами. В эту минуту мистер Грегг услышал шум крыльев прямо у

себя над головой: по небу пролетели одна за другой четыре темные тени. Это утки кружили над его домом.

Мистер Грегг забыл о дровах и кинулся в дом. Он просто испугался. Все это ему совсем не нравилось. Но он не стал зря беспокоить миссис Грегг, а только сказал:

– Ну, ладно, давай-ка ложиться. Я что-то устал.

Они легли в постель и заснули.

Утром мистер Грегг проснулся первым. Открыл глаза. Хотел было протянуть руку за часами – посмотреть который час. Но рука не протягивалась.

– Странно, – сказал он. – Где же моя рука?

Он лежал, не двигаясь, и пытался понять, что произошло. Может, он как-то повредил себе руку? Он попробовал протянуть другую руку. Опять ничего не вышло. Он сел. И тут мистер Грегг увидел себя!

Он завопил и выпрыгнул из постели.

Крик разбудил миссис Грегг. Она увидела стоявшего возле постели мужа и тоже завопила.

Мистер Грегг превратился в крошечного человечка! Может, до спинки стула он и доставал, но уж никак не выше. А вместо рук у него теперь были утиные крылья!

– Но... но... но... – закричала, багровея, миссис Грегг. – Что это с тобой, милый?

– Ты хочешь сказать: с нами обоими! – завопил мистер Грегг.

Тут уж и миссис Грегг выпрыгнула из постели.

Подбежала к зеркалу. Но дотянуться до него не смогла. Она стала еще меньше, чем мистер Грегг, и вместо рук у нее тоже были крылья.

– О-о! О-о! – зарыдала миссис Грегг.

– Кто-то навел на нас порчу! – закричал мистер Грегг.

И они закружили по комнате, хлопая крыльями.

В это время в спальню ворвались Филип с Уильямом. С ними произошло то же самое. Руки исчезли, а вместо них появились крылья. Ростом же мальчишки стали *совсем* крошечные. Ну просто воробы!

– Мама! Мама! Мама! – зачирикал Филип. – Погляди, мам, мы летаем!

И взлетел в воздух вместе с Уильямом.

– Немедленно спускайтесь! – прикрикнула на них миссис Грегг. – Разве можно забираться так высоко?!

Но Филип и Уильям уже вылетели наружу.

Мистер Грегг и миссис Грегг бросились к окну. Крошечные фигурки мальчиков были высоко в небе.

И тогда миссис Грегг сказала мистеру Греггу:

– Как ты думаешь, милый, *мы* с тобой тоже так могли бы?

– Почему бы и нет? – ответил мистер Грегг. – Давай попробуем.

Мистер Грегг изо всех сил захлопал крыльями – и тотчас взлетел в воздух.

Миссис Грегг тоже захлопала крыльями.

– Помогите! – закричала она, заметив, что поднимается вверх. – Спасите!

– Ну-ну, – сказал мистер Грегг. – Не бойся.

Они вылетели в окно, поднялись высоко в небо и вскоре догнали своих сыновей.

И вот уже вся семья кружила в воздухе.

– Ах, как чудесно! – кричал Уильям. – Я всегда хотел летать, как птица!

– Милая, у тебя крылья не устали? – спросил мистер Грегг жену.

– Ни капельки! – отвечала миссис Грегг. – Я могла бы так летать вечно.

– Эй, поглядите вниз! – крикнул Уильям. – В нашем саду кто-то ходит!

Они глянули вниз и увидали в своем саду четырех *огромных* уток. Утки были ростом с человека и вдобавок вместо крыльев у них были длинные руки.

Размахивая руками и высоко задрав клювы, утки шли гуськом к дверям Греггова дома.

– Стойте! – закричал крошечный мистер Грегг, пролетая у них прямо над головами. – Убирайтесь! Это мой дом!

Утки подняли головы и громко закричали. Первая утка протянула руку, отворила дверь и вошла в дом. Остальные – за нею. Дверь захлопнулась.

Грегги слетели вниз и уселись на забор возле двери. Миссис Грегг заплакала.

– О горе! Горе! – рыдала она. – Они захватили наш дом. Что же нам теперь делать? Нам некуда идти!

Даже мальчишки захныкали.

– Ночью нас сожрут кошки и лисицы! – сказал Филип.

– Хочу спать в своей постели! – сказал Уильям.

– Ну, ладно, – сказал мистер Грегг. – Что толку плакать? Слезами горю не поможешь. Знаете, что мы сделаем?

– Что? – спросили они хором.

Мистер Грегг кинул на них взгляд и улыбнулся.

– Мы сошьем гнездо.

– Гнездо? – удивились они. – А мы сумеем?

– Мы *должны* это сделать, – сказал мистер Грегг. – Надо же нам где-то спать. Летите за мной.

Они подлетели к высокому дереву – мистер Грегг выбрал место для гнезда на самой вершине.

– Нам нужны прутьики, – сказал он. – Много-много тоненьких прутьиков. Ну-ка отправляйтесь, наберите прутьиков и тащите их мне сюда.

– Но у нас нет рук! – сказал Филипп.

– Тогда собирайте ртами.

Миссис Грегг и мальчишки улетели. Вскоре они вернулись с прутьиками во ртах.

Мистер Грегг начал вить гнездо.

– Еще! – сказал он. – Мне нужно много-много прутьиков!

Понемногу гнездо начало расти. Мистер Грегг очень ловко с ним управлялся.

Наконец он сказал:

– Ладно, прутьиков хватит. Теперь несите мне листья, перья и все такое, чтобы гнездо у нас было мягким и уютным.

Работа продолжалась довольно долгое время. Наконец гнездо было готово.

– А теперь надо его проверить, – сказал мистер Грегг и отпрыгнул в сторону, чтобы полюбоваться своей работой.

Он остался ею очень доволен.

– Ах, какая прелесть! – воскликнула миссис Грегг, усаживаясь в гнездо. – Кажется, я прямо сейчас снесу яичко!

Остальные тоже устроились в гнезде.

– Как тут тепло! – воскликнул Уильям.

– Здорово жить так высоко, – сказал Филипп. – Конечно, мы теперь просто крохи, но зато здесь нас никто не обидит.

– Но где же мы будем брать еду? – волновалась миссис Грегг.

– Нет, вы только посмотрите! Эта гадкая утка что-то варит на моей плите! – возмутилась миссис Грегг, пролетая мимо кухонного окна. – Да как она смеет?!

– А тот тип взял мое ружье! – закричал мистер Грегг.

– А вон та улеглась в мою постель, – завопил Уильям.

– А эта играет с моей железной дорогой! – заорал Филип.

– О Господи! – запричитала миссис Грегг. – Они захватили весь дом! Он больше никогда не будет нашим!.. Но как же все-таки насчет еды?

– Ведь мы уже целый день совсем ничего не ели.

– Верно, – согласился мистер Грегг. – Вернемся к нашему дому, влетим в окно и, только утки отвернутся, мы – хватъ коробку печенья и улетим.

– Ах, эти огромные грязные утки нас заклюют! – воскликнула миссис Грегг.

– Мы будем очень осторожны, дорогуша, – возразил мистер Грегг. И они полетели.

Но, подлетев к дому, увидели, что все окна и двери плотно закрыты. Попастъ внутрь было ну просто никак невозможно.

– Червяков я ни за что есть не буду, – заявил Филип. – Лучше умереть!

– И улиток тоже, – прибавил Уильям.

Миссис Грегг обняла сыновей своими крыльями.

– Не бойтесь, – сказала она. – Я изрублю их мелко-мелко, вы никакой разницы не заметите. Вкусные улитбургеры! Дивные червебургеры!

– Ну уж, нет! – закричал Уильям.

– Ни за что! – завопил Филип.

– Это отвратительно! – согласился мистер Грегг. – У нас, конечно, теперь есть крылья, но это не значит, что мы должны питаться так же, как птицы. Лучше есть яблоки. Вон их сколько у нас в саду.

И они подлетели к яблоне.

Но есть яблоко, не придерживая его руками, совсем не просто: только захочешь вонзить в него зубы, а оно уклоняется в сторону. В конце концов им все же удалось откусить кусочек-другой. Но тут стало темнеть, и они возвратились в гнездо и улеглись спать.

Примерно в это же время я подошла у себя дома к телефону, чтобы позвонить Филипу. Мне хотелось узнать, все ли у них в порядке.

– Алло, – сказала я.

Голос в телефонной трубке ответил:

– Кряк!

– Кто говорит? – спросила я.

– Кряк-кряк!

– Филип, это ты?

– Кряк-кряк-кряк-кряк-кряк!

– Перестань! – закричала я.

В ответ послышался очень странный звук. Было похоже, что птица смеялась...

Я бросила трубку.

– Уж этот Волшебный Палец! – закричала я. – Что он наделал с моими друзьями?

В ту ночь, когда мистер и миссис Грегг вместе с Филипом и Уильямом пытались выспаться в гнезде на вершине дерева, поднялся сильный ветер. Дерево раскачивалось из стороны в сторону, и все, даже мистер Грегг, боялись, как бы гнездо не упало на землю. А потом пошел дождь. Он лил как из ведра, так что все они промокли насквозь. Ах, это была ужасная, ужасная ночь!

Но вот наступило утро, на небе показалось солнышко.

– Наконец-то! – сказала мистер Грегг. – Слава Богу, все позади! Ни за что на свете не соглашусь больше спать в гнезде!

Она поднялась и выглянула вниз...

– Помогите! – закричала она. – Нет, ты только посмотри, что там!

– В чем дело, дорогая? – спросил мистер Грегг, поднимаясь на ноги и глядя вниз.

Ну и удивился же он!

Внизу под деревом стояли четыре огромные, в человеческий рост,

утки; трое из них держали в руках ружья. Одна – ружье мистера Грегга, другая – ружье Филипа, а третья – ружье Уильяма.

Ружья были нацелены прямо на гнездо.

– Нет! Нет! – в один голос закричали мистер и миссис Грегг.

– Почему же нет? – спросила та утка, что стояла без ружья. – Ведь вы же чуть ли не каждый день стреляете в нас.

– Ах, но ведь это совсем другое дело! – сказал ми-

стер Грегг. — Нам *разрешено* стрелять уток!

— И кто же вам разрешил?
— спросила утка.

— Мы сами себе разрешили, — ответил мистер Грегг.

— Чудесно, — сказала утка.
— А теперь мы разрешим себе стрелять вас.

(Хотелось бы мне посмотреть, какое у мистера Грегга было в эту минуту лицо.)

— О, умоляю вас! — воскликнула миссис Грегг. — Тут наверху вместе с нами двое наших маленьких детей! Вы не убьете моих детей!

— Вчера вы убили моих детей, — отвечала утка. — Вы убили всех шестерых.

— Я никогда больше такого не сделаю! — вскричал мистер Грегг. — Никогда! Никогда! Никогда!

— Вы правду говорите?

— Правду, чистую правду!
— горячо воскликнул мистер Грегг. — Никогда в жизни и ни за что на свете я не выстрелю больше ни в одну утку!

— Этого мало, — сказала утка. — А в оленей?

— Я сделаю все, что вы скажете, только, ради бога, опустите ружья! — закричал в ответ мистер Грегг. — Я никогда больше не стану стрелять ни в уток, ни в оленей, ни в кого другого!

— Даете слово?

— О, да! Даю! — сказал мистер Грегг.

— И выбросите ружья? — спросила утка.

— Сегодня же я разобью их все до одного в мелкие кусочки! — воскликнул мистер Грегг. — Никогда больше вам не придется бояться меня или моей семьи.

– Хорошо, – сказала утка. – Вы можете спуститься вниз. Кстати, разрешите вас поздравить. Гнездо у вас получилось очень даже неплохо для первого раза.

Мистер и миссис Грегг выпрыгнули вместе с Филипом и Уильямом из гнезда и слетели вниз.

Внезапно все кругом закрыла крошечная мгла – в ушах засвистал страшный ветер. Им стало не по себе.

Затем на мглу наплыла синева... зелень... багрянец... все вдруг залило золотом... глядь – и они стоят уже у себя в саду рядом с домом, а вокруг сияет солнце и все опять так, как было прежде.

– У нас больше нет крыльев! – обрадовался мистер Грегг. – Зато опять есть руки!

– И мы уже не крошки! – рассмеялась миссис Грегг. – Ах, я так счастлива!

А Филип и Уильям на радостях пустились в пляс.

В эту минуту они услышали высоко над головами крик дикой утки. Они подняли головы: на фоне синего неба летели одна за другой четыре утки, направляясь назад к лесному озеру.

Через полчаса я вошла в сад к Греггам.

Мне хотелось узнать, что у них происходит; честно говоря, ничего хорошего я не ожидала.

Войдя в калитку, я застыла на месте: зрелище было странное.

В одном углу сада мистер Грегг разбивал огромным молотом в мелкие кусочки три ружья.

В другом углу миссис Грегг сажала цветочки на шестнадцать холмиков — позже я узнала, что это были могилки убитых накануне уток.

А в середине двора в окружении уток, голубей, жаворонков, воробьев, малиновок и прочих неизвестных мне птиц стояли возле мешка с отборным отцовским ячменем Филип и Уильям и щедро сыпали его пригоршнями на землю.

– Доброе утро, мистер Грегг, – поздоровалась я.

Мистер Грегг опустил молот и посмотрел на меня.

– Я теперь не Грегг, – сказал он. – Из уважения к моим пернатым друзьям я принял имя Кряк.

– А я теперь миссис Кряк.

– А что случилось? – спросила я.

Похоже, все четверо совсем сбрендил – что детки, что родители.

И тогда Филип и Уильям стали рассказывать мне все по порядку. А когда их рассказ подошел к концу, Уильям сказал:

– Посмотри-ка вверх! Видишь наше гнездо? На самой верхушке дерева! Вот где мы спали вчера ночью!

– Я сам его свил, – с гордостью прибавил мистер Кряк. – От первого до последнего прутика.

– Если не веришь, – сказала миссис Кряк, – зайди в дом и загляни в ванную. Ужас, что там творится!

– Они наполнили ванну до самых краев, – сказал Филип. – И, верно, плавали в ней всю ночь! Перьев видимо-невидимо!

– Утки воду любят, – заметила миссис Кряк. – Я рада, что им было хорошо.

В эту минуту где-то над озером раздался грохот – БАХ!

– Кто-то стреляет! – охнула я.

– Это Джим Купер, – сказал мистер Кряк. – Со своими тремя парнями. Они все просто помешались на охоте.

Внезапно в глазах у меня потемнело...

Все тело запылало...

Кончик пальца ужасно засвербел. Я почувствовала, как меня переполняет какая-то сила...

Я повернулась и со всех ног бросилась к озеру.

– Эй! – крикнул мистер Кряк. – Что с тобой? Ты куда?

– Надо найти Куперов, – бросила я на бегу.

– Зачем они тебе?

– Вот увидите! – крикнула я. – Они у меня проведут сегодняшнюю ночь на дереве, все до единого!

Чарли
и Шоколадная
фабрика

для Тео

Это книга про пятерых детей:

прожорливого *Огастеса Глупа*;

избалованную *Веруку Солт*;

Виолетту Борегард,

которая непрерывно жевала жевательную резинку;

Майка Телика,

который целыми днями смотрел телевизор;

и про ЧАРЛИ БАККЕТА,

который является главным действующим лицом.

1. НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ЧАРЛИ

Эти древние
старик и старуха —
родители
мистера Баккета.

Их зовут
дедушка Джо
и бабушка Джозефина.

А вот эти,
такие же древние
старик и старуха —
родители миссис Баккет.

Их зовут
дедушка Джордж
и бабушка Джорджина.

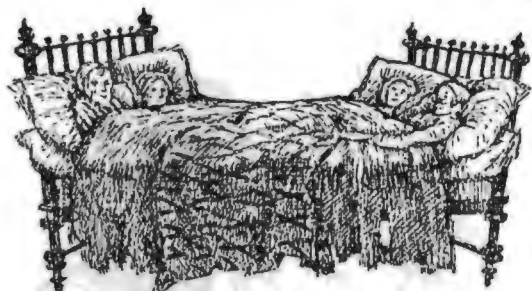
Это мистер Баккет. А это миссис Баккет.
У них есть маленький мальчик по имени Чарли.

Вот он

Как поживаете? А вы как поживаете? И еще раз: как вы поживаете?
Короче, он очень рад с вами познакомиться.

Вся эта семья – шестеро взрослых (пересчитайте сами, если не верите) и маленький Чарли – жила в тесном деревянном домике на окраине огромного города. И, увы, жилищные условия в этом домике отнюдь не отвечали требованиям такой большой семьи, отчего ее членам приходилось испытывать жесточайшие неудобства. Все семеро ютились в двух крошечных комнатушках и на всех семерых у

них была только одна кровать, которую, естественно, выделили четверке бабушек и дедушек – ведь они так долго жили на свете и так от этого устали. Устали до такой степени, что последние годы уже, по сути дела, никогда и не вставали с этой кровати.

Так они и лежали: дедушка Джо и бабушка Джозефина с одной стороны, а дедушка Джордж и бабушка Джорджина – с другой.

А мистер и миссис Баккет вместе с маленьким Чарли спали в соседней комнате, расстелив матрас прямо на полу.

Летом это было еще туда-сюда. Но зимой, когда по полу всю ночь напролет гулял ледяной сквозняк, это было совершенно невыносимо.

Разумеется, не могло идти даже речи о том, чтобы купить дом получше и побольше – такая покупка была семье Баккетов не по карману.

Единственным источником ее доходов являлся заработок мистера Баккета. Он работал на фабрике по производству зубной пасты, и целый день прикручивал колпачки к уже наполненным тюбикам. Но, увы, такую работу никак нельзя отнести к разряду высокооплачиваемых, и несмотря на то, что мистер Баккет был прекрасным работником и с годами насобачился прикручивать колпачки с просто невероятной скоростью, его заработка и вполнину не хватало на потребности семьи – даже на сколько-нибудь приличную еду. Семья Баккетов могла позволить себе лишь скудное меню, состоявшее из хлеба с маргарином на завтрак, капустного супа на обед и картошки с капустой на ужин. Все в доме с нетерпением ждали воскресенья; хотя и по воскресеньям меню, как правило, оставалось тем же самым, но по крайней мере каждый мог рассчитывать на вторую порцию.

Нет, конечно, ни в коем случае нельзя было сказать, что семья голодала, но и двое дедушек, и двое бабушек, и родители Чарли, и особенно он сам каждый день с утра до вечера испытывали крайне неприятное чувство сосущей пустоты в желудке.

Хуже всех приходилось Чарли. Ведь несмотря на то, что родители частенько отдавали ему свою долю обеда или ужина, этого все равно было недостаточно для растущего организма, который неумолимо требовал чего-нибудь более питательного, чем вареная картошка и капустный суп. Но об одной вещи Чарли мечтал сильнее, чем обо всем остальном вместе взятом, и этой вещью был... ШОКОЛАД.

Идя по утрам в школу, Чарли проходил мимо магазинов, где на витринах громоздились целые залежи плиток шоколада, и тогда он останавливался и, истекая слюной, подолгу глазел на них, уткнувшись носом в стекло. Много раз за день ему приходилось видеть, как другие дети беззастенчиво достают из карманов или из сумок сливочные шоколадки и с аппетитом грызут их у него на глазах – это зрелище было для мальчика сущей пыткой.

И только один раз в году, на свой день рождения, доводилось Чарли отведать вожделенного лакомства. Вся семья целый год копила деньги к этой торжественной дате, и когда знаменательный день наступал, Чарли получал с утра в свое полное распоряжение одну маленькую плитку шоколада. Он бережно, словно она была из чистого золота, укладывал ее в свой заветный деревянный сундучок и несколько следующих дней даже не прикасался к ней, а только изредка позволял себе полюбоваться. Потом, когда терпеть уже не оставалось сил, он отрывал с одного конца кусочек обертки, обнажал крохотный кусочек шоколада и откусывал ровно столько, чтобы ощутить, как по языку растекается эта божественная сладость. Так он делал каждый день, что иной раз позволяло растянуть удовольствие от шестипенсовой плитки больше чем на месяц.

Но я еще не рассказывал вам об одном ужасном обстоятельстве, которое заставляло нашего маленького Чарли, этого фанатичного любителя шоколада, страдать гораздо сильнее, чем при виде плиток шоколада в витринах магазинов или сверстников, жующих сливочные шоколадки у него на глазах. Этим самым кошмарным обстоятельством, какое только можно вообразить, было вот что:

В непосредственной близости от дома, где жил Чарли, располагалась ОГРОМНАЯ ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА! Ее даже было видно из окна!

Только представьте себе!

Причем это была не просто большая шоколадная фабрика. Это была самая большая и самая знаменитая на свете «Уонказ Фэктори», принадлежавшая человеку по имени мистер Уилли Уонка, величайшему шоколадных дел мастеру всех времен и народов.

Что это было за волшебное место! Вокруг всего здания тянулась высокая стена, а вход на фабрику преграждали тяжелые железные ворота. Из-за стены непрерывно доносились какие-то странные свистящие звуки, а снаружи на добрых полмили вокруг воздух был наполнен тяжелым и густым ароматом расплавленного шоколада.

Дважды в день по дороге в школу и из школы Чарли приходилось идти мимо ворот фабрики. И каждый раз он замедлял шаг и с упоением втягивал ноздрями восхитительный шоколадный запах.

О, как он любил этот запах и как мечтал хоть разок попасть за железные ворота и посмотреть, что там делается внутри!

2. ФАБРИКА МИСТЕРА УИЛЛИ УОНКА

По вечерам, покончив со скудным ужином, Чарли обычно отправлялся в комнату своих четырех дедушек и бабушек послушать перед сном их рассказы о том о сем и пожелать им спокойной ночи.

Каждому из этих стариков было уже за девяносто. Сморщенные как сливы и тощие как скелеты, они целый день лежали в своей общей кровати, тесно прижавшись друг к другу и не снимая ночных колпаков. До прихода Чарли старики проводили время в совершенной неподвижности, но едва открывалась дверь и раздавался голос мальчика: «Добрый вечер, дедушка Джо! Добрый вечер, бабушка Джозефина! Добрый вечер, дедушка Джордж! Добрый вечер, бабушка Джорджина!» – как все четверо сразу садились на кровати и их старые морщинистые лица расцветали радостными улыбками.

И начинались бесконечные разговоры...

Старики любили маленького Чарли. Он был единственной радостью в их жизни, и его ежевечерних посещений они ждали целый день. Часто вместе с Чарли приходили и его родители. Они стояли у двери и тоже слушали рассказы стариков, и тогда, быть может, лишь на какие-то полчаса комната становилась самым уютным местом на свете и вся семья хоть ненадолго забывала о голоде и нужде.

В один такой вечер Чарли спросил у своих бабушек и дедушек:

– Это правда, что шоколадная фабрика мистера Уонка самая большая на свете?

– Правда? – воскликнули все четверо разом. – Конечно, это правда! Господи, да разве ты сам не знаешь! Она в пятьдесят раз больше, чем любая другая!

– А мистер Уилли Уонка самый искусный шоколадных дел мастер во всем мире?

– Мой мальчик! – сказал дедушка Джо, немного приподнявшись на своей подушке. – Мистер Уилли Уонка самый чудесный, самый великий и самый гениальный шоколадных дел мастер, каких только видел свет! Это известно всем!

– Я знаю, что он очень знаменит и что он большой мастер своего дела...

– Мастер своего дела? – закричал старик. – Да он просто настоящий волшебник! Он может сделать все, что только захочет! Разве я не прав, друзья мои?

Остальные старики медленно кивнули головами.

– Именно так. И никак иначе.

– Неужели я никогда не рассказывал тебе о мистере Уилли Уонка и его фабрике? – спросил дедушка Джо.

– Никогда, – ответил маленький Чарли.

– Силы небесные! Да как же так могло случиться?

– Дедушка Джо, пожалуйста, расскажи сейчас!

– С удовольствием. Садись поближе, мой милый, и слушай внимательно.

Дедушка Джо был самым старшим из всех четверых бабушек и дедушек. Ему было девяносто шесть с половиной лет, а дожить до такого возраста удается не многим. Как все такие старые люди, дедушка Джо был уже очень слаб и порой целыми днями не произносил ни слова. Но по ве-

черам, когда в комнате появлялся его любимый внук, старик словно по волшебству снова обретал молодость. Он, казалось, сбрасывал с себя груз прожитых лет и опять становился пылким и восторженным юношей.

– О, мистер Уилли Уонка – это такой человек! – воскликнул он. – Знаешь ли ты, что он лично изобрел больше двухсот видов шоколада, причем каждый из них был с новой начинкой и вдобавок слаще, жирней и душистей, чем продукция любой другой шоколадной фабрики?

– Совершенно верно! – подтвердила бабушка Джозефина. – И вдобавок он рассылает их во все страны света! Правда, Джо?

– Да, моя дорогая! И всем королям и президентам в придачу! Но он производит не только шоколадки. Нет, друзья мои! У мистера Уилли Уонка есть в запасе и кое-что похлеще! Знаете ли вы, что он изобрел способ изготовления шоколадного мороженого, которое можно часами хранить безо всякого холодильника? Такое мороженое хоть целый день держи на самом солнцепеке, а оно даже не начнет подтаивать!

– Но это же невозможно! – сказал маленький Чарли, уставившись на своего деда.

– Разумеется, невозможно! – воскликнул старик. – Более того, просто абсурдно! Но мистер Уилли Уонка сделал это!

– Так и есть, – согласились остальные старики, кивая головами. – Мистер Уонка действительно сделал это.

– И кроме того, – продолжал дедушка Джо, произнося каждое слово медленно и отчетливо, чтобы Чарли не пропустил ничего, – мистер Уилли Уонка умеет делать зефир, который пахнет фиалками, большие карамели, которые, когда их сосешь, меняют цвет каждые десять секунд, и маленькие воздушные конфетки, которые исчезают, как только положишь их в рот. Он изобрел жевательную резинку, которая никогда не теряет вкуса, и сахарные шарики, которые можно надувать до гигантских размеров, а потом проткнуть булавкой и съесть. А еще он знает только одному ему известный способ, как делать маленькое сладкое яичко с черными пятнышками, немного похожее на яйцо синички, – пока его сосешь, оно становится все меньше и меньше, а потом вдруг на кончике языка оказывается крошечный розовый птенчик.

Дедушка Джо сделал паузу и медленно облизнулся.

– У меня текут слюнки, едва только я начинаю думать об этом, – произнес он.

– У меня тоже, – сказал маленький Чарли. – Но пожалуйста, рассказывай дальше!

Тем временем в комнату тихо вошли родители Чарли и молча остановились у дверей.

– Расскажи про этого ненормального индийского принца, – сказала бабушка Джозефина. – Чарли должна понравиться эта история.

– Про принца Пондишерри? – спросил дедушка Джо, заранее начиная смеяться.

– Это был самый обыкновенный психопат! – заявил дедушка Джордж.

– Но зато очень богатый человек, – добавила бабушка Джорджина.

– А что такого он сделал? – заинтересовался Чарли.

– Слушай внимательно, – сказал дедушка Джо, – и все узнаешь.

3. МИСТЕР УОНКА И ИНДИЙСКИЙ ПРИНЦ

– Принц Пондишерри, – начал дедушка Джо, – написал письмо мистеру Уилли Уонка с просьбой не полениться приехать в Индию и построить огромный дворец, который был бы целиком сделан из одного только шоколада.

– И мистер Уонка построил такой дворец?

– Конечно, построил! Господи, что это было за сооружение! Сто комнат, и все, абсолютно все, сделано из темного или светлого шоколада. Шоколадные кирпичи были скреплены шоколадным цементом, окна были из специальной шоколадной пленки, стены и потолок покрывала особая шоколадная штукатурка. Из чистого шоколада были ковры и картины, мебель и постельное белье. И даже в ванной из крана тек горячий шоколад. А когда работа была окончена, мистер Уонка сказал принцу Пондишерри: «Преду-

преждаю вас, что дворец не простоят долго, поэтому вам лучше начать есть его прямо сейчас». – «Что за чушь! – закричал принц. – Чтобы я ел свой собственный дворец! Чтобы я начал обгладывать лестницы или лизать стены! Ни за что на свете! Ведь я намерен жить в нем!» Но разумеется, мистер Уилли Уонка был, как всегда, совершенно прав. Вскоре случился очень жаркий день – солнце палило нещадно, и дворец начал таять. А глупый принц, который в это время дремал в своей гостиной, чуть не утонул в липком шоколадном озере.

Маленький Чарли застыл на краю кровати, глядя на деда во все глаза. Лицо мальчика пылало от возбуждения.

– Неужели все это правда? – спросил он. – Или ты просто разыгрываешь меня?

– Это чистейшая правда! – закричали все четверо стариков. – Абсолютная правда! Ничего, кроме правды! Спроси кого хочешь!

– И я могу сказать тебе еще одну столь же правдивую вещь, – добавил дедушка Джо, наклонившись к Чарли и понизив голос до еле слышного шепота. – НИКТО... НИКОГДА... НЕ ВЫХОДИТ... ОТТУДА!

– Откуда? – спросил Чарли.

– И НИКТО... НИКОГДА... НЕ ЗАХОДИТ... ТУДА!

– Куда? – воскликнул Чарли.

– Да на фабрику мистера Уонка!

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Я говорю о рабочих, Чарли.

– Рабочих?

– На всех фабриках обязательно должны быть рабочие, которые по утрам и вечерам входят и выходят через фабричные ворота. И только на фабрике мистера Уонка ничего подобного нет. Скажи, разве ты видел хоть раз, чтобы кто-нибудь заходил туда или выходил оттуда?

Маленький Чарли медленно оглядел одно за другим лица всех четырех стариков. Эти лица дружески улыбались ему, но они были абсолютно серьезны. Ни на одном из них не было даже намека на подвох.

– Ну, – не отставал дедушка Джо, – видел или нет?

– Я... я точно не знаю, дедушка, – запинаясь проговорил Чарли, – но кажется, когда я проходил мимо, ворота всегда были закрыты.

– То-то же! – сказал дедушка Джо.

– Но должен же кто-то там работать...

– Там работают не люди. Или по крайней мере не обычные люди.

– Но тогда кто же? – воскликнул Чарли.

– В том-то и штука... Это еще одна хитрость мистера Уилли Уонка.

В это время от дверей раздался голос миссис Баккет:

– Чарли, милый, тебе пора в кровать. На сегодня вполне достаточно.

– Но, мама, должен же я узнать...

– Завтра, дорогой.
– Правильно, – сказал дедушка Джо, – я расскажу тебе обо всем завтра вечером.

4. РАБОЧИЕ-НЕВИДИМКИ

На следующий вечер дедушка Джо продолжил свою историю.

– Дело в том, Чарли, что еще совсем недавно на фабрике мистера Уилли Уонка работало несколько тысяч человек. Но в один прекрасный день ему пришлось их всех до одного распустить по домам и сказать, чтобы они больше не приходили.

– Но почему? – спросил Чарли.

– Из-за шпионов.

– Шпионов?

– Да. Все остальные шоколадных дел мастера ужасно завидовали, что мистер Уонка делает такой замечательный товар, и они начали засылать к нему шпионов, чтобы выведать секретные рецепты. Эти люди нанимались на фабрику под видом обычных рабочих и, попадая внутрь, разузнавали, как делается та или иная вещь.

– А потом возвращались на свои фабрики и все рассказывали?

– По всей видимости, это было так, – сказал дедушка Джо. – Потому что вскоре фабрика мистера Фикельгрубера тоже начала выпускать мороже-

ное, которое не таяло даже в самый жаркий день. А фабрика мистера Продноуза – жевательную резинку, которая не теряла своего вкуса, сколько бы ты ее ни жевал. А фабрика мистера Слагуорта – сахарные шарики, которые можно надувать, перед тем как проглотить. И так одно за другим. Мистер Уонка был буквально в бешенстве. Он рвал на себе волосы и кричал: «Это ужасно! Я разорен! Везде эти проклятые шпионы! Мне придется закрыть фабрику!»

– Но ведь он не сделал этого, – сказал Чарли.

– Нет, он сделал именно это! Он объявил своим рабочим, что ему, конечно, очень жаль, но им всем придется отправиться по домам. Потом закрыл фабричные ворота и запер их на железную цепь. И вот на огромной шоколадной фабрике мистера Уонка стало тихо и безлюдно. Не дымились трубы, не шумели машины – и с того самого времени ни единой конфеты или шоколадки больше не было произведено. Ни один человек не входил и не выходил через ворота фабрики, и даже сам мистер Уилли Уонка куда-то исчез, как сквозь землю провалился. Шел месяц за месяцем, – продолжал дедушка Джо, – а фабрика оставалась закрытой. И все говорили: «Бедный мистер Уонка! Он был таким замечательным человеком и умел делать такие замечательные вещи! Но теперь все кончено – он больше не вернется!» И тут произошла совершенно поразительная вещь. Однажды рано утром из высоких фабричных труб повалили густые столбы белого дыма. Люди на улицах останавливались и в изумлении спрашивали друг друга: «Что это? Печи заработали? Мистер Уонка открывается снова!» Рабочие поспешили к фабричным воротам, надеясь, что мистер Уонка ждет их там с распростертыми объятиями. Но ничего подобного! Огромные железные ворота были по-прежнему наглухо закрыты и заперты тяжелой цепью, а самого мистера Уонка нигде не было и в помине. «Но фабрика работает! – кричали люди. – Мы же видим, как дымятся трубы, слышим, как шумят машины, и чувствуем запах расплавленного шоколада!»

Дедушка Джо наклонился к Чарли, положил ему на колено длинный костлявый палец и тихо сказал:

– Но самым таинственным во всей этой истории были тени в окнах фабрики. Люди, стоявшие под окнами, видели сквозь замерзшие стекла, как внутри движутся маленькие темные тени!

– Чьи тени? – быстро спросил Чарли.

– Именно это всем и хотелось бы узнать. «Там полно рабочих! – кричали люди. – Но на фабрику никто не входил – ведь ворота-то заперты! Просто сумасшедший дом какой-то! И обратно тоже никто не выходит!» Но не было никакого сомнения, что фабрика работает. И так она продолжала работать все последующие десять лет. Больше того, шоколадные изделия и прочие сласти, которые она выпускала, становились все невероятней и изысканней. И уж конечно теперь, когда мистер Уонка изобретал что-то новое,

ни мистер Фикельгрубер, ни мистер Продноуз, ни мистер Слагуорт, ни кто-нибудь другой не могли это скопировать. Никакие шпионы больше не имели возможности попасть на фабрику и разузнать секреты мистера Уонка.

– Но, дедушка, – воскликнул Чарли, – кто же все-таки делает всю работу на фабрике?

– Этого никто не знает, Чарли.

– Но это же просто глупость! Неужели нельзя было спросить самого мистера Уонка?

– Его никто с тех пор так ни разу и не видел. Он никогда не выходит наружу. Наружу выходит только готовая продукция – конфеты и сладости – в закрытых упаковках с надписанными адресами. Она ежедневно подается по специальному транспортеру через отверстие в стене и сейчас же грузится на почтовые грузовики.

– Но, дедушка, кто же, по-твоему, может там работать?

– Мой дорогой мальчик, – вздохнул дедушка Джо, – это одна из самых больших загадок во всем шоколадном мире. Определенно можно сказать только то, что эти рабочие очень маленького роста. Маленькие тени, которые иногда появляются за окнами в вечернее время, когда внутри горит свет, могут принадлежать только каким-то крошечным существам – ростом примерно по колено нормальному человеку.

– Но таких людей не бывает, – сказал Чарли.

Как раз в этот момент в комнату вошел мистер Баккет, отец Чарли. Он вернулся домой с работы и чрезвычайно возбужденно размахивал сегодняшней газетой.

– Слыхали новости? – с порога закричал он.

Он развернул газету так, чтобы все могли видеть гигантский заголовок, который гласил:

ЗОЛОТЫЕ БИЛЕТЫ! НАКОНЕЦ-ТО НЕСКОЛЬКО СЧАСТЛИВЧИКОВ СМОГУТ ПОПАСТЬ НА ФАБРИКУ МИСТЕРА УОНКА!

5. ЗОЛОТЫЕ БИЛЕТЫ

– Ты хочешь сказать, что теперь и в самом деле можно будет попасть на территорию фабрики? – закричал дедушка Джо. – Ну-ка прочти нам поскорее, что там пишут!

– Хорошо, – сказал мистер Баккет, разворачивая газету, – слушайте:

Гениальный кондитер мистер Уилли Уонка, которого никто не видел последние десять лет, сделал сегодня следующее заявление: «Я, Уилли Уонка, принял решение позволить пятерым (только пятерым и не более) детям посетить в этом году мою фабрику. Я буду лично сопровождать этих пятерых счастливыхчиков и покажу им все ее чудеса и секреты. По

окончании экскурсии в качестве специального приза каждый из пятерых получит столько шоколада и прочих сладостей, что ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Ищите Золотые Билеты! Пять Золотых Билетов, напечатанных на золоченой бумаге, вложены под стандартную обертку пяти обычных плиток шоколада. Эти плитки шоколада могут оказаться где угодно: в любом магазине, в любом городе, в любой стране – везде, где продаются кондитерские изделия фабрики Уонка. И те, кому достанутся эти пять счастливых билетов, будут единственными, кто сможет посетить мою фабрику и увидеть, как она теперь выглядит изнутри. Желаю удачи вам всем!»

(Подписано: Уилли Уонка.)

– Этот человек сошел с ума! – пробормотала бабушка Джозефина.

– Он – гений! – воскликнул дедушка Джо. – Он настоящий волшебник! Только представьте себе, что сейчас начнется! Весь мир бросится покупать шоколадки Уонка, в надежде найти Золотые Билеты. Объемы продаж увеличатся во много раз! А как было бы здорово найти такой билет!

– А получить шоколада и конфет на всю оставшуюся жизнь? – сказал дедушка Джордж. – Подумать только!

– Это, наверно, целый грузовик! – вставила бабушка Джорджина.

– Я просто болеваю, когда начинаю думать об этом! – сказала бабушка Джозефина.

– Ерунда! – закричал дедушка Джо. – А представь себе, Чарли, ты разворачиваешь плитку шоколада, а там поблескивает Золотой Билет, а? Разве не здорово?

– Конечно, здорово, дедушка, – грустно сказал Чарли. – Но ведь шансов у меня практически нет – я же получаю только одну плитку в год.

– Кто знает, дорогой, – проговорила бабушка Джорджина.

– Твой день рождения как раз на следующей неделе, и у тебя есть надежда.

– Боюсь, что, к сожалению, все это не совсем так, – сказал дедушка Джордж. – Гораздо больше шансов у тех детей, которые могут позволить себе покупать шоколадки каждый день. А на одну шоколадку в год надежда плохая.

6. ДВА ПЕРВЫХ СЧАСТЛИВЧИКА

Первый Золотой Билет был найден на следующий же день. Счастливым оказался мальчик по имени Огастес Глуп, и вечерняя газета, которую покупал мистер Баккет, поместила большой его портрет на первой странице. На фотографии был изображен девятилетний мальчик, такой толстый, словно его надували мощным насосом. Тяжелые складки жира свисали со всех

частей его тела, а лицо было похоже на чудовищный шар из теста с двумя точками маленьких жадных глаз. Как писала газета, в городе, где жил Огастес Глуп, все буквально помешались от радости. На домах развевались флаги, школьников распустили на каникулы и был даже устроен торжественный парад в честь новой знаменитости.

— Я не сомневалась, что именно Огастес найдет Золотой Билет, — заявила журналистам мать героя. — Он съедает в день столько шоколада, что было бы странно, если б билет достался кому-нибудь другому. Еда — это хобби моего мальчика. Все остальное его не интересует. Но, что ни говорите, это все-таки лучше, чем в свободное время болтаться на улицах, хулиганить, стрелять из пугачей и все такое. И потом, я всегда говорила: он бы столько не ел, если б его организм постоянно не требовал пищи. Как-никак, ребенку нужны витамины. Для него будет огромной радостью посетить замечательную фабрику мистера Уилли Уонка! Мы горды за него как не знаю кто!

— Какая неприятная женщина! — заметила бабушка Джозефина.

— И какой отвратительный мальчишка! — раздраженно добавила бабушка Джорджина.

— Теперь осталось только четыре билета, — сказал дедушка Джордж.

— Кому-то достанутся они?

Казалось, вся страна и даже весь мир были охвачены шоколадной лихорадкой. Все, кто только мог, в безумной спешке раскупали плитки шо-

колада, надеясь найти один из четырех оставшихся билетов. Взрослые женщины толпились в кондитерских магазинах, покупая по десять штук за раз, и, буквально не отходя от кассы, срывали с них обертки. Дети разбивали молотками свои глиняные хрюшки-копилки и тоже спешили в магазины, зажав монетки в кулаке. В одном городе знаменитый гангстер ограбил на тысячу фунтов местный банк и в тот же день истратил все деньги на покупку шоколадок. Когда полицейские ворвались в его квартиру, они застали бандита сидящим на полу среди горы шоколадных плиток, которые он вскрывал лезвием своей финки. В далекой России женщина по имени Шарлотта Русс заявила, что нашла второй билет, но вскоре выяснилось, что это всего лишь умелая подделка. Знаменитый английский ученый, профессор Немутоу, изобрел специальный прибор, с помощью которого можно было, не срывая обертки, определить, есть ли внутри Золотой Билет. У этого прибора была механическая рука, которая выстреливала наружу и моментально вцеплялась мертвой хваткой во все, где имелась хоть крупинка золота. Но, к сожалению, когда профессор демонстрировал свой прибор на публике у прилавка большого кондитерского магазина, механическая рука выстрелила наружу и вцепилась мертвой хваткой в золотой зуб одной герцогини, оказавшейся неподалеку. Произошла крайне неприятная сцена, и прибор был вдребезги разбит разъяренной толпой.

И тут перед самым днем рождения Чарли в газетах было объявлено, что найден еще один Золотой Билет. Удача улыбнулась девочке по имени Верука Солт, которая жила со своими богатыми родителями в одном огром-

ном городе за океаном. И снова вечерняя газета мистера Баккета дала на первой полосе портрет счастливцы. Она сидела в гостиной между своими сияющими родителями, улыбалась до ушей и размахивала над головой Золотым Билетом.

Отец Веруки, мистер Солт, охотно поведал журналистам, как был обнаружен билет: «Дело вышло так, ребята. Когда моя девчушка заявила, что кровь из носу должна получить один из этих Золотых Билетов, я пошел в город и начал скупать все шоколадки Уонка, какие только попадались мне на глаза. Я скупал их тысячами! Сотнями тысяч! Потом я погрузил это все на несколько грузовиков и отправил на свою фабрику. Ведь я, ребята, – владелец фабрики по производству соленых орешков и там у меня работает почти сотня женщин. И я сказал им: “Значит так, девочки! С сегодняшнего дня вы перестаете колоть орехи и начинаете разворачивать шоколадки!” И они взялись за дело. Все сотрудники моей фабрики теперь целыми днями с утра до вечера только срывали обертки с плиток шоколада, и больше ничего. Но прошло три дня – и все впустую. Это было ужасно! И с каждым днем моя маленькая Верука становилась все печальней. Когда я приходил домой, она бросалась мне навстречу с воплями: “Где мой Золотой Билет? Хочу Золотой Билет!” И услышав, что билета нет, начинала кататься по полу, брыкаться и визжать, как дикая кошка. Ясное дело, я просто не мог видеть, как убивается моя девочка, и поклялся отыскать этот проклятый билет во что бы то ни стало. И тут под конец четвертого дня одна из моих работниц вдруг закричала: “Нашла! Вот он, этот Золотой Билет!” – “А ну, давай его сюда!” – сказал я и, схватив билет, помчался домой. И теперь моя дорогая малышка снова счастлива и в нашем доме опять воцарились радость и покой».

– Пожалуй, это будет похуже, чем тот толстый мальчишка, – сказала бабушка Джозефина.

– Ее бы нужно выдрать хорошенько! – добавила бабушка Джорджина.

– Мне кажется, отец этой девочки играл не по-честному, правда, дедушка? – пробормотал Чарли.

– Он ее слишком балует, – сказал дедушка Джо. – А когда ребенка так балуют, то – попомни мое слово, Чарли, – из этого никогда не выходит ничего хорошего.

– Тебе пора спать, мой милый, – вмешалась миссис Баккет. – Не забудь, завтра твой день рождения и ты, должно быть, вскочишь ни свет ни заря, чтобы распечатать свой подарок.

– Плитку шоколада Уонка? – воскликнул Чарли. – Это будет плитка шоколада Уонка?

– Ну конечно, дорогой.

– Ох, как было бы здорово, если б в ней оказался третий Золотой Билет!

– Зайди к нам, когда будешь разворачивать обертку, – сказал дедушка Джо. – Нам тоже интересно на это посмотреть.

7. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЧАРЛИ

– С днем рождения! – хором воскликнули четверо стариков, когда на следующее утро Чарли вошел к ним в комнату.

Растерянно улыбаясь, Чарли присел на краешек кровати. В руках он бережно и робко держал свой подарок, свой единственный подарок. ПЕРВОКЛАССНЫЙ МОЛОЧНЫЙ ШОКОЛАД УОНКА – было написано на обертке.

Четыре старых человека (по двое с каждой стороны кровати) приподнялись на подушках и взволнованно смотрели на эту плитку шоколада.

В комнату вошли родители Чарли и остановились неподалеку.

Было очень тихо. Все ждали, когда Чарли начнет разворачивать шоколадку, но он только смотрел на нее и его пальцы с нежностью гладили сверкающую обертку, которая негромко похрустывала под его рукой.

– Не нужно слишком огорчаться, если там не окажется того, что ты ждешь, – мягко сказала миссис Баккет. – Ведь на такую удачу трудно рассчитывать.

– Мама права, – добавил мистер Баккет.

Чарли молчал.

– В конце концов, – сказала бабушка Джозефина, – во всем мире осталось только три счастливых билета.

– Не забывай, что, как бы там ни было, но плитка шоколада в любом случае достанется тебе, – напомнила бабушка Джорджина.

– «Первоклассный молочный шоколад Уонка!» – воскликнул дедушка Джордж. – Это самый лучший из всех! Он наверняка придется тебе по вкусу!

– Да, конечно, – прошептал Чарли.

– Вот и забудь про все эти Золотые Билеты и думай только о шоколаде, – сказал дедушка Джо. – Ну, что же ты не разворачиваешь?

Все взрослые прекрасно понимали, как глупо надеяться, что именно в этой плитке шоколада может оказаться счастливый билет, и они старались поделикатней подготовить Чарли к неминуемому разочарованию. Но они понимали еще и другое: как бы мал ни был этот шанс, но он все-таки был!

Его не могло не быть.

Ведь эта плитка шоколада была не хуже любой другой, в которой мог лежать заветный Золотой Билет.

Вот почему взрослые были взволнованы и возбуждены не меньше, чем маленький Чарли, хотя и старались казаться совершенно спокойными.

– Давай, разворачивай свою шоколадку, а то опоздаешь в школу, – сказал дедушка Джо.

– Давно бы уж развернул, и дело с концом! – добавил дедушка Джордж.

– Пожалуйста, мой мальчик, разверни ее поскорей, – проговорила бабушка Джорджина, – а то у меня начинается сердцебиение.

Очень медленно Чарли начал отрывать угол бумажной обертки.

Старики наклонились вперед, вытянув свои морщинистые шеи.

Потом, словно уже не в силах терпеть, Чарли рванул обертку посередине, и на его колени упала... только светло-коричневая плитка шоколада.

Золотого Билета не было и в помине.

– Что ж, – радостно сказал дедушка Джо, – этого следовало ожидать.

Чарли поднял голову. С кровати на него с нежностью смотрели четыре старческих лица. Он улыбнулся вымученной грустной улыбкой, пожал плечами и протянул матери плитку шоколада.

– Мама, попробуй кусочек. Давайте разделим ее на всех.

– Ни в коем случае! – сказала мама.

– Нет! Нет! Ни за что! – закричали взрослые. – Это все тебе!

– Ну, пожалуйста, – упрашивал Чарли, протягивая теперь шоколадку дедушке Джо.

Но никто к ней даже не притронулся.

– Тебе пора в школу, мой милый, – сказала миссис Баккет, обнимая мальчика за худые плечи. – Поторопись, а то опоздаешь.

8. НАЙДЕНО ЕЩЕ ДВА ЗОЛОТЫХ БИЛЕТА

Вечером того же дня в газете, которую покупал мистер Баккет, было объявлено, что найден не только третий, но и четвертый Золотой Билет.

«Найдено еще два Золотых Билета! – вопили заголовки. – Остался только один!»

– Ну что ж, – сказал дедушка Джо, когда вся семья после ужина собралась в комнате стариков, – давайте послушаем, кому они достались.

Мистер Баккет снова начал читать вслух. Он держал газету вплотную к глазам, потому что был близорук, а на очки у него не хватало денег.

«Третий билет был найден мисс Виолеттой Борегард. Когда наш корреспондент прибыл взять интервью у этой удачливой молодой леди, в ее доме царила радостная суматоха: шелкали фотоаппараты, сверкали вспышки, а люди пытались протолкнуться поближе к новой знаменитости. Сама знаменитость стояла на кресле посреди гостиной и держала Золотой Билет в высоко поднятой руке, размахивая им, как будто ловила такси. Она быстро и громко говорила, обращаясь ко всем сразу, однако разобрать ее слова было довольно сложно, потому что во время своей речи она продолжала ожесточенно и неумолимо жевать жевательную резинку: “Обычно я всегда жую резинку, – радостно выкрикивала девочка, – но когда я услышала про эти билеты мистера Уонка, то решила перейти на шоколадки, про-

сто чтобы попытать счастья. А теперь я, конечно, снова возьмусь за старое. Я обожаю жевать резинку. Я без нее просто жить не могу. Я не вынимаю ее изо рта целыми днями и делаю перерывы только на завтрак, обед и ужин – на эти несколько минут я прилепляю ее за ухо, чтобы не потерялась. По правде говоря, я просто чувствую себя не в своей тарелке, если у меня во рту нет этого маленького кусочка. Честное слово! Мама говорит, что девочке это не к лицу и что ужасно некрасиво, когда челюсти все время ходят взад-вперед. Но она сама хороша. Я тоже могу сказать, что ее челюсти все время ходят взад-вперед еще почище, чем у меня. Но только это оттого, что она орет на меня каждые пять минут”. “Довольно, Виолетта!” – раздался голос миссис Борегард из угла комнаты, где мать героини стояла на пианино, чтобы ее не раздавила толпа. “Ладно, мамаша, не базарь! – отозвалась дочь. – А теперь, – продолжала она, снова обращаясь к журналистам, – вам, наверно, будет интересно узнать, что кусок жевательной резинки, который сейчас у меня во рту, я жую уже больше трех месяцев. Это рекорд! Он превышает рекорд, установленный моей лучшей подружкой мисс Корнеллой Принзмител. Она просто взбеленилась, когда узнала об этом! Так что этот кусок жевательной резинки – мое самое большое сокровище. На ночь я его прилепляю над кроватью, а с утра – снова в рот. По утрам жуется особенно славно – сперва резинка немного жестковата, но несколько хороших движений челюстями, и она опять становится мягкой. До того как я решила установить рекорд, я меняла резинку каждый день. Обычно я делала это в лиф-

те нашего дома, когда возвращалась домой из школы. Почему в лифте? Потому что мне нравилось прилеплять старую резинку на одну из кнопок. И тогда она приклеивалась на пальцы тем, кто входил в лифт следом за мной и нажимал на эту кнопку. Вот потеха! Какой крик поднимали некоторые из них – особенно женщины в дорогих перчатках! Ах да, я забыла сказать, что просто в восторге, оттого что попаду на фабрику мистера Уонка, и надеюсь, что он, как обещал, обеспечит меня жевательной резинкой на всю жизнь. Ай да я! Ура!»

– Жуткая девочка! – сказала бабушка Джозефина.

– Какое ничтожество! – добавила бабушка Джорджина. – Попомните мои слова, когда-нибудь эта жевательная резинка встанет ей поперек горла!

– Папа, а кто получил четвертый Золотой Билет? – спросил Чарли.

– Сейчас посмотрим, – сказал мистер Баккет, снова уставившись в газету. – Значит, так: «Четвертый Золотой Билет был найден мальчиком по имени Майк Телик».

– Наверняка еще один урод, могу сказать заранее, – пробормотала бабушка Джозефина.

– Бабушка, не перебивай, пожалуйста! – сказала миссис Баккет.

«В доме у Теликов, – продолжил чтение мистер Баккет, – как и в домах всех других счастливых обладателей Золотого Билета, к приходу нашего

корреспондента собралось уже много народа. Однако виновник торжества, молодой Майк Телик, казалось, был только раздражен всем этим сборищем. “Болваны, разве вы не видите, что мешаете мне смотреть телевизор? – сердито кричал он. – Отвалите от меня!” Этот девятилетний мальчик сидел, вперившись глазами в огромный телевизионный экран, и, не отрываясь, следил, как одна банда гангстеров поливала другую пулеметными очередями. Сам Майк был увешан ремнями и португееми, из которых торчало не меньше двадцати игрушечных пистолетов всех размеров и разновидностей. Время от времени он выхватывал их и отчаянно палил в воздух. “Эй, потише! – орал он, когда кто-то пытался задать ему вопрос. – Я же просил не мешать мне. Это же настоящий боевик! Клевый фильм! Я смотрю все подряд, даже разную лабуду, где нет стрельбы. Но больше всего я балдею от фильмов про гангстеров! Это такие крутые ребята! Особенно, когда начинают друг дружку свинцом, или режутся на ножах, или – раз-раз-раз! – по башке касетом! Вот это жизнь! Когда вырасту, обязательно буду таким, как они!”»

– Хватит! – резко сказала бабушка Джозефина. – Я не могу больше этого слушать!

– Я тоже – заявила бабушка Джорджина. – Неужели все нынешние дети – такие же выродки, как те, про которых нам пришлось здесь слушать?

– Ну конечно, нет, – с улыбкой сказал мистер Баккет. – Конечно, такие встречаются и, по правде говоря, довольно часто. Но не все, совсем не все.

– Теперь остался только один билет, – сказал дедушка Джордж.

– Да уж, – согласилась бабушка Джорджина. – И конечно, он достанется очередному маленькому негодяю, который его совершенно не заслуживает. Это так же точно, как то, что завтра на обед у нас будет капустаный суп!

9. ДЕДУШКА ДЖО ПУСКАЕТСЯ НА АВАНТЮРУ

На следующий день, когда Чарли пришел домой из школы и заглянул в комнату своих бабушек и дедушек, все они громко храпели. Не спал только дедушка Джо.

– Тсс! – прошептал он и знаком подозвал мальчика подойти поближе. Чарли на цыпочках подошел к кровати.

Старик хитро подмигнул внуку и начал одной рукой сосредоточенно рыться у себя под подушкой. А когда эта рука вылезла наружу, в ней был зажат старый кожаный кошелек. Дедушка Джо вывернул его наизнанку, и на одеяло упала шестипенсовая монетка.

– Это мой неприкосновенный запас, – прошептал старик. – О нем никто не знает. Так вот, как насчет того, чтоб сделать еще одну попытку найти этот последний билет? Только ты должен мне помочь.

– Дедушка, ты в самом деле хочешь истратить свои последние деньги на это? – шепотом спросил Чарли.

– Конечно, хочу! – возбужденно прошипел старик. – И нечего со мной спорить! Я не меньше тебя мечтаю найти этот билет. Бери деньги – и бегом в ближайший магазин! купишь первую попавшуюся шоколадку фабрики мистера Уонка и принесешь сюда. Мы с тобой вместе ее распечатаем!

Чарли взял маленькую серебряную монетку и быстро выскользнул из комнаты. Через пять минут он уже вернулся обратно.

– Принес? – прошептал дедушка Джо, чуть не задыхаясь от азарта.

Чарли кивнул и протянул деду плитку шоколада.

«ХРУСТЯЩИЙ ОРЕХОВЫЙ ШОКОЛАД УОНКА» – было написано на обертке.

– Очень хорошо, – проговорил старик, садясь на кровати и потирая руки. – Садись поближе! Сейчас мы ее распечатаем. Ты готов?

– Готов, – проговорил Чарли.

– Отлично. Вот и начинай.

– Нет. Это твоя шоколадка. Ты должен сделать все сам.

Дедушка Джо трясущимися пальцами неумело попытался сорвать обертку.

– По правде говоря, нам не на что рассчитывать, – шептал он, нервно посмеиваясь. – Ты ведь и сам это понимаешь, правда?

– Да, – сказал Чарли, – понимаю.

Они посмотрели друг на друга, и нервный смех деда передался внуку.

– Но запомни, – сказал старик, – самый маленький, ничтожный шанс у нас все-таки есть. Согласен?

– Да, – сказал Чарли, – конечно, есть. Но что ж ты не разворачиваешь?

– Всеу свое время, мой мальчик, всеу свое время. Как ты думаешь, с какого края мне следует начать?

– Вот с этого. Дальнего от тебя. Надорви сначала маленький кусочек, чтобы не сразу было видно.

– Так? – спросил старик.

– Да. А теперь еще немного.

– Продолжай ты, а то я слишком волнуюсь.

– Нет, дедушка. Ты должен сделать это сам.

– Ну, ладно. Поехали!

Дедушка Джо сорвал обертку. Старик и мальчик затаили дыхание.

Под оберткой была плитка шоколада... и ничего боль-

ше. Тут до них дошло, как смешно все это может выглядеть со стороны, и оба громко расхохотались.

– Что здесь происходит, хотела бы я знать? – закричала, внезапно проснувшись, бабушка Джозефина.

– Ничего, – сказал дедушка Джо. – Можешь спать дальше.

10. СЕМЬЯ НАЧИНАЕТ ГОЛОДАТЬ

За следующие недели очень сильно похолодало. Сначала выпал снег. Он зарядил прямо с утра, как раз когда Чарли Баккет собирался в школу. Мальчик стоял у окна и видел, как с ледяного свинцового неба на землю летят густые снежные хлопья.

К вечеру вокруг маленького дома семьи Баккетов уже лежал плотный снежный покров толщиной в четыре фута, и мистеру Баккету пришлось прокопать дорожку от дверей к улице.

Потом поднялся резкий морозный ветер, который дул без перерыва сутками напролет. Господи, какой он был холодный! Все, к чему Чарли прикасался, казалось сделанным из льда, а стоило мальчику выйти за порог, как лютый холод набрасывался на него, словно разбойник с большой дороги.

По дому от дверей к окнам гуляли взад-вперед злые сквозняки, и нигде было от них укрыться. Четверо стариков молча лежали в своей кровати, тесно прижавшись друг к другу и стараясь сохранить в своих старых телах хоть крупицу тепла. Волнение по поводу Золотых Билетов было давно позабыто. Все это отступило на задний план перед двумя жизненно важными проблемами: как согреться и как раздобыть еду.

Почему-то во время холодов люди, как правило, начинают испытывать просто волчий аппетит. Нас неодолимо влекут огромные дымящиеся бифштексы, горячие яблочные пироги и прочие согревающие яства. И поскольку большинство из нас – гораздо более счастливые люди, чем нам самим кажется, мы обыкновенно имеем возможность в той или иной степени удовлетворить свои гастрономические вожделения. К сожалению, этого ни в коей мере нельзя было сказать о Чарли Баккете – его семья была слишком бедна, и чем дольше стояли холода, тем сильнее и невыносимей он мучился от голода. Обе плитки шоколада – та, которую он получил на день рождения, и та, которую он купил на деньги дедушки Джо, – были уже давным-давно съедены, и теперь ему оставались только все те же скудные капустные трапезы.

А вскоре они стали еще более скудными.

Случилось так, что владелец фабрики по производству зубной пасты, где работал мистер Баккет, неожиданно разорился и закрыл свое предприятие. Мистер Баккет попытался найти другую работу, но безуспешно. Порой

ему удавалось заработать какие-то гроши на расчистке улиц от снега, но это было по крайней мере в четыре раза меньше, чем нужно, чтобы прокормить семерых человек. Положение семьи стало просто катастрофическим. Завтрак состоял теперь всего лишь из одного тоненького ломтика хлеба, а обед – из половинки вареной картошки.

Медленно, но верно семья стала умирать с голоду.

И каждый день по дороге в школу, с трудом пробираясь по занесенным снегом улицам, маленькому Чарли Баккету приходилось идти мимо огромной шоколадной фабрики мистера Уилли Уонка. И каждый день, когда мальчик подходил к самым воротам, он втягивал воздух своим бледным веснушчатым носиком и ощущал восхитительный запах расплавленного шоколада. Иногда он останавливался на несколько минут и делал ртом глубокие глотательные движения, как будто пытаясь насытиться этим ароматом.

– Ребенку просто необходимо лучше питаться, – сказал в одно морозное утро дедушка Джо, высовывая голову из-под одеяла. – О нас можно уже не беспокоиться – мы прожили свое. Но молодой растущий организм... Нет, так дальше не может продолжаться! Мальчик и так похож на живой скелет.

– Но что тут поделаешь? – грустно пробормотала бабушка Джозефина. – Он не соглашается брать наши порции. Сегодня утром его мать пыталась украдкой подложить ему на тарелку свой единственный кусок хлеба, но мальчик даже не прикоснулся к нему и заставил ее взять хлеб обратно.

– Славный растет паренек! – сказал дедушка Джордж. – Он заслуживает лучшей судьбы.

А морозы между тем не спадали.

И с каждым днем Чарли Баккет все больше худел. Его лицо вытянулось и стало мертвенно-бледным. Кожа так плотно обтянула щеки, что сквозь нее проступили очертания костей. Еще немного, и он, без сомнения, мог бы опасно заболеть.

С удивительным спокойствием и той странной мудростью, которая неизвестно откуда приходит к маленьким детям во времена тяжелых испытаний, он произвел в своих привычках ряд изменений, на первый взгляд несущественных, но помогавших ему сохранять жизненные силы. Теперь по утрам он выходил из дома на десять минут раньше, чтобы не нужно было быстро идти или тем более бежать по дороге в школу. На переменах, когда другие дети выбегали на улицу поиграть в снежки и побарахтаться в снегу, он теперь тихо сидел в классе и отдыхал. Все его движения стали медленными и осторожными. Он подсознательно избегал любых необязательных энергозатрат.

И вот однажды, когда маленький Чарли, дрожа от пронизывающего ветра, брел домой из школы (по странной случайности в тот день он почему-то испытывал особенно острое чувство голода), он увидел, что в сутробе на обочине что-то блеснуло. Чарли сошел с тротуара и наклонился посмотреть. Блестящая штуковина была наполовину занесена снегом, но мальчик сразу понял, что это такое.

Это была монета в пятьдесят пенсов!

Чарли поспешно огляделся.

Может быть, кто-то только что обронил ее?

Нет, едва ли. Ведь она была наполовину занесена снегом. Несколько человек торопливо прошло мимо, упрятав носы в воротники своих пальто. Никто из них не искал под ногами никаких денег и не обратил ни малейшего внимания на мальчика, роющегося в сутробе.

Значит, эти пятьдесят пенсов принадлежат ему?

Он может взять их себе?

Чарли осторожно вытащил монетку из-под снега. Она была мокрой и грязной, но от этого ничуть не менее восхитительной.

Целых пятьдесят пенсов!

Во все глаза смотрел он на свое сокровище, крепко зажав его в кочeneющих пальцах. В тот момент эта монетка означала для него только одно: на нее можно купить еду. Ноги мальчика сами повернули к ближайшему магазину, благо он был всего в десяти шагах. Обычная писчебумажная лавочка, где торговали всем на свете — от газет и канцелярских принадлежностей до сигар и всяких мелких сладостей. Чарли точно знал, что он сейчас сделает. Он купит самую лучшую плитку шоколада и прямо на месте съест ее целиком, до последнего кусочка. А остальные деньги отнесет домой и отдаст маме.

11. ЧУДО

Чарли вошел в магазин и положил мокрую монету на прилавок.

– Одну плитку «Первоклассного Молочного Шоколада Уонка», – сказал он.

Мальчик отлично помнил, как ему понравилась та шоколадка, которую он получил на свой день рождения.

Человек за прилавком выглядел упитанным и хорошо откормленным. У него были толстые губы, жирные щеки и еще более жирная шея. Складки жира выпирали над его воротником, как надувной резиновый круг.

Хозяин магазина повернулся, взял из стоявшей сзади коробки плитку шоколада и протянул Чарли. Мальчик схватил ее, быстро сорвал обертку и откусил большой кусок. Потом еще один, потом еще... Что это за радость – иметь возможность набить полный рот большими кусками чего-то сладкого и сытного! Подлинное счастье, подлинное блаженство!..

– Похоже, сынок, ты получил как раз то, что хотел, – добродушно сказал хозяин магазина.

Чарли кивнул. Говорить он не мог – его рот был набит шоколадом.

Хозяин магазина выложил на прилавок сдачу.

– Не торопись, – сказал он. – У тебя заболит живот, если ты будешь глотать такие куски не жуя.

Но Чарли был не в состоянии остановиться. Он жадно глотал свой шоколад, и меньше чем за полминуты вся плитка исчезла у него во рту. Мальчик едва мог дышать, но он был счастлив. Счастлив так полно и безотчетно, как никогда в жизни. Он протянул руку за сдачей. Потом остановился. Его глаза были как раз на уровне прилавка, где лежали серебряные монетки. Их было ровно девять. Девять монеток по пять пенсов. Конечно, ничего не случится, если он истратит еще одну...

– Пожалуй... – тихо проговорил он, – пожалуй, я съем еще одну. Таковую же, пожалуйста.

– Почему бы нет, – ответил толстяк.

Он снова повернулся назад, достал из коробки еще одну плитку «Первоклассного Молочного Шоколада Уонка» и положил перед Чарли.

Мальчик взял ее, сорвал обертку... и тут... и тут... внезапно... из-под нее блеснуло что-то золотое.

Сердце Чарли, казалось, перестало биться.

– Это же Золотой Билет! – завопил хозяин магазина, подскочив на целый фут. – Тебе достался Золотой Билет! Последний Золотой Билет! Понимаешь или нет! Эй, все идите сюда! Посмотрите на мальчика, которому достался последний Золотой Билет мистера Уонка! Вот он, у него в руках!

Казалось, этого человека сейчас хватит удар.

– В моем магазине! – орал он. – Это случилось в моем маленьком магазине! Пусть кто-нибудь сейчас же позвонит в газеты – надо, чтоб об этом узнали все! Осторожней, сынок! Не порви его, когда будешь вытаскивать – ведь это настоящее сокровище!

Буквально через несколько секунд в магазине уже толпилось не меньше двух десятков человек и еще вдвое больше пыталось протолкнуться внутрь с улицы. Всем хотелось посмотреть на Золотой Билет и на его счастливого обладателя.

– Где этот билет? – выкрикнул кто-то. – Поднимите его повыше, чтобы всем было видно!

– Вот он! – закричал тот, кто был поближе. – Мальчик держит его в руках! Смотрите, как блестит!

– Как же такой замухрышка сумел его найти, хотел бы я знать? – злобно сказал какой-то здоровенный мальчишка. – Я столько времени покупал по две дюжины плиток каждый божий день!..

– Подумать только! – завистливо проговорил другой. – Теперь он обеспечен шоколадом на всю жизнь!

– Да уж, ему бы не помешало немного подкормиться, – с усмешкой заметила какая-то девочка. – Смотрите, какой он заморыш – кожа да кости!

Чарли стоял не шевелясь. Он даже не вытаскил свой Золотой Билет из упаковки, а только крепко держал ее обеими руками. Толпа вокруг шумела и толкалась, а мальчик ощущал что-то вроде легкого головокружения

– как будто он потерял опору под ногами и плывет в воздухе, словно воздушный шарик. Его сердце бешено колотилось у самого горла.

В этот момент он почувствовал на своем плече чью-то руку и, подняв глаза, увидел над собой какого-то высокого мужчину.

– Послушай, мальчик, – прошептал тот, – я куплю у тебя этот билет. Как насчет пятидесяти фунтов, а? И новый велосипед в придачу? О`кей?

– Вы с ума сошли! – закричала женщина, стоявшая неподалеку. – Я даю двести фунтов! Хотите продать билет за двести фунтов, молодой человек?

– Ну, довольно! – решительно заявил толстый хозяин магазина, проталкиваясь сквозь толпу и крепко беря Чарли за руку. – Оставьте наконец ребенка в покое!

Он проводил Чарли до дверей и прошептал:

– Не вздумай отдать кому-нибудь свой билет! Сейчас же неси его домой, пока не потерял. Беги бегом до самого порога и нигде не останавливайся, понял!

Чарли кивнул.

– Знаешь, – с улыбкой сказал толстяк на прощанье, – мне кажется, тебе было просто необходимо что-то в этом роде. Очень рад за тебя. Удачи тебе, сынок!

– Благодарю вас, – проговорил Чарли и со всех ног пустился бежать по заснеженной улице.

Пробегая мимо фабрики мистера Уилли Уонка, он повернулся, помахал ей рукой и пропел: «Мы скоро увидимся вновь!»

Через пять минут он уже был дома.

12. ЧТО БЫЛО НАПИСАНО НА ЗОЛОТОМ БИЛЕТЕ

– Мама! Мама! – закричал он, влетев как ураган в комнату стариков, где миссис Баккет подавала им на ужин традиционный капустный суп. – Мама! ОН достался мне! Посмотри, мама! Последний Золотой Билет! Он теперь мой! Я нашел на улице монетку и купил две плитки шоколада, а во второй из них оказался Золотой Билет! Вокруг меня собралась целая толпа – все хотели на него посмотреть, но хозяин магазина вывел меня наружу, и я бежал бегом всю дорогу домой. Мама, *это пятый золотой билет! И он теперь мой!*

Миссис Баккет молча стояла, уставившись на сына, а четверо стариков, которые сидели на кровати, держа на коленях миски с супом, с грохотом уронили ложки и застыли на своих подушках.

Несколько секунд в комнате царил абсолютное безмолвие. Никто не решался заговорить или даже пошевелиться. Это была, черт возьми, захватывающая минута!

Наконец дедушка Джо очень тихо проговорил:

– Ты ведь просто нас разыгрываешь, да, Чарли? Милые шутки нашего малютки?

– Я не шучу! – закричал Чарли, бросившись к кровати и выхватив большой и красивый Золотой Билет, чтобы показать деду.

Дедушка Джо наклонился вперед и начал тщательнейшим образом изучать билет, чуть ли не уткнувшись в него носом. Все остальные в молчании следили за ним, ожидая заключения экспертной комиссии.

Закончив обследование, дедушка Джо медленно поднял голову, посмотрел на Чарли, и блуждающая улыбка расплылась по лицу старика. Краска заиграла на его щеках, сияющие от счастья глаза широко раскрылись, а в самом центре маленьких темных зрачков запылали искорки безумной радости. Старик сделал глубокий вздох, и тут как будто что-то взорвалось у него внутри. Он вскинул руки и бешено завопил: «Эге-ге-гей!» В тот же момент его длинное тощее тело взметнулось вверх, миска с супом полетела прямо в лицо бабушке Джозефине, и этот старый человек, которому было девяносто шесть с половиной лет и который последние двадцать из них не вставал с кровати, одним сумасшедшим прыжком вскочил на пол и прямо в пижаме начал отплясывать какой-то немыслимый танец победы.

– Эге-ге-гей! – горланил он. – Да здравствует Чарли! Гип-гип-ура!!!

Тут открылась дверь и в комнату вошел мистер Баккет. Он целый день разгребал снег на улицах и выглядел таким продрогшим и усталым, каким и должен выглядеть человек после подобной работы.

– Ну и ну! – воскликнул он. – Что это у вас тут делается?

Ему вкратце объяснили.

– Я не верю! – заявил мистер Баккет. – Этого просто не может быть!

– Покажи ему билет, Чарли! – закричал дедушка Джо, который, как дервиш в экстазе, все еще носился по полу в своей развевающейся пижаме. – Покажи своему отцу пятый и последний в природе Золотой Билет!

– Дай-ка мне взглянуть, сынок, – сказал мистер Баккет, зябко съежившись в кресле.

Чарли выступил вперед и протянул отцу бесценный документ.

Он и сам по себе был довольно красивой штукой, этот билет. Как будто лист чистого золота отбивали молотками, пока он не стал толщиной с лист бумаги. На одной его стороне какой-то особой, черной как смоль, краской было напечатано персональное приглашение от мистера Уонка.

– Прочти его вслух, – сказал дедушка Джо, который наконец немного успокоился и снова забрался в кровать, – чтобы все мы точно знали, что там написано.

Мистер Баккет дрожащими руками поднес Золотой Билет вплотную к своим близоруким глазам. Он, конечно, был слегка потрясен всем происшедшим, но сумел справиться с волнением и, откашлявшись, произнес:

– Хорошо, я прочту. Слушайте:

Счастливей обладатель Золотого Билета! Мистер Уилли Уонка приветствует тебя и от души жмет твою руку! Тебя ожидают баснословно щедрые дары и невероятные сюрпризы! Ибо ты и все остальные, кому посчастливилось найти Золотые Билеты, приглашены посетить мою фабрику и провести там целый день в качестве моих гостей. Я, Уилли Уонка, сам проведу вас по всей фабрике и покажу все, что там есть интересного. А когда придет время отправляться домой, за каждым из вас последует целая колонна больших автомобилей, нагруженных таким количеством самой лакомой снеди, которой, по моим представлениям, должно хватить вам и вашим домашним на многие и многие годы. Причем, если когда-либо впоследствии эти запасы иссякнут, нужно только подойти к воротам моей фабрики, предъявить Золотой Билет – и я буду счастлив снова заполнить ваши кладовки всем, чем вам заблагорассудится. Таким образом, вы будете обеспечены всевозможными вкусами на всю оставшуюся жизнь. Но уверяю, что это ни коим образом не окажется самым захватывающим событием, которое произойдет в день вашего визита. Я приготовил для тебя и всех остальных дорогих моему сердцу обладателей Золотого Билета много других, гораздо более фантастических и чудесных сюрпризов, настолько невероятных, что они смогут очаровать, захитить, заинтриговать, озадачить и поразить вас сверх всякой меры. Даже в самых смелых своих мечтах вы и предполагать не могли, что с вами произойдет что-то похожее. Впрочем, ты скоро сам все увидишь. А теперь мои инструкции: день визита назначен на первое февраля. Именно в этот день, и ни в какой другой, ты должен ровно в десять часов утра подойти к воротам фабрики. Смотри, не опоздай! Каждому из вас разрешено привести с собой одного или двух членов семьи, чтобы они приглядели за вами и могли убедиться, что с вами не произойдет никакого несчастья. И еще одна вещь: Золотой Билет должен непременно быть при тебе, иначе ты не сможешь пройти на фабрику.

Подписано: Уилли Уонка.

– Первое февраля! – воскликнула миссис Баккет. – Но это же завтра! Сегодня последний день января! Мне ли этого не знать?

– Ну и дела! – проговорил мистер Баккет. – А ведь ты права, дорогая!

– Ты успел как раз вовремя, мой мальчик! – закричал дедушка Джо. – Нельзя терять ни минуты! Нужно срочно начинать собираться! Тебе необходимо хорошенько умыться, причесаться, высморгаться, почистить зубы, постричь ногти, погладить рубашку. И, ради бога, не забудь привести в порядок свои брюки! Тебе надо как следует подготовиться – помни, это самый главный день в твоей жизни!

— Не стоит так горячиться, дедушка, — сказала миссис Баккет. — Наш бедный Чарли и так слишком возбужден. Сейчас нам прежде всего нужно решить, кто из нас пойдет с Чарли на фабрику.

— Я! — закричал дедушка Джо, снова вскакивая с кровати. — Я пойду с мальчиком! Я пригляжу за ним! Можете об этом не беспокоиться!

Миссис Баккет с улыбкой посмотрела на старика и повернулась к мужу.

— А ты что думаешь по этому поводу, дорогой? Не кажется ли тебе, что это ты должен пойти с Чарли?

— Ну, — немного помолчав, проговорил мистер Баккет, — я не уверен, что это имеет смысл.

— Но это твоя обязанность!

— В таком деле, дорогая, — мягко сказал мистер Баккет, — не может быть никаких обязанностей. Пойми меня правильно, я был бы счастлив пойти туда — ведь это безумно интересно. Но с другой стороны... Среди нас всех этой чести больше всего заслуживает дедушка Джо. Он лучше знает обо всем этом... И если, конечно, он будет хорошо себя чувствовать...

— Ура! — заорал дедушка Джо и, схватив Чарли за руку, пустился с ним в пляс по комнате.

— Кажется, он достаточно хорошо себя чувствует, — улыбаясь, проговорила миссис Баккет. — Что ж... возможно, ты прав. Пожалуй, будет лучше, если дедушка Джо пойдет с Чарли. К сожалению, я не смогу составить им компанию — ведь нельзя же оставить наших стариков одних на целый день.

— Аллилуйя! — завопил дедушка Джо. — Господи благослови!

В этот момент раздался громкий стук в дверь. Мистер Баккет пошел открывать, и через минуту в комнату хлынул поток репортеров и фотокорреспондентов. Им удалось наконец обнаружить пятого обладателя Золотого Билета, и теперь они горели желанием получить материал для первых полос утренних газет. На следующие несколько часов маленький домик семьи Баккетов превратился в сущий ад, и только уже за полночь мистер Баккет сумел выпроводить всю эту шумную ораву, чтобы Чарли мог лечь спать.

13. ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ НАСТАЕТ

В тот знаменательный день с самого утра ярко сияло солнце, но по-прежнему стоял крепкий мороз и все вокруг было покрыто снегом.

Перед воротами фабрики мастера Уилли Уонка собрались огромные толпы людей, чтобы поглазеть на пятерых счастливых обладателей Золотых Билетов. Время уже подходило к десяти часам, и всеобщее возбуждение нарастало с каждой минутой. Люди пихались, ругались, выкрикивали разные глупости, тогда как усиленные наряды полиции, взявшись за руки, с трудом пытались оттеснить толпу от ворот фабрики.

А около самих ворот в тройном кольце полисменов находились пятеро юных героев дня и те взрослые, которым выпала честь их сопровождать.

Среди них выделялась высокая тощая фигура дедушки Джо, а рядом с ним стоял и сам Чарли Баккет, крепко держа деда за руку.

Остальных четверых детей сопровождали родители в полном составе, и это было весьма кстати, потому что в противном случае все мероприятие могло бы принять совершенно нежелательный оборот – ведь эти ребята так рвались внутрь, что бедным родителям приходилось силой удерживать их, чтобы те не полезли через ограду.

– Успокойся! – кричали папы и мамы. – Стой смирно! Еще не пора – десяти часов еще нет!

Между тем из толпы, яростно сражавшейся за место в первых рядах, до Чарли то и дело долетали разные выкрики:

– Поглядите, вон Виолетта Борегард! – громко орал кто-то. – Это точно она! Она самая! Я помню ее лицо из газет!

– Гляньте-ка, – отзывался другой, – а ведь она до сих пор жует тот самый кусок жвачки, который жевала целых три месяца! Вон как ходят ее челюсти! Туда-сюда, туда-сюда!

– А это что за толстяк?

– Да это же Огастес Глуп!

– Так вот он какой!

– Ну и громадина!

– А это что за парень с Одиноким Рейнджером на спине ветровки?

– Это же Майк Телик! Он телевизионный фанат!

– Он, должно быть, помешался на боевиках! Только гляньте на все эти игрушечные пистолеты, которыми он обвешался с головы до ног!

– Хотел бы я посмотреть на Веруку Солт! – раздался другой голос из толпы. – Ведь ее папаша купил полмиллиона шоколадных плиток и поставил работниц на своей ореховой фабрике разворачивать обертки, пока те не нашли Золотой Билет. Он ей ни в чем не отказывает! Совершенно ни в чем! Стоит ей поднять визг, как она получает все, что захочет!

– Но это же ужасно!

– Я бы сказал, это просто неслыханно!

– Как по-вашему, кто из них – она?

– Вот эта, слева. В светлой норковой шубке.

– А где Чарли Баккет?

– Чарли Баккет? Это, небось, вон тот маленький заморыш рядом с тощим стариком, похожим на скелет. Смотри, да вот же они! Прямо напротив нас!

– Как же он без теплого пальто в такой жуткий холод?

– А я почему знаю? Должно быть, у его родителей нет денег на пальто.

– Боже мой! Но он же совсем замерзнет!

Чарли, который стоял всего в двух шагах от говорившего, крепко сжал руку дедушки Джо, а тот поглядел на мальчика сверху вниз и улыбнулся.

Где-то вдалеке церковные часы начали отбивать десять.

И тут ржавые петли громко заскрипели и огромные железные ворота фабрики стали медленно открываться.

Толпа застыла в молчании. Дети перестали прыгать как ненормальные. Все смотрели на ворота.

— Вот он! — внезапно закричал кто-то. — Это же он!

И это действительно был ОН.

14. МИСТЕР УИЛЛИ УОНКА

В настежь раскрытых воротах фабрики — совершенно один — стоял сам мистер Уилли Уонка.

Но какого же он был маленького роста!

На нем был фрак из превосходного темно-фиолетового бархата. И темно-зеленые брюки. И жемчужно-серые перчатки.

А на голове красовался черный цилиндр

В руках мистер Уонка держал изящную тросточку, отделанную золотом. Его подбородок обрамляла аккуратная черная бородка-эспаньолка. А глаза — глаза были невероятно живыми и яркими. Они как будто сияли каким-то волшебным светом и озаряли все лицо радостью и весельем.

И при этом каким же умницей он выглядел! Какими быстрыми и точными были его движения, когда вздергивая голову, он поглядывал по сторонам, и казалось, ничто не могло укрыться от его ярких сверкающих глаз. Порывистостью и быстротой этих движений он походил на белку — старую умную белку из городского парка.

Неожиданно он сделал на снегу что-то вроде забавного подпрыгивающего реверанса, широко раскинул руки и, с улыбкой глядя на пятерых ребятишек, сгрудившихся перед воротами, радостно воскликнул:

– Добро пожаловать, мои маленькие друзья! Милости прошу на мою фабрику!

Его голос был высоким и мелодичным.

– Входите по одному вместе с родителями. Предъявите свой Золотой Билет и скажите, как вас зовут. Ну, кто первый?

Вперед выступил большой толстый мальчик.

– Я – Огастес Глуп, – сказал он.

– Огастес! – воскликнул мистер Уонка, схватив его за руку и с невероятной энергией раскачивая взад-вперед. – Как я рад тебя видеть, мой мальчик! Я восхищен! Очарован! А это твои родители? Как мило, что они тоже пришли! Прощу вас! Вот сюда. Проходите, пожалуйста, в ворота!

Пожалуй, мистер Уонка был возбужден не меньше, чем все остальные.

– Меня зовут Верука Солт, – сказала девочка, вышедшая вперед следом за Огастесом Глупом.

– Моя дорогая Верука! Как ты поживаешь? Так приятно видеть тебя здесь! У тебя очень интересное имя. Я всегда думал, что верука – это такая мозоль, которая вскакивает на пятках, но, должно быть, я ошибался. Как тебе идет эта милая норковая шубка. Господи, что это будет за прекрасный день! Я от души надеюсь, что тебе здесь понравится! Я просто уверен в этом! Не сомневаюсь ни минуты! А это твой папа? Как поживаете, мистер Солт? А это миссис Солт? Чрезвычайно рад познакомиться с вами! Да, ваш билет в полном порядке. Входите, прошу вас!

Затем процедуре проверки билетов и энергического рукопожатия, едва не оставившего их без рук, подверглись Виолетта Борегард и Майк Телик.

И наконец, вперед выступил худенький мальчик и дрожащим от волнения голосом прошептал:

– Чарли Баккет!

– Чарли! – закричал мистер Уонка. – Ну, конечно! Так вот ты какой! Ведь ты нашел билет только вчера, правда? Да-да! Я все прочитал о тебе в сегодняшних газетах. Ты успел как раз вовремя, мой мальчик! Ты не представляешь, как я рад за тебя! А это? Это твой дедушка? Счастлив видеть вас, сэр! Весьма польщен! Безумно рад нашему знакомству! Все идет отлично! Просто замечательно! Теперь все в сборе? Все пятеро? Очень хорошо! Итак, прошу вас следовать за мной. Наша экскурсия начинается! Только старайтесь держаться вместе. Пожалуйста, не отставайте от меня. Крайне не хотелось бы потерять кого-нибудь из вас на этой стадии путешествия. Боже сохрани!

Чарли оглянулся через плечо и увидел, как огромные железные ворота медленно закрываются за ним. Он еще успел заметить, что толпа снаружи по-прежнему бурлила и шумела, а потом клацнул железный засов и весь внешний мир перестал существовать.

– Вот мы и на месте! – кричал мистер Уонка, бодро вышагивая впереди всей компании. – Пожалуйста, в эту красную дверь! Вот так! Здесь вну-

три так тепло и уютно! Мы должны поддерживать на фабрике высокую температуру, потому что мои рабочие привыкли к чрезвычайно жаркому климату. Они просто не выносят холода! Они бы вымерли все до единого, если бы вышли на улицу в такую погоду. Замерзли бы до смерти!

– Что же это за рабочие такие? – спросил Огастес Глуп.

– Всеу свое время, мой мальчик, – с улыбкой ответил мистер Уонка. – Не торопись! Ты все узнаешь в свой черед. Итак, все ли в сборе? Отлично! Не могли бы вы закрыть за собой эту дверь? Благодарю вас!

Чарли увидел, что стоит в начале длинного, неярко освещенного коридора, который уходил вперед, насколько хватало глаз. А ширины он был такой, что вдоль его бледно-розовых стен можно было свободно проехать на автомобиле.

– Как здесь славно и тепло! – прошептал Чарли.

– А какой волшебный запах! – проговорил дедушка Джо, изо всех сил втягивая носом воздух.

Казалось, в этом аромате смешались все самые приятные запахи на свете: запах жареного кофе, запах жженого сахара, запах расплавленного шоколада, запах мяты и фиалки, запах толченого фундука, запах карамели, запах яблок и лимонных корок...

А издалека, откуда-то из самых недр огромной фабрики, доносился приглушенный мощный рев, как будто там, в глубине, с сумасшедшей скоростью вращались колеса какой-то гигантской, чудовищной машины.

– Вот это, дорогие гости, и есть главный коридор, – сказал мистер Уонка, перекрывая своим высоким голосом весь этот шум. – Прошу вас, оставьте свои пальто и шляпы вот на этой вешалке и следуйте за мной. Сюда, пожалуйста! Отлично! Все готовы? Тогда, вперед!

Он мелкими шажками быстро двинулся по коридору. Фалды его бархатного фиолетового фрака развевались перед спешащими за ним гостями.

Вообще-то, если вдуматься, это была довольно внушительная процессия. Девять взрослых, пять детей – всего, стало быть, четырнадцать человек. Так что там не обошлось без некоторой толкотни и даже небольшой

давки, когда все они разом устремились вперед, стараясь не отстать от быстрой маленькой фигурки мистера Уонка. А он еще покрикивал:

– За мной! Поторопитесь, пожалуйста! Мы не уложимся в один день, если вы будете так плестись!

Вскоре он свернул направо в проход, который был уже не таким широким.

Потом он повернул налево.

Потом еще налево.

Потом направо.

Потом налево.

Потом направо.

Еще направо.

И еще раз налево.

Все это было похоже на какой-то гигантский лабиринт с огромным количеством проходов, ведущих во все стороны.

– Держись за руку, Чарли! – прошептал дедушка Джо.

– Обратите внимание, что все эти проходы ведут вниз! – выкрикивал между тем мистер Уонка. – Мы спускаемся под землю! Все самые важные помещения моей фабрики расположены под землей!

– Почему? – спросил кто-то.

– На поверхности не смогла бы разместиться даже малая их часть, – ответил мистер Уонка. – Помещения, которые вам предстоит увидеть, просто огромного размера. Они больше, чем футбольные поля! Ни одно здание на свете не могло бы вместить их. А внизу, под землей, у меня столько места, сколько я захочу! Никаких ограничений – выдалбливай сколько хочешь!

Мистер Уонка повернул направо.

Потом налево. И снова направо.

Теперь проходы все круче и круче устремлялись вниз.

И тут мистер Уонка неожиданно остановился. Перед ним была сверкающая металлическая дверь. Вся компания в нетерпении столпилась вокруг. На двери огромными буквами было написано: «ШОКОЛАДНЫЙ ЦЕХ».

15. ШОКОЛАДНЫЙ ЦЕХ

— Очень важный цех! — воскликнул мистер Уонка, вынимая из кармана связку ключей и вставляя один из них в замочную скважину. — Это, можно сказать, сердце всей фабрики, ее главный нервный узел. И при этом там очень красиво! Это мой пунктик — чтобы во всех моих фабричных помещениях было красиво. Я не переношу убожества и уродства на фабриках! Однако, вперед! Только прошу вас об одном, мои милые дети, сохраняйте спокойствие и старайтесь не потерять головы и не перевозбудиться. Спокойствие прежде всего!

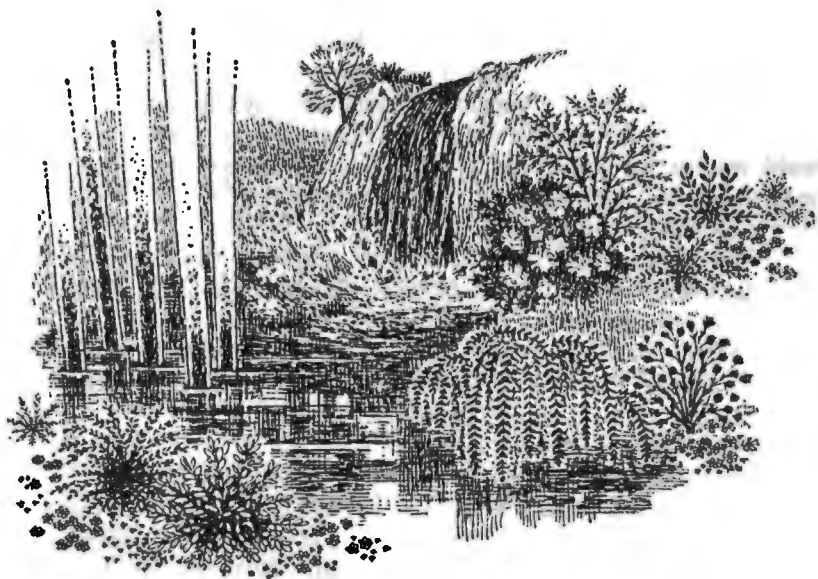
Мистер Уонка открыл дверь.

Девятеро взрослых и пятеро детей устремились внутрь и — о, боже! — какое чарующее зрелище предстало их глазам!

Внизу под ними расстиралась прекрасная долина. По обеим ее сторонам тянулись зеленые луга, а между ними текла большая коричневая река.

Больше того, примерно на середине ее течения ревел гигантский водопад — из воды поднимался крутой утес, над которым, кружась и завиваясь, висела вода и сплошной стеной падала вниз, в кипящие водовороты пены и брызг.

А внизу (и это, пожалуй, представляло собой наиболее поразительное зрелище) из воды, раскачиваясь, торчали огромные стеклянные трубы, устремленные куда-то под потолок! Их было никак не меньше десятка и они

откачивали мутные коричневатые воды реки одному богу известно куда. А поскольку трубы были стеклянными, то через их стенки можно было видеть, как внутри бурлит и движется жидкость. И вдобавок сквозь рев водопада слышалось непрекращающееся чавканье, которое сопровождало работу этих огромных труб.

Вдоль берегов реки росли грациозные деревья и кустарники – плакучая ива, ольха, высокие кусты рододендрона с розовыми и лиловыми цветами. Луга пестрели тысячами лютиков.

– Все это, – выкрикнул мистер Уонка, приплясывая на месте и указывая золотым набалдашником своей тросточки на большую коричневую реку, – все это шоколад! Каждая капля этой реки – это горячий расплавленный шоколад высшего качества. Самого высшего качества! Его здесь хватает, чтобы заполнить все ванны в нашей стране! И все плавательные бассейны в придачу! Ну что, здорово? А посмотрите на эти трубы! Они откачивают шоколад и доставляют его в те помещения фабрики, где он нужен. Тысячи галлонов в час, мои юные друзья! Тысячи тысяч галлонов!

Дети и родители были слишком поражены, чтобы что-то говорить. Они были ошеломлены и огорошены, смущены и сбиты с толку. Гигантские масштабы увиденного потрясли их до такой степени, что они просто стояли и смотрели, разинув рты.

– Но самое главное – это водопад! – продолжал мистер Уонка. – Он смешивает шоколад, сбивает и сбраживает его, делает его легким и воздушным. Ни на одной фабрике в мире не смешивают шоколад при помощи водопада! А между тем это единственно правильный способ! Единственно верный! А как вам нравятся мои деревья? – восклицал он, указывая на них своей тросточкой. – А эти кустарники? Разве не прелесть? Я и в самом деле не переношу ничего уродливого! И кроме того, все это конечно же съедобно. Каждая деталь пейзажа сделана из какого-нибудь особого деликатеса. А эти луга? А эти лютики? Трава, на которой вы стоите, мои маленькие друзья, сделана из нового сорта мягкого мятного сахара, который я только что изобрел. Попробуйте травинку, очень прошу вас, – это что-то восхитительное!

Все машинально наклонились и сорвали по травинке – все, кроме Огастеса Глупа, который ухватил целый пук. А Виолетта Борегард, перед тем как положить в рот травинку, вытащила оттуда свою жвачку-рекордистку и бережно прилепила ее себе за ухо.

– Изумительно! – прошептал Чарли. – Какой чудесный вкус, правда, дедушка?

– Я, пожалуй, мог бы съесть все это поле, – проговорил дедушка Джо, блаженно улыбаясь. – Так и встал бы здесь на четвереньки и пасся целый день, как корова или овца.

– Попробуйте лютики! – кричал мистер Уонка. – Они еще вкуснее!

Тут неожиданно идиллия была нарушена испуганными криками, которые, как выяснилось, издавала Верука Солт. Она в панике указывала на другую сторону реки и громко визжала:

– Смотрите! Смотрите! Что это? Оно шевелится! Это какой-то маленький человечек! Вон там, около водопада!

Все присутствующие сразу перестали рвать лютики и уставились на ту сторону реки.

– Дедушка, и правда! – закричал Чарли. – Это какой-то человечек! Видишь?

– Вижу, Чарли! – взволнованно проговорил дедушка Джо.

Теперь уже все кричали наперебой:

– Их двое!

– Боже, и вправду двое!

– Их не двое! Их там – раз, два, три, четыре, пять!..

– Что они там делают?

– Откуда они взялись?

– Кто это такие?

Дети и взрослые, как один, бросились к обрыву реки посмотреть поближе.

– Какая-то фантастика!

– Они мне не выше колена!

– Посмотрите, какие у них странные длинные волосы!

Крошечные человечки – каждый из них был не больше среднего размера куклы – оторвались от работы и, в свою очередь, уставились через реку на непрошенных визитеров. Один из человечков указал пальцем на детей, прошептал что-то остальным четверем и все пятеро разразились громким смехом.

– Но ведь это же не настоящие люди! – проговорил Чарли.

– Самые что ни есть настоящие! – ответил мистер Уонка. – Это же симпатимпасы!

16. СИМПАТИМПАСЫ

– Симпатимпасы? – воскликнули все в один голос.

– Я вывез их прямо из Симпатимпотамии! – гордо заявил мистер Уонка.

– Такой страны нет, – сказала миссис Солт.

– Извините меня, дорогая леди, но...

– Мистер Уонка! – воскликнула миссис Солт. – Я – учительница географии!..

– Тогда тем более вы должны хорошо знать эту страну, – сказал мистер Уонка. – Боже, какое это ужасное место! Сплошные непроходимые джунгли, кишашие самыми жестокими тварями на свете – протобестиями, блаткарями и свирепыми тулумбасами. Один такой тулумбас съедает на завтрак десяток симпатимпасов и еще просит добавки. Когда я туда приехал, симпатимпасы жили в хижинах на вершинах деревьев. Они были просто вынуждены строить там свои хижины, чтобы спастись от всех этих тулумбасов, протобестий и блаткарей. Симпатимпасы питались в основном зелеными гусеницами, а зеленые гусеницы, как известно, совершенно отвратительны на вкус, и несчастные симпатимпасы целыми днями лазили по деревьям, чтобы хоть как-то разнообразить свой скудный рацион и найти что-нибудь менее отвратительное, чем зеленые гусеницы – к примеру, красных жуков, листья эвкалипта или кору дерева бонг-бонг. Это, конечно, тоже крайне омерзительная пища, но все-таки получше, чем зеленые гусеницы. Бедные маленькие симпатимпасы! А ведь была одна вещь, которую они любили больше всего на свете! Они сходили с ума по зернам какао, но не могли их раздобыть. При очень большой удаче один симпатимпас мог найти три-четыре зерна за весь год. Но как же они мечтали о них! Все дни напролет симпатимпасы только и говорили о зернах какао, а все ночи напролет – видели их во сне. Достаточно было только произнести при симпатимпасе слово «какао», как у него начинали течь слюнки. А зерна какао, – продолжал мистер Уонка, – это как раз то, из чего делается шоколад. Без них шоколада сделать нельзя. Собственно, они и есть шоколад. На моей фабрике каждый день перерабатываются миллиарды зерен какао. И вот, мои маленькие друзья, когда я узнал, что симпатимпасы буквально помешаны на этой еде, я не поленился влезть к ним на деревья и толкнулся в хижину вождя племени. Изголодавшийся и тощий как скелет, бедняга сидел перед миской пюре из зеленых гусениц и, с трудом преодолевая тошноту, пытался съесть это отвратительное варево. «Послушай, – сказал я ему (разумеется, не по-английски, а по симпатимпасийски), – если ты и твои люди согласитесь поехать в мою страну, чтобы жить и работать на моей фабрике, вы получите этих зерен какао сколько душе угодно! У меня на складах их целые горы! Вы будете есть зерна какао четыре раза день – вы наедитесь ими до отвала! Если

хотите, я могу даже платить вам жалование этими зернами!» – «Это правда?» – воскликнул вождь симпатимпасов, вскакивая со стула. «Ну, конечно, правда! – сказал я. – И кроме того, вы можете получать еще и шоколад, а он гораздо вкусней зерен какао, потому что в него добавляются молоко и сахар». Вождь на радостях вышвырнул в окно свою миску с пюре из зеленых гусениц и завопил как сумасшедший: «Я согласен! Едем хоть сейчас!» И вот я на пароходе привез сюда все племя симпатимпасов – мужчин, женщин и детей, – всех до единого человека. Это оказалось не так трудно. Я упаковал их в большие ящики с дырками, и дорога прошла вполне благополучно. Это прекрасные работники. Они быстро научились говорить по-английски, и кроме того, очень любят музыку и танцы и все время сочиняют песни. Я думаю, сегодня вы еще не раз их услышите. Но должен предупредить вас, что они большие озорники и обожают всякие шутки и розыгрыши. Между прочим, они по-прежнему носят такую же одежду, какую носили в своих джунглях. Они ни за что не хотели ее менять. Мужчины, как вы можете видеть, носят олених шкуры, женщины – большие листья, а дети просто ходят голышом. Женщины предпочитают менять свои листья каждый день...

– Папа! – закричала Верука Солт (та самая девочка, которая никогда и ни в чем не знала отказа). – Папа! Я хочу симпатимпаса! Купи мне симпатимпаса! Сейчас же! Я хочу взять его домой! Ты слышишь, папа! Сию минуту ты купишь мне симпатимпаса!

– Ну, разумеется, моя радость, – проговорил отец. – Только не надо перебивать мистера Уонка.

– Но я хочу симпатимпаса! – визжала Верука.

– Хорошо, хорошо. Но я же не могу купить егосию секунду. Прошу тебя, успокойся. К концу дня ты его получишь.

– Огастес! – раздался крик миссис Глуп. – Огастес, сокровище мое! Я думаю, тебе все-таки не следует этого делать!

Как вы могли бы догадаться, Огастес под шумок улизнул к берегу реки и, опустившись на колени, пригоршнями черпал горячий шоколад и уписывал за обе щеки.

17. ОГАСТЕС ГЛУП ПОДНИМАЕТСЯ ПО ТРУБЕ

Обернувшись и увидев, чем он занят, мистер Уонка в ужасе воскликнул:

– Только не это! Огастес, умоляю тебя! Пожалуйста, остановись! Моего шоколада не должны касаться человеческие руки!

– Огастес! Ты слышишь, что тебе говорят! – заорала миссис Глуп. – А ну, сейчас же отойди от реки!

– Какая чудесная штука! – проговорил Огастес, не обращая на свою мать и на мистера Уонка ни малейшего внимания. – Эх, мне бы сюда черпачок побольше!

– Огастес! – кричал мистер Уонка, подпрыгивая на месте и выделявая в воздухе пируэты своей тросточкой. – Ты должен немедленно отойти отсюда! Ты загрязняешь мою шоколадную реку!

– Огастес! – кричала миссис Глуп.

– Огастес! – кричал мистер Глуп.

Но Огастес был глух ко всему, кроме своего ненасытного желудка. Теперь он уже лежал на животе, высунув голову далеко вперед, и лакал шоколад, как собака из лужи.

– Огастес! – вопила миссис Глуп. – Ты же заразишь своим проклятым насморком всю страну!

– Осторожней, Огастес! – кричал мистер Глуп. – Ты высунул голову слишком далеко!

Опасения мистера Глупа были, увы, не напрасными. Не прошло и нескольких секунд, как раздался вскрик, потом всплеск, и все увидели, как Огастес Глуп плюхнулся в шоколадную реку и тут же скрылся под ее коричневой поверхностью.

– Спасите его! – завопила миссис Глуп, побелев как полотно и во все стороны размахивая зонтиком. – Он утонет! Он же совершенно не умеет плавать! Спасите! Помогите!

– Ради всего святого, женщина! – произнес мистер Глуп. – Неужели ты хочешь, чтобы я прыгнул туда в моем лучшем костюме?

Перепачканное шоколадом лицо Огастеса Глупа на мгновение появилось над поверхностью реки.

– На помощь! На помощь! – верещал он. – Выудите меня отсюда!

– Что ты стоишь как пень! – напустилась миссис Глуп на супруга. – Сделай что-нибудь!

– Я уже делаю! – ответил мистер Глуп, который в этот момент неторопливо снимал пиджак, готовясь прыгать в шоколадную реку.

А тем временем несчастного Огастеса Глупа все ближе подтаскивало к одной из огромных труб, торчащих из реки. Еще секунда, и мощное течение затянуло его под воду и подтащило вплотную к отверстию трубы.

Вся компания на берегу, затаив дыхание, ждала, когда мальчик снова покажется наружу.

– Вон он! – закричал кто-то, указывая наверх.

Труба была стеклянной, и все увидели, как Огастес внутри нее выстрелил вверх головой, словно торпеда.

– На помощь! Убивают! Полиция! – визжала миссис Глуп. – Огастес, сию минуту вернись! Куда ты полез?

– Удивляюсь, как это он прошел в эту трубу, – хладнокровно проговорил мистер Глуп.

– А он еще не прошел, – сказал Чарли Баккет. – Ой, посмотрите, он опускается вниз!

– Точно! – согласился дедушка Джо.

– Похоже, он там застрянет, – сказал Чарли.

– Он уже застрял! – уточнил дедушка Джо.

– А все его ненасытное брюхо! – сказал мистер Глуп.

– Он закупорил всю трубу! – воскликнул дедушка Джо.

– Огастес, немедленно вылезай оттуда! – не умолкала миссис Глуп, по-прежнему размахивая зонтиком. – Ты можешь сломать трубу!

Зрители внизу видели, как потоки жидкого шоколада обтекали мальчишку со всех сторон, но большая часть жидкости скапливалась под ним в тяжелую плотную массу, упиравшуюся в эту искусственную преграду. Давление в трубе нарастало. Кто-то должен был уступить. И уступить пришлось Огастесу. Хлоп! – и он, словно пуля в стволе ружья, снова выстрелил вверх и пропал из виду.

– Он исчез! – завопила миссис Глуп. – Куда ведет эта труба? Скорей! Вызовите пожарных!

– Спокойствие! – воскликнул мистер Уонка. – Сохраняйте спокойствие, дражайшая леди! Что бы ни случилось, никакой опасности нет и в помине. Огастес совершит небольшое путешествие – вот и все! Очень интересное маленькое путешествие. Но можете не сомневаться, он вернется целым и невредимым.

– Как он может вернуться целым и невредимым, если через пять секунд превратится в какой-нибудь зефир или пастилу? – огрызнулась миссис Глуп.

– Это совершенно исключено! – заявил мистер Уонка. – Абсурдно! Немыслимо! Попросту нереально! Он ни в коем случае не может превратиться в зефир или пастилу!

– Почему, позвольте спросить?

– Потому что эта труба не ведет в Зефирный Цех. – Ответил мистер Уонка. – Она и близко к нему не подходит. Труба, в которую угодил наш Огастес, ведет прямоком в цех, где я делаю самые вкусные в мире земляничные ириски в шоколаде...

– Значит, он превратится в земляничную ириску в шоколаде! – зарыдала безутешная миссис Глуп. – Мой бедный маленький Огастес! Завтра утром его уже будут продавать вразвес по всей стране!

– Как пить дать! – подтвердил мистер Глуп.

– Я знаю, что так оно и будет! – вопила миссис Глуп.

– Шутки в сторону! – произнес мистер Глуп.

– Мистеру Уонка так не кажется, – сквозь слезы проговорила миссис Глуп. – Он знай себе посмеивается! Как вы смеете смеяться, когда моего несчастного мальчика утянуло в вашу проклятую трубу? Вы чудовище! – визжала она, наставив свой зонтик на мистера Уонка, как будто собиравшись проткнуть его насквозь. – Вам весело? Вам кажется, что все это только милая шутка?

– Ваш ребенок будет в полном порядке, – посмеиваясь проговорил мистер Уонка.

– Из него наделают земляничных ирисок в шоколаде! – вопила миссис Глуп.

– Ни за что! – воскликнул мистер Уонка.

– Наделают, наделают!

– Я не допущу этого! – закричал мистер Уонка.

– Но почему? – взвизгнула миссис Глуп.

– Потому что вкус будет отвратительным! – заявил мистер Уонка. – Только представьте себе: земляничные ириски в шоколаде с начинкой из Огастеса Глупа! Никто и даром не захочет их брать!

– Почему это не захочет? – обиженно воскликнул мистер Глуп.

– Я не хочу даже думать об этом! – вопила миссис Глуп.

– Я тоже, – спокойно сказал мистер Уонка. – Уверяю вас, мадам, что ваш бесценный мальчик абсолютно цел и невредим.

– Если он цел и невредим, то где же он? – огрызнулась миссис Глуп. – Сейчас же отведите меня к нему!

Мистер Уонка повернулся и три раза звонко щелкнул пальцами – щелк! щелк! щелк! И тут же, откуда ни возьмись, рядом с ним появился маленький симпатимпас.

Он поклонился и обнажил в улыбке превосходные белые зубы. У него была красивая розовая кожа, длинные золотистые волосы. Макушка его головы находилась где-то на уровне колена мистера Уонка. Симпатимпас был одет в оленью шкуру, перекинутую через плечо.

– Слушай меня, – сказал мистер Уонка, глядя на маленького человечка сверху вниз. – Отведи мистера и миссис Глуп в Цех Ирисок и помоги найти их сына Огастеса. Его только что засосало туда по трубе.

Симпатимпас взглянул на миссис Глуп и разразился громким смехом.

– Прекрати! – сказал мистер Уонка. – Держи себя в руках и соблюдай приличия! Миссис Глуп вовсе не находит это забавным.

– Втолкните это ему хорошенько! – сказала миссис Глуп.

– Отправляйся прямо в Цех Ирисок, – продолжал мистер Уонка, – и когда придешь туда, возьми длинную палку и прощупай дно в шоколадосмесительном бассейне. Почти наверняка ты найдешь этого мальчика там. Но смотри повнимательней! И поторопись! Ведь если он пробудет в бассейне слишком долго, его может засосать в котел для ирисок и вот это действительно будет катастрофа! Понимаешь? Мои ириски станут абсолютно несъедобными!

Миссис Глуп издала яростный вопль.

– Это шутка, – усмехаясь, сказал мистер Уонка. – Я не хотел обидеть вас. Извините меня. Мне очень жаль, что так получилось. До свиданья, миссис Глуп! До свиданья, мистер Глуп! Увидимся позже...

Едва мистер и миссис Глуп со своим маленьким сопровождающим в спешке удалились, пятеро симпатимпасов на другом берегу реки вдруг начали скакать, танцевать и бешено колотить в маленькие барабанчики.

– Огастес Глуп! Огастес Глуп! – распевали они.

– Послушай, дедушка! – закричал Чарли. – Что это они там делают?

– Тсс! – прошептал дедушка Джо. – Кажется, они собираются спеть нам песню!

– Огастес Глуп! – распевали симпатимпасы. –

Огастес Глуп! Огастес Глуп!

Прожорлив, жаден, груб и глуп!

Доколе ж мы должны смотреть,

Как будет этот хряк жиреть

Да набивать свою утробу?

Мы не потерпим больше, чтобы

В обжорстве он влачил года,

Чтоб никому и никогда

Не перепало от тупицы

Добра и счастья хоть крупницы!

Обычно в случаях таких

Мы избегаем мер крутых

И просто превращаем жлоба

Во что-нибудь, что нам могло бы

Доставить радость – скажем, в мяч

Или в игрушечный тягач,

В воздушный шарик, в книжку, в мишку...

Но этот пакостный мальчишка –

Надутый наглостью толстяк –

Ничтожен помыслами так,

Неразвит так и неопрятен
И нам настолько неприятен,
Что мы, не зная, как нам быть,
Решили с парнем поступить
Иначе. Мы ему сказали:
«Наш толстый друг, а не пора ли
Попутешествовать тебе
По нашей маленькой трубе?
Увидишь, что с тобою станет
В цеху, куда она затынет!»

Но пусть наш Глуп попал в трубу,
Не бойтесь за его судьбу.
Хотя его (тут нет двух мнений!)
Ждет ряд волшебных изменений.
Он их не сможет избежать,
Когда кружиться и визжать
Начнет ирисковый конвейер,
Когда свистящих лезвий веер
В капусту Глупа измельчит,
Когда, вскипая, зашкворчит
Вода в огромной колбе медной
И улетучатся бесследно
Обжорство, жадность, лень и спесь,
А мы в котел добавим смесь
Ароматических добавок –
Свершится чудо: тот, кто навыв
Имел единственно к жратве,
Кого в Нью-Йорке и в Москве
Честили люди проходимцем –
Теперь всеобщим стал любимцем!
Ведь без различия в прописке
Все любят сладкие ириски!

– Я же говорил, что они очень любят петь! – закричал мистер Уонка.
– Разве они не прелестны? По-моему, просто восхитительны! Только, прошу
вас, не верьте ни слову из того, что они тут напели. Все это сушая чепуха
от начала до конца!

– Дедушка, они и вправду только шутят? – спросил Чарли.

– Конечно, шутят, – ответил дедушка Джо. – Наверняка шутят. По
крайней мере, я надеюсь на это. А ты?

18. ВНИЗ ПО ШОКОЛАДНОЙ РЕКЕ

– Нам пора! – закричал мистер Уонка. – Прошу всех поторопиться! Нас ждет следующий цех. И умоляю, не беспокойтесь об Огастесе Глупе – с ним будет все в порядке. Следующую часть путешествия нам предстоит проделать по воде. А вот, кстати, и наше судно! Смотрите!

От большой и теплой шоколадной реки теперь поднималась густая дымка, и из нее неожиданно появилось совершенно фантастического вида розовое судно. Это была большая открытая гребная шлюпка с высокой кормой и высоким носом (как в старину на судах древних викингов), и вся она так сверкала и переливалась различными оттенками розового цвета, что казалось, была сделана из ярко-розового стекла. С обоих бортов в реку опускалось по десятку весел, и когда шлюпка подошла поближе, с берега стало видно, что за каждым веслом сидит не меньше дюжины симпатимпасов.

– Это моя персональная яхта! – воскликнул мистер Уонка, сияя от удовольствия. – Я выдолбил ее из огромного куска жженого сахара! Разве не хороша? Смотрите, как замечательно она идет поперек течения!

Переливающаяся розовым шлюпка из жженого сахара скользнула к берегу. Сотня симпатимпасов бросила весла и уставилась на гостей. И вдруг, по причине, известной разве что им самим, все они, как один, расхохотались.

– Что здесь смешного? – спросила Виолетта Борегард.

– Не обращайтесь на них внимания! – прокричал мистер Уонка. – Они всегда смеются. Вся наша жизнь – для них одна большая шутка. Друзья, прыгайте в лодку! Скорей! Нам надо спешить!

Когда вся компания благополучно разместилась в лодке, симпатимпасы снова налегли на весла и шлюпка помчалась вниз по течению.

– Эй, Майк Телик! – закричал мистер Уонка. – Уверю тебя, не стоит лизать лодку – она от этого становится только крепче!

– Папа! – решительно заявила Верука Солт. – Я хочу такую лодку! Ты должен немедленно купить мне точно такую же большую розовую лодку из жженого сахара, как у мистера Уонка, много симпатимпасов, чтобы они сидели на веслах, шоколадную реку и еще... и еще...

– Еще ее надо отшлепать как следует! – прошептал дедушка Джо на ухо Чарли.

Старик с внуком сидели рядышком на корме, и Чарли крепко держался за костлявую руку дедушки Джо. Новые впечатления буквально захлестывали мальчика. Все, что он успел увидеть до сих пор – огромная шоколадная река, водопад, гигантские трубы, луга из мятного шоколада, симпатимпасы, прекрасная розовая лодка и больше всего сам мистер Уилли Уонка, – поразило его до такой степени, что он начал сомневаться, будет ли впереди еще что-нибудь интересное. Куда они направляются теперь? Что им предстоит увидеть? Что может произойти с ними в следующем цехе?

– Разве не чудесно? – сказал дедушка Джо, улыбаясь Чарли.

Чарли кивнул и тоже улыбнулся.

Неожиданно мистер Уонка, сидевший напротив Чарли, схватил со дна лодки огромную кружку и, наполнив ее за бортом, протянул Чарли.

– Выпей! – сказал он. – Это тебе не повредит. Ведь ты же голодный как собака.

Потом он зачерпнул еще одну кружку и протянул дедушке Джо.

– Да и вы тоже, – сказал он, – больше похожи на скелет. В чем дело? У вас дома мало еды?

– Негусто, – проговорил дедушка Джо.

Чарли поднес кружку ко рту, и густой, теплый и жирный шоколад полился в его пустой желудок. Все изголодавшееся тельце мальчика затрепетало от наслаждения. Пожалуй, никогда в жизни он еще не испытывал такого полного и всеобъемлющего счастья.

– Нравится? – спросил мистер Уонка.

– О, это чудесно! – проговорил Чарли.

– Такого превосходного и жирного шоколада я не пробовал никогда! – заявил дедушка Джо, облизывая губы с видом знатока.

– Это потому, что он хорошо перемешался в водопаде, – сказал мистер Уонка.

Шлюпка мчалась вниз по реке, которая между тем становилась все уже. Впереди путешественники увидели что-то вроде широкого темного туннеля – гигантскую круглую арку, похожую на большую трубу. Река устремлялась прямо в эту трубу – туда же, естественно, направлялась и шлюпка.

– А ну, навались! – закричал мистер Уонка, вскочив на ноги и взмахнув своей тросточкой. – Полный вперед!

Симпатимпасы еще дружнее налегли на весла, и шлюпка пулей влетела под могильно-темные своды туннеля. Пассажиры вскрикнули, неожиданно оказавшись в крошечной тьме.

– Откуда они знают, в каком направлении грести? – завизжала Виолетта Борегард.

– Эти парни, без сомнения, и не знают направления! – закричал мистер Уонка, разразившись громовым хохотом. –

Мы несемся по теченью
(И совсем без освещения)
В неизвестном направлении,
И команда, к сожаленью,
Не имеет представленья
О маршруте продвиженья.
И в подобном положении
Мысль о кораблекрушеньи...

– Да у него просто крыша поехала! – в ужасе закричал один из отцов, и остальные родители наперебой заголосили:

... – Он сошел с ума!

– Спятил!

– Тронулся!

– Сбрендил!

– Свихнулся!

– Сдурел!

– Помешался!

– Чокнулся!

– Ополоумел!

– Рехнулся!

– Повредился рассудком!

– Сдвинулся!

– Ничего подобного! – заявил дедушка Джо.

– Включить огни! – закричал мистер Уонка.

Внезапно и неизвестно откуда возник свет. Весь туннель теперь был ярко освещен, и Чарли увидел, что они действительно находятся внутри гигантской трубы, причем ее закруглявшиеся сверху стены оказались снежно-белыми, без единого пятнышка. В трубе течение шоколадной реки убыстрилось. Симпатимпасы гребли как бешеные, и шлюпка неслась по туннелю с чудовищной скоростью. А мистеру Уонка все было мало. Он в нетерпенье подпрыгивал на корме и кричал гребцам, чтобы они гребли еще быстрее. Казалось, само ощущение того, что он летит как стрела в розовой шлюпке вдоль белого туннеля по шоколадной реке, доставляло ему неизъяснимое наслаждение. Он смеялся, хлопал в ладоши и время от времени поглядывал на своих пассажиров, которые, как он полагал, должны были испытывать сходные ощущения.

– Смотри, дедушка! – закричал Чарли. – Там в стене – дверь!

И действительно, шлюпка промчалась мимо зеленой двери, расположенной чуть выше уровня реки. Путешественники едва успели прочесть надпись на ней: СКЛАД НОМЕР 54. ВСЕ СОРТА КРЕМОВ. МОЛОЧНЫЙ КРЕМ, СЛИВОЧНЫЙ КРЕМ, ФИАЛКОВЫЙ КРЕМ, КОФЕЙНЫЙ КРЕМ, АНАНАСНЫЙ КРЕМ, ВАНИЛЬНЫЙ КРЕМ И КРЕМ ИЗ КРЕМЛЯ.

– Что? – воскликнул Майк Телик. – Неужели вы получаете крем из самого Кремля?

– Вперед! – кричал мистер Уонка. – Сейчас не время отвечать на глупые вопросы!

Шлюпка пронеслась мимо черной двери, на которой было написано: СКЛАД НОМЕР 71. КНУТЫ ВСЕХ ФОРМ И РАЗМЕРОВ.

– Кнуты? – удивилась Верука Солт. – Хотела бы я знать, для чего вам понадобились кнуты?

– Ясное дело, чтобы взбивать сливки, – ответил мистер Уонка. – Как можно взбить сливки без кнута? Если сливки не бить, то они не будут взбитыми. А чем можно бить лучше, чем кнутом? Так же, как когда жарить яичницу-глазунью, надо не спускать с нее глаз, не то получится не яичница, а черт знает что. Вперед!

Следующей показалась желтая дверь с надписью: СКЛАД НОМЕР 77. ВСЕ СОРТА БОБОВ. КОФЕ-БОБЫ, КАКАО-БОБЫ И БОБЫ, КОТОРЫЕ РОСЛИ БЫ ВО РТУ, ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ.

– Росли бы во рту, если бы да кабы? – воскликнула Виолетта Борегард.

– А у тебя самой что во рту? – спросил мистер Уонка. – Впрочем, не время препираться. Дружней, ребята!

Но уже через несколько секунд, когда шлюпка поравнялась с ярко-красной дверью, он неожиданно взмахнул своей тросточкой с золотым набалдашником и закричал:

– Стоп-машина!

19. ЦЕХ ИЗОБРЕТЕНИЙ. ЛЕДЕНЦЫ ВЕЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ И ИРИСКИ ДЛЯ РАЩЕНИЯ ВОЛОС

Услышав этот крик, симпатимпасы из всех сил уперлись веслами в воду, и шлюпка остановилась. Гребцы аккуратно подвели ее бортом к красной двери, на которой было написано: ЦЕХ ИЗОБРЕТЕНИЙ. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН.

Мистер Уонка достал из кармана ключ и, перегнувшись через борт, вставил его в замочную скважину.

– Это самое главное помещение на всей фабрике! – сказал он. – Здесь, можно сказать, расположена кухня, где варятся и пекутся все мои новые секретные изобретения. Старик Фикельгрубер, Продноуз, Слагуорт и прочие шоколадные горе-мастера с радостью дали бы руку на отсечение, чтобы хоть на пять минут заглянуть сюда. А теперь слушайте внимательно! В этом цехе не должно быть никакого баловства! Без спросу ничего нельзя брать в руки, трогать или пробовать. Договорились?

– Договорились! – закричали дети. – Мы и пальцем ничего не тронем!

– До этого дня еще ни один человек и даже ни один симпатимпас не входил сюда, – сказал мистер Уонка.

Он открыл дверь и шагнул из лодки в помещение цеха. За ним гурьбой ринулись все четверо ребят и их родители.

– Ничего не трогать! – закричал мистер Уонка. – Не перебейте тут все!

Чарли Баккет с изумлением смотрел по сторонам. Огромная комната, в которой он оказался, сильно смахивала на кухню бабы-яги. Вокруг на гигантских печах что-то кипело и булькало в черных котлах, свистели чайники,

шипели сковороды, клацали и тархтели какие-то странные железные аппараты. Потолок и стены покрывала сеть всевозможных труб. Все помещение заволакивал то ли дым, то ли пар, и воздух был обильно насыщен самыми что ни на есть изысканными ароматами.

А сам мистер Уонка пришел в еще большее возбуждение, чем до сих пор. Было видно невооруженным глазом, что это помещение – его самое любимое и лелеемое детище. Он прыгал среди всех своих кастрюль и препаратов, как ребенок среди груды рождественских подарков, не зная с чего начать. Он приподнял крышку огромного котла и сунул туда нос, потом торопливо окунул палец в бочку с какой-то клейкой желтой массой и облизнул его, потом подскочил к одному из аппаратов и повернул туда-сюда с полдюжины ручек, потом заботливо заглянул сквозь стеклянную дверцу в чудовищную печь и аж крикнул от удовольствия – настолько ему понравилось увиденное там, потом перебежал к другой машине, маленькой блестящей штуковине, которая все время попыхивала – чух-чух-чух-чух-чух, и при каждом «чух» в большую корзину на полу вываливался крупный зеленый мраморный шарик. Во всяком случае, он казался мраморным.

– Леденцы вечного пользования! – гордо провозгласил мистер Уонка. – Моя последняя новинка. Я изобрел их специально для детей, которым родители дают очень мало карманных денег. Мои леденцы вечного пользования можно сосать, сосать, сосать, сосать, сосать, и они *никогда* не станут ни на миллиметр меньше!

– Как жевательная резинка! – воскликнула Виолетта Борегард.

– Не совсем, – сказал мистер Уонка. – Жевательную резинку надо жевать, а если вы попытаетесь жевать эти леденцы, то переломаете себе все зубы! Но самое главное, что мои леденцы никогда не становятся меньше. Они не тают и не растают никогда. НИКОГДА! По крайней мере, я так думаю. Один из них сейчас проходит испытания на испытательном полигоне в соседнем помещении. Молодой и здоровый симпатимпас сосет его уже почти целый год, а леденец все как новый!

– А теперь прошу сюда! – продолжал мистер Уонка, в возбуждении перескакивая к противоположной стене. – Здесь я конструирую совершенно новую разновидность ирисок.

Он остановился около громадной кастрюли, в которой кипела и бурлила густая липкая патока какого-то фиолетового оттенка. Кастрюля была такой большой, что Чарли смог заглянуть в нее, лишь встав на цыпочки.

– Это ириски для рращения волос! – воскликнул мистер Уонка. – Стоит съесть хотя бы один маленький кусочек, как ровно через полчаса у вас на макушке начнет расти новенькая густая и красивая шевелюра! А также усы и даже борода!

– Борода? – закричала Верука Солт. – Но ради бога, зачем мне борода?

– Она бы очень тебе пошла, – сказал мистер Уонка. – Но, к сожалению, я пока не смог установить точную дозировку. Действие получается слишком сильным – волосы растут чересчур быстро. Вчера в испытательном цехе я проверял состав на одном симпатимпасе, и буквально сразу у него из подбородка полезла густая черная борода, которая уже через пару минут толстым ковром стелилась по полу. Волосы росли так быстро, что мы не успевали их стричь! В конце концов пришлось воспользоваться машинкой для стрижки газонов. Но ничего, скоро я найду точную дозировку, и тогда мальчикам и девочкам, что ходят лысыми, уже не будет никакого оправдания!

– Но мистер Уонка, – проговорил Майк Телик, – вообще-то мальчики и девочки никогда не ходят лысыми...

– Не надо спорить, мой мальчик, умоляю тебя! – воскликнул мистер Уонка. – Это напрасная трата драгоценного времени. Теперь прошу сюда. Подойдите поближе, и я покажу вам одну вещь, которой ужасно горжусь. Только осторожней! Постарайтесь ничего не перевернуть. Отойдите назад!

20. ГИГАНТСКАЯ МАШИНА ПО ПРОИЗВОДСТВУ ЖЕВАТЕЛЬНОЙ РЕЗИНКИ

Мистер Уонка подвел всю компанию к гигантской машине, стоявшей в самом центре Цеха Изобретений. Эта гора сверкающего металла возвышалась высоко над головами детей и их родителей, а наверху из нее выхо-

дили сотни переплетенных друг с другом тонких стеклянных трубочек, которые, загигбаясь книзу, гроздью свешивались над огромным круглым сосудом, размером с большую ванну.

– Вот она! – прокричал мистер Уонка и нажал три кнопки на боку машины.

Сейчас же внутри что-то загрохотало, всю ее заволокло паром, а сама она угрожающе затряслась. И тут остолбеневшие зрители увидели, как по всем стеклянным трубкам побежала жидкость и тонкими струйками полилась в сосуд. Причем из каждой трубы лилась жидкость особого цвета, так что в сосуде играли и пенились все цвета радуги (и многие другие). Это было чрезвычайно красивое зрелище.

Когда сосуд почти наполнился, мистер Уонка нажал еще одну кнопку и грохот моментально прекратился, перейдя в шипение и свист. Внутри сосуда завертелся гигантский волчок, смешивая разноцветные жидкости. Постепенно смесь начала густеть, постоянно меняя свой цвет – от голубого к белому, от белого к зеленому, от зеленого к коричневому, от коричневого к желтому и от желтого снова к голубому.

– Смотрите! – воскликнул мистер Уонка.

В машине что-то щелкнуло, и волчок остановился. Потом раздались громкие чавкающие звуки, и всю густую голубую смесь в два счета засосало обратно в брюхо машины. Несколько мгновений было тихо. Затем по-

слышались какие-то странные погромыхиванья и снова наступила тишина. И вдруг машина издала чудовищный протяжный рев, и в тот же миг сбоку у нее появился крошечный выдвижной ящичек (не больше, чем ящички торговых автоматов), в котором лежало что-то такое маленькое, тонкое и тусклое, что все подумали, будто произошла какая-то ошибка. Эта штука была похожа на полоску серого картона.

Дети и их родители удивленно уставились в ящичек.

– И это все? – с отвращением спросил Майк Телик.

– Да, это все! – ответил мистер Уонка, с гордостью глядя на результат своих трудов. – Знаете, что это такое?

Все молчали. И тут Виолетта Борегард, эта бестолковая девчонка, непрерывно жующая жевательную резинку, радостно завопила:

– Господи, да это же жвачка! Настоящая жвачка!

– Верно! – закричал мистер Уонка, изо всех сил хлопнув девочку по спине. – Настоящая жвачка! Самая вкусная, самая чудесная и самая великолепная жвачка в мире!

21. ПРОЩАЙ, ВИОЛЕТТА!

– Эта жевательная резинка, – продолжал мистер Уонка, – мое самое новое, самое великое и самое поразительное изобретение. Так называемая питательная жевательная резинка. В этой маленькой незврачной полоске жвачки заключается, как бы получше сказать, полный обед из трех блюд.

– Это еще что за чушь? – спросил один из отцов.

– Уважаемый сэр! – воскликнул мистер Уонка. – Когда эта жевательная резинка появится в магазинах, произойдет буквально революция в приготовлении пищи. С готовкой и возней на кухне будет покончено раз и навсегда! Не нужно будет покупать ни мяса, ни круп, ни каких-нибудь других продуктов! Отпадет надобность в ножах, ложках и вилках! Тарелки тоже будут ни к чему. А следовательно, не надо будет мыть посуду и вытирать со стола. Никаких забот! Маленькая полоска «Волшебной жевательной резинки Уонка» – и вам не нужен ни завтрак, ни обед, ни ужин! В частности, вот этот кусочек жвачки, сделанный на ваших глазах, заключает в себе томатный суп, жаркое и пирог с черникой. Но, в принципе, содержимое может быть и любым другим.

– Как это в ней заключается томатный суп, жаркое и пирог с черникой? – спросила Виолетта Борегард.

– Очень просто. Стоит начать ее жевать, как ваш организм полностью получит все, что я назвал. Причем, вы буквально почувствуете, как пища проходит по пищеводу в желудок, и испытаете ощущение полной сытости! Это просто потрясающе!

– Но это абсолютно невозможно! – заявила Верука Солт.

– Раз это жевательная резинка и ее можно жевать, то эта штука для меня! – воскликнула Виолетта Борегард, торопливо вынимая изо рта свою жвачку-рекордистку и прилепляя ее за ухо. – Мистер Уонка, дайте-ка мне вашу волшебную жвачку и посмотрим, как она работает.

– Прекрати, Виолетта! – вмешалась миссис Борегард. – Не стоит делать глупостей.

– Я хочу попробовать эту жвачку! – упрямо сказала Виолетта. – Что тут глупого?

– Я бы не советовал тебе пробовать ее именно сейчас, – мягко сказал мистер Уонка. – Видишь ли, она еще не совсем готова и есть кое-какие недоработки...

– Плевать! – заявила Виолетта и, прежде чем мистер Уонка успел ей помешать, протянула свою толстую ручку, выхватила из ящичка полоску жвачки и сунула ее в рот.

И тут же ее тренированные челюсти заработали, как жернова.

– Не надо! – воскликнул мистер Уонка.

– Невероятно! – закричала Виолетта. – Настоящий томатный суп! Горячий, жирный и ароматный! Я чувствую во рту его вкус!

– Остановись! – волновался мистер Уонка. – Жвачка еще не готова. Она может подействовать как-нибудь не так!

– Все в порядке! – заявила Виолетта. – Она действует прекрасно! Что за чудесный суп!

– Выплюнь ее! – сказал мистер Уонка.

– Вкус меняется! – закричала Виолетта, одновременно жуя и улыбаясь. – Пошло второе блюдо! Жаркое! Такое нежное и сочное! Боже, что за аромат! И жареная картошка тоже чудесная! Корочка так и хрустит, а масло такое вкусное!

– Ой, как интересно! – воскликнула миссис Борегард. – Виолетта, ты такая умница!

– Жуй-жуй, моя девочка, – проговорил мистер Борегард. – Жуй, не бойся. Сегодня великий день для семьи Борегардов. Наша малышка первая в мире жует питательную жевательную резинку!

Все остальные с любопытством наблюдали, как Виолетта Борегард жует эту невероятную жвачку. Чарли Баккет, словно зачарованный, не мог оторвать глаз от ее большого энергичного рта, а рядом с мальчиком застыл в изумлении дедушка Джо. И только мистер Уонка, в отчаянье заламывая руки, повторял:

– Нет, нет! Ее еще нельзя жевать! Она не готова! Выплюнь сейчас же!

– Черничный пирог с кремом! – закричала Виолетта. – Божественно! Изумительно! Самый настоящий, самый лучший в мире черничный пирог! Как будто я жую его большими кусками!

– Господи Боже мой!
– вдруг завизжала миссис Борегард. – Девочка моя, что с твоим носом?

– Успокойся, мама! Не мешай мне! – ответила Виолетта.

– Он синеет! – надрылась миссис Борегард. – Становится синим, как черника!

– Верно! – закричал мистер Борегард. – У тебя весь нос фиолетовый! – Что ты хочешь сказать? – спросила Виолетта, не переставая жевать. – А щеки! – завопила миссис Борегард. – Они тоже синеют! И подбородок! У тебя уже все лицо посинело!

– Выплунь сейчас же эту жвачку! – приказал мистер Борегард.

– Господи, помилуй нас! – надрылась миссис Борегард.

– Она уже вся синяя с ног до головы! Даже волосы и те посинели! Девочка моя, что с тобой! Виолетта моя, ты стала вся фиолетовая!

– Я предупреждал, что жвачка еще не готова, – вздохнул мистер Уонка, грустно качая головой.

– Ничего вы не предупреждали! – орала миссис Борегард. – Да вы только посмотрите на нее!

Впрочем, все и так не сводили глаз с Виолетты. И на это жуткое зрелище стоило посмотреть. Лицо, шея, руки, ноги – да собственно, все тело девочки – и даже огромная шапка ее курчавых волос переливались теперь всеми оттенками темно-синего и фиолетового цветов, словно черничный сок!

– У нас всегда что-то не ладилось, когда дело доходило до десерта, – вздохнул мистер Уонка. – А все этот черничный пирог. Но я доведу его до ума, вот увидите!

– Виолетта! – в ужасе закричала миссис Борегард. – Что с тобой? Ты раздуваешься!

– Меня тошнит, – проговорила Виолетта.

– Ты раздуваешься! – снова закричала миссис Борегард.

– Какое странное ощущение! – задыхаясь, пробормотала девочка.

– Еще бы! – сказал мистер Борегард.

– Господи! – верещала миссис Борегард. – Доченька моя, ты похожа на воздушный шар!

– Скорей, на огромную ягоду черники, – сказал мистер Уонка.

– Доктора! – закричал мистер Борегард.

– Проткните ее булавкой! – посоветовал кто-то из мужчин.

– Помогите же ей! – заламывала руки миссис Борегард.

Но помочь девочке было уже нельзя. Ее тело меняло очертания с такой скоростью, что меньше, чем через минуту, представляло собой огромный темно-синий шар – попросту говоря, гигантскую черничину – и о прежней Виолетте Борегард напоминали теперь только две пары крошечных ручек и ножек да маленькая головка, торчавшие с разных сторон из этой огромной ягоды.

– Вот так у нас всегда и получалось, – с очередным вздохом проговорил мистер Уонка. – Я двадцать раз ставил этот эксперимент на двадцати симпатимпасах, и каждый из них превращался в чернику. Самое обидное, что я до сих пор не могу понять почему.

– Я не хочу, чтобы моя дочь превратилась в чернику! – завопила миссис Борегард. – Сделайте так, чтобы она стала прежней!

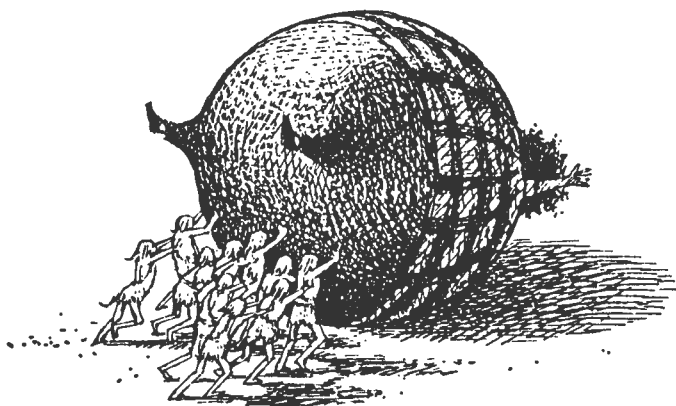
Мистер Уонка щелкнул пальцами, и тут же рядом с ним появились десять симпатимпасов.

– Откатите мисс Борегард обратно в шлюпку, – приказал он им, – и немедленно доставьте ее в Соковыжимальный Цех.

– В Соковыжимальный Цех? – закричала миссис Борегард. – Что они собираются там с ней делать?

– Ее нужно сейчас же отжать, – сказал мистер Уонка. – Выжать из нее весь сок, а там посмотрим, что получится. Не стоит беспокоиться, дорогая миссис Борегард! Как бы то ни было, мы приведем в порядок вашу дочь! Честное слово, мне очень жаль, что так вышло...

Десять симпатимпасов, как бочку, покатали огромную ягоду по полу через весь Цех Изобретений к двери, выходящей на шоколадную реку, где ждала розовая шлюпка, и мистер и миссис Борегард поспешили за ними. Все остальные (и в том числе Чарли Баккет и дедушка Джо) молча смотрели им вслед.

– Ты слышишь, дедушка? – прошептал Чарли, – Симпатимпасы там в шлюпке что-то поют!

И действительно, снаружи раздавался стройный многоголосый хор. Слова были слышны вполне отчетливо:

– Не может быть сомненья даже,
Что в мире нет явленья гаже,
Чем юная особа та,
Что месяцами изо рта
Не вынимает жвачки (это
Сравниться может в мненье света
Лишь с ковырянием в носу,
Что губит девичью красу
Под корень). Нам известно точно:
Все, кто привержен сей порочной
Привычке, будут в некий срок
Наказаны за свой порок.
Как не пошла она во благо
Известной всем мадам Жеваго,
Что набивала жвачкой рот
Буквально сутки напролет.

Она жевала дома в ванной,
В гостях на вечеринке званой,
В такси и даже – стыд и срам! –
Входила с жвачкой в Божий храм.
А если у нее в зачатке
Не оставалось больше жвачки,
Она жевала все, что под
Руку ей только попадет
(Причем с отменным аппетитом):
Куски линолеума, битум,
Чужое нижнее белье
(Но почему-то не свое),
Покрышки от автомашины
И нос любимого мужчины.
На протяжении многих лет
Тянулся этот жвачный бред,
Пока не завершился самой
Что ни на есть кровавой драмой:
Уже сгустилась ночи мгла,
Когда в постель свою легла

Мадам Жеваго. Для начала
Она немного почитала,
Жуя в кровати (даже там!),
Как заводной гиппопотам.
Потом, сжевав четыре пачки
И выплюнув остаток жвачки
На позолоченный поднос,
Она, уткнув в подушку нос
И отсчитав два-три десятка
Овец, уснула сладко-сладко.

Но что за чудо! Спит мадам,
А тренированным зубам
Ее не спится ни в какую –
Они молотят вхолостую!
Остановиться им невмочь.
Представьте лишь: глухая ночь,
И с жутким звуком плотоядным
В кромешном мраке непроглядном
Жует невидимая пасть:
«Хрясть-хрясть-хрясть-хрясть!
Хрясть-хрясть-хрясть-хрясть!»
И вдруг, застыв на миг короткий,
Огромная раскрылась глотка
И, лязгнув как стальная дверь,
Язык свой собственный на две
Перекусила половинки!..

Вот так из-за любви к резинке
Осталась навсегда немой
(Благодаря себе самой)
Мадам Жеваго и отныне
Была помещена родными
В приют для потерявших речь.
Вот почему предостеречь
Хотели б мы мисс Виолетту,
Чтоб не пришлось ей участь эту
Же разделить. Ведь, ей-же-ей,
Еще совсем не поздно ей
Решиться жизнь начать сначала!
Хотя надежд на это мало.

22. ПО КОРИДОРУ

– Ну что ж, – вздохнул мистер Уонка, – на двух непослушных детей стало меньше. Будем надеяться, что осталось трое послушных. Но я все-таки думаю, что нам стоит от греха подальше уйти из этого цеха, а то мы потеряем кого-нибудь еще.

– Но мистер Уонка, – с тревогой спросил Чарли Баккет, – что же будет с Виолеттой Борегард? Неужели она навсегда останется черникой?

– Ее выжмут в два счета! – торжественно заявил мистер Уонка. – Закатят в соковыжималку, и все будет в лучшем виде!

– Но она по-прежнему останется синей с головы до пят? – спросил Чарли.

– Не синей, а фиолетовой! – воскликнул мистер Уонка. – Прекрасный, густой фиолетовый цвет! Ничего не поделаешь – так бывает с теми скверными детьми, что жуют жвачку целыми днями!

– Если вы считаете, что жевать резинку так плохо, то почему вы сами делаете ее на своей фабрике? – спросил Майк Телик.

– Что ты там бормочешь себе под нос? – проговорил мистер Уонка. – Ни слова не могу разобрать! Но пора идти! У нас мало времени. За мной!

С этими словами мистер Уонка прошмыгнул в дальний угол Цеха Изобретений и юркнул в маленькую потайную дверцу, упрятанную за печами и трубами. Трое оставшихся детей – Верука Солт, Майк Телик и Чарли Баккет – и пятеро оставшихся взрослых поспешили за ним.

Чарли увидел, что они снова оказались в одном из прежних розовых коридоров, от которого ответвлялись во все стороны другие такие же розовые коридоры. Мистер Уонка быстро шагал впереди всех, поворачивая то направо, то налево.

– Держись крепче за руку, Чарли! – сказал дедушка Джо. – Не дай Бог здесь потеряться!

– У нас нет больше времени валять дурака, – говорил на ходу мистер Уонка. – Такими темпами мы ничего не успеем!

Он еще быстрее устремился по бесконечным розовым коридорам. Его лоснящийся черный цилиндр сверкал впереди, как маяк, а фалды его бархатного фрака развевались на ветру, словно знамя.

Они миновали какую-то дверь в стене.

– Дальше! – прокричал мистер Уонка. – Шире шаг! Шире шаг!

Компания миновала еще одну дверь, потом еще и еще. Теперь двери в коридоре попадались уже буквально через каждые двадцать шагов и на каждой из них была своя надпись. Вдобавок из-за некоторых дверей раздавались какие-то непонятные звуки, из-за других через замочные скважины доносились изысканные запахи, а из-под третьих сквозь щели внизу вырывались облачки дыма.

Хотя дедушке Джо и Чарли Баккету приходилось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от мистера Уонка, они успевали прочесть надписи на дверях. На одной было написано: **СЪЕДОБНЫЕ ЗЕФИРНЫЕ ПОДУШКИ.**

– Съедобные подушки просто великолепны! – кричал на ходу мистер Уонка. – Когда я пушу их в продажу, их будут с руками отрывать! Но некогда останавливаться! Нет времени!

ЛИЖУЩИЕСЯ ОБОИ ДЛЯ ДЕТСКИХ КОМНАТ – гласила надпись над следующей дверью.

– Отличная штука эти лижущиеся обои! – воскликнул мистер Уонка, пробегая мимо. – На них нарисованы разные фрукты: бананы, яблоки, апельсины, виноград, клубника, улыбка...

– Улыбка? – удивился Майк Телик.

– Не перебивай меня! – заявил мистер Уонка. – Так вот, на обоях нарисованы все эти фрукты, и если полизать изображение банана, то почувствуешь вкус банана, а если полизать изображение клубники, то почувствуешь вкус клубники. А если полизать изображение улыбки, то почувствуешь вкус самой настоящей улыбки...

– А какой у нее вкус? – спросил Майк Телик.

– У тебя опять каша во рту, – сказал мистер Уонка. – Следующий раз спрашивай разборчивей. Но идем дальше! Мы опаздываем!

ГОРЯЧЕЕ МОРОЖЕНОЕ ДЛЯ ХОЛОДНОЙ ПОГОДЫ – было написано над следующей дверью.

– Чрезвычайно полезная вещь в зимних условиях, – проговорил мистер Уонка, не сбавляя шага. – Очень согревает в холода! Кроме того, я делаю из этого мороженого специальные кубики, чтобы класть их в горячие напитки. От горячего мороженого горячие напитки становятся еще горячеей.

КОРОВЫ, ДАЮЩИЕ ШОКОЛАДНОЕ МОЛОКО – гласила следующая надпись.

– Ах, мои миленькие коровки! – умильно воскликнул мистер Уонка. – Как же я их люблю!

– Но почему нам нельзя на них посмотреть? – спросила Верука Солт. – Почему мы должны бежать сломя голову и не останавливаемся в таких интересных комнатах?

– Мы остановимся там, где нужно! – выкрикнул мистер Уонка. – Имей хоть каплю терпения!

ОКРЫЛЯЮЩИЕ ГАЗИРОВАННЫЕ НАПИТКИ – значилось над очередной дверью.

– Это просто чудо! – воскликнул мистер Уонка. – В пузырьках этих напитков содержится специальный газ, который обладает такой зверской подъемной силой, что, когда он наполняет ваш желудок, вы начинаете подниматься вверх, как воздушный шарик, пока не упретесь головой в потолок – и остаетесь висеть там.

– А как же после этого спуститься вниз? – спросил Чарли.

– Естественно, надо рыгнуть, – ответил мистер Уонка – Грубо, вульгарно, от души рыгнуть. Газ выйдет наружу, а вы опуститесь вниз. Только ни в коем случае не пейте этих напитков на улице! Неизвестно, как высоко вы тогда улетите. Один раз я на заднем дворе дал этот напиток одному престарелому симпатимпасу, так он начал подниматься, и поднимался, пока не скрылся из виду. Увы, с тех пор я больше его не видел.

– Ему надо было рыгнуть, – сказал Чарли.

– Конечно! – воскликнул мистер Уонка. – Я стоял внизу и кричал ему: «Рыгайте, старый дурак! Почему же вы не рыгаете?» Но он не рыгнул: не смог или не захотел – не знаю. Возможно, он был слишком хорошо воспитан. Сейчас он, наверно, уже долетел до луны.

На следующей двери было написано: **КВАДРАТНЫЕ КОНФЕТЫ, КОТОРЫЕ ПОКОСИЛИСЬ.**

– Остановитесь-ка на минутку! – закричал мистер Уонка, внезапно останавливаясь сам. – Я невероятно горжусь своими шоколадными конфетами, которые покосились. Давайте-ка заглянем сюда.

23. КВАДРАТНЫЕ КОНФЕТЫ, КОТОРЫЕ ПОКОСИЛИСЬ

Все остановились и столпились у двери. Ее верхняя половина была стеклянной, и дедушка Джо поднял Чарли, чтобы ему было лучше видно. Чарли увидел длинный стол, на котором в несколько рядов лежали маленькие белые квадратные конфеты. Они были похожи на обычные кусочки сахара, с той лишь разницей, что на каждом из них розовой краской была нарисована забавная рожица. У дальнего конца стола симпатимпасы разрывали еще не раскрашенные конфеты.

– Вот они! – воскликнул мистер Уонка. – Квадратные конфеты, которые покосились!

– Но что-то совсем не похоже, что они покосились, – недовольно проворчал Майк Телик.

– Они же совсем ровные! – заявила Верука Солт. – Совершенно ровные и квадратные!

– Они и есть квадратные, – сказал мистер Уонка. – Разве я говорил, что они какие-то другие?

– Вы говорили, что они косые, – возразила Верука Солт.

– Я никогда не говорил ничего подобного! – сказал мистер Уонка. – Я говорил, что они покосились.

– Но они же не покосились, – не отступала Верука Солт. – Они совершенно ровные.

– Нет, они покосились! – настаивал мистер Уонка.

– Ничего похожего! – закричала Верука Солт. – Они нисколько не покосились!

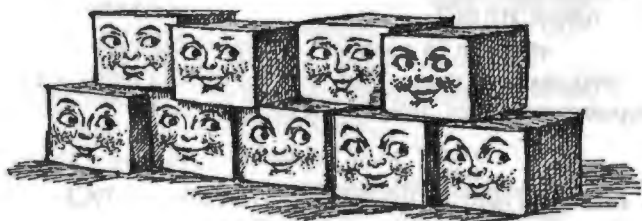
– Верука, дорогая, – вмешалась миссис Солт, – Не слушай мистера Уонка. Он попросту врет!

– А вас, драгоценнейшая старая гримза, я бы попросил пойти куда подальше! – сказал мистер Уонка.

– Как вы смеете так разговаривать со мной! – закричала миссис Солт.

– Да заткнитесь вы! – отмахнулся от нее мистер Уонка. – А теперь смотрите все!

Он достал из кармана ключ, отпер дверь и широко ее распахнул. И тут, едва дверь открылась, все квадратные рожицы действительно покосились посмотреть, кто пришел, и застыли, уставившись на мистера Уонка.

– Ага! – торжествующе закричал он. – Кто был прав? Они покосились! Не может быть двух мнений! Вот они, мои квадратные конфеты, которые покосились!

– Хоть присягнуть, но это так! – проговорил дедушка Джо.

– Пошли дальше! – воскликнул мистер Уонка, снова устремляясь вперед по коридору. – Нечего терять время!

РОМОВЫЕ БАБЫ. ВМЕСТЕ И ПО ОТДЕЛЬНОСТИ – гласила надпись над следующей дверью.

– Ого! – воскликнул мистер Солт. – Вот это уже поинтересней!

Из-за закрытой двери доносились взрывы хохота и обрывки каких-то веселых песен.

– Они там все пьяны как сапожники, – сказал мистер Уонка. – Большинство симпатимпасов почему-то предпочитает по отдельности, хотя вместе это тоже совсем неплохо. Но идемте дальше! Нельзя же останавливаться у каждой двери!

Он повернул налево, потом направо, и вся компания вышла к длинной лестнице. Мистер Уонка съехал вниз по перилам. Трое детей последовали его примеру.

Две оставшихся женщины – миссис Солт и миссис Телик – уже совершенно выбились из сил. Особенно тяжело дышала миссис Солт, которая имела несчастье быть чрезвычайно низкорослой и толстой особой. Она

топталась как носорог, едва успевая за мистером Уонка на своих коротеньких ножках.

А он уже кричал снизу:

– Сюда!

– Нельзя ли чуть помедленней! – задыхаясь, простонала она.

– Ни в коем случае! – отвечал мистер Уонка. – Иначе мы можем опоздать.

– Опоздать куда? – спросила Верука Солт.

– Не торопись, – ответил мистер Уонка. – Когда придет время, ты все узнаешь.

24. ВЕРУКА В ОРЕХОВОМ ЦЕХЕ

Мистер Уонка мчался дальше по коридору. На следующей двери значилось: **ОРЕХОВЫЙ ЦЕХ**.

– Так и быть, – сказал он, – давайте остановимся здесь на минутку, чтоб вы могли перевести дух, а заодно посмотреть, что там делается внутри. Загляните сюда через стекло на двери, но ни в коем случае не входите внутрь! В **ОРЕХОВЫЙ ЦЕХ** нельзя заходить ни под каким видом! Вы можете потревожить моих белок.

Вся компания столпилась около двери.

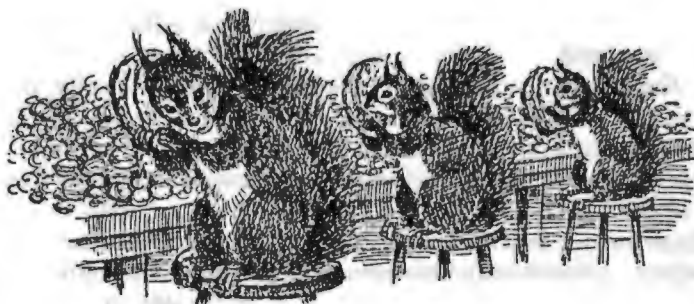
– Смотри, дедушка, смотри! – воскликнул Чарли.

– Настоящие белки! – кричала Верука Солт.

– Вот это да! – проговорил Майк Телик.

Это было потрясающее зрелище. Вокруг большого круглого стола, заваленного горами грецких орехов, на высоких стульях сидело не меньше сотни белок, и все они с огромной скоростью и не прерываясь ни на минуту разгрызали ореховые скорлупки.

– Эти белки специально обучены очищать ядра от скорлупок, – объяснил мистер Уонка.

– Но почему это должны делать белки, а не, скажем, те же симпатимпасы? – спросил Майк Телик.

– Потому что симпатимпасы не могут достать ядро грецкого ореха целиком, – ответил мистер Уонка. – Они всегда ломают его пополам. Никто, кроме белок, не может очищать грецкие орехи целиком. Это очень трудное дело. То есть иногда это у кого-то может получиться, но делать это из раза в раз могут только белки. А на моей фабрике используются только целые ядра грецких орехов. Вот почему мне приходится использовать белок. Посмотрите, как здорово они это делают! Видите, они сначала простукивают каждый орех своими лапками, чтобы проверить не испорченный ли он. У испорченного ореха обычно пустой звук, и тогда белки его не разгрызают, а просто выбрасывают. Вот, смотрите! Кажется, ближе к нам белке как раз попался испорченный орех!

Все увидели, как маленькая белочка приложила ухо к одной стороне ореха, постукала лапкой по другой, внимательно прислушалась и вдруг бросила орех через плечо в большое отверстие в полу.

– Мама! – закричала Верука Солт. – Я хочу такую белку! Купи мне ее сейчас же!

– Не говори глупостей, дорогая! – сказала миссис Солт. – Эти белки принадлежат мистеру Уонка.

– Знать ничего не желаю! – разошлась Верука. – Хочу белку! У меня всего-навсего две собаки, четыре кошки, шесть кроликов, два желтых попугая и один зеленый, три канарейки, черепаха, аквариум с рыбками, клетка с белыми мышами и старый глупый хомяк. Хочу белку, и никаких отговорок!

– Хорошо, хорошо, моя радость, – пыталась успокоить дочку миссис Солт. – Мама купит тебе белку, как только появится такая возможность.

– Но мне не нужна первая попавшаяся! – кричала Верука. – Я хочу ученую белку!

Тут вперед выступил мистер Солт, отец Веруки.

– Ну ладно, Уонка, – важно заговорил он, доставая бумажник, битком набитый деньгами. – Сколько вы хотите за одну из этих белок? Назовите свою цену.

– Они не продаются, – ответил мистер Уонка. – Ваша дочь не сможет получить ни одной.

– Кто сказал, что я не смогу ее получить! – закричала Верука. – Да я сейчас сама возьму, если на то пошло!

– Не надо! – быстро сказал мистер Уонка.

Но он опоздал. Девчонка уже успела распахнуть настежь дверь и ринулась внутрь.

Едва она влетела в комнату, как все сто белок тотчас же прекратили свою работу и уставились на нее своими маленькими черными глазами-бусинками.

Верука остановилась и тоже смотрела на них. Потом ее взгляд упал на ближнюю к ней симпатичную маленькую белочку, сидевшую у самого края стола.

– Отлично! – заявила Верука. – Я беру тебя!

Но стоило ей только протянуть руки, чтобы схватить животное, стоило ей только сделать первое движение, как по комнате словно бы пронесся коричневый вихрь – все белки до единой сорвались со своих мест в стремительном прыжке и приземлились на тело Веруки!

Двадцать пять белок вцепились в правую руку и опустили ее вниз.

Еще двадцать пять вцепились в левую руку и сделали то же самое.

Другие двадцать пять приковали к месту правую ногу. А остальные двадцать пять – левую.

Тогда как последняя, сто первая белка (по всей видимости, она была самой старшей среди них), вскарабкалась по плечу несносной девчонки и начала простукивать ее голову своими лапками.

– Спасите ее! – завизжала миссис Солт. – Верука, вернись сейчас же! Господи, что они делают с ней?

– Они простукивают ее, как орех, чтобы проверить, не испорченный ли он, – ответил мистер Уонка. – Теперь смотрите, что будет дальше.

Верука боролась изо всех сил, но белки держали ее так крепко, что она едва могла шевелиться. А тем временем белка на ее плече продолжала тщательно простукивать ее голову.

И тут белки разом повалили Веруку на пол и потащили через комнату.

– Боже мой, они приняли ее за испорченный орех! – проговорил мистер Уонка. – А что еще они могли подумать, если ее голова издает совершенно пустой звук?

Напрасно Верука вопила и брыкалась: маленькие сильные лапки держали ее крепко и сопротивление было бесполезно.

– Куда они тащат ее? – взвизнула миссис Солт.

– Туда, куда они выбрасывают все пустые орехи, – ответил мистер Уилли Уонка, – в мусорный транспортер.

– Боже, как же она покатится вниз по транспортеру! – воскликнул мистер Солт, глядя на свою дочь через стеклянную дверь.

– Спасите же ее! – кричала миссис Солт.

– Слишком поздно! – сказал мистер Уонка. – Она уже покатилась.

И это действительно было так.

– Но куда? – завершала миссис Солт, всплеснув руками. – Куда попадают пустые орехи? Куда ведет этот транспортер?

– Что касается этого транспортера, – ответил мистер Уонка, – то он ведет непосредственно к центральной мусорной трубе, куда попадают отходы со всей фабрики: картофельные очистки, рыбы головы, гнилая капуста и всякий другой хлам и сор.

– Хотел бы я знать, кто на этой фабрике ест рыбу, капусту и картошку? – спросил Майк Телик.

– Ну конечно, я – ответил мистер Уонка. – Уж не думаешь ли ты, что я, как симпатимпасы, питаюсь исключительно какао-бобами?

– Но куда же, куда выходит ваша центральная мусорная труба? – вопила миссис Солт.

– Естественно, в мусоросжигатель, – хладнокровно ответил мистер Уонка. – В печь для сжигания отходов.

Миссис Солт широко раскрыла свой огромный красный рот и завывала.

– Не волнуйтесь, – успокоил ее мистер Уонка. – У нас еще есть шанс, что сегодня ее не затопят.

– Шанс! – завопила миссис Солт. – Моя бедная девочка! Ее же... ее же... ее же поджарят, как сосиску!

– Ты права, дорогая! – заговорил мистер Солт. – Послушайте, Уонка. Мне кажется, на этот раз вы в некоторой степени зашли слишком далеко. Я не шучу. Конечно, моя дочь слегка пошалила – я готов с этим согласиться, – но это еще не повод сжечь ее как полено. Должен сообщить вам, что я весьма недоволен таким положением вещей. Я бы сказал, крайне недоволен.

– Не стоит сердиться, уважаемый сэр, – сказал мистер Уонка. – Рано или поздно с вашей дочерью будет все в порядке. Я думаю, что она даже не опустилась в центральную трубу. Скорей всего, она застряла на транс-

портере у самой дыры в полу, и если это действительно так, то вам нужно только зайти в комнату и вытащить вашу дочь наружу.

Услышав это, мистер и миссис Солт буквально вломились в Ореховый Цех, подбежали к отверстию и уставились вниз.

– Верука! – закричала миссис Солт. – Ты там?

Ответа не было.

Миссис Солт наклонилась к дыре, чтобы рассмотреть получше, что там делается. Она теперь стояла на коленях у самого края отверстия, опустив голову вниз и подняв кверху свой необъятный зад, который возвышался над полом, как огромный гриб. Что и говорить, это была рискованная поза. Достаточно малейшего толчка, не говоря уже пинка... И белки не упустили такую замечательную возможность.

Закудахав, словно курица, миссис Солт вверх тормашками полетела в дыру.

– Боже милосердный, – проговорил мистер Солт, невозмутимо глядя как его дородная супруга исчезает в темном отверстии, – сколько же там сегодня будет мусора! Ангина, дорогая, как тебе там нравится?

И он тоже наклонился вниз.

А белки только этого и ждали!

– На помощь! – крикнул мистер Солт, уже падая на мусорный транспортер, куда перед этим отправились его жена и дочь.

– О, Господи! – воскликнул Чарли, который вместе со всеми остальными наблюдал за этой душераздирающей сценой из-за стеклянной двери. – Что же теперь с ними будет?

– Думаю, кто-нибудь подберет их там, внизу, – ответил мистер Уонка.

– А как же этот ужасный мусоросжигатель? – спросил Чарли.

– Вообще-то, он работает через день, – сказал мистер Уонка. – Так что не исключено, что сегодня его не затопят. Кто знает, может быть, им и повезет...

– Тсс! – воскликнул дедушка Джо. – А вот и еще одна песня!

Где-то далеко в коридоре раздался звук барабанов и началось пенье:

– Верука Солт! – распевали симпатимпасы –

Верука, гадкая Верука,

Свалилась в мусорного люка

Дыру зловонную, а вслед

(Как приносящих страшный вред)

Мы в люк спихнули тот же самый

Ее дородных папу с мамой.

Итак, летит Верука вниз!

И не считите за каприз,

Когда мы вам расскажем вкратце,
Что ей придется там вращаться
Совсем в ином кругу друзей,
Чем доводилось прежде ей.
Огромная гнилая слива
Там ждет ее нетерпеливо:
«Привет, Верука! Как дела?
Я так давно тебя ждала!»
А ниже – радостно и бойко
И остальная вся помойка
Теснится дружную толпой:
Кулек с яичной скорлупой,
Хребет обглоданный селедки,
Бифштекс, что стал черствею подметки,
Засохший хлеб, прогорклый жир,
Пустой орех, подгнивший сыр,
Кусок испорченного сала,
Воняющий за три квартала,
Кошачий, миль пардон, помет
И прочий весь помойный сброд,
Всяк со своим ужасным смрадом.
Вот с кем теперь Веруке рядом
Делить досуг придется свой!
Вот оказалась каковой
Расплата мерзкого создання
За недочеты в воспитанье!
Но нас, конечно, спросят здесь,
А справедливо ли, что весь
Позор и искупленья муки
Пришлись на долю лишь Веруке
И честно ль будет всю вину
Валить лишь на нее одну?
Да, девочку избаловали,
Но согласитесь, что едва ли
Она могла (к чему скрывать?)
Сама себя избаловать.
Ей в этом помогли – но кто же?
Кто день за днем лез вон из кожи,
Спеша исполнить юной мисс
Любую прихоть иль каприз?
Кто те, чьи любящие руки
Коверкали судьбу Веруки

И превратили, как ни глянь,
Ее в законченную дрянь?
Увы, должны сказать мы прямо:
То папа девочки и мама!
Вот почему нам столь отратно,
Что и они – в помойке смрадной.

25. ОГРОМНЫЙ СТЕКЛЯННЫЙ ЛИФТ

– Никогда не видел ничего подобного! – воскликнул мистер Уонка.
– Дети расплзаются как тараканы! Но не стоит тревожиться – с ними в конце концов будет все в порядке!

Он оглядел тех немногих, которые остались рядом с ним в коридоре. Их было теперь всего пятеро: двое детей – Чарли Баккет и Майк Телик и трое взрослых – дедушка Джо, мистер Телик и миссис Телик.

– Ну что, идем дальше? – спросил мистер Уонка.

– Да! – хором воскликнули Чарли и дедушка Джо.

– У меня устали ноги! – заявил Майк Телик. – Сейчас бы телевизор посмотреть!

– Если ты так устал, то лучше поедem на лифте, – решил мистер Уонка. – Это вот здесь. Идемте! Заходите внутрь!

Одним прыжком он оказался перед двойными дверьми, которые сейчас же распахнулись. Двое детей и трое взрослых вошли в лифт.

– Итак, – сказал мистер Уонка, – с какой кнопки начнем? Выбирайте!

Чарли Баккет в изумлении глазел по сторонам. Такого чудного лифта он еще не видел никогда в жизни. Кнопки были везде – все стены и даже потолок покрывали бесконечные ряды маленьких черных кнопок! Их было, наверно, по тысяче на каждой стене и еще столько же на потолке. Потом Чарли заметил, что около каждой кнопки прикреплена небольшая табличка с надписью, разъяснявшей, куда можно попасть, если нажать эту кнопку.

– Это не обычный лифт, который может ездить только вверх-вниз, – объявил мистер Уонка. – Он может, кроме того, ездить взад-вперед, а также вбок, вкривь, вкось и в любом другом направлении! На нем можно попасть в любое помещение моей фабрики. Нужно только нажать кнопку – чпок! – и вы на месте.

– Фантастика! – пробормотал дедушка Джо, восторженно пожирая глазами бесчисленные ряды кнопок.

– Сам лифт, – продолжал мистер Уонка, – целиком сделан из толстого стекла. Стены, двери, пол, потолок – все из отличного прозрачного стекла, чтобы всегда можно было видеть, что делается снаружи.

– Но там еще нечего видеть, – сказал Майк Телик.

– Нужно нажать кнопку, – ответил мистер Уонка. – Но каждый из двух детей может сделать это только один раз. Выбирайте! В каждом помещении вас ждет что-то волшебное и очень вкусное. Ну, живей!

Чарли начал торопливо читать таблички.

ЛЕДЕНЦОДОБЫВАЮЩАЯ ШАХТА. ГЛУБИНА 10 000 ФУТОВ – гласила одна из них.

КАТОК ИЗ КОКОСОВОГО МОРОЖЕНОГО – было написано на другой.

Дальше шло:

ВОДЯНЫЕ ПИСТОЛЕТЫ – СТРЕЛЯЮТ КЛУБНИЧНЫМ СОКОМ.

САЖЕНЦЫ ИРИСКОВЫХ ЯБЛОНЬ ДЛЯ ВАШЕГО САДА. ВСЕ РАЗМЕРЫ.

САМОВЗРЫВАЮЩИЕСЯ СЛАСТИ ДЛЯ ВАШИХ ВРАГОВ.

СВЕТЯЩИЕСЯ КОНФЕТЫ ДЛЯ СОСАНИЯ НОЧЬЮ В ПОСТЕЛИ.

МЯТНЫЕ КОВРИЖКИ ДЛЯ СОСЕДСКОГО МАЛЬЧИШКИ. ГАРАНТИРОВАННАЯ ОСКОМИНА НА ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ.

ПЕЧЕНЬЕ ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ БОЛЬНЫХ ЗУБОВ. ПЛОМБИРОВАНИЕ БЕЗ ВРАЧА.

ТЯНУЧКИ-ЗАТЫЧКИ ДЛЯ ЧЕРЕСЧУР РАЗГОВОРЧИВЫХ РОДИТЕЛЕЙ.

САХАРНЫЕ ЧЕРВЯЧКИ. ПОЛЗАЮТ В ЖЕЛУДКЕ ДВЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ ПОГЛОЩЕНИЯ. ВОСХИТИТЕЛЬНОЕ ОЩУЩЕНИЕ!

ШОКОЛАДКИ-НЕВИДИМКИ ДЛЯ ЖЕВАНЬЯ НА УРОКЕ.

СЛАДКИЕ КАРАНДАШИ ДЛЯ СОСАНИЯ ВО ВРЕМЯ ДИКТАНТА.

ЛИМОНАДНЫЙ БАССЕЙН.

ВОЛШЕБНЫЕ РУЧНЫЕ ИРИСКИ. КОГДА ОНИ У ВАС В РУКЕ, ВКУС ТАКОЙ, КАК БУДТО ОНИ НА ЯЗЫКЕ.

РАДУЖНЫЕ КАРАМЕЛИ. ПОСЛЕ НИХ МОЖНО ПЛЕВАТЬСЯ СЛЮНЯМИ ВСЕХ ЦВЕТОВ РАДУГИ ПО ВАШЕМУ ЖЕЛАНИЮ.

– Выбирайте скорей! – кричал мистер Уонка. – Не можем же мы ждать целый день!

– А у вас тут нет чего-нибудь вроде Телевизионного Цеха? – спросил Майк Телик.

– Ну конечно, есть, – ответил мистер Уонка. – Вот эта кнопка.

И он указал пальцем на кнопку, рядом с которой висела табличка: ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ШОКОЛАД.

– Ура! Это как раз для меня! – завопил Майк Телик и сейчас же ткнул большим пальцем в указанную кнопку.

В тот же миг раздался громкий свистящий звук, двери с лязгом хлопнулись и лифт, как ужаленный, сделал внезапный скачок. Причем скачок в сторону. Все пассажиры (кроме мистера Уонка, который держался за ременный поручень, свисавший с потолка) полетели кувырком.

– Поднимайтесь, поднимайтесь! – закричал мистер Уонка, давась от смеха.

Но едва только они с трудом вернулись в вертикальное положение, как неожиданно лифт резко изменил направление и повернул за угол. И наши путешественники снова оказались на полу.

– Помогите! – закричала миссис Телик.

– Позвольте предложить вам руку, мадам! – галантно сказал мистер Уонка. – Ну, вот и отлично. А теперь возьмитесь за поручень. Это ко всем относится. Наше путешествие еще отнюдь не закончено.

Дедушка Джо поднялся на ноги и уцепился за поручень, а маленький Чарли, который до поручня достать не мог, за неимением лучшего обхватил обеими руками дедушкину ногу.

Лифт мчался вперед как ракета. Впрочем, теперь он уже начал подниматься вверх, но не вертикально, а по наклонной плоскости, словно взбирался по склону крутого холма. А потом, как будто поднявшись на его вершину, вдруг камнем рухнул вниз. Чарли почувствовал, что содержимое его желудка поднялось к самому горлу.

– Эй, куда это мы? – закричал дедушка Джо.

– Канат оборвался! Сейчас мы разобьемся! – взвизгнула миссис Телик.

– Успокойтесь, дорогая леди, – ободряюще похлопал ее по плечу мистер Уонка.

Дедушка Джо сверху вниз поглядел на Чарли, который изо всех сил держался за его ногу.

– Ты в порядке, малыш?

– Здорово! – прокричал в ответ Чарли. – Как с горы на санках!
Между тем сквозь стеклянные стены лифта можно было видеть удивительные и невероятные картины, калейдоскопом мелькавшие за стеклом: огромный желоб, из которого сочилась вязкая, густая коричневая жидкость...

гигантский скалистый ирисковый монолит, от которого симпатимпасы, связанные для страховки веревками, откалывали с боков крупные куски...
какая-то машина, выдувавшая снежные вихри сахарной пудры...
дымящееся озеро горячей расплавленной карамели...
деревня симпатимпасов с крошечными домиками и сотнями ребятишек, ростом не больше четырех дюймов, играющими прямо на улицах...

Тем временем лифт вышел из пике и снова двигался горизонтально. Но казалось, что теперь он мчится еще быстрее, чем прежде. Чарли даже слышал, как ветер свистел снаружи, когда лифт рывком устремлялся вперед, потом резко поворачивал, потом устремлялся вверх, потом вниз, потом снова вверх, потом...

– Меня сейчас вырвет! – вся позеленев, завопила миссис Телик.

– Умоляю вас, не делайте этого! – сказал мистер Уонка.

– Попробуйте меня остановить! – огрызнулась миссис Телик.

– В крайнем случае сделайте это сюда, – любезно сказал мистер Уонка и, сорвав с головы свой великолепный черный цилиндр, перевернул его вниз дном и сунул под самый нос миссис Телик.

– Сейчас же остановите эту проклятую штуку! – приказал мистер Телик.

– К сожалению, это невозможно, – сказал мистер Уонка. – Он не остановится, пока мы не приедем на место. Остается только надеяться, что никто сейчас не пользуется вторым лифтом.

– Что еще за второй лифт? – взвизгнула миссис Телик.

– Лифт, который движется в противоположном направлении по тем же рельсам, что и наш.

– Черт побери! – закричал мистер Телик. – Вы хотите сказать, что мы можем столкнуться?

– Вообще-то, до сих пор мне везло, – ответил мистер Уонка.

– Теперь-то меня точно вырвет! – воскликнула миссис Телик.

– Ради бога! – вскричал мистер Уонка. – Умоляю вас, не сейчас! Мы уже почти приехали. Пожалейте мой цилиндр!

Через мгновение раздался скрип тормозов и лифт начал останавливаться.

– Веселая поездочка, нечего сказать! – проговорил мистер Телик, утирая носовым платком свое широкое потное лицо.

– Чтob я хоть еще раз в жизни... – с трудом переводя дыхание, начала было миссис Телик, но тут двери лифта распахнулись и мистер Уонка сказал:

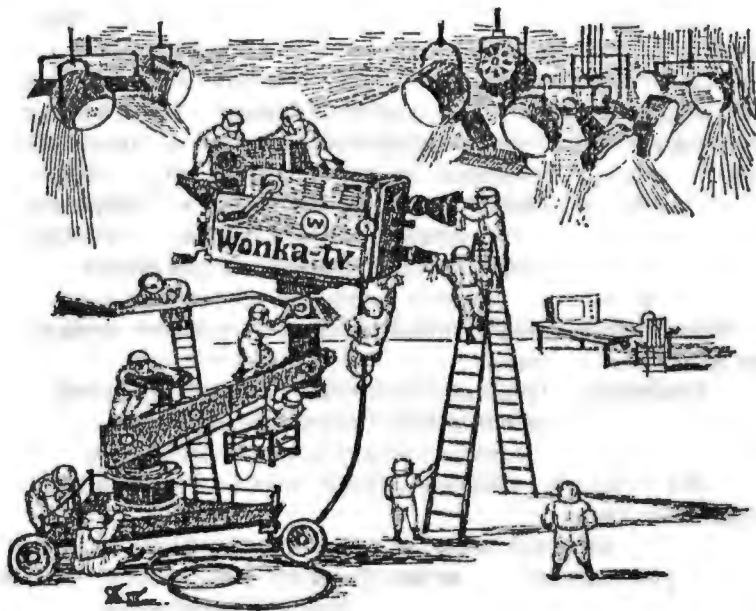
— Одну минуту! Послушайте меня. В этом цехе всем следует соблюдать предельную осторожность. Здесь много всяких опасных штукочин и их нельзя трогать без разрешения!

26. ТЕЛЕВИЗИОННО-ШОКОЛАДНЫЙ ЦЕХ

Чарли с дедушкой Джо и все семейство Теликов вышли из лифта и оказались в помещении, залитом таким ослепительно ярким белым светом, что им сейчас же пришлось крепко зажмурить глаза и остановиться. Но тут мистер Уонка вручил каждому по паре темных очков и строго сказал:

— Немедленно наденьте их и ни в коем случае не снимайте, пока вы здесь. А не то от этого освещения вы можете ослепнуть!

Надев свою пару очков, Чарли наконец смог немного оглядеться. Он увидел, что находится в узкой длинной комнате, стены, потолок и даже пол которой выкрашены ярко-белой краской. Нигде не было ни пылинки. С потолка свисали огромные прожекторы и заливали все вокруг сверкающим бледно-синим светом. Комната была практически пуста, если не считать двух противоположных углов. В одном из них стояла гигантская телевизионная камера на колесах, а вокруг нее копошилась целая бригада симпатимпасов, смазывая шарниры, подкручивая ручки и протирая огромный объектив. Причем одеты были симпатимпасы чрезвычайно странно — на них красова-

лись ярко-красные скафандры (во всяком случае, они выглядели как скафандры) со шлемами и защитными очками. Работали симпатимпасы в абсолютном молчании. Глядя на них, Чарли ощутил какую-то смутную опасность. Что-то тревожное и подозрительное чувствовалось во всем этом деле, и сами симпатимпасы, казалось, понимали это. Они медленно и очень осторожно передвигались вокруг огромной камеры, забыв о своем привычном веселом щебетанье и песнях.

В противоположном углу комнаты – шагах в пятидесяти от камеры – за длинным столом располагался один-единственный симпатимпас. Он тоже был одет в ярко-красный скафандр и сидел, уставившись на экран очень большого телевизора.

– Вот мы и пришли! – восклицал мистер Уонка, подсакивая на месте от возбуждения. – Это Испытательный Цех, где проходит проверку мое самое последнее и самое великое изобретение – Телевизионный Шоколад.

– А что такое этот Телевизионный Шоколад? – спросил Майк Телик.

– Ради бога, мальчик, прекрати меня перебивать! – не выдержал мистер Уонка. – Это изобретение работает при помощи телевидения. Сам я телевизора терпеть не могу. Смотреть его понемногу – еще туда-сюда, но дети, как правило, не могут делать это понемногу. Они готовы целыми днями торчать перед экраном...

– Прямо как я! – гордо сказал Майк Телик.

– Помолчи! – вмешался его отец.

– Благодарю вас, – сказал мистер Уонка. – А сейчас я покажу вам, как работает мой замечательный телевизор. Но для начала я хочу спросить вас, знаете ли вы, как работает обычный телевизор? Это очень просто. На одном конце, откуда берется картинка, стоит большая камера, которая что-то фотографирует. Потом эти фотографии расщепляются на миллионы мельчайших кусочков, таких маленьких, что их нельзя увидеть человеческим глазом, а потом эти кусочки с помощью электричества выстреливаются в воздух и летят, пока не уткнутся в антенну на крыше чьего-нибудь дома. Тогда они моментально спускаются по проводу к задней стенке телевизора, проникают внутрь и там крутятся и вертятся как в игрушечном калейдоскопе, пока каждый из них не встанет на свое место, и – пожалуйста! – картинка появляется на экране.

– Телевизор работает не совсем так! – заявил Майк Телик.

– Ты должен извинить меня, – сказал мистер Уонка, – но я слегка глуховат на левое ухо и совершенно не слышу, что ты говоришь.

– Я говорю, что телевизор работает не совсем так! – во всю глотку проорал Майк Телик.

– Ты очень хороший мальчик, – сказал мистер Уонка, – только слишком много разговариваешь. Так вот. Когда я в первый раз увидел, как работает обычный телевизор, мне пришла в голову потрясающая идея.

«Интересно, — подумал я, — если эти ребята могут расщеплять фотографию на мелкие кусочки, посылать ее по воздуху и снова собирать на другом конце, то почему я не могу проделать то же самое с плиткой шоколада? Почему я не могу послать по воздуху самую настоящую плитку шоколада в виде маленьких кусочков, а на другом конце собрать ее целиком?»

— Это невозможно! — сказал Майк Телик.

— Ты так думаешь? — воскликнул мистер Уонка. — А теперь смотри! Сейчас я телепортирую плитку моего самого лучшего шоколада из одного конца этой комнаты в другой. Эй, там, приготовиться! Принести шоколад!

В тот же момент вперед вышли шесть симпатимпасов, держа на плечах самую большую плитку шоколада, какую Чарли приходилось когда-либо видеть. Она была размером с матрас, на котором он спал дома.

— Необходимо, чтобы она была такой большой, — объяснил мистер Уонка, — потому что на экране все гораздо меньше, чем в натуре. Когда по обычному телевизору показывают высокого человека, на телеэкране он не больше карандаша. Но продолжим. Приготовиться! Нет, нет! Стоп! Все сначала! Майк Телик! Отойди назад! Ты стоишь слишком близко от камеры, а от этой штуки идет очень опасное излучение. Оно в два счета может расщепить тебя на миллион мельчайших кусочков! Вот почему симпатимпасы носят эти скафандры! Они предохраняют от излучения. Так! Уже лучше! Отлично! Начали! Мотор!

Один из симпатимпасов ухватился за большую ручку и потянул ее вниз. Ослепительная вспышка!

— Шоколад исчез! — закричал дедушка Джо, всплеснув руками.

И точно. Огромная плитка шоколада словно растворилась в воздухе!

— Она в пути! — воскликнул мистер Уонка. — Сейчас она, расщепленная на миллион мельчайших кусочков, пролетает над нашими головами! А теперь сюда! Быстро!

Он (а вслед за ним и все остальные) ринулся в противоположный угол комнаты, где стоял большой телевизор.

— Внимание на экран! — кричал мистер Уонка. — Вот она! Вот она появляется!

Экран вспыхнул и зажегся. И тут внезапно в самой его середине возникла маленькая плитка шоколада!

— Хватай ее! — закричал мистер Уонка, все больше возбуждаясь.

— Как же я могу ее взять, — усмехаясь проговорил Майк Телнк. — Ведь это же только изображение.

— Чарли Баккет! — прокричал мистер Уонка. — Тогда ты! Протяни руку и хватай!

Чарли дотронулся рукой до экрана и вдруг почувствовал, как в ней каким-то непостижимым образом оказалась плитка шоколада. От изумления он чуть не выронил ее на пол.

– Съешь ее! – скомандовал мистер Уонка. – Давай, давай, не стесняйся! Она очень вкусная! Это та же самая шоколадка, только в дороге она стала слегка поменьше!

– Это совершенно невероятно! – задыхаясь от волнения, проговорил дедушка Джо. – Это... это... это просто настоящее чудо!

– Только представьте себе, – продолжал мистер Уонка, – что будет, когда я запущу это по всей стране! Вы сидите дома и смотрите телевизор. Вдруг на экране вспыхивает реклама и голос диктора за кадром произносит: «ЕШЬТЕ ЛУЧШИЙ В МИРЕ ШОКОЛАД УОНКА! ЕСЛИ СОМНЕВАЕТЕСЬ, ТО МОЖЕТЕ ПОПРОБОВАТЬ ХОТЬ СЕЙЧАС!» И вы просто протягиваете руку и берете с экрана плитку шоколада! Ну как?

– Потрясающе! – воскликнул дедушка Джо. – Это перевернет весь мир!

27. ТЕЛЕПОРТАЦИЯ МАЙКА ТЕЛИКА

Майк Телик был возбужден пожалуй даже больше, чем дедушка Джо.

– Скажите, мистер Уонка – закричал он, – а можете вы так же телепортировать не только плитки шоколада, но и что-нибудь другое? Например, кукурузные хлопья для завтрака?

– Проклятье! – воскликнул мистер Уонка. – Никогда не упоминай при мне это отвратительное кушанье. Ты хоть знаешь, из чего делаются твои кукурузные хлопья для завтрака? Из мелких стружек, которые остаются в точилках для карандашей!

– А все-таки, если бы вы захотели, могли бы вы телепортировать их на расстояние, как плитку шоколада? – не отставал Майк Телик.

– Разумеется, мог бы!

– А как насчет людей? – настаивал мальчик. – Могли бы вы таким способом перенести с одного места на другое настоящего живого человека?

– Человека? – удивился мистер Уонка. – Ты что рехнулся?

– Так могли бы или нет?

– Господи, да я никогда не думал об этом... Наверно, мог бы... Да, пожалуй, я уверен, что мог бы... Без всякого сомнения, мог бы... Хотя я бы не стал рисковать – это может привести к весьма нежелательным последствиям...

Но последней фразы Майк Телик уже не услышал. Едва только мистер Уонка произнес: «Да, пожалуй, я уверен, что мог бы... Без сомнения, мог бы...», как мальчик повернулся и побежал. Он бежал во все лопатки в противоположный угол комнаты, где стояла огромная камера.

– Смотрите на меня! – вопил он. – Я буду первым телепортированным человеком на земле!

– Нет, только не это! – закричал мистер Уонка.

– Майк! – завизжала миссис Телик. – Стой! Вернись сейчас же! Тебя же расщепит на тысячу мельчайших кусочков!

Но Майка Телика было уже не остановить. Обезумевший мальчишка неся как ветер и, добежав до камеры, ринулся прямо к большой ручке, расшвыривая направо и налево подвернувшихся под руку симпатимпасов.

– До скорой встречи! – прокричал он и, дернув за ручку, выпрыгнул прямо на ярко освещенное пространство перед камерой.

И снова ослепительная вспышка! И тишина...

Спустя мгновение миссис Телик рванулась вперед... и остановилась как вкопанная посреди комнаты. Она стояла и смотрела. Смотрела на то место, где только что стоял ее сын... Ее рот широко раскрылся и из него вырвался вопль:

– Его нет!

– Он исчез! – закричал мистер Телик.

Мистер Уонка торопливо подошел к миссис Телик и мягко положил руку ей на плечо.

– Будем надеяться на лучшее, – сказал он. – Молите Бога, чтобы ваш мальчик оказался на другом конце целым и невредимым.

– Майк! – рыдала миссис Телик, обхватив голову руками. – Где ты?

– Я могу тебе сказать где, – произнес мистер Телик. – Он сейчас проносится над нашими головами в виде тысячи мельчайших кусочков.

– Не говори так! – простонала миссис Телик.

– Нужно следить за телевизором, – сказал мистер Уонка. – Мальчик может там появиться в любой момент.

Мистер Уонка, мистер и миссис Телик, дедушка Джо и Чарли столпились вокруг телевизора, внимательно глядя на экран. Но там никого не было.

– Что-то чертовски долго его нет! – проговорил мистер Телик, утирая пот со лба.

– Господи, – сказал мистер Уонка, – сделай так, чтобы он перенесся целиком!

– Что вы хотите сказать? – резко спросил мистер Телик.

– Я не хочу вас пугать, – ответил мистер Уонка, – но иногда бывает, что только половина кусочков доходит до телевизионного приемника. Так случилось на прошлой неделе. Не знаю почему, но на экране появилась только половина плитки шоколада.

Миссис Телик издала вопль ужаса:

– Значит, к нам вернется только половина моего Майка?

– Будем надеяться, что это будет верхняя половина, – проговорил мистер Телик.

– Внимание! – сказал мистер Уонка. – Следите за экраном! Там что-то происходит.

Экран внезапно начал светиться.

Потом на нем появились какие-то волнистые линии, но мистер Уонка подкрутил одну из ручек и линии исчезли.

Экран медленно, очень медленно, становился все светлей и светлей.

– Вон он! – завопил мистер Уонка. – Да, это точно он! Нечего сомневаться!

– А он целый? – прорыдала миссис Телик.

– Пока еще трудно сказать, – ответил мистер Уонка. – Надо подождать немного.

Сперва очень смутно, но с каждой секундой становясь все отчетливей, на экране появилось изображение Майка Телика. Он стоял во весь рост, улыбаясь до ушей и приветственно размахивая руками.

– Но он стал лилипутом! – воскликнул мистер Телик.

– Майк, – стелала миссис Телик, – у тебя все цело? Ты ничего не потерял по дороге?

– Неужели он не станет хоть немного больше? – кричал мистер Телик.

– Майк, – рыдала безутешная миссис Телик, – скажи хоть что-нибудь! Скажи, что с тобой все в порядке!

Из телевизионного динамика донесся тоненький голосок, напоминавший мышиный писк:

– Привет, мама! Привет, папа! Смотрите на меня! Я – первый телепортированный человек на земле!

– Хватайте его! – скомандовал мистер Уонка. – Быстрее!

Миссис Телик шустро протянула руку и выхватила с экрана миниатюрную фигурку своего сына.

– Ура! – закричал мистер Уонка. – Он цел и невредим!

– И это вы называете «невредим»? – огрызнулась миссис Телик, уставившись на крошечного мальчика, который бегал взад-вперед по ее ладони, размахивая своими игрушечными пистолетами.

Он был ростом не больше дюйма.

– Он стал совсем лилипутом! – воскликнул мистер Телик.

– Естественно, – ответил мистер Уонка. – А как могло быть иначе?

– Это ужасно! – простонала миссис Телик. – Что же нам теперь делать?

– В таком виде он не сможет больше ходить в школу, – сказал мистер Телик. – Его же там затолкают и затопчут!

– Он теперь ничего не сможет делать! – рыдала миссис Телик.

– Нет, смогу! – пропищал голосок Майка Телика. – Я смогу смотреть телевизор!

– Никогда! – рявкнул мистер Телик. – Я выброшу его в окно, как только мы придем домой! Хватит с нас телевизора!

Услышав эти слова, Майк Телик буквально впал в неистовство. С воплями и криками он начал скакать как сумасшедший по материнской ладони и даже пытался укунить ее за палец.

— Хочу смотреть телевизор! — верещал он. — Хочу смотреть телевизор! Хочу смотреть телевизор! Хочу смотреть телевизор!

— Хватит! Ну-ка давай его сюда! — сказал жене мистер Телик.

Он снял мальчика с ее ладони и сунул в нагрудный карман пиджака, прикрыв сверху носовым платком. Карман сразу заходил ходуном от яростных попыток маленького пленника вырваться на свободу, а приглушенные вопли и крики доносились даже через платок.

— Мистер Уонка, — простонала миссис Телик, — как нам сделать, чтобы он снова вырос?

— Ну что ж, — произнес мистер Уонка, теребя бородку и задумчиво глядя в потолок, — это не так-то просто. Но маленькие мальчики невероятно эластичны. Они превосходно растягиваются. Пожалуй, мы сделаем вот что: мы пропустим его через специальную машину, с помощью которой я проверяю эластичность моей жевательной резинки. Возможно, таким способом нам и удастся вернуть его к прежним размерам.

— Я так вам благодарна! — проговорила миссис Телик.

— Не стоит, дорогая леди!

— И как вы думаете, на какую длину он может вытянуться? — спросил мистер Телик.

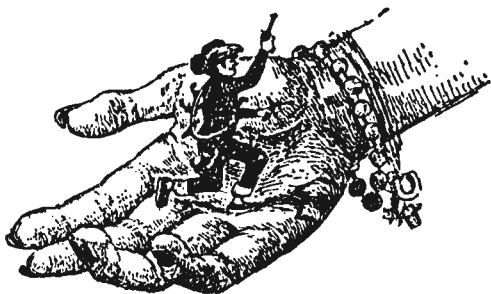
— Трудно сказать, — ответил мистер Уонка. — Возможно и на несколько миль. Правда, он станет тогда ужасно тонким. Любая вещь становится тоньше, когда ее растягивают.

— Вы имеете в виду жевательную резинку? — спросил мистер Телик.

— Совершенно верно!

— И до какой же степени тонким он станет? — тревожно спросила миссис Телик.

— Понятия не имею! — ответил мистер Уонка. — Впрочем, это абсолютно не важно, потому что мы можем запросто сделать так, что он снова поправится. Нужно только дать ему тройную супердозу моего замечательного Поливитаминного Шоколада, который содержит огромные количества витамина А, витамина Б, витамина В, витамина Г, витамина Д, витамина Е, витамина Ж, витамина З, витамина И, витамина К, витамина Л, витамина М, витамина Н, витамина О, витамина П, витамина С, витамина У, витамина Ф, витамина Х, витамина Ц, витамина Ч, витамина Ш, витамина Щ, витамина Ъ, витамина Ы, витамина Ь, витамина Э, витамина Ю и — хотите верьте, хотите нет — даже витамина Я. В этом шоколаде нет только двух витаминов:

витамина Р, потому что от него у человека вырастают рога, как у коровы, и витамина Т, потому что от него начинает сильно тошнить. Но зато в нем содержится в очень небольших количествах самый редкий и самый чудесный витамин из всех – витамин Уонка!

– А что будет от этого витамина с нашим Майком? – тревожно спросил мистер Телик.

– От этого витамина пальцы ног становятся такими же длинными, как пальцы рук...

– Нет! – вскричала миссис Телик.

– Не говорите глупостей, – сказал мистер Уонка. – Это же ему очень пригодится в жизни – он, к примеру, сможет играть на рояле ногами.

– Но, мистер Уонка...

– Не спорьте, пожалуйста! – заявил мистер Уонка.

Он три раза щелкнул пальцами, и сейчас же рядом с ним откуда ни возьмись появился симпатимпас.

– Выполнить все эти распоряжения! – приказал мистер Уонка, вручив симпатимпасу листок бумаги с подробными инструкциями. – Мальчишка найдешь в кармане отцовского пиджака. До свиданья, миссис Телик! До свиданья, мистер Телик! И не глядите так хмуро! Все уладится, уверяю вас, все уладится!

А в это время в другом углу комнаты симпатимпасы, встав вокруг гигантской камеры, уже стучали в свои барабаны и медленно, ритмично раскачивались в такт песне.

– Снова они за свое! – сказал мистер Уонка. – Боюсь, они без этого не могут.

Маленький Чарли поймал руку бабушки Джо. Теперь они оба стояли рядом с мистером Уонка в центре длинной, ярко освещенной комнаты и слушали новую песню симпатимпасов. А пели они вот что:

Из всех аспектов воспитания
Хотим мы (взрослым в назиданье)
Отметить, что любая мать
Должна и близко не пускать
Детей к экрану голубому.
А лучше – и совсем из дому
Убрать зловредный агрегат
Подальше от своих ребят.

Ведь что творится в нашем мире
Практически в любой квартире?
Везде, куда ни бросишь взгляд,
Мы видим, что они сидят,

Уткнув носы в телеэкраны,
И, как безмозглые бараны,
Все смотрят, смотрят целый день
На эту муь и дребедень!
Конечно, матери спокойней
Знать, что они на подоконник
Не влезут и наверняка
Не разнесут весь дом, пока
Она на кухне варит ужин
Иль затевает ссору с мужем.
Но спросим мы без громких фраз,
Подумала ль она хоть раз,
ЧТО ДЕЛАЕТ ПРОКЛЯТЫЙ ЯЩИК
ИЗ НИХ КРЕТИНОВ НАСТОЯЩИХ?
ЧТО ГУБИТ ОН, КАК ЛЮТЫЙ ТАТЬ
СПОСОБНОСТЬ МЫСЛИТЬ И МЕЧТАТЬ?
ЧТО ДУШУ ЮНОГО СОЗДАНИЯ
ОН ЗАСОРЕЯЕТ ВСЯКОЙ ДРЯНЬЮ
И РАЗМЯГЧАЕТ СЛОВНО ВОСК
ОН НЕОКРЕПШИЙ ДЕТСКИЙ МОЗГ?
ЧТО, МИР ЧУДЕС ИЗБРАВ МИШЕНЬЮ,
ОН ПЫЛ ЖИВОЙ ВООБРАЖЕНИЯ
УНИЧТОЖАЕТ НАВСЕГДА?
Но спросят нас: «А чем тогда
Малюток наших хоть немного
Развлечь?» И мы ответим строго:
«А в вашем детстве золотом,
Когда не ведал мир о том
Злокозненном изобретенье,
В чем было ваше развлечение?
Забыли? Мы напомним вам!
Мы скажем громко, по слогам:
ВЫ-КНИ-ЖКИ-БЕЗ-КОН-ЦА-ЧИ-ТА-ЛИ!
И прочитав одну, хватали
Другую!» Что там говорить!
Без книг не мысля дня прожить,
Свой дом – от детской и до спальни –
Вы превращали в зал читальный!
Везде – по стульям и столам –
Валялись книги тут и там.
А вспомните, *какие* книги!
Про приключения и интриги,

Про королев и королей,
Драконов и богатырей,
Китов, слонов и крокодилов
Среди болот непроходимых,
Про чудеса далеких стран,
Про тайны джунглей и саванн,
Про козни сказочных чудовищ,
Про трюмы, полные сокровищ,
Про каннибалов у костра,
Где кто-то жарится с утра...
А младшие глотали сказки
Про то, как ездил кот в коляске,
Про заколдованных девиц,
Про злых волков и про лисиц,
Про семерых портных, про зайцев,
Про трех укушенных китайцев,
«Как мистер Жаба выпил пруд»,
«Как заработал горб верблюдов»,
«Куда девался хвост мартышки»...
О, Боже мой! Какие книжки
Читали с молодых ногтей,
Отцы сегодняшних детей!
Нет, мы отнюдь вас не неволим,
Но просим, заклинаем, молим:
ДОЛОЙ ИЗ ДОМА ЭТОТ ГРОБ!
А на пустое место (чтоб
Не пропадать ему без толку)
Вы книжную повесьте полку
Для неразумных ваших чад.
И пусть сперва они кричат,
Визжат, пихаются, дерутся,
Брюзжат, брыкаются, плюются –
Мы обещаем вам: пройдет
Каких-нибудь дней пять и от
Ужасной, нестерпимой скуки
Возьмут паршивцы книгу в руки!
И вскоре каждый сорванец
Понять сумеет наконец,
Как пошло, глупо и бездарно
Он проводил еще недавно
Свои досуги. Что за хлам
(Разврат с занудством пополам)

Он по утрам и вечерам
Смотрел по каждой из программ!
И он спасибо скажет вам,
За то что вы рукой железной
Спасли его над этой бездной.
Постскриптум. Пару слов о Майке.
Мы сообщим вам без утайки,
Что столь волнующий вопрос,
Удастся ль парню прежний рост
Вернуть — отнюдь не прост, а сложен,
И мы гарантий дать не можем.

28. ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО ЧАРЛИ

— Ну, куда мы теперь направимся? — сказал мистер Уонка, повернувшись на каблуках и бегом устремляясь в лифт. — Нам надо торопиться! Времени совсем нет! Сколько детей еще осталось?

Чарли посмотрел на дедушку Джо, дедушка Джо посмотрел на Чарли и оба они посмотрели вслед мистеру Уонка.

— Но мистер Уонка, — окликнул его дедушка Джо, — остался... остался только один Чарли.

Мистер Уонка резко оглянулся и посмотрел на Чарли, который крепко держался за дедушкину руку.

Наступило молчание.

— Ты хочешь сказать, что кроме тебя никого не осталось? — проговорил мистер Уонка, притворяясь удивленным.

— Ну да, — прошептал Чарли.

— Но мой юный друг! — внезапно закричал мистер Уонка в порыве искреннего восторга. — Это же значит, что ты победил!

Он выбежал из лифта и начал с таким энтузиазмом трясти руку мальчика, что чуть не оторвал ее.

– Я от души поздравляю тебя! – восклицал он. – От всей души! Я восхищен! Лучше нельзя было придумать! Просто превосходно! Ты знаешь, с самого начала у меня было предчувствие, что победителем окажешься именно ты. Отлично, Чарли, отлично! Великолепно! Настоящее веселье теперь только начинается! Но нам некогда бить баклуши. Сейчас у нас даже меньше времени, чем было раньше! До конца дня еще куча разных дел! Подумайте только, какие приготовления нам нужно сделать и скольких людей захватить с собой! Но, к счастью, у нас есть наш стеклянный лифт, с которым все будет гораздо быстрее! Прыгай сюда, дорогой Чарли! И вы, дорогой сэр! Нет, только после вас! Вот так! Ну, а теперь, теперь я буду выбирать кнопку!

Сверкающие голубые глазки мистера Уонка ненадолго остановились на лице Чарли.

«Сейчас произойдет что-то чудесное», – подумал мальчик.

Но он ни капельки не боялся. Он даже не был взволнован. Ему было только ужасно интересно. Примерно так же чувствовал себя и дедушка Джо, и, не отрывая глаз, следил за каждым движением мистера Уонка. А тот в это время старался дотянуться до одной из кнопок на потолке стеклянного лифта. Оба, Чарли и дедушка Джо, вытянули шеи, пытаясь разглядеть, что написано на табличке около этой кнопки.

Там значилось: ВВЕРХ И НАРУЖУ.

«Вверх и наружу? – удивился Чарли. – Интересно, что это за цех?»

Мистер Уонка нажал кнопку.

Стеклянные двери закрылись.

– Держитесь крепче! – кричал мистер Уонка.

И тут – хлоп! – лифт пулей рванулся вверх.

– Э-ге-гей! – кричал дедушка Джо.

Чарли, как прежде, уцепился за дедушкину ногу, мистер Уонка, как прежде, ухватился за ременный поручень, свисавший с потолка, но лифт на этот раз не делал резких поворотов и рывков – он шел вертикально вверх. Все выше, и выше, и выше. Все быстрее, и быстрее, и быстрее. Чарли даже слышал, как ветер свистит за стенами кабины.

– Э-ге-гей! – снова кричал дедушка Джо. – Ай да мы!

– Быстрее! – воскликнул мистер Уонка, ударив кулаком по стене лифта. – Еще быстрее! Если мы не увеличим скорость, мы не сумеем пробиться!

– Куда? – прокричал дедушка Джо. – Куда мы должны пробиться?

– Ха-ха! – воскликнул мистер Уонка. – Скоро увидите! Сколько лет я лелеял мечту нажать эту кнопку! Но до сих пор еще никогда этого не делал, хотя меня уговаривали много раз. Еще как уговаривали! Но меня останавливала мысль о том, что придется пробить большую дыру в крыше фабрики. И вот теперь, ребята, – вверх и наружу!

– Но вы же не хотите сказать, – закричал дедушка Джо, – вы же не хотите сказать, что этот лифт...

– Именно! – воскликнул мистер Уонка. – Именно это я и хочу сказать! Вверх и наружу!

– Но он же... он же... он же стеклянный! – выкрикнул дедушка Джо. – Он же просто разобьется вдребезги!

– Разумеется, он бы разбился, – со своей всегдашней безапелляционностью заявил мистер Уонка, – если бы не был сделан из такого прочного стекла.

Лифт мчался вверх – все выше и выше, все быстрее, быстрее...

Трах-тара-рах!

Прямо над головами пассажиров раздался невыносимый грохот крушащегося дерева и ломающейся черепицы.

– Все кончено! – закричал дедушка Джо. – Мы погибли!

– Ничего подобного! – хладнокровно ответил мистер Уонка. – Мы пробились! Мы вырвались наружу!

Он был прав, как всегда. Лифт пробил насквозь крышу фабрики и, словно ракета, устремился прямо в небо. Яркое солнце било в его стеклянный верх. Через несколько секунд лифт был уже в тысяче футов над землей.

– Этот лифт сошел с ума! – закричал дедушка Джо.

– Не надо бояться, дорогой сэр, – спокойно проговорил мистер Уонка и нажал другую кнопку.

Лифт остановился. Он остановился и завис между небом и землей, словно вертолет. Немного покачиваясь, он висел над фабрикой и над всем городом, который раскинулся внизу, как картинка с почтовой открытки! Сквозь прозрачный пол Чарли видел крошечные дома и улицы, покрытые толстым слоем снега. Это все-таки довольно жуткое ощущение – стоять на стеклянной площадке так высоко в небе. Кажется, что под ногами ничего нет.

– У нас все в порядке? – встревожился дедушка Джо. – Каким образом эта штука держится в воздухе?

– Сахарная энергия! – ответил мистер Уонка. – Это огромная сила. Поглядите-ка! – воскликнул он, указывая вниз.

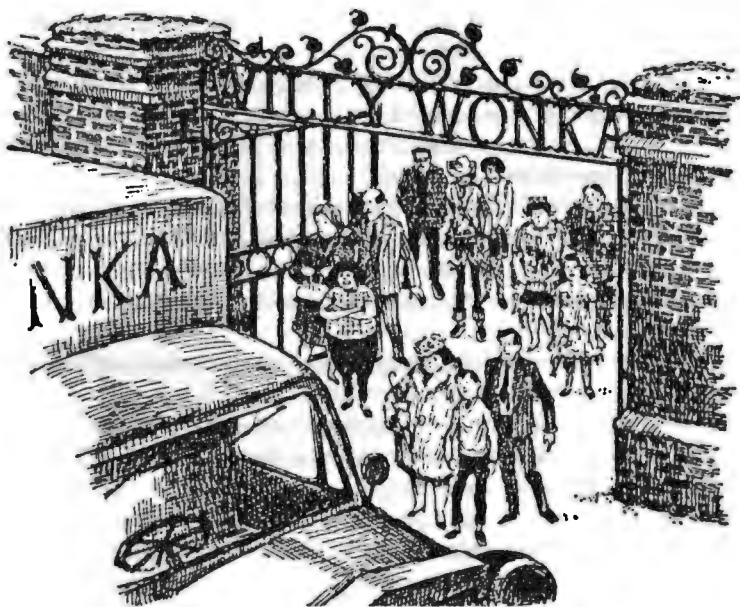
– Вон идут остальные четверо! Они расходятся по домам.

29. ОСТАЛЬНЫЕ ДЕТИ РАСХОДЯТСЯ ПО ДОМАМ

– Прежде чем заниматься чем-нибудь еще, мы просто обязаны спуститься вниз и проститься с нашими маленькими друзьями, – сказал мистер Уонка.

Он нажал другую кнопку, и лифт начал опускаться вниз.

Вскоре он уже висел над самым входом в фабрику.

Внизу Чарли увидел троих ребят и их родителей – все они стояли кучкой перед воротами.

– Я вижу только трех, – сказал он. – Кого же не хватает?

– Очевидно, Майка Телика, – ответил мистер Уонка. – Но он вот-вот подойдет. Видишь эти грузовики?

Он указал на ряд больших крытых фургонов, стоявших вдоль тротуара.

– Да, – ответил Чарли. – А зачем они тут?

– Ты, наверно, забыл, что было написано на Золотых Билетах? Каждый ребенок получает запас всевозможных сладостей на всю оставшуюся жизнь. Каждому – по полному грузовику. Они загружены под самую крышу. Ага, – проговорил мистер Уонка, – вон наш старый друг Огастес Глуп! Видишь его? Он садится с родителями в первый грузовик.

– С ним действительно все в порядке? – удивленно спросил Чарли. – Даже после того, как он побывал в той ужасной трубе?

– В абсолютном порядке! – ответил мистер Уонка.

– Но он слегка изменился, – проговорил дедушка Джо, глядя вниз сквозь стеклянную стену лифта. – Раньше он был таким толстяком, а сейчас тощ как хвощ!

– Естественно, изменился, – смеясь сказал мистер Уонка. – Вы что забыли, как его сплющило в этой трубе? Смотрите! А вон знаменитая жевательница резинки мисс Виолетта Борегард! Кажется, ее в конце концов

удалось выжать. Я ужасно рад! А как хорошо она выглядит! Гораздо лучше, чем раньше!

– Но ее лицо осталось фиолетовым! – воскликнул дедушка Джо.

– Увы! – ответил мистер Уонка. – С этим уже ничего нельзя поделать.

– Господи! – закричал Чарли. – Взгляните на бедную Веруку Солт и ее родителей. Они все в грязи с головы до ног!

– А вон и Майк Телик! – сказал дедушка Джо. – Боже мой, что они сделали с ним! Он же теперь не меньше десяти футов росту!

– Его вытянули на машине для проверки на эластичность жевательной резинки. Но, кажется, малость перестарались, – ответил мистер Уонка.

– Это ужасно! – воскликнул Чарли.

– Наоборот! – заявил мистер Уонка. – Ему очень повезло. Теперь за ним будут гоняться баскетбольные тренеры всей страны! Впрочем, – продолжил он, – нам пора оставить этих бестолковых детей. Дорогой Чарли, мне нужно сказать тебе одну очень важную вещь.

Мистер Уонка нажал новую кнопку, и лифт опять взмыл в небеса.

30. ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА ЧАРЛИ

Огромный стеклянный лифт с дедушкой Джо, Чарли и мистером Уонка внутри теперь снова висел над городом.

– Я так люблю мою шоколадную фабрику! – с чувством сказал мистер Уонка, глядя вниз.

Он сделал паузу и с самым серьезным выражением лица повернулся к мальчику:

– А ты, Чарли?

– Конечно, люблю! – воскликнул тот. – Это, наверно, самое замечательное место на всей земле!

– Мне очень приятно слышать это от тебя, – сказал мистер Уонка.

Он выглядел серьезным, как никогда.

– Да, – продолжал он, в упор глядя на Чарли. – Мне действительно очень приятно услышать это именно от тебя, и я сейчас скажу тебе почему.

Мистер Уонка по-петушину склонил голову набок, и в уголках его глаз заиграла лукавая усмешка.

– Видишь ли, мой мальчик, – заговорил он, – я решил отдать ее всю тебе в подарок. Когда ты немного подрастешь и сможешь сам ею управлять, вся фабрика станет твоей.

Чарли в изумлении уставился на мистера Уонка. Дедушка Джо раскрыл было рот, но не смог произнести ни слова.

– Это чистая правда, – широко улыбаясь сказал мистер Уонка. – Я в самом деле отдаю ее тебе. Надеюсь, ты не против?

– Отдаете ее ему? – задохнулся дедушка Джо. – Наверно, вы шутите!

– Я вовсе не шучу, сэр. Напротив, я совершенно серьезен.

– Но... но... почему вы вдруг решили отдать свою фабрику маленькому Чарли?

– Послушайте, – сказал мистер Уонка. – Я уже немолодой человек. Я гораздо старше, чем вы думаете, и не могу руководить фабрикой вечно. У меня нет семьи и, естественно, нет детей. Кто возьмет все это в свои руки, когда я совсем состарюсь? Должен же кто-то сделать это – хотя бы ради симпатимпасов! Разумеется, есть тысячи взрослых и умных людей, которые отдали бы все на свете, чтобы получить мою фабрику, но мне не нужны такие люди. Мне вообще не нужны взрослые. Взрослый человек не будет слушать меня – он не в состоянии учиться. Он захочет все делать по-своему, а не так, как нужно мне. И поэтому я решил взять ребенка. Доброго, восприимчивого, смышленного ребенка, которому, пока я жив, я мог бы передать все самые сокровенные секреты кондитерского дела.

– И для этого вы придумали Золотые Билеты? – воскликнул Чарли.

– Совершенно верно! – сказал мистер Уонка. – Я решил, что приглашу на фабрику пятерых детей, и тот, кто мне понравится больше других, станет победителем!

– Подождите, мистер Уонка, – заикаясь, проговорил дедушка Джо, – выходит, что вы совершенно серьезно надумали отдать всю свою огромную фабрику нашему маленькому Чарли? В конце концов...

– Сейчас не время спорить! – воскликнул мистер Уонка. – Нам еще нужно захватить с собой родителей Чарли и тех, кто захочет отправиться с ними. С сегодняшнего дня они все смогут жить прямо на фабрике! Они будут помогать мне управлять фабрикой, пока Чарли не вырастет и не сможет делать это сам. Где ты живешь, Чарли?

Чарли сквозь стеклянный пол посмотрел вниз на крыши домов, покрытые густым снегом.

– Вон там, – сказал он, указывая пальцем. – Вот этот маленький домик на краю города. Самый маленький из всех...

– Вижу! – закричал мистер Уонка.

Он нажал несколько кнопок, и лифт устремился прямо к дому Чарли.

– Боюсь, мама не сможет поехать с нами, – грустно сказал Чарли.

– Но почему же?

– Потому что она не может бросить бабушку Джозефину, бабушку Джорджину и дедушку Джорджа.

– Но они тоже могут поехать с нами.

– Они не могут, – сказал Чарли. – Они совсем старые и уже двадцать лет не встают с кровати.

– Тогда мы их возьмем с собой вместе с кроватью, – решительно заявил мистер Уонка. – В нашем лифте найдется место и для кровати.

– Кровать нельзя вынести из дома, – сказал дедушка Джо. – Она не проходит в дверь.

– Не будем отчаиваться! – воскликнул мистер Уонка. – Нет ничего невозможного! Вот увидите.

Лифт уже висел над крышей маленького домика семьи Баккетов.

– Что вы хотите сделать? – закричал Чарли.

– Я хочу опуститься вниз и взять их с собой, – ответил мистер Уонка.

– Каким образом? – спросил дедушка Джо.

– Через крышу, – спокойно ответил мистер Уонка, нажимая очередную кнопку.

– Нет! – закричал Чарли.

– Остановитесь! – закричал дедушка Джо.

С невероятным грохотом лифт ввалился сквозь крышу прямо в спальню, где лежали на своей кровати бабушка Джозефина, бабушка Джорджина и дедушка Джо. На испуганных стариков, которые уже подумали, что настал конец света, дождем посыпались обломки досок, куски кирпича, цемента и черепицы, пыль, грязь и кучи пауков и тараканов с чердака. Бабушка Джорджина упала в обморок. Бабушка Джозефина выронила свою вставную челюсть. Дедушка Джордж забрался с головой под одеяло.

На шум из соседней комнаты прибежали мистер и миссис Баккет.

– На помощь! – кричала бабушка Джозефина.

– Не бойся, дорогая жена, – сказал дедушка Джо, выходя из лифта, – это всего лишь мы!

– Мама! – закричал Чарли, бросаясь в объятия миссис Баккет. – Послушай! Мы переезжаем жить на фабрику мистера Уонка и будем помогать ему управлять фабрикой, а потом, когда я вырасту, он отдаст ее мне и...

– Что ты несешь? – спросила миссис Баккет.

– Посмотри, что стало с нашим домом! – воскликнул мистер Баккет. – Теперь это куча развалин!

– Дорогой сэр! – заговорил мистер Уонка, выскочив вперед и дружески пожимая руку мистера Баккета. – Вы не представляете, как я счастлив

познакомиться с вами! Не стоит беспокоиться о вашем доме. С сегодняшнего дня он вам больше не понадобится!

– Кто этот ненормальный? – взвизгнула бабушка Джозефина. – Он чуть не убил нас всех!

– Это, – произнес дедушка Джо, – сам мистер Уилли Уонка!

Немало времени пришлось потратить Чарли и дедушке Джо, чтобы в подробностях изложить, как они провели этот день. Но даже после всех рассказов домочадцы, как один, наотрез отказались переезжать на фабрику.

– Я хочу умереть в своей кровати! – кричала бабушка Джозефина.

– И я тоже! – плакала бабушка Джорджина.

– Никуда я не поеду! – заявил дедушка Джордж.

И тогда мистер Уонка, Чарли и дедушка Джо, не обращая внимания на протестующие крики, вкатили в лифт кровать со стариками и следом втолкнули мистера и миссис Баккет. Потом вскочили туда сами, и мистер Уонка нажал кнопку. Двери закрылись, бабушка Джорджина вскрикнула, а лифт, резко оторвавшись от пола, через дыру в потолке устремился в открытое небо.

Чарли взобрался на кровать к трем оцепеневшим от ужаса старикам и старался, как мог, успокоить их.

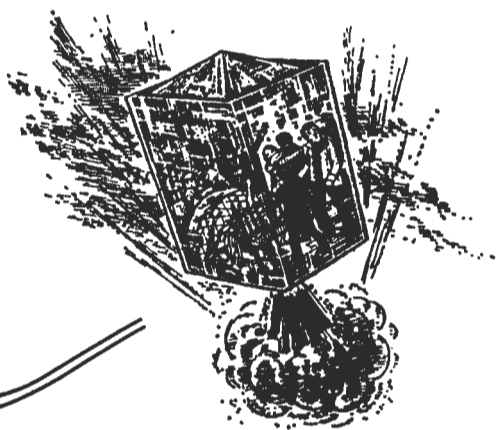
– Не бойтесь, – говорил он. – Это совсем не опасно! Скоро мы будем в самом замечательном месте на свете!

– А там найдется что-нибудь поесть? – спросила бабушка Джозефина.

– Я просто умираю от голода! Да и все остальные тоже!

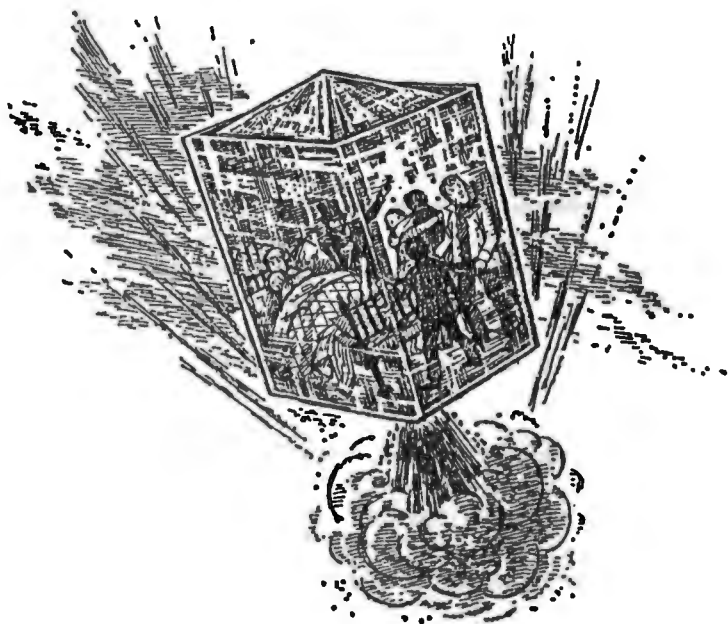
– Что-нибудь поесть? – со смехом воскликнул Чарли. – О, скоро вы сами все увидите!

Чарли и Большой
стеклянный подъемник

*Моим дочерям Тесс, Офелии и Люси
и моему крестнику Эдмунду Поллинджеру*

МИСТЕР УОНКА ЗАНОСИТСЯ СЛИШКОМ ВЫСОКО

Мы, помнится, расстались с Чарли в тот момент, когда он пролетал над своим родным городом в Большом Стеклянном Лифте. Это было вскоре после того, как мистер Уонка объявил мальчику, что дарит ему свою знаменитую Шоколадную Фабрику. И вот Чарли, захватив с собой всех домоладцев, с триумфом возвращался в свои новые владения.

Если вы еще не забыли, в Лифте находились:

наш герой – Чарли Баккет,

выдающийся шоколадных дел мастер – мистер Уилли Уонка,

родители Чарли – мистер и миссис Баккет,

родители мистера Баккета – дедушка Джо и бабушка Джозефина

и родители миссис Баккет – дедушка Джордж и бабушка Джорджина.

Обе бабушки и дедушка Джордж по-прежнему оставались в кровати.

В той самой кровати, которую общими усилиями втолкнули в Лифт перед самым отправлением и которую дедушка Джо покинул только ради того, чтобы совершить вместе с Чарли экскурсию на Шоколадную Фабрику.

Большой Стеклянный Лифт летел по ярко-синему небу на высоте тысяча футов, и все путешественники были чрезвычайно возбуждены пер-

спективной жизни на знаменитой Шоколадной Фабрике. Дедушка Джо распевал песни. Чарли нетерпеливо подпрыгивал на месте. Мистер и миссис Баккет впервые за долгие годы беззаботно смеялись. И даже трое стариков в кровати улыбались друг другу розовыми беззубыми ртами.

– Хотела бы я знать, как эта дурацкая штука держится в воздухе! – проворчала бабушка Джозефина.

– Мадам! – заявил мистер Уонка. – Отныне это больше не лифт. На лифте можно передвигаться только вверх и вниз, да и то лишь внутри какого-то здания. А поскольку сейчас мы с его помощью парим высоко в небесах, то он вполне достоин называться Подъемником. Отныне это – Большой Стекланный Подъемник!

– Так что же все-таки держит его в воздухе? – не отставала бабушка Джозефина.

– Крючья небесные, – ответил мистер Уонка.

– Вы удивляете меня, – заметила бабушка Джозефина.

– Дражайшая леди! – сказал мистер Уонка. – Вы провели со мной еще слишком мало времени. Немного погодя вы уже перестанете удивляться чему бы то ни было!

– Насколько я понимаю, эти крючья одним концом цепляются за наш летательный аппарат. Так? – уточнила бабушка Джозефина.

– Так, – ответил мистер Уонка.

– А другим за что?

– С каждым днем, – проговорил мистер Уонка, – я слышу все хуже и хуже. Напомните мне, пожалуйста, чтобы я сходил к врачу, когда мы спустимся на землю.

– Знаешь что, Чарли, – заявила бабушка Джозефина, – этот джентльмен не вызывает у меня большого доверия!

– И у меня тоже, – добавила бабушка Джорджина. – Не люблю, когда валяют дурака!

Чарли наклонился к двум своим бабушкам.

– Пожалуйста, – прошептал он, – не спорьте с мистером Уонка. Вы испортите все дело. Он мой друг и совершенно потрясающий человек.

– Чарли прав, – вмешался дедушка Джо. – Успокойся, Джози, и не поднимай скандала.

– Нам надо спешить! – сказал мистер Уонка. – У нас так много времени, а сделать нужно так мало. То есть нет! Все наоборот! Поменяйте это местами. Отлично! Благодарю вас! А теперь – назад на фабрику!

Он хлопнул в ладоши и подпрыгнул на два фута вверх.

– Итак, мы возвращаемся на фабрику. Но для того, чтобы спуститься вниз, нам нужно подняться вверх. Причем как можно выше!

– Ну, что я говорила? – сказала бабушка Джозефина. – Это обыкновенный сумасшедший!

— Не волнуйся, Джози, — прошептал дедушка Джо. — Мистер Уонка отлично знает, что делает.

— Да у него просто котелок не варит! — сказала бабушка Джорджина.

— Нам нужно подняться очень высоко! — продолжал мистер Уонка. — Невероятно высоко! Держитесь крепче!

Он нажал коричневую кнопку. Подъемник задрожал и с душераздирающим свистящим звуком рванулся вертикально вверх, словно ракета. Путешественники в испуге уцепились друг за друга. А между тем могучая машина постепенно набирала скорость, и свист ветра снаружи становился все громче и пронзительней, пока не перешел в непрерывный оглушительный рев.

— Остановитесь! — вопила бабушка Джозефина. — Джо, заставь его остановиться! Я хочу выйти отсюда!

— Помогите! — вопила бабушка Джорджина.

— Спускайтесь вниз! — вопил дедушка Джордж.

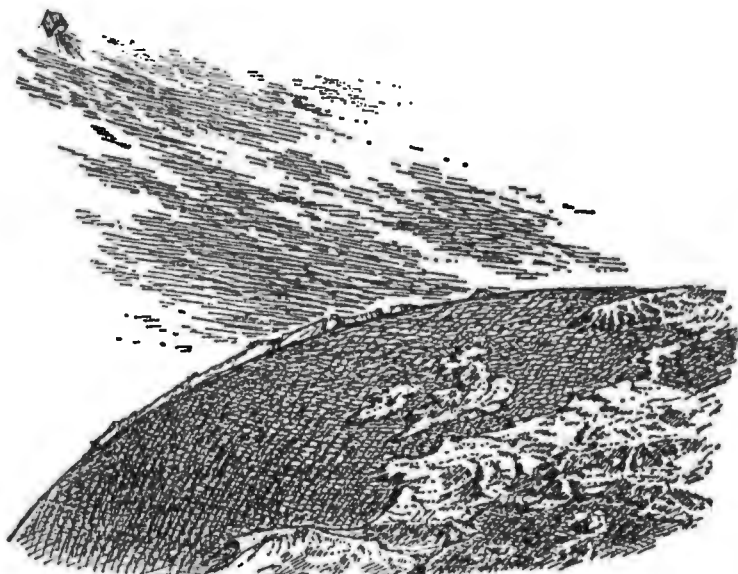
— Ни в коем случае! — вопил в ответ мистер Уонка. — Мы должны подниматься вверх!

— Но зачем? — кричали все разом. — Почему вверх, а не вниз?

— Потому что чем выше мы поднимемся перед тем, как начнем спускаться, тем большая скорость у нас будет при столкновении.

— Столкновении с чем?

— С фабрикой, разумеется, — ответил мистер Уонка.

– Вы рехнулись! – сказала бабушка Джозефина. – Мы же разобьемся вдребезги!

– Точнее всмятку! – добавила бабушка Джорджина.

– И все же нам стоит попробовать.

– Вы шутите, – проговорила бабушка Джозефина. – Скажите, что вы пошутили!

– Я никогда не шучу, мадам, – сказал мистер Уонка.

– Господи, боже мой! – заплакала бабушка Джорджина. – Нас всех просто сотрет в порошок!

– Очень может быть, – сказал мистер Уонка.

Бабушка Джозефина взвизгнула и глубже зарылась в постель. Бабушка Джорджина ухватилась за дедушку Джорджа с такой силой, что тот изменился в лице. Мистер и миссис Баккет вцепились друг в друга, онемев от страха. И только Чарли и дедушка Джо держались довольно спокойно. Они уже давно путешествовали с мистером Уонка и привыкли к его сюрпризам. Но Большой Подъемник все дальше и дальше уносился от земли, и даже Чарли стало немного не по себе.

– Мистер Уонка! – прокричал он сквозь гул и свист. – Я только не понимаю, зачем нам нужно спускаться вниз с такой ужасной скоростью?

– Мой милый мальчик! – ответил мистер Уонка. – Если мы не будем спускаться с такой ужасной скоростью, мы не сможем пробить дыру в крыше фабрики. Такую крышу так просто не пробьешь!

– Но ведь там уже есть дыра, – сказал Чарли. – Мы ее пробили, когда вылетали наружу.

– Значит, мы пробьем еще одну, – ответил мистер Уонка. – Две дыры всегда лучше, чем одна. Любая мышь скажет тебе то же самое.

Большой Стекланный Подъемник поднимался все выше и выше, и вскоре путешественники уже могли видеть под ногами океаны и материки, распластавшиеся внизу, как на школьной карте. Это, конечно, было очень красиво, но когда стоишь на стеклянном полу и смотришь вниз с такой высоты, то поневоле чувствуешь себя не слишком уютно. Теперь даже Чарли немного испугался. Он крепко уцепился за руку дедушки Джо и с тревогой заглянул ему в глаза.

– Мне страшно, дедушка, – прошептал мальчик.

Старик положил руку ему на плечо и прижал к себе.

– Мне и самому страшно, Чарли, – сказал он.

– Мистер Уонка! – кричал Чарли. – Как вы думаете, мы уже поднялись достаточно высоко?

– Почти, – ответил мистер Уонка. – Но еще не совсем. Прошу тебя, не отвлекай меня и не задавай вопросов. Сейчас мне нужно быть предельно внимательным – счет идет на доли секунд. Видишь ту зеленую кнопку? Если я нажму ее хотя бы на полсекунды позже, мы поднимемся слишком высоко.

– А что будет, если мы поднимемся слишком высоко? – спросил дедушка Джо.

– Прошу вас, прекратите разговоры и дайте мне сосредоточиться! – сказал мистер Уонка.

Как раз в этот самый момент бабушка Джозефина высунула нос из-под простыни и заглянула вниз через край кровати. Прямо под собой на расстоянии двух сотен миль она увидела всю Северную Америку, которая с такой высоты была размером не больше, чем плитка шоколада. Тогда с воплем «Должен же кто-нибудь остановить этого маньяка!» она своей морщинистой старческой рукой схватила мистера Уонка за фалды фрака и повалила на кровать.

– Нет, нет! – кричал мистер Уонка, пытаясь освободиться. – Пустите меня! Я должен видеть, что происходит! Не отвлекайте пилота посторонними разговорами!

– Ты, ненормальный! – вопила бабушка Джозефина, тряся мистера Уонка с такой силой, что нельзя было разглядеть черт его лица. – Ты немедленно доставишь нас обратно домой, понял?

– Пустите меня! – кричал мистер Уонка. – Я должен сейчас же нажать на кнопку, иначе мы поднимемся слишком высоко!

Но бабушка Джозефина держала его крепко.

– Чарли! – воскликнул мистер Уонка. – Нажми кнопку! Вон ту, зеленую! Скорей! Скорей! Скорей!

Чарли прыгнул к противоположной стене Подъемника и изо всех сил вдавил большим пальцем зеленую кнопку. В то же мгновение Подъемник с тяжелым стоном повалился на бок. Свист и гул снаружи моментально прекратились и наступила зловещая тишина.

– Слишком поздно! – воскликнул мистер Уонка. – О Господи, теперь нам крышка!

Не успел он договорить, как кровать с тремя стариками и им самим медленно оторвалась от пола и зависла в воздухе между полом и потолком. Чарли, дедушка Джо, мистер и миссис Баккет тоже плавно взмыли вверх. И секунду спустя все путешественники, включая кровать, витали в пространстве внутри Большого Стеклоанного Подъемника, словно воздушные шарик.

– Полюбуйтесь, что вы наделали! – сказал мистер Уонка, проплывая над кроватью.

– Что случилось? – воскликнула бабушка Джозефина, повисшая в своей ночной рубашке где-то под самым потолком.

– Мы поднялись слишком высоко? – спросил Чарли.

– Слишком высоко? Разумеется! Знаете, где мы теперь находимся, дорогие друзья? Мы вышли на орбиту!

Путешественники разинули рты и выпучили глаза. От потрясения никто не мог произнести ни слова.

– Мы теперь несемся вокруг Земли со скоростью семнадцать тысяч миль в час, – сказал мистер Уонка. – Как вам это нравится?

– Я задыхаюсь! – с трудом проговорила бабушка Джорджина. – Мне нечем дышать!

– Естественно, – сказал мистер Уонка, – ведь мы в безвоздушном пространстве.

Он, как заправский пловец, проплыл под потолком к кнопке, около которой было написано «КИСЛОРОД», и нажал ее.

– Теперь вам будет легче, – проговорил он. – Дышите свободно!

– Какое странное ощущение! – сказал Чарли. – Я чувствую себя мыльным пузырем.

– Просто здорово! – воскликнул дедушка Джо. – Совершенно не ощущаешь своего веса!

– А вы ничего и не весите, – сказал мистер Уонка. – Каждый из нас сейчас ничего не весит – ни единой унции!

– Что за чушь! – возмутилась бабушка Джорджина. – Я вешу ровно сто тридцать семь фунтов.

– Только не сейчас, – ответил мистер Уонка. – Сейчас вы абсолютно невесомы.

Тем временем трое стариков – дедушка Джордж, бабушка Джорджина и бабушка Джозефина – отчаянно и безуспешно старались забраться обратно в кровать. Каждый раз, когда кровать оказывалась под ними, они пыта-

лись улечься на нее, но она сейчас же снова уплывала из-под их спин. Глядя на это, Чарли и дедушка Джо буквально помирали со смеху.

– Что тут смешного? – сердилась бабушка Джозефина.

– Наконец-то мы вытащили вас из кровати! – ответил дедушка Джо.

– Лучше заткнись и помоги нам залезть обратно! – огрызнулась бабушка Джозефина.

– И не пытайтесь! – сказал мистер Уонка. – Все равно ничего не получится. Плавайте себе в свое удовольствие!

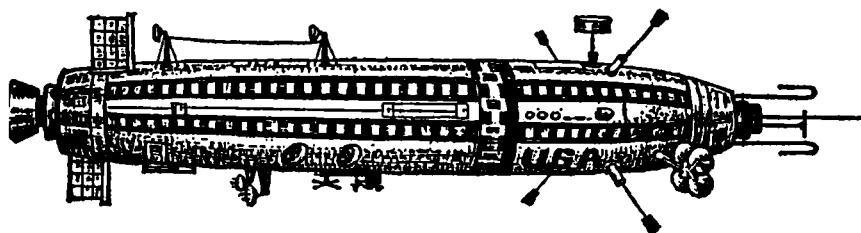
– Нет, это действительно сумасшедший! – воскликнула бабушка Джорджина. – Вот увидите, он не успокоится, пока не угробит нас всех!

2. «МЕЖДУПЛАНЕТНЫЙ ОТЕЛЬ США»

А надо сказать, что Большой Стекланный Подъемник мистера Уонка был не единственным предметом, который в тот отрезок времени вращался по орбите вокруг Земли. Как раз два дня назад в Соединенных Штатах Америки состоялся успешный запуск первого в мире космического отеля. Он представлял собой гигантскую капсулу длиной не меньше тысячи футов и очертаниями очень напоминал сосиску. Называлось это космическое чудо «Междупланетный Отель США». Внутри него размещалось пятьсот номеров «люкс» с отдельной ванной в каждом номере. Ну и, разумеется, теннисный корт, плавательный бассейн, гимнастический зал, детская комната и все, что полагается в роскошной гостинице. Все помещения отеля были снабжены кондиционерами и специальными установками, создающими гравитационное поле, чтобы обитатели отеля не плавали в пространстве, подобно пассажирам нашего Подъемника, а могли, как у себя дома, спокойно ходить по полу.

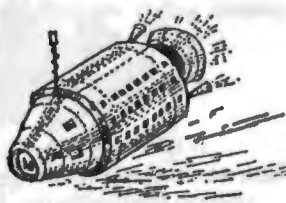
И сейчас этот необычайный космический объект вращался вокруг Земли на высоте двести сорок миль.

Предполагалось, что гости будут доставляться в Отель на небольших ракетах-такси, которые должны были каждый час стартовать с мыса Кеннеди по рабочим дням. Но в настоящий момент на борту корабля еще не было ни единого человека, даже космонавтов, поскольку никто не мог поручиться, что такой огромный корабль не взорвется при взлете.

Однако запуск прошел наилучшим образом, и теперь, когда «Межпланетный ОТЕЛЬ» уже находился на орбите, внизу поднялся невероятный ажиотаж по поводу отправки гостей. Ходили слухи, что среди первых посетителей отеля будет сам президент Соединенных Штатов, и, разумеется, сотни других людей со всего света спешили связаться с Белым домом и заказать себе номер. Среди них было даже несколько королей и королев, а те-хасский миллионер Орсон Карт, который как раз собирался жениться на голливудской кинозвезде Хелен Хайуотер, предложил тысячу долларов в день за апартаменты для медового месяца.

Но никакой ОТЕЛЬ не в состоянии принимать гостей (тем более таких высоких) без достаточного количества всевозможных сотрудников. Вот почему в это же время на околоземной орбите находился еще один весьма интересный объект. Это был большой транспортный космический корабль, в котором направлялся к месту своей будущей работы весь обслуживающий персонал

«Межпланетного ОТЕЛЯ США» – администраторы, помощники администраторов, коридорные, горничные, официантки, шеф-повары, портье, швейцары и так далее. Корабль пилотировали три знаменитых космонавта: Шустер, Шастер и Шулер. Все трое – симпатичные, храбрые и толковые парни.

– Ровно через час, – объявил пассажирам Шустер, – мы состыкуемся с «Межпланетным ОТЕЛЕМ США», который станет вашим домом на следующие десять лет. Сейчас прямо по курсу вы в любой момент сможете впервые увидеть этот великолепный космический корабль. Ага! Вон там впереди что-то виднеется! Это наверняка он, ребята!

Шустер, Шастер, Шулер и все администраторы, помощники администраторов, коридорные, горничные, официантки, шеф-повара, портье и швейцары приникли к окнам. Шустер увеличил скорость, и расстояние между кораблями стало быстро сокращаться.

– Эй! – завопил вдруг Шулер. – Да это не «Межпланетный ОТЕЛЬ!»

– Тысяча чертей! – воскликнул Шастер. – А что же это такое?

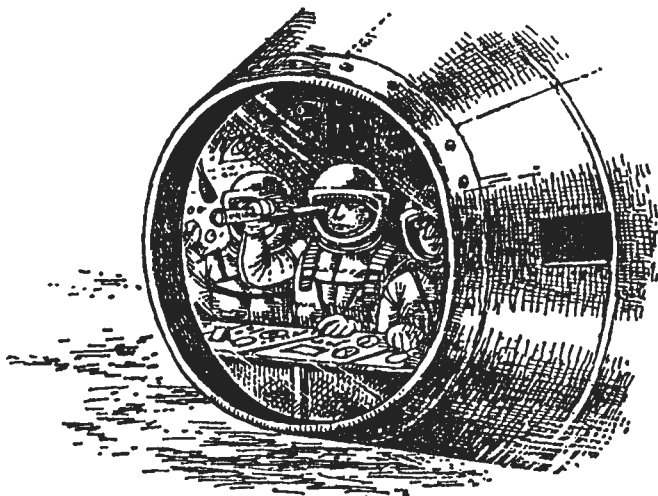
– Сейчас же подать мне телескоп! – закричал Шустер.

Одной рукой он настраивал телескоп, а другой – отстукивал позывные связи с центром управления полетом.

– Алло, Хьюстон! – заорал он в микрофон. – Тут у нас творится какая-то чертовщина! Впереди на орбите странная штуковина, совершенно не похожая ни на какой космический корабль! А уж я-то их повидал!

– Немедленно опишите его! – приказали из центра управления полетом в Хьюстоне.

– Он... он квадратный, весь из стекла и внутри полно людей! Они там плавают, как рыбки в аквариуме!

- Сколько космонавтов на борту?
- Это не космонавты, – ответил Шустер. – Таких космонавтов не бывает!
- Почему вы так решили?
- Потому что по крайней мере трое из них в ночных рубашках!
- Шустер, не валяйте дурака! – рявкнули из диспетчерской. – Возьмите себя в руки! Сейчас не до шуток!
- Честное слово! – закричал бедный Шустер. – Клянусь, трое из них в ночных рубашках! Две старухи и один старик! Я даже вижу их лица! Господи Иисусе, да они же старые, как Моисей! Им, наверно, лет по девяносто!
- Вы с ума сошли, Шустер! – заорал диспетчер. – Совсем лыка не вяжете! Дайте мне Шастера!
- Говорит Шастер! Слушайте меня, Хьюстон! В этом дурацком стеклянном ящике на самом деле плавают трое стариков в ночных рубашках и еще какой-то странный коротышка с бородкой. Он в черном цилиндре, фиолетовом фраке и в зеленых штанах...
- Прекратите! – завопил диспетчер.
- Это еще не все, – продолжал Шастер. – Там к тому же есть мальчик лет десяти...
- Это не мальчик, болван вы эдакий! – заорал диспетчер. – Это замаскированный космонавт! Это космонавт-карлик, одетый под мальчика! И все старики – тоже замаскированные космонавты!
- Но кто они такие? – закричал Шастер.
- А пес их знает! Они что, преследуют наш «Межпланетный Отель»?

– Точно! – воскликнул Шастер. – Они гонятся за ним! Я вижу «Междупланетный Отель» в миле впереди!

– Они хотят взорвать его! – завопил диспетчер. – Это ужасно! Это...

Внезапно голос диспетчера прервался, и Шастер услышал в наушниках совершенно другой, низкий и скрипучий голос.

– Я беру руководство полетом на себя! – произнес этот скрипучий голос. – Это вы, Шастер?

– Я-то Шастер, а вы кто такой, что суете нос не в свое дело? Как вы смели подключиться к космической связи?

– Я – президент Соединенных Штатов! – ответил голос.

– А я – турецкий султан! – заявил Шастер. – Кого ты хочешь разыграть, приятель?

– Перестаньте молоть вздор, Шастер! – рассердился президент. – Дело пахнет национальной катастрофой!

– Вот так номер! – повернулся Шастер к Шустеру и Шулеру. – Это и впрямь президент! Сам президент Джиллиграсс!.. Здравствуйте, господин президент! Рад вас слышать, сэр! Как вы поживаете?

– Сколько человек в этом стеклянном ящике? – проскрипел президент.

– Восемь, – ответил Шастер, – и все летают по воздуху.

– Летают?!

– Ну да. У нас же здесь состояние невесомости, господин президент. Все летает. И мы бы летали, если б не были привязаны! Разве вы никогда не слыхали об этом?

– Разумеется, я в курсе, – сказал президент. – Что еще вы можете сообщить об этом стеклянном ящике?

– Еще там есть кровать, – ответил Шастер. – Большая двуспальная кровать, и она тоже летает.

– Кровать? – рявкнул президент. – С каких это пор в космических кораблях появились кровати!

– Готов присягнуть, что это кровать! – сказал Шастер.

– Вы помешаны, Шастер! – объявил президент. – Вы просто не в своем уме! Дайте мне Шулера!

– Шулер на связи, господин президент! – заговорил Шулер, забрав микрофон у Шастера. – Это такая честь для меня говорить с вами, сэр...

– Заткнитесь! Лучше опишите, что вы видите.

– Это и вправду кровать, господин президент. В мой телескоп отлично видны и простыни, и одеяло, и матрас...

– Это не кровать, полоумный идиот! – завопил президент. – Неужели непонятно, что это только трюк? Это же замаскированная бомба! Они хотят взорвать наш замечательный «Междупланетный Отель»!

– Кто «они», господин президент? – спросил Шулер.

– Помолчите! Дайте мне немного подумать.

Наступило молчание. Шустер, Шастер, Шулер, все администраторы, помощники администраторов, коридорные, горничные, шеф-повара, портье и швейцары напряженно ждали. А внизу, в Хьюстоне, в огромной диспетчерской центра управления полетом сотня диспетчеров застыла перед своими дисплеями и мониторами, ожидая дальнейших распоряжений президента.

– Я кое-что придумал, – наконец сказал президент. – Скажите, Шулер, на носу вашего корабля установлена телекамера?

– Конечно, господин президент!

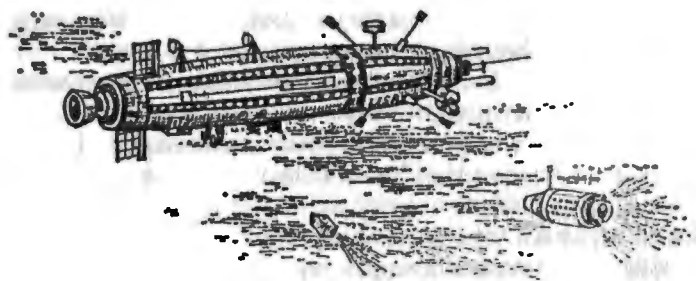
– Так включите ее, балбес, чтобы мы здесь могли видеть, что у вас там делается!

– Как это я сам не догадался! – проговорил Шулер. – Вот что значит президент... Включаю...

Он потянулся к кнопке включения телекамеры, укрепленной на носу космического корабля, и в этот момент во всем мире пятьсот миллионов человек, сидевших у своих радиоприемников, бросились включать телевизоры.

И сейчас же на всех экранах появилось именно то, о чем говорили Шустер, Шастер и Шулер: загадочный стеклянный ящик, летящий по орбите вокруг Земли, а внутри него, видимые не совсем отчетливо, но без сомнения видимые, плавали в воздухе семеро взрослых, один мальчик и большая двуспальная кровать. Причем трое из семерых взрослых действительно были в ночных рубашках, из-под которых торчали голые ноги. А вдалеке, за стеклянным ящиком, телезрители могли разглядеть громадную, отливающую серебром махину «Междупланетного Отеля США».

Но все глаза были прикованы к этому мрачному стеклянному ящику и его зловещим пассажирам – восьмерым космонавтам, таким сильным и тренированным, что им и скафандры не нужны. Что это за люди и откуда они взялись? И самое главное, что это за ужасная штука, замаскированная под двуспальную кровать? А если президент прав и это действительно бомба? Но что они собираются с ней делать? И телезрители во всех странах мира – в Америке, в Канаде, в России, в Японии, в Индии, в Китае, в Африке, в Англии, во Франции, в Германии – задрожали от испуга у своих телевизоров.

– Будьте осторожны, Шулер! – приказал президент по радиосвязи.
– Слушаюсь, господин президент! – ответил Шулер. – Ясное дело, я буду осторожен.

3. СТЫКОВКА

Пассажиры Большого Стеклянного Подъемника были тоже чрезвычайно возбуждены. Мистер Уонка, Чарли и все остальные, точно так же как и телезрители, видели в миле впереди себя громадную, отливающую серебром махину «Междупланетного Отеля США», а в миле позади себя – немного меньшую, но тоже достаточно громадную махину транспортного космического корабля. Большой (хотя по сравнению с двумя этими гигантами он уже вовсе не выглядел большим) Стеклянный Подъемник находился как раз посередине между ними, причем все на его борту, включая и бабушку Джозефину, прекрасно понимали, что происходит. Они знали даже, что космонавтов, пилотирующих транспортный корабль, зовут Шустер, Шастер и Шулер. Впрочем, здесь не было ничего удивительного – последние полгода газеты, радио и телевидение прожужжали об этом все уши: ведь запуск «Междупланетного Отеля» считался главным событием XX века.

– Какая невероятная удача! – кричал мистер Уонка. – Мы угодили в самый разгар величайшей космической операции всех времен!

– Мы угодили в крайне неприятную историю! – заявила бабушка Джозефина. – Сейчас же поверните обратно!

– Ну что ты, бабушка! – сказал Чарли. – Теперь уж нам надо досмотреть до конца. Должны же мы увидеть стыковку «Междупланетного Отеля» и транспортного корабля!

– Давай утрем им нос, Чарли! – прошептал мистер Уонка, проплывая над мальчиком. – Давай опередим их и сами высадимся на «Междупланетном Отеле!»

Чарли разинул рот от изумления и тихо проговорил:

– Но это же невозможно. Ведь для стыковки с другим космическим кораблем нужно очень много всяких технических приспособлений.

– Это уже моя забота! – сказал мистер Уонка. – Если потребуется, мой Подъемник состыкуется хоть с крокодилом!

– Дедушка Джо, ты слышал? – закричал Чарли. – Мы сейчас состыкуемся с «Междупланетным Отелем» и поднимемся на борт!

– Ура! – завопил дедушка Джо. – Какая гениальная идея, сэр!

Он схватил руку мистера Уонка и начал встряхивать ее, словно термометр.

– А ты бы лучше уgomонился, старый козел! – сказала бабушка Джозефина. – Мы итак попали в передрагу хуже некуда! Я хочу домой!

– И я! – заявила бабушка Джорджина.

– А что если они погонятся за нами? – спросил мистер Баккет, в первый раз за все время раскрывая рот.

– А что если они догонят нас? – спросила миссис Баккет.

– А что если они подстрелят нас? – спросила бабушка Джорджина.

– А что если сейчас пол провалится?! – закричал мистер Уонка. – Все это бред сивой кобылы! Если все время говорить «а что если», то всю жизнь сиднем просидишь на месте! Разве смог бы Колумб открыть Америку, если бы начал рассуждать: «А что если я утону? А что если я встречу пиратов? А что если я не сумею вернуться обратно?» Да он бы тогда и с места не тронулся! Так что все эти «а что если» нам здесь не нужны, верно, Чарли? Решено, начинаем стыковку!.. Только это довольно трудная штука и мне понадобятся помощники. Нужно нажимать на кнопки, расположенные в трех разных местах. Я возьму на себя вот эти две – черную и белую.

Мистер Уонка с забавным хлюпающим звуком выдул воздух из рта и, словно большая птица, безо всяких видимых усилий перелетел на другой конец Подъемника и завис около черной и белой кнопок.

– Дедушка Джо, не будете ли вы, сэр, так любезны остановиться около вон той серебряной кнопки? Да-да, именно той!.. А ты, Чарли, поднимись выше и виси около этой золотой кнопочки под потолком. Должен сказать вам, что каждая из этих кнопок приводит в действие ракетные двигатели, расположенные с разных сторон нашего Подъемника. Таким образом мы можем менять направление полета. Ракеты дедушки Джо повернут нас направо, ракеты Чарли – налево, а мои заставят Подъемник двигаться вверх или вниз и изменять скорость движения. Все готовы?

– Нет! Подождите! – закричал Чарли, который завис ровно посередине между полом и потолком. – Как мне добраться до потолка? Я не могу подняться вверх!

Он, словно утопающий, отчаянно колотил по воздуху руками и ногами, но при этом ни на сантиметр не двигался с места.

– Мой милый мальчик! – сказал мистер Уонка. – Здесь ты не можешь плавать, как в воде. Это воздух, и притом очень разреженный. Поэтому тебе не от чего отталкиваться. В такой разреженной атмосфере для передвижения надо использовать реактивный эффект. Следи за мной. Сначала как можно глубже вдыхаешь, потом делаешь рот трубочкой и изо всех сил выдыхаешь. Если ты выдыхаешь вниз, то реактивный эффект вытолкнет тебя вверх. Если ты выдыхаешь влево, то он направит тебя вправо и так далее. Таким способом ты можешь маневрировать, словно космический корабль, только вместо ракет у тебя будет твой собственный рот.

И тут, не успев мистер Уонка договорить, как неожиданно все пассажиры Подъемника принялись опробовать на практике этот способ передвижения в пространстве. Со всех сторон теперь слышалось фыркание и

сопенье. Бабушка Джорджина с криками «прочь с дороги!», брызгая слюной и дрыгая тощими голыми ногами, торчащими из-под красной фланелевой ночной сорочки, с ужасной скоростью носилась из конца в конец Подъемника, словно бешеный носорог расталкивая всех на своем пути! Да и остальные вели себя ничуть не лучше. Можете представить себе, что подумали на Земле миллионы телезрителей, глядя на эти невероятные кульбиты. Не забывайте, что зрителям было еще и не очень хорошо видно – ведь на экранах их телевизоров Большой Стеклоанный Подъемник казался размером не больше грейпфрута, а его пассажиры, смутно видневшиеся сквозь стекло, – не больше косточек грейпфрута. Так что со стороны все это представлялось суматошной возней тараканов в стеклянной банке.

– Что, черт возьми, они там делают? – закричал президент Соединенных Штатов, уставясь на экран.

– Похоже на какой-то ритуальный боевой танец, господин президент, – ответил по радиосвязи космонавт Шулер.

– Вы хотите сказать, что это краснокожие? – спросил президент.

– Я не говорил этого, сэр.

– Нет, вы сказали!

– Я не говорил, господин президент!

– Тогда лучше помолчите! Вы только сбиваете меня с толку!

А в это время в Подъемнике мистер Уонка умолял:

– Друзья, прошу вас! Перестаньте летать с места на место. Пожалуйста, остановитесь, иначе мы не сможем начать стыковку!

– Ишь чего захотел, треска безголовая! – огрызнулась бабушка Джорджина, проплывая мимо. – Только мы начали немного развлекаться, так сразу «перестаньте»!

– Смотрите на меня! – кричала бабушка Джозефина. – Я летаю! Я лечу, куда хочу!

– Я летаю быстрее вас всех! – выкрикивал дедушка Джордж, на огромной скорости делая круги в воздухе.

Его ночная рубашка развевалась, словно хвост попугая.

– Дедушка Джордж! – закричал Чарли. – Успокойся, пожалуйста! Нам надо спешить, а то космонавты опередят нас. Разве вы все не хотите посмотреть, что там внутри «Междупланетного Отеля»?

– Прочь с дороги! – вопила бабушка Джорджина. – Я – реактивная летающая тарелка!

– Вы – сумасшедшая старая грелка! – не выдержал мистер Уонка.

Но в конце концов старики утомились. Они просто устали и начали задыхаться.

– Готовность номер один! – закричал мистер Уонка.

– Есть готовность номер один! – ответил Чарли, раскачиваясь под потолком.

– Слушать мою команду! – объявил мистер Уонка. – Я буду капитаном. Не пускать ракеты без моего распоряжения! И не забывают, где чья сторона. У Чарли левая, у дедушки Джо правая.

Мистер Уонка нажал одну из двух своих кнопок, и сейчас же из днища Большого Стеклоанного Подъемника две ракеты рванулись вниз. Подъемник дернулся вперед, но внезапно резко завалился вправо.

– Лево на борт! – завопил мистер Уонка

Чарли нажал свою кнопку. Ракеты сделали свое дело, и Подъемник выпрямился.

– Так держать! – закричал мистер Уонка. – Десять градусов вправо!.. Прямо!.. Прямо!.. Так держать!..

Через несколько мгновений Подъемник уже был под самым хвостом гигантского «Междупланетного Отеля»

– Видите эту маленькую квадратную дверь с затворами? – проговорил мистер Уонка. – Это стыковочный люк. Теперь уже совсем скоро... Чуть влево!.. Прямо!.. Немного вправо!.. Так!.. Так... Еще чуть-чуть!.. Отлично!.. Мы почти на месте...

Чарли казалось, что он сидит в маленькой шлюпке прямо под кормой самого большого корабля в мире. «Междупланетный Отель» нависал над ним, как гигантская башня.

– Не могу больше ждать! – подумал Чарли. – Забраться туда и посмотреть, что там внутри...

4. ПРЕЗИДЕНТ

В полумиле позади Шустер, Шастер и Шулер неотрывно держали Стекланный Подъемник на прицеле своей телекамеры, а внизу, на Земле, миллионы телезрителей приникли к экранам, наблюдая за захватывающим представлением, которое разыгрывалось на высоте двести сорок миль.

Из своего кабинета в Белом доме наблюдал за ним и самый могущественный человек на планете – президент Соединенных Штатов Америки Ланселот Р. Джиллиграсс. В эти трудные минуты к нему были срочно вызваны все его помощники и советники, которые в настоящий момент не сводили глаз с гигантского телеэкрана и тщательнейшим образом следили за каждым движением подозрительного стеклянного ящика и восьми его отчаянных пассажиров. Здесь присутствовали: кабинет министров в полном составе, командующий армией с четырьмя своими генералами, командующий военно-морским флотом, командующий военно-воздушным флотом и один фокусник из Афганистана – личный друг господина президента. Кроме того, в комнате находился главный советник по финансам, который стоял посреди комнаты и, балансируя на месте, пытался удержать на голове папки с госу-

дарственным бюджетом, но они все время рассыпались в разные стороны. Ближе всех к президенту располагался его вице-президент. Это была могучая 89-летняя леди с волосатым подбородком. Ее звали мисс Тиббс. Она нянчила президента, когда он был еще ребенком, и, по слухам, до сих пор имела на него огромное влияние. Поговаривали, что она и сейчас третирует президента как мальчишку. Характер этой женщины был чрезвычайно крут – в Белом доме все буквально трепетали перед ней и даже глава секретной службы становился мягче воска в ее присутствии. Только самому президенту позволялось называть ее «нянюшкой». В кабинете также присутствовала знаменитая кошка господина президента – миссис Мурка.

В комнате царило полное молчание. Все глаза были прикованы к телескрону, на котором маленький стеклянный ящик, стреляя во все стороны ракетами, все ближе подбирался к огромному «Междупланетному Отелю».

– Они хотят состыковаться с ним! – закричал президент. – Они хотят высадиться на борту нашего «Междупланетного Отеля»!

– Они хотят взорвать его! – воскликнул командующий армией. – Надо опередить их и взорвать их самих! Бабах, трах-тара-рах, бац-бац-бац!

Командующий армией носил так много орденских планок, что им не хватало места на обоих бортах его кителя и часть из них пришлось нашить на брюки.

– А что, господин президент, – продолжал он, – не дать ли по ним парочку хороших залпов?

– Молчать, глупый мальчишка! – проговорила мисс Тиббс, и командующий армией от страха забился в угол.

– Проблема в том, – произнес президент, – что мы не знаем, кто они и откуда взялись. Где мой начальник разведки?

– Я здесь, сэр! – ответил тот.

Он носил фальшивые усы, фальшивые ресницы, фальшивую бороду и даже говорил фальцетом.

– Тук-тук! – сказал президент.

– Кто там? – спросил начальник разведки.

– Бриджсхэм.

– Бридж с кем?

– Вы хотите сказать: с кем в бридж? – спросил президент.

Короткое молчание нарушила мисс Тиббс:

– Президент задал вам вопрос, – ледяным тоном сказала она. – При чем здесь Кембридж и с кем вы собираетесь играть в бридж?

– Что вы, мадам, ни с кем, – ответил начальник разведки, начиная трястись от страха.

– Тогда у вас еще есть шанс.

– Верно, – сказал президент. – Сейчас же скажите мне, кто эти люди в стеклянном ящике!

– Н-да, – проговорил начальник разведки, накручивая на палец свой фальшивый ус, – это очень сложный вопрос...

– То есть вы не знаете?

– Нет, господин президент, я знаю. Или по крайней мере мне кажется, что я знаю. Посудите сами: мы открываем самый лучший в мире отель, так?

– Так!

– А у кого этот наш отель может вызвать настолько бешеную зависть, чтобы захотеть взорвать его?

– У мисс Тиббс, – сказал президент.

– Не угадали, – сказал начальник разведки. – Попробуйте еще раз.

– Ну, – проговорил президент, напряженно размышляя, – может быть, это какой-нибудь владелец отелей? Ему, наверно, очень завидно, что у нас будет такой прекрасный отель.

– Гениально! – воскликнул начальник разведки. – Продолжайте, сэр! Уже тепло!

– Это мистер Савой!

– Еще теплее, господин президент!

– Мистер Риц?

– Уже горячо, сэр! Продолжайте!

– Я понял! – закричал президент. – Это мистер Хилтон!

– Верно, сэр! – воскликнул начальник разведки. – В самую точку!

– Но вы твердо уверены, что это он?

– Полной уверенности у меня нет, но это вполне реальное предположение. Ведь мистер Хилтон владеет отелями почти во всех странах мира, а в космосе у него их еще нет. Ясное дело, он сейчас лезет на стену от зависти!

– Черт побери, скоро мы все это выясним! – рявкнул президент, схватив со стола один из своих одиннадцати телефонов. – Алло! Алло! Куда провалились все телефонисты?

Он яростно колотил по рычажкам телефонных аппаратов.

– Алло! Алло! Почему никто не отвечает?

– Сейчас вам никто и не ответит, – проговорила мисс Тиббс. – Все смотрят телевизор.

– По э т о м у телефону ответят! – решительно сказал президент, снимая трубку с ярко-красного аппарата.

Это был телефон срочной аварийной связи с Москвой. Он соединялся прямо с кабинетом премьера Советской России и использовался только в самых критических случаях.

– С таким же успехом это могут быть и русские, правда, нянюшка?

– Конечно русские! – подтвердила мисс Тиббс.

- Премьер Выгоняйло слушает! – раздался в трубке голос из Москвы.
- Что вы там задумали, господин президент?
- Тук-тук! – сказал президент.
- Кто там?
- Дон.
- Какой Дон?
- Тихий. Роман Михаила Шолохова, – сказал президент. – Послушайте, вы, Выгоняйло! Сейчас же выгоните ваших космонавтов с нашего «Межпланетного Отеля», а то как бы нам не пришлось загнать вас самих куда Макар телят не выгонял!
- Это не русские космонавты, господин президент.
- Врет! – сказала мисс Тиббс.
- Вы врете! – заявил президент.
- Какое тут вранье! – ответил русский премьер. – Да вы посмотрите как следует на этих космонавтов! По моему телевизору их не очень хорошо видно, но один из них, коротышка с бородкой и в цилиндре, явно смахивает на китайца. Он даже чем-то напоминает мне моего старого приятеля премьер-министра Китая...
- Тысяча чертей! – закричал президент, швырнув трубку красного телефона и хватаясь за фарфоровый аппарат.
- Это был телефон прямой связи с главой Китайской Народной Республики в Пекине.
- Алло! Алло! – кричал президент.
- Овосьная лавка мистела Сяо в Сянхае, – раздался в трубке далекий тоненький голосок. – Мистел Сяо слушает.
- В чем дело, нянюшка? – закричал президент, швыряя трубку. – Я думал, это телефон прямой связи с премьером Китая!
- Так и есть, – ответила мисс Тиббс. – Попробуйте еще раз.
- Алло! – что было силы заорал президент, снова хватаясь за трубку.
- Мистела Вон слушает! – донеслось с другого конца провода.
- Мистер кто? – завопил президент.
- Мистела Вон, помосника насыальника стансия. Если вы спласивай десятичасовая паловоза, то она сегодня не ходил. Пала нет.
- Президент швырнул телефонным аппаратом в министра связи, который стоял в дальнем углу комнаты, и угодил ему прямо в живот.
- В чем дело? Почему эта штука не работает? – закричал президент.
- Беда в том, господин президент, – сказал министр связи, – что в Китае вообще очень трудно дозвониться по телефону. Там слишком много мистеров Вон и мистеров Сяо, и когда куда-то звонишь, тебя всегда неправильно сяодиняют.
- Надеюсь, вы не шутите? – спросил президент.
- Министр связи поставил аппарат обратно на стол.

– Прошу вас, господин президент, попробуйте еще раз, – сказал он.
– Я укрепил винты там, внизу.

Президент снова поднял трубку.

– Пливетствую вас, уважаемый господина плезиидента, – донесся издалека негромкий голос. – Говолит помощника племьела Сяо-Бра-Зяо. Сем могу быть вам полезна?

– Тук-тук! – сказал президент.

– Кито тям?

– Горди.

– Какая Горди?

– Гордиться будешь, когда перепрыгнешь через Великую китайскую стену! – сказал президент. – Ну ладно, Сяо-Бра-Зяо, соедините меня с премьером Сам-Ты-Хамом.

– Осень созалей, господина плезиидента, но племьела Сам-Ты-Хам не есть сидесь, а там.

– Где там?

– Она посол стопать сина на своя стальной велосипеда.

– Он пошел совсем не туда! Вы не обманете меня, коварный мандарин!

Сейчас ваш премьер с семьей другими негодьями высаживается на борт нашего замечательного «Междупланетного Отеля», чтобы взорвать его!

– Плосу плосения, но господина плезиидента совелсай большой осыбка...

– Никаких ошибок! – рявкнул президент. – И если вы сейчас же не отзовете их назад, я прикажу своему командующему армией разнести их на мелкие кусочки! Соображаете, Сяо-Бра-Зяо?

– Ура! – воскликнул командующий армией. – Разнесем все в клочки! Бац-бац! Трах-тарарах!

– Тихо! – прикрикнула на него мисс Тиббс.

– Наконец-то! – неожиданно закричал главный советник по финансам. – Смотрите все! Я сбалансировал наш бюджет!

И это действительно было так. Главный советник по финансам стоял посреди комнаты, а на его лысой голове балансировал и не падал огромный двухсотмиллиардный бюджет всей страны. Все заплодировали. Но тут из громкоговорителя в кабинет президента ворвался голос космонавта Шустера:

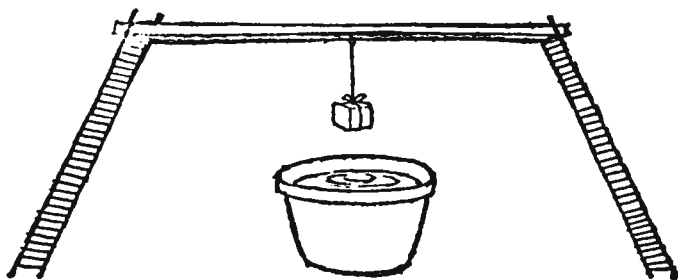
– Они состыковались с «Междупланетным Отелем» и высадились на его борт! Кровать... то есть бомбу... они взяли с собой!

Президент шумно вздохнул, причем вместе с воздухом втянул в себя пролетавшую мимо муху. Он зашелся в припадке кашля, но мисс Тиббс с размаху

шлепнула его по спине и президент проглотил несчастную муху. Ему сразу стало легче, хотя он и был вне себя от злости. Он схватил карандаш и бумагу и начал рисовать, бормоча про себя: «Я этого так не оставлю! Я не потерплю мух у себя в кабинете!» Его советники застыли в ожидании. Они отлично понимали, что этот великий человек собирается осчастливить мир еще одним гениальным изобретением. Предыдущим его шедевром был шторм для левшей, который левши всей страны прославляли как величайшее достижение современной науки.

– Готово! – сказал президент, поднимая листок бумаги. – Фирменная мухоловка по патенту Джиллиграсса!

Все столпились вокруг стола.

– Муха поднимается по лестнице с левой стороны, – объяснял президент, – и идет по перекладине. Потом она останавливается, принюхивается и чувствует, что пахнет чем-то вкусным. Она наклоняется посмотреть и видит кусок сахара. «Ага! – радостно кричит муха. – Это сахар!» Она уже готова спуститься за ним по веревке, но тут замечает внизу таз с водой. «Так это ловушка! – думает муха. – Меня хотят поймать!» И весьма гордая своей сообразительностью муха проходит дальше и начинает спускаться по правой лестнице. Но, как вы можете заметить, я пропустил здесь одну ступеньку, и на этом месте муха падает и ломает себе шею!

– Грандиозно! – закричали все. – Потрясающе! Чувствуется рука гения!

– Необходимо сейчас же заказать сто тысяч штук для нашей армии!

– воскликнул командующий.

– Благодарю, – скромно сказал президент, аккуратно записывая заказ.

– Повторяю! – раздался из громкоговорителя тревожный голос Шустера. – Они влезли на борт «Межпланетного Отеля» и взяли с собой бомбу.

– Соблюдайте осторожность, Шустер! – приказал президент. – Нельзя допустить, чтобы ваших ребят тоже взорвали.

Теперь миллионы телезрителей во всем мире с еще большим напряжением вглядывались в экраны своих телевизоров, где был отчетливо виден злобный стеклянный ящик, надежно пристыкованный под брюхом гигантского «Межпланетного Отеля», словно детеныш какого-то животного, при-

жавшийся к своей матери. А когда камера переходила на крупный план, каждый мог заметить, что этот стеклянный ящик абсолютно пуст. Восемь головорезов, прилетевших на нем, перебрались на «Междупланетный ОТЕЛЬ» и прихватили с собой свою страшную бомбу.

5. МАРСИАНЕ

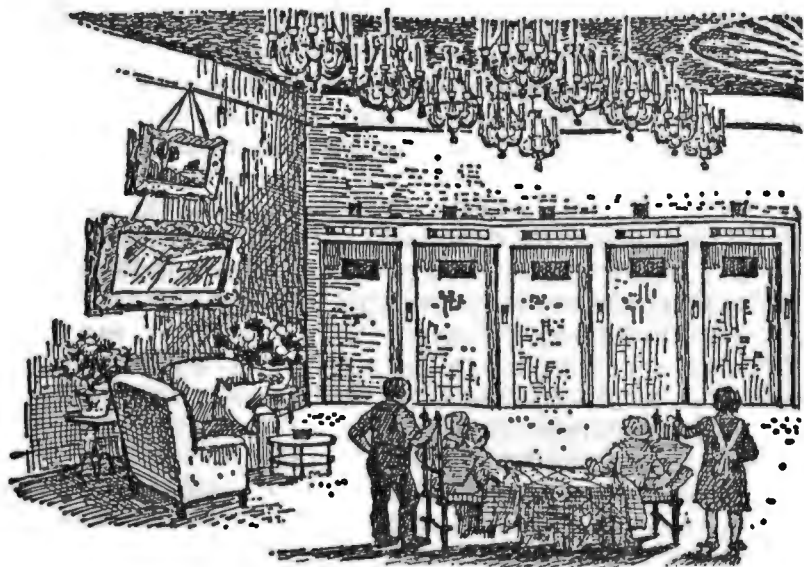
Внутри «Междупланетного Отеля» совершенно не чувствовалось состояния невесомости. Машина, создающая гравитационное поле, работала безупречно. Поэтому, когда стыковка была благополучно завершена, мистер Уонка, Чарли, дедушка Джо и мистер и миссис Баккет вполне смогли, что называется, своими ногами перейти в вестибюль Отеля. Что же касается дедушки Джорджа, бабушки Джорджины и бабушки Джозефины, то никто из них уже двадцать лет не ходил своими ногами и, разумеется, не собирался менять своих привычек. Едва только прекратилось действие невесомости, как все трое плюхнулись обратно в свою кровать и потребовали, чтобы их втащили в «Междупланетный ОТЕЛЬ» прямо на ней.

Чарли с изумлением разглядывал просторный вестибюль. Пол был покрыт толстым зеленым ковром, с потолка сверкали двадцать роскошных люстр, на стенах висели дорогие картины, и везде стояли большие мягкие кресла. На дальней стене располагались двери пяти лифтов. Вся компания молча глазела на это великолепие. Впрочем, молчали они еще и потому, что мистер Уонка предупредил: каждое слово, которое они произнесут, будет записано на магнитофон в Центре управления полетом. Слабый гул, идущий откуда-то из-под пола, делал тишину еще более пугающей. Чарли крепко держался за руку дедушки Джо. По правде говоря, ему теперь не очень нравилось все происходящее. Они незаконно проникли на величайшее в мире сооружение, являющееся собственностью правительства Соединенных Штатов Америки, и когда их обнаружат и поймают (а рано или поздно это произойдет), то что тогда их ждет? Пожизненное заключение? Или что-нибудь похуже?

Между тем мистер Уонка что-то писал в своем маленьком блокноте. Потом он поднял его вверх, и все прочли на первой странице: «КТО-НИБУДЬ ГОЛОДЕН?»

Трое стариков в своей кровати сейчас же стали размахивать руками, кивать головами и беззвучно открывать и закрывать рты. Тогда мистер Уонка перевернул страничку блокнота. На обратной стороне было написано: «КУХНИ НА БОРТУ ОТЕЛЯ ЗАБИТЫ ВСЯКИМИ ДЕЛИКАТЕСАМИ, ОМАРАМИ, БИФСТЕКСАМИ И МОРОЖЕНЫМ. У НАС БУДЕТ ПИР ГОРОЙ!»

И тут из невидимого громкоговорителя внезапно раздался оглушительный голос. Это было настолько неожиданно, что все наши путешественники и даже мистер Уонка подпрыгнули на месте.

– ВНИМАНИЕ! – гремел голос. – ГОВОРИТ ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕТОМ В ХЬЮСТОНЕ. МЫ ОБРАЩАЕМСЯ К ВОСЬМИ ИНОСТРАННЫМ КОСМОНАВТАМ. ВЫ НЕЗАКОННО НАХОДИТЕСЬ В АМЕРИКАНСКИХ ВЛАДЕНИЯХ. НЕМЕДЛЕННО НАЗОВИТЕ КТО ВЫ И ОТКУДА! ГОВОРИТЕ!

– Тсс! – прошептал мистер Уонка, приложив палец к губам.

На несколько секунд в вестибюле установилось леденящее душу молчание, и только мистер Уонка все повторял свое «тсс!»

– КТО... ВЫ... ТАКИЕ? – снова загремел сердитый голос из Хьюстона. – ПОВТОРЯЮ: КТО... ВЫ... ТАКИЕ?

Этот голос слышал весь мир. Пятьсот миллионов человек, замерших у телевизоров, ждали ответа от восьмерых таинственных пришельцев. На борту Отеля не было телевизионных камер, и поэтому телевидение не могло показать, что делается внутри. На все экраны транслировалось только изображение «Междупланетного Отеля» снаружи, которое передавали на Землю Шастер, Шустер и Шулер. Еще полминуты весь мир ждал ответа.

Но ответа не было.

– ГОВОРИТЕ! – голос становился все громче и громче, переходя в оглушительный, устрашающий крик, закладывающий перепонки. – ГОВОРИТЕ! ГОВОРИТЕ! ГОВОРИТЕ!

Бабушка Джорджина нырнула под простыню. Бабушка Джозефина закнула уши. Дедушка Джордж зарылся головой в подушку. Мистер и мис-

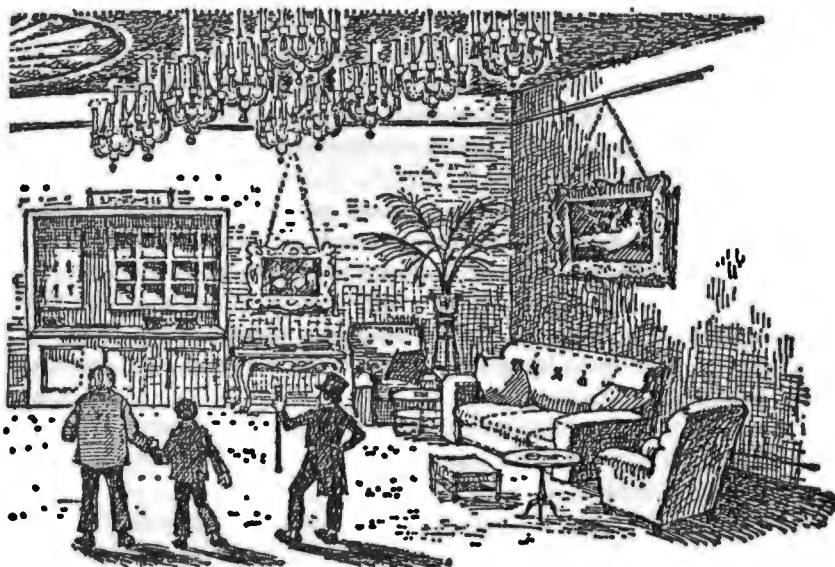
сис Баккет снова застыли в объятиях друг друга. Чарли еще крепче вцепился в руку дедушки Джо, и оба не сводили умоляющих глаз с мистера Уонка, надеясь, что он сумеет что-то сделать. А мистер Уонка, казалось, был совершенно спокоен, но хотя его лицо не выражало ни малейшего волнения, можно было не сомневаться, что в его гениальной голове идет сейчас напряженнейшая работа.

– МЫ ЕЩЕ РАЗ СПРАШИВАЕМ: КТО... ВЫ... ТАКИЕ? ДАЕМ ВАМ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС. ОТВЕЧАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО! ЕСЛИ ВЫ НЕ ОТВЕТИТЕ, МЫ БУДЕМ ВЫНУЖДЕНЫ РАССМАТРИВАТЬ ВАС КАК ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ УГРОЗУ ВРАЖДЕБНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И ВКЛЮЧИТЬ АВАРИЙНУЮ МОРОЗИЛЬНУЮ УСТАНОВКУ, КОТОРАЯ ПОНИЗИТ ТЕМПЕРАТУРУ НА БОРТУ «МЕЖДУПЛАНЕТНОГО ОТЕЛЯ» ДО МИНУС СТА ГРАДУСОВ. ВЫ ВСЕ БУДЕТЕ МГНОВЕННО ЗАМОРОЖЕНЫ И ПРЕВРАТИТЕСЬ В ЛЕДЫШКИ. ДАЕМ ВАМ ПЯТНАДЦАТЬ СЕКУНД НА РАЗМЫШЛЕНИЕ. ОДИН... ДВА... ТРИ...

– Дедушка! – отчаянно прошептал Чарли, едва только отсчет начался.
– Нужно срочно что-то делать, иначе мы погибли!

– ШЕСТЬ!.. – продолжал голос из громкоговорителя. – СЕМЬ!.. ВОСЕМЬ!.. ДЕВЯТЬ!..

Мистер Уонка по-прежнему не проявлял признаков беспокойства. Он безо всякого выражения смотрел прямо перед собой – казалось, происходящее вовсе его не тревожит. Чарли и дедушка Джо в ужасе не отрывали от

него глаз. И тут вдруг они заметили, как в уголках его рта промелькнуло подобие улыбки. Он как будто ожил. Поднявшись на носки, он сделал несколько шагов вперед и завопил неистовым, нечеловеческим фальцетом:

– ФЫРЕХ ФУЛИС!

Громкоговоритель тут же умолк. В вестибюле отеля наступила тишина. Весь мир сейчас застыл в молчании.

Чарли, не отрываясь, смотрел на мистера Уонка, который собирался продолжать. Он набрал в легкие побольше воздуха и снова завопил:

– БЫРЕХ БУЛИС!

Он вкладывал в эти вопли столько сил, что едва не отрывался от пола.

– ДЫРЕХ ДУЛИС!

– ВЫРЕХ НУЛИС!

Наступила пауза, а когда мистер Уонка завопил снова, непонятные слова полетели у него изо рта быстро и отчетливо, как пулеметная очередь:

– ЗУНК-ЗУНК-ЗУНК-ЗУНК-ЗУНК! – почти пролаял он.

Странные звуки эхом разносились по огромному вестибюлю «Междупланетного Отеля» и по всему миру.

Мистер Уонка повернулся к тому углу, откуда только что доносился голос из громкоговорителя, и сделал несколько шагов к нему, как будто собирался сказать что-то сугубо конфиденциальное. Теперь его голос звучал уже гораздо спокойнее, но все равно в каждом слове чувствовалась сталь:

– МАЛИБУКУ ФУЗАВЫ,
МЫ УМЫ АВЫ УВЫ!
АЛИПЕНДА КАКАБАК,
МЫСИ ЛАЧ АВЫСЛА БАК!
ПОПОКОТА БОРУМИЛА,
ПЛО ХОКТО ТОПОШУТИЛА!
ФУИКИКА КАРИМАДА,
ПЕРЕДЫШКА ДЕЛАЙ НАДА!
РАНКАНИ ЛУНА ЗВЕЗДА,
МАРС ВЕНЕРА ИСЮ ДА!

Мистер Уонка выдержал драматическую паузу, сделал глубокий вдох и пронзительно завопил:

КИТИМБИБИ ЗУНК!
ФИМБОЛИЗИ ЗУНК!
ГУГУМИЗА ЗУНК!
ФУМИКАКА ЗУНК!
АНАПОЛАЛА ЗУНК!
ЗУНК! ЗУНК!

Эффект этих слов во всем мире был подобен разорвавшейся бомбе. В центре управления полетом в Хьюстоне, в Белом доме в Вашингтоне, в городах и селах, в хижинах и дворцах от Америки до Китая пятьсот миллионов человек, услышавших этот дикий и пугающий голос, выкрикивающий загадочные и непонятные слова, как один затряслись от страха перед своими телевизорами. Люди в ужасе поворачивались друг к другу и спрашивали:

– Кто это такие? Откуда они взялись? На каком языке они говорят?

В офисе президента США вице-президент мисс Тиббс, члены кабинета министров, командующие армией, военно-морскими и военно-воздушными силами, фокусник из Афганистана, главный советник по финансам и даже кошка миссис Мурка застыли в оцепенении. И только сам президент в эти драматические минуты сохранил хладнокровие и ясную голову.

– Нянюшка! – закричал он. – Нянюшка! Что же нам теперь делать?

– Лучше всего выпить стакан теплого молока, – сказала мисс Тиббс.

– Я терпеть не могу теплого молока! – взмолился президент. – Пожалуйста, не заставляйте меня пить его!

– Нужно вызвать главного переводчика! – сказала мисс Тиббс.

– Вызвать главного переводчика! – приказал президент. – Где он?

– Я здесь, господин президент, – отозвался главный переводчик.

– На каком языке сейчас разорялось в «Междупланетном Отеле» это существо? Ну, быстро! На эскимосском?

– Нет, не на эскимосском, господин президент.

– Ага! Значит, на тагальском или на угро-финском?

– Нет, не на тагальском. И не на угро-финском.

– Тогда на зулусском? Или на тунгусском? Или на языке индейцев племени тупи?

– Ни в коем случае не на зулусском. И я абсолютно уверен, что это не может быть ни тунгусский, ни тупи.

– Болван! Прекратите нам рассказывать, каким языком это не может быть! – прикрикнула мисс Тиббс. – Господин президент вас спрашивает, что это был за язык!

– Слушаюсь, мэм, мисс вице-президент, – проговорил главный переводчик, начиная трястись от страха, – но поверьте мне, господин президент, я никогда прежде не слыхал такого языка.

– Но я думал, что вы знаете все языки на свете!

– Я их действительно знаю, господин президент.

– Вы лжете мне прямо в глаза! Как же вы можете говорить, что знаете все языки, когда вы не знаете этого?

– Но это не человеческий язык, господин президент.

– Глупости, парень! – рявкнула мисс Тиббс. – Даже я смогла кое-что разобрать!

– Дело в том, мэм, мисс вице-президент, что эти проклятые существа, по всей видимости, смогли выучить несколько простейших слов нашего языка, но все остальное говорилось на языке, которого никогда не слыхали на Земле.

– Мычащие скорпионы! – закричал президент. – Вы хотите сказать, что они могли прилететь к нам из... из... из... Словом, откуда-нибудь еще?

– Совершенно верно, господин президент!

– И откуда же? – поинтересовался президент.

– Кто может знать? – ответил главный переводчик. – Но вы обратили внимание, уважаемый господин президент, что они, кажется, упоминали Венеру и Марс?

– Разумеется, обратил, – сказал президент. – Но какое это может иметь отношение... Ага! Теперь понятно, к чему вы клоните! Господи, помилуй! Это же марсиане!

– Или обитатели Венеры, – добавил главный переводчик.

– Это может оказаться очень опасным, – сделал вывод президент.

– Не то слово! – сказал главный переводчик.

– С вами больше не разговаривают, – отрезала мисс Тиббс.

– Как нам поступить в этой ситуации, генерал, – обратился президент к командующему армией.

– Взорвать все к чертовой матери! – воскликнул тот.

– Вам бы только взрывать, – недовольно сказал президент. – Интересно, думаете ли вы хоть иногда о чем-нибудь еще?

– Мне нравится взрывать, – застенчиво проговорил генерал. – При взрывах всегда такой славный звук... Бабах! Трах-тара-рах!..

– Не будьте идиотом! – резко сказала мисс Тиббс. – Если мы взорвем этих людей, Марс объявит нам войну. А с ним заодно и Венера!

– Правильно, нянюшка, – согласился президент. – Они нас разделают как Бог черепаху! Они передавят нас всех, как клопов!

– Что? Да я сам покажу им, где раки зимуют! – грозно закричал командующий армией!

– Заткнитесь, контуженый балбес! – прикрикнула на генерала мисс Тиббс. – Вы уволены!

– Ура! – закричали остальные генералы. – Bravo, мэм, мисс вице-президент!

Мисс Тиббс продолжала:

– Нам необходимо обращаться с этими ребятами предельно мягко. Тот, кто сейчас говорил с ними по радио, был чересчур груб. Нам нужно вести себя учтиво, улаживать их изо всех сил. Только войны с Марсом нам сейчас не хватает! Пожалуй, вам, господин президент, следует самому поговорить с ними. Свяжитесь с Хьюстоном и скажите, что нам нужна прямая радиосвязь с «Междупланетным Отелем». И побыстрее!

6. ПРИГЛАШЕНИЕ В БЕЛЫЙ ДОМ

– С вами будет говорить президент Соединенных Штатов Америки!
– раздался в вестибюле «Междупланетного Отеля» голос из громкоговорятеля.

Голова бабушки Джорджины осторожно высунулась из-под простыни. Бабушка Джозефина вынула пальцы из ушей, а дедушка Джордж поднял лицо от подушки.

– Вот это да! Неужели сам президент будет говорить с нами? – прошептал Чарли.

– Тсс! – проговорил мистер Уонка. – Молчи и слушай!

– Дорогие друзья! – зазвучал из громкоговорителя хорошо всем знакомый голос президента. – Мои дорогие друзья! Мы счастливы приветствовать на борту «Междупланетного Отеля» отважных космонавтов с Венеры или Марса...

– Венеры или Марса? – прошептал Чарли. – Он думает, что мы прилетели с...

– Тсс-тсс! – прошептал мистер Уонка.

От безмолвного хохота его буквально сгибало пополам. Он весь трясся и подпрыгивал с одной на ноги на другую.

– Вы проделали большой и трудный путь, – продолжал президент. – Почему бы вам не удлинить его еще немного и не навестить нас на нашей скромной маленькой планете? Я приглашаю вас всех оказать мне честь и прибыть в Вашингтон в качестве моих почетных гостей. Ваш чудесный стеклянный воздушный корабль вполне мог бы приземлиться на лужайке позади Белого дома. Мы готовы принять вас со всеми подобающими почестями. Я полагаю, что вы достаточно знаете наш язык, чтобы понять меня. С нетерпением жду вашего ответа...

Раздался щелчок, и голос президента умолк.

– Чудеса да и только! – прошептал дедушка Джо. – Белый дом, Чарли! Нас приглашают в Белый дом в качестве почетных гостей!

Чарли и дедушка Джо, взявшись за руки, пустились в пляс по вестибюлю. Но тут мистер Уонка, которого еще трясло от смеха, уселся на кровать и знаками пригласил всех собраться вокруг него, чтобы спрятанные микрофоны не могли записать, о чем путешественники будут шептаться.

– Они перепугались до смерти, – прошептал он, когда все столпились около кровати. – Теперь они нас больше не потревожат. Поэтому можно смело приниматься за пир, о котором мы говорили, а потом пойти осматривать отель.

– А разве мы не поедem в Белый дом? – прошептала бабушка Джозефина. – Я бы очень хотела отправиться туда и познакомиться с господином президентом.

– Моя дорогая старая перечница, – сказал мистер Уонка. – Вы так же похожи на марсианку, как я – на папу римского. Они же сразу поймут, что их одурачили. Мы и поздороваться не успеем, как нас всех арестуют!

Мистер Уонка был, как всегда, совершенно прав. Теперь все понимали, что не могло быть и речи о том, чтобы принять приглашение президента.

– Но надо же ответить ему хоть что-то, – прошептал Чарли. – Ведь он сейчас сидит в Белом доме и ждет, что мы скажем.

– Нужно извиниться, – сказал мистер Баккет.

– Сказать, что мы приглашены куда-нибудь еще, – добавила миссис Баккет.

– Верно, – прошептал мистер Уонка. – Невежливо не отвечать на приглашение.

Он встал и сделал несколько шагов по направлению к громкоговорителю. Несколько секунд он собирался с мыслями, а потом Чарли снова увидел, как в уголках его рта промелькнуло подобие улыбки. Мистер Уонка заговорил громко и медленно, но теперь его голос был низким, глубоким и каким-то потусторонним:

В мшистых, мглистых, мгластых топях,
По низинам и трясинам,
Меж глухих, гнилучих глюков
Все хрычи ползут домой.

Посмотри, как их курзюпит,
Крызжет, брызжет и корежит,
Этих липких хлипких тварей
С ядовитой бахромой.

Так спасайтесь и бегите
Через гадость, грязь и глину
Вскачь, вприглядку и вприпрыжку,
Если близко хрыч хромой!

В двухстах с половиной милях ниже президент стал бледным, как стена Белого дома.

– Ползучие кролики! – закричал он. – Кажется, они что-то замышляют!

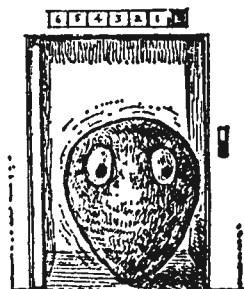
– Умоляю вас, – взмолился бывший командующий армией, – позвольте мне взорвать их!

– Молчать! – прикрикнула на него мисс Тиббс. – Встаньте в угол!

А тем временем в вестибюле «Межпланетного Отеля» мистер Уонка как раз сделал небольшую паузу, чтобы обдумать следующее четверостишие, и уже готов был продолжить свою декламацию, когда леденящий душу вопль остановил его на полуслове. Вопила бабушка Джозефина. Она трясущейся от ужаса рукой указывала в дальний угол вестибюля, где находились лифты. Вопль повторился, и все уставились туда. Двери одного из лифтов мягко раздвинулись, и внутри совершенно отчетливо можно было увидеть что-то широкое... коричневое... верней, даже не коричневое, а зеленовато-коричневое... что-то осклизлое и глазастое, нагло и самодовольно сидящее на полу.

7. НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ ИЗ ЛИФТОВ

Бабушка Джозефина больше не вопила. Она застыла в шоке. Остальные, включая Чарли и дедушку Джо, сгрудились позади кровати. Они просто окаменели. Они не смели не только шевелиться, но и дышать. И даже мистер Уонка, который еще при первом вопле бабушки Джозефины быстро обернулся посмотреть в чем дело, был потрясен не меньше других. Широко открыв рот и выпучив глаза, он, как и все, неподвижно уставился на эту непонятную штуковину в лифте, которая выглядела примерно так (см. картинку).

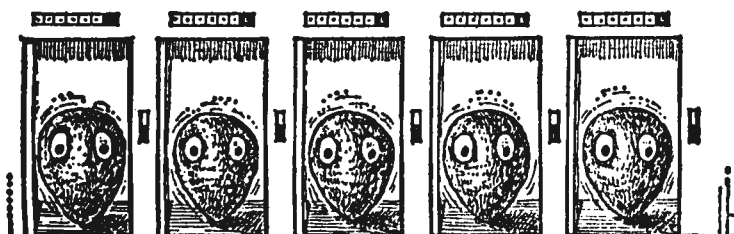

Больше всего она была похожа на огромное яйцо, стоявшее острым концом вниз. Ростом она была с десятилетнего мальчика, но при этом толще самого толстого толстяка. Блестящую, влажную, зеленовато-ко-

ричневую шкуру покрывали морщины. В самом широком месте туловища, где-то повыше середины, располагались два глаза, большие, как чайные чашки. Сами глаза были белыми, но в середине каждого из них сверкал ярко-красный зрачок. Точки ярко-красных зрачков сначала упирались только в мистера Уонка, но потом постепенно переползли на Чарли, дедушку Джо и всех остальных путешественников, сгрудившихся позади кровати, разглядывая их с холодной недоброжелательностью. Кроме этих глаз, на туловище существа не было ничего. Ни рта, ни носа, ни ушей, ни конечностей, но при этом туловище находилось в постоянном движении – оно то взбухало, то опадало, как будто под его кожей непрерывно пульсировала какая-то густая жидкость.

И тут Чарли неожиданно заметил, что вниз спускается еще один лифт. На индикаторной табличке над дверью вспыхивали цифры: 6... 5... 4... 3... 2... 1... В (вестибюль). После небольшой паузы двери раздвинулись, и внутри второго лифта оказалось еще одно огромное, морщинистое, скользкое, зеленовато-коричневое глазастое яйцо!

Теперь цифры вспыхивали уже над дверями трех других лифтов, которые тоже двигались вниз. Все ниже... ниже... ниже... И наконец, все три почти одновременно опустились в вестибюль, их двери раскрылись и в каждом сидело по одному такому же яйцеподобному существу. Всего, стало быть, их было пять. И пять пар ярко-красных зрачков в упор разглядывали мистера Уонка, Чарли, дедушку Джо и всех остальных путешественников. Существа немного отличались друг от друга размерами и формами, но у всех была та же морщинистая зеленовато-коричневая кожа, которая непрерывно пульсировала и вздувалась.

Примерно с полминуты ничего не происходило. Никто не пошевелился и не издал ни звука. И эта пауза была ужасной. От страха Чарли показалось, что у него шевелятся волосы на голове. Вдруг он заметил, как существо в крайнем левом лифте начало менять свои очертания! Его туловище стало постепенно вытягиваться вверх, делаясь все тоньше и тоньше. Но при этом оно вытягивалось не только вверх, но и вправо, образуя прямой угол, потом нижний конец, сделав неожиданно грациозную петлю, еще раз поднялся вверх и спустился вниз, снова двинулся вправо и опять поднялся вверх.

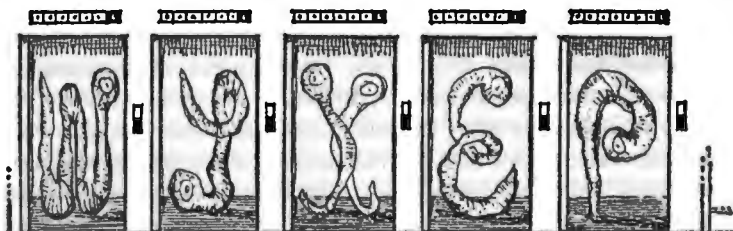
И вскоре существо, которое еще недавно было похоже на огромное яйцо, представляло собой длинную змею, кольцами изогнувшуюся на полу лифта!

Теперь пришла очередь существа в соседнем лифте. Оно тоже начало вытягиваться, почти так же как первое. Это было жуткое и одновременно отвратительное зрелище! Причем второе существо принимало несколько иные очертания и, крутясь во все стороны, в конце концов застыло, балансируя на самом кончике хвоста.

А следом и три других чудовища все одновременно начали медленно вытягиваться вверх, становясь все выше и выше, все тоньше и тоньше, петляя и выкручиваясь, выгибаясь и извиваясь, балансируя то на хвосте, то на голове, раскачиваясь в разные стороны, так что у каждого оставался на виду только один глаз. И когда они остановились, то вот как они теперь выглядели:

– Шухер! – закричал мистер Уонка. – Бежим отсюда!

Наверно, никто и никогда не исполнял ничьих распоряжений так быстро, как это сделали Чарли, дедушка Джо, и мистер и миссис Баккет. Не прошло и десяти секунд, как они вытолкали кровать из вестибюля (причем мистер Уонка с криками «шухер! шухер!» бежал впереди всех) и были уже в своем Большом Стеклянном Подъемнике. Мистер Уонка лихорадочно крутил болты и нажимал какие-то кнопки. Наконец дверь Подъемника захлопнулась, и сам он сделал резкий скачок в сторону. Вырвались! И разумеется, наши путешественники, включая трех стариков в кровати, сейчас же начали снова плавать в воздухе.

8. ЧЕРВЯЧИЕ ЗРЮКИ

– О Господи! – задыхаясь, проговорил мистер Уонка. – О дорогие боги! О благие дроги! Ни за что на свете не хотел бы еще раз увидеть этот кошмар!

Он перелетел к белой кнопке и нажал ее. Подъемник пулей рванулся вперед и помчался с такой сумасшедшей скоростью, что через несколько мгновений «Межпланетный Отель» уже скрылся из виду.

– Что это были за страшилища? – спросил Чарли.

– Ты что, не знаешь? – закричал мистер Уонка. – Ну, тогда твое счастье! Если б ты хоть краем уха слышал о тех ужасах, что тебя ожидали, от страха у тебя бы кровь застыла в жилах и ты б не смог двинуться с места! Тут-то ты и попал бы к ним в лапы! Ох, что бы они тогда с тобой сделали! Тебя бы крошили как капусту, терли на терке как сыр и варили живьем в кипятке! Тебе бы переломали все кости и наделали из них браслетов! Тебе бы вырвали все зубы и пустили их на ожерелье! Вот что ожидало тебя, мой милый невежда! Потому что эти существа – самые свирепые, жестокие и кровожадные твари во всей вселенной!

Мистер Уонка на секунду остановился и облизал губы кончиком розового языка.

– Это были ЧЕРВЯЧИЕ ЗРЮКИ! – воскликнул он. – Вот кто это такие!

– А я думал, что это были... – сказал Чарли, – те самые хрычи, о которых вы говорили президенту.

– Нет, тех я просто выдумал, чтобы напугать его, – ответил мистер Уонка. – А Червячие Зрюки – это уж, поверь мне, совсем не выдумка. Как известно, они обитают на планете Зрюк, что находится в 18427 миллионах миль от Земли, и надо сказать, что это весьма разумные и развитые твари. Они могут принимать любую форму, какую захотят. У них нет костей, и все их тело – это одна огромная сильная мышца. Но мышца очень мягкая и эластичная, своего рода смесь резины и бетона, скрепленного стальной арматурой. Обычно Червячие Зрюки имеют яйцеподобную форму, но при необходимости могут стоять на двух ногах, как люди, или на четырех ногах, как лошади. Они могут становиться круглыми, как мяч, и длинными, как веревка. Взрослый Червячий Зрюк может не сходя с места вытянуть шею и откусить тебе голову с расстояния пятьдесят ярдов!

– Чем же, интересно, он может откусить голову? – спросила бабушка Джорджина. – Я что-то не заметила у него рта.

– Не беспокойтесь, у него найдется чем, – мрачно сказал мистер Уонка.

– Например? – не отставала бабушка Джорджина.

– Разговор окончен! – отрезал мистер Уонка. – Ваше время истекло. Послушайте-ка лучше меня. Мне пришла в голову забавная мысль. Пока я тут морочил голову президенту и выдавал нас за существа с другой планеты, выясняется, что, черт возьми, на борту отеля действительно находятся существа с другой планеты!

– Вы думаете их там много, а не только эти пятеро? – спросил Чарли.

– Их там тысячи! – уверенно ответил мистер Уонка. – В отеле пятьсот комнат, и в каждой сидит по семье этих Червячих Зрюков.

– Почетных гостей отеля ждет не слишком приятный сюрприз, – проговорил дедушка Джо.

– Да их там просто сожрут всех до одного! – заявил мистер Уонка.

– Неужели вы действительно так думаете? – спросил Чарли.

– Я не думаю, я знаю, – ответил мистер Уонка. – Червячие Зрюки – это страх и ужас вселенной. Их неисчислимые орды кочуют по всем галактикам и истребляют все на своем пути. Когда-то давно на Луне жили симпатичнейшие существа – Пузы, но Червячие Зрюки сожрали их всех! То же самое они проделали на Венере, на Марсе и на других планетах.

– А почему они еще не добрались до Земли и не сожрали всех нас? – спросил Чарли.

– Они пытались, Чарли. Пытались несколько раз, но у них ничего не вышло. Все дело в том, что вокруг Земли находится широкая оболочка из воздуха и газа, и когда какой-нибудь предмет на большой скорости вонзается в эту оболочку, он сейчас же сгорает. Наши космические корабли делаются из специального теплозащитного металла, и вдобавок когда они входят в плотные слои атмосферы, то при помощи тормозных ракет их скорость понижается до 2000 миль в час. Но все равно они очень сильно раскаляются. А у Зрюков нет ни теплозащиты, ни тормозных ракет, поэтому они сгорают дотла еще на полпути к Земле. Ты видел когда-нибудь падучие звезды?

– Сколько раз! – ответил Чарли.

– Так вот, на самом деле это не падучие звезды, а падучие Зрюки, которые на огромной скорости пытались войти в плотные слои атмосферы и сейчас же вспыхивали как факелы.

– Какая чушь! – заявила бабушка Джорджина.

– Погодите, – ответил мистер Уонка, – может, вы еще сегодня увидите это своими глазами.

– Но если это такие свирепые и опасные твари, то почему они сразу не сожрали нас прямо в отеле? Зачем им нужно было тянуть время, выделывать телами эти дурацкие штуки и писать «шухер»? – спросил Чарли.

– А потому что все они ужасные хвастуны, – ответил мистер Уонка. – Они очень гордятся, что умеют писать при помощи своих тел.

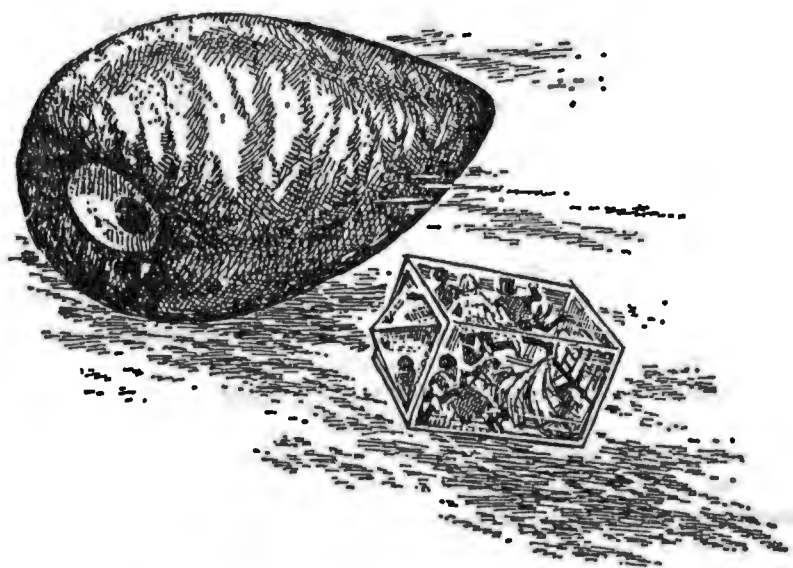
– Но почему они написали именно «шухер», если хотели сожрать нас?

– Они просто не знают никаких других слов, – сказал мистер Уонка.

– Смотрите! – завизжала бабушка Джозефина, указывая пальцем за стекло. – Вон там!

Еще не успев взглянуть, Чарли уже точно знал, что ему предстояло увидеть. Да и все остальные тоже знали. Жуткие истерические нотки в голосе старой женщины не оставляли никаких сомнений.

И это был он! Всего в десятке ярдов от Большого Стеклоанного Подъемника двигался параллельным курсом гигантский, покрытый слизью, яйцеподобный зеленовато-коричневый Червячий Зрюк, огромный, как кит, и длинный, как грузовик с прицепом. Его злобные красные глазки неотрывно следили за людьми в стеклянном ящике.

- Это конец! – взвизгнула бабушка Джорджина.
- Он сожрет нас всех! – закричала миссис Баккет.
- В один присест, – добавил мистер Баккет.
- Мы пропали, Чарли! – сказал дедушка Джо.

Чарли кивнул. От страха он не мог говорить – у него свело горло.

Но на этот раз мистер Уонка не испугался. Он оставался совершенно спокойным.

– Мы живо от него отделаемся, – проговорил он и нажал одновременно шесть кнопок.

Сейчас же шесть ракет выстрелили из днища Подъемника, и он рванулся вперед, как припороженный рысак. Но и отвратительный зеленый Зрюк тоже не думал отставать – безо всяких видимых усилий он по-прежнему держался рядом.

– Уберите его! – вопила бабушка Джорджина. – Чего он уставился на меня!

– Не беспокойтесь, дорогая леди! – сказал мистер Уонка. – Он ни за что не сумеет проникнуть сюда. Я готов признать, что там, в отеле, я немного испугался, но на то имелись веские причины. А здесь нам совершенно нечего бояться – нашему Стеклопанному Подъемнику не страшны никакие столкновения, и, кроме того, он абсолютно пуле- и бомбонепробиваем, а также водо- и зрюконепроницаем. Поэтому мы можем в полной безопасности продолжать наслаждаться нашим путешествием.

– Эй, червячее подлое чучело! – закричал мистер Уонка. –
Лучше б ты себя больше не мучило.

Ведь тебе никогда

Не проникнуть сюда!

Так проваливай, чтоб тебя скрючило!

В этот самый момент гигантская туша Червячего Зрюка повернулась и начала двигаться в сторону от Стеклянного Подъемника.

– Ага! – торжествующе закричал мистер Уонка. – Он послушался меня! Он уходит восвояси!

Но это был тот редкий случай, когда мистер Уонка ошибся. Удалившись ярдов на сто, машина остановилась и, зависнув на мгновение в воздухе, задом наперед (то есть острым концом яйца вперед) устремилась обратно к Стеклянному Подъемнику. Даже при таком способе передвижения ее скорость был просто невероятной. Она летела на людей, словно огромный чудовищный снаряд, и никто из них не успел даже вскрикнуть, как – трах! – она с ужасным грохотом врезалась в Подъемник. Но сверхпрочное стекло выдержало удар, и Зрюк, словно мячик, отскочил в сторону.

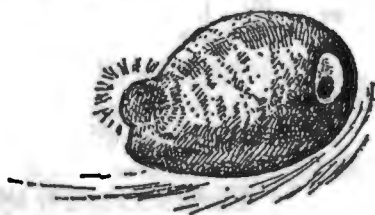
– Что я говорил! – снова торжествовал мистер Уонка. – Мы здесь как за каменной стеной!

– Он так может заработать хорошее сотрясение мозга! – заметил дедушка Джо.

– Так ведь он ударился не головой, а задом! – сказал Чарли. – Смотри, дедушка, какая шишка вскочила у него на том конце. Она уже начала синеть!

И действительно: на остром заднем конце огромного Зрюка набухла фиолетовая шишка размером с небольшой автомобиль.

– Что, получил, гнусная тварь! – закричал мистер Уонка.

Здравствуй, миленький Зрюк, мой строптивый малыш!

Твоя задница синего цвета

И огромный волдырь на ней вздулся, как шиш, –

Как ты думаешь, правильно это?

Уж теперь бедолаге ни сесть и ни встать,

Если ранена пятая точка.

И неловко, наверно, по небу летать

С афедроном, распухшим как бочка.

Может, стоит, дружок, обратиться к врачу?

Мы как раз прихватили в дорогу

Одного (у него геморрой я лечу) –
Он возьмет по знакомству не много.

«Милый доктор, вы, право же, слишком добры,
Согласившись оставить Европу,
Чтобы здесь осмотреть это мерзкое ры...
То есть эту раздутую попу».

«Ужас! – доктор промолвил, увидев нарыв. –
Вот так шишка! Но просите раз вы,
Я спасу негодяя, безжалостно вскрыв
Эти страшные гнойные язвы».

Врач берется за скальпель, усердьем горя
(Зрюк в штаны напрудонил со страха),
Но не смог даже скальпель проткнуть волдыря,
Хоть заточен был, словно наваха.

«Боже, – Зрюк зарыдал, – что за страшная весть!
Чем унять мне тоску и досаду?
Как мне быть, если вдруг захочу я присесть?
Как стерпеть, если вдруг я присяду?»

«Медицина бессильна! – изрек эскулап. –
Вам, приятель, одно лишь осталось:
Сесть на голову или на кончики лап,
Чтобы задница в небе болталась».

9. ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

В тот день, когда в космосе происходили эти события, на Земле закрылись все предприятия, учреждения и даже школы. Люди не отходили от телевизоров, чтобы приготовить еду и покормить детей. Всеобщее волнение достигло высшей точки. Все слышали, что президент Соединенных Штатов пригласил марсиан посетить Белый дом и что они ему ответили какими-то дикими стихами, звучащими, впрочем, весьма угрожающе. Все также слышали пронзительный вопль бабушки Джозефины, а мгновением позже – отчаянный крик мистера Уонка «шухер! шухер!» Но никто не мог взять в толк, при чем тут «шухер», и большинство решило, что это какое-то марсианское выражение. А потом, когда восемь таинственных космонавтов как ошпаренные выскочили из «Междупланетного Отеля», уселись в свой стеклянный корабль и отчалили, во всем мире как будто пронесся вздох облегчения. В Белый дом дождем посыпались телеграммы, выражающие восхищение президенту в связи с его героическим поведением в критической ситуации.

А сам президент сохранял полное спокойствие. Он сидел за столом и задумчиво скатывал в комок кусочек жевательной резинки. Он ждал, когда мисс Тиббс отвернется, чтобы незаметно кинуть этот комочек в нее. Наконец мисс Тиббс отвернулась, президент кинул резинку, но промазал и попал прямо в нос начальнику военно-воздушных сил.

– Интересно, приняли ли марсиане мое приглашение посетить Белый дом? – спросил президент.

– Разумеется, приняли, – ответил государственный секретарь. – Это была блестящая речь, сэр!

– Они сейчас, должно быть, в дороге, – сказала мисс Тиббс. – У вас все руки в этой мерзкой жевательной резинке. Пойдите и умойтесь – гости могут прибыть с минуты на минуту.

– Давайте сначала споем! – попросил президент. – Спойте какую-нибудь песню про меня... Ну, пожалуйста, нянюшка!

ПЕСНЯ НЯНИ

Великой нации отец,
Что всем нам так знаком,
Когда-то был совсем малец,
Под стол ходил пешком.

Он был малявка, просто тля.
Его (коль он хотел)
Я на горшок сажала для
Больших и малых дел.

Его купала я не раз,
Чтоб мальчик лучше рос,
И утирала что ни час
Его сопливый нос.

И чтобы детство день за днем
Безоблачней текло,
Ему всыпала я ремнем
По первое число.

Ведь был он (стоит ли скрывать?)
Не вундеркинд – о, нет!
И сколько будет пятью пять
Узнал лишь в двадцать лет.

«Как парень дальше будет жить? –
Все недоумевали. –

Ведь и газеты разносить
Возьмут его едва ли!»

Но я сказала: «Не беда,
Что мальчик прост немного.
Таким в политике всегда
Открытая дорога!»

Он знает, как попасть впросак
Расчетливо и метко,
И наломать дрова мастак,
Каких увидишь редко,
И элегантен, как верстак,
И туп, как табуретка.

Он может чушь пороть подряд
И два, и три часа,
Что очень важно, говорят,
В борьбе за голоса.
Плюс строгий галстук, честный взгляд,
Зубов здоровых ровный ряд –
Они в день выборов творят
Большие чудеса.

И в результате тех чудес
(А здесь лишь я виною)
Через Конгресс пролез балбес
Руководить страной.

– Bravo! – воскликнул президент, хлопая в ладоши.

– Ура! – закричали все остальные. – Гениально! Великолепно!

– Господи! – спохватился президент. – Марсиане вот-вот будут здесь,
а у нас еще не готов обед! Где мой шеф-повар?

Шеф-повар был французом и одновременно французским шпионом.
Поэтому в тот момент он стоял за дверью кабинета и подглядывал в замоч-
ную скважину.

– Я здесь, мсье президент! – отрапортовал он, вваливаясь в комнату.

– Скажите-ка мне, шеф-повар, – спросил президент, – что марсиане
едят на обед?

– Разумеется, барса с Марса.

– Вареного или тушеного?

– Разумеется, тушеного, мсье президент. Варить барса с Марса – то-
лько продукт переводить!

Тут из громкоговорителя раздался голос космонавта Шустера:

– Запрашиваем разрешение на стыковку с «Междупланетным Отелем» и высадку на его борт.

– Стыковку и высадку разрешаем! – ответил президент. – Вперед, Шустер! Там теперь все в порядке... благодаря мне.

Большой транспортный космический корабль со всеми администраторами, помощниками администраторов, коридорными, горничными, поварами, портье и швейцарами под умелым управлением Шустера, Шастера и Шулера, быстро и аккуратно пришвартовался к борту «Междупланетного Отеля».

– Эй, куда вы пропали? – закричал президент. – У нас исчезло изображение!

– Боюсь, что камера разбилась при стыковке, господин президент, – ответил Шустер.

Президент произнес в микрофон несколько крайне грубых выражений, и десять миллионов ребятишек по всей стране сейчас же начали их радостно повторять, за что были немедленно отшлепаны родителями.

– Все космонавты и сто пятьдесят человек персонала гостиницы благополучно высадились на борт «Междупланетного Отеля»! – докладывал Шустер по радиосвязи. – В настоящий момент мы находимся в вестибюле.

– Ну и как он вам нравится? – спросил президент.

Он знал, что этот разговор слышит весь мир, и хотел, чтобы Шустер высказал свое восхищение. Космонавт вполне оправдал возложенные на него надежды.

– Это великолепно, господин президент! – воскликнул он. – Невероятно! Господи, какой он огромный и какой... Трудно даже слова подобрать! Просто чудо! Особенно эти люстры и ковры, да и все остальное! Здесь рядом со мной главный управляющий отеля мистер Уэсли Пол. Он хотел бы иметь честь сказать вам несколько слов, сэр.

– Дайте ему микрофон, – сказал президент.

– Господин президент, говорит Уэсли Пол. Это просто потрясающий отель, сэр! Оформление высочайшего класса!

– А вы не можете мне сказать, мистер Уэсли Пол, весь ли пол в вестибюле застелен коврами?

– Конечно, весь, господин президент! Это что-то необыкновенное! Я буду просто счастлив руководить таким прекрасным отелем!.. Эй, что там такое? Кто-то вылезает из лифтов! На помощь!

Внезапно кабинет президента огласился жуткими воплями и криками:

– Ай, спасите! Ой-ой-ой! Караул! На помощь! На помощь! – неслось из громкоговорителя.

– Что, черт возьми, там происходит? – раздраженно спросил президент. – Шустер, вы слышите меня? Шустер! Где вы там?.. Шастер! Шулер! Мистер Уэсли Пол! Куда вы все подевались? Что у вас там делается?

Вопли не смолкали. Они были такими пронзительными, что президенту пришлось заткнуть пальцами уши. И в каждом доме, где был телевизор или радиоприемник, люди тоже слышали эти душераздирающие крики. Но не только крики. Из громкоговорителя доносились и другие звуки: громкое чавканье, фыркание и сопенье. А потом наступила тишина.

Президент начал отчаянно вызывать по радио «Междупланетный ОТЕЛЬ». Хьюстон тоже вызывал «Междупланетный ОТЕЛЬ». Президент вызывал Хьюстон. Хьюстон вызывал президента. Оба снова пытались вызвать «Междупланетный ОТЕЛЬ». Но ответа оттуда не было. В космосе царило полное безмолвие.

– Произошло какое-то недоразумение, – проговорил президент.

– Это все проклятые марсиане! – сказал бывший командующий армией. – Жаль, вы не разрешили мне взорвать их!

– Помолчите! – огрызнулся президент. – Мне надо подумать!

Из громкоговорителя послышался какой-то треск, потом стали пробиваться слова:

– Алло! Алло! Хьюстон, вы меня слышите?

Президент схватил со стола микрофон.

– Оставьте меня на связи, Хьюстон! – прокричал он. – Президент Джиллиграсс хорошо слышит вас! Говорите!

– На связи космонавт Шустер. Мы снова на транспортном корабле, господин президент... благодаря Господу Богу!

– Что случилось, Шустер? Кто с вами?

– К счастью, почти все здесь, господин президент. Шастер, Шулер и куча остального народа. Мы потеряли только человек двадцать – несколько поваров, портье и других. Не просто было выбраться оттуда живым, сэр!

– Что это значит: потеряли человек двадцать? – закричал президент. – Как вы могли потерять их?

– Их сожрали! – ответил Шустер. – В один присест! Одного помощника администратора ростом в шесть футов прямо на моих глазах проглотили, как кусок мороженого! Не жуя! Раз – и готово!

– Да кто проглотил? – заорал президент. – О ком вы говорите?
– О Господи! – воскликнул Шустер. – Вот они снова! Они выбрались из отеля и гонятся за нами! Их целая стая! Вы должны простить меня, господин президент, но сейчас у меня нет времени продолжать разговор!

10. ТРАНСПОРТНЫЙ КОРАБЛЬ В ОПАСНОСТИ. АТАКА № 1

Пока Шустер, Шастер и Шулер ударили из «Междупланетного Отеля», Большой Стекланный Подъемник мистера Уонка на сумасшедшей скорости мчался вокруг Земли. С помощью своих ракет мистер Уонка увеличил обычную скорость Подъемника с семнадцати до тридцати четырех тысяч миль в час. Как вы помните, он хотел оторваться от того огромного и свирепого Червячего Зрюка с синяком на заднице. Сам мистер Уонка его не боялся, но бабушка Джозефина буквально тряслась от страха. Стоило ей взглянуть на это чудовище, как она всплескивала руками и выпускала пронзительный вопль. Но, конечно, тридцать четыре тысячи миль в час – это не скорость для Зрюка. Молодой и здоровый Червячий Зрюк запросто проделывает миллион миль между обедом и ужином и еще столько же перед завтраком на следующий день. Ведь иначе он бы не мог долететь со своей планеты Зрюк до других планет. Разумеется, мистер Уонка знал это и старался не расходовать зря мощность своего двигателя. Так они и летели бок о бок: Большой Стекланный Подъемник и гигантский Зрюк, не отрывавший от людей за стеклом злобных красных глаз. Казалось, он хотел сказать: «Вы, жалкие людишки, посадили мне шишку на задницу, но рано или поздно я доберусь до вас!»

Так они мчались вокруг Земли минут примерно сорок пять, когда вдруг Чарли, который все это время порхал под потолком неподалеку от дедушки Джо, сказал:

- Смотри, дедушка, там что-то впереди! Видишь? Прямо перед нами?
- Вижу, Чарли, вижу... Господи, да это же «Междупланетный Отель»!
- Не может быть, дедушка! Ведь мы оставили его далеко позади.
- Ага! – сказал мистер Уонка. – Значит, мы летели так быстро, что обогнули Землю и подошли к нему с другой стороны. Блестящее достижение!
- Смотри, дедушка! А вон и транспортный корабль! Прямо за «Междупланетным Отелем»!
- Если я не ошибаюсь, Чарли, там летит и что-то еще!
- Я знаю, кто это такие! – взвизгнула бабушка Джозефина. – Это Червячие Зрюки! Сейчас же поворачивайте назад!
- Обратный ход! – завопила бабушка Джорджина. – Летим отсюда!
- Дорогая леди! – вежливо сказал мистер Уонка. – К сожалению, мы не в автомобиле и едем не по шоссе. Мы двигаемся по орбите и не можем остановиться или повернуть назад.

– Знать ничего не хочу! – закричала бабушка Джозефина. – Прекратить движение! Стоп-машина! Включить тормоза! А не то Зрюки доберутся до нас!

– Мы не можем прекратить движение, и поэтому прошу вас раз и навсегда прекратить пороть эту чушь! – строго сказал мистер Уонка. – Вы прекрасно знаете, что мой Подъемник абсолютно зрюконепроницаем, и вам совершенно нечего бояться.

«Междупланетный Отель» был теперь уже совсем рядом, и путешественники отлично видели, как из его хвоста непрерывным потоком вылетали Червячие Зрюки и, словно осы, роились вокруг транспортного корабля.

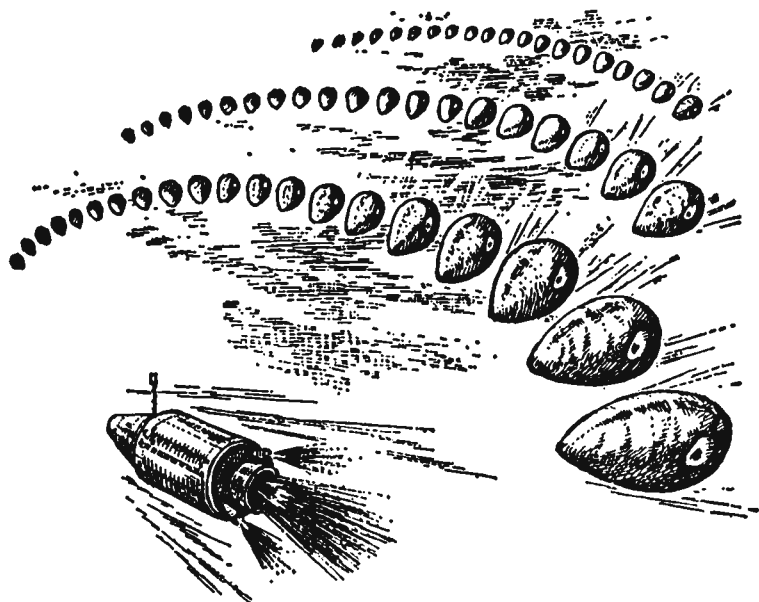
– Они хотят штурмовать его! – закричал Чарли.

Это было устрашающее зрелище. Огромные зеленые яйцеподобные Зрюки выстраивались в эскадрильи по двадцать штук в ряд на расстоянии один ярд друг от друга, а потом, ряд за рядом, бросались на транспортный корабль. С огромной скоростью они таранили его своими остроконечными задницами.

ТРАХ! – ударила первая эскадрилья и, отскочив, бросилась врассыпную.

БАХ! – вторая эскадрилья врезалась в борт транспортного корабля.

– Чего вы ждете, сумасшедший! – завизжала бабушка Джозефина. – Уведите нас отсюда!

– Следующими будем мы! – вопила бабушка Джорджина. – Ради всего святого, поверните назад!

– Я очень сильно сомневаюсь, что этот транспортный корабль зрю-конепроницаем, – проговорил мистер Уонка.

– Надо помочь им! – закричал Чарли. – Мы должны сделать что-то! Ведь там внутри люди – сто пятьдесят человек!

А внизу, на Земле, в кабинете Белого дома президент и его советники с ужасом прислушивались к голосам космонавтов.

– Они идут на нас косяками! – кричал по радиосвязи Шустер. – Они разобьют нас в лепешку!

– Да кто «они»? – заорал президент. – Вы еще не сказали нам, кто напал на вас!

– Какие-то огромные зеленовато-коричневые красноглазые твари, очень мерзкие на вид! – ворвался в разговор Шастер. – Они похожи на гигантские яйца и атакуют нас задом наперед!

– Задом наперед? – воскликнул президент. – Почему задом наперед?

– Потому что их зад острее, чем перед! – закричал Шустер. – Берегись! Летит следующая стая!

БАЦ!

– Боюсь, мы долго не продержимся, господин президент! Официантки рыдают, горничные в истерике, швейцары молятся, коридорных рвет... Что нам делать, господин президент? Скажите, ради бога, что нам делать!

– Включайте ракетные двигатели и спускайтесь в плотные слои атмосферы, болван вы эдакий! – заорал президент. – Сейчас же возвращайтесь на Землю!

– Это невозможно! – закричал Шулер. – Они раздробили наши двигатели! Раздолбали их в пух и прах!

– Мы погибли, господин президент! – вопил Шастер. – С нами покончено! Даже если они не разобьют наш корабль, мы теперь останемся на орбите до конца своих дней! Мы не можем спуститься вниз с разбитыми двигателями!

Президента прошибла испарина. Горячий пот струился по его шее и стекал за воротник рубашки.

– В любой момент, – продолжал Шастер, – мы можем полностью потерять связь с вами, господин президент. Слева заходит следующая эскадрилья! Они целят прямо в радиоотсек! Они приближаются! Боюсь, мы больше не сможем...

Голос оборвался. Радио умолкло.

– Шастер! – надрывался президент. – Где вы, Шастер? Шустер! Шастер! Шулер!.. Шустер! Шастер! Шулер! Почему вы не отвечаете?

А тем временем в Большом Стеклянном Подъемнике, где не было радио и нельзя было услышать эти переговоры, Чарли сказал:

– У них есть только одно спасенье – вернуться в плотные слои атмосферы и немедленно опускаться на Землю.

– Верно, – ответил мистер Уонка. – Но тогда им нужно сойти с орбиты, изменить курс и повернуть назад. А для этого необходимы работающие двигатели. Но даже отсюда видно, что трубы их ракетных двигателей разбиты и расплющены. Они все перекорежены!

– А почему бы нам не оттащить их вниз? – спросил Чарли.

Мистер Уонка подскочил на месте. Несмотря на состояние невесомости, он каким-то образом ухитрился подпрыгнуть и даже ударился головой о потолок. Потом он трижды перевернулся в воздухе и закричал:

– Чарли, ты гений! Мы стащим их с орбиты! Быстро к кнопкам!

– А чем мы будем их стаскивать? – спросил дедушка Джо. – Своими галстуками?

– Не беспокойтесь о таких пустяках! – кричал мистер Уонка. – Мой Большой Стекланный Подъемник может все! Вперед, друзья! Принимаем удар на себя!

– Остановите его! – взмолилась бабушка Джозефина.

– Успокойся, Джози, – сказал дедушка Джо. – Этим людям нужна помощь, и некому им помочь, кроме нас. Если ты так боишься, лучше закрой глаза покрепче и заткни уши.

11. БИТВА СО ЗРЮКАМИ

– Дедушка Джо! – скомандовал мистер Уонка. – Прошу вас, сэр, переместитесь в дальний конец Подъемника и поверните вон ту ручку. Она выпустит наружу канат.

– Канат не годится, мистер Уонка! Зрюки перекусят его в два счета!

– Это стальной канат! – сказал мистер Уонка. – Он сделан из стали двойной закалки! Если они попробуют перекусить его, они сотрут себе зубы в порошок! Чарли, к кнопкам! Поможешь мне маневрировать! Курс – на нос транспортного корабля! Нам нужно зацепиться там за что-нибудь и постараться удержаться!

Словно крейсер, идущий на врага, Большой Стекланный Подъемник, паля ракетами во все стороны, устремился к носу огромного транспортного корабля. Зрюки сейчас же переключились с транспорта на Подъемник. Эскадрилью за эскадрилей швыряли они на замечательное создание мистера Уонка! ТРАХ! БАХ! БУМ! – раздавались оглушительные звуки ударов. Подъемник метался по небу, как опавший лист, а внутри него бабушка Джозефина, бабушка Джорджина и дедушка Джордж порхали по воздуху в своих ночных рубашках, стенах, вереща, заламывая руки и моля о спасении. Миссис Баккет так крепко прижалась к мистеру Баккету, что одна из пуговиц

рубашки впечаталась ему в кожу. Между тем под самым потолком Чарли и мистер Уонка с ледяным спокойствием орудовали кнопками включения ракет, а внизу, на полу Подъемника, дедушка Джо, выкрикивая боевые кличи и осыпая Зрюков разнообразными проклятьями, крутил ручку, разматывающую стальной канат, и корректировал курс.

– Чуть правей, Чарли! – кричал он. – Мы прямо над ним!.. Пару ярдов вперед, мистер Уонка!.. Я хочу сделать петлю и зацепить ее за эту толстую штуку, что торчит впереди! Так держать!.. Отлично!.. Готово!.. Немного вперед – посмотрим, как она держится! Еще!.. Еще!..

Стальной канат натянулся, но выдержал! И вот – о, чудо! – Подъемник устремился вперед, таща за собой на буксире гигантский транспортный корабль.

– Полный вперед! – закричал дедушка Джо. – Канат должен выдержать! Он держит отлично!

– Выпустить все ракеты! – воскликнул мистер Уонка.

Подъемник резко рванулсЯ вперед, но канат выдержал. Мистер Уонка спустился вниз к дедушке Джо и с чувством пожал ему руку.

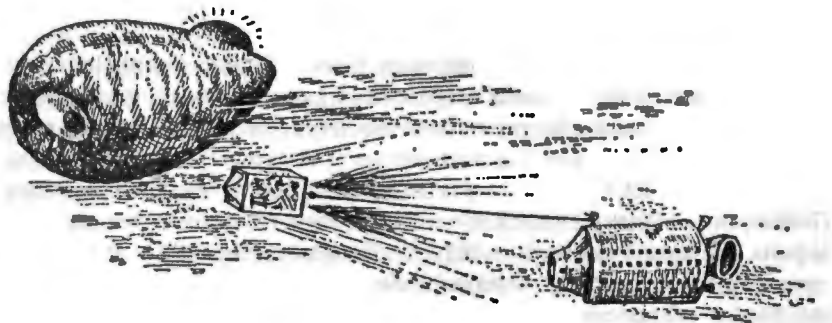
– Отличная работа, сэр! – сказал он. – Вы прекрасно справились с боевым заданием под ураганным огнем неприятеля!

Чарли оглянулся на транспортный корабль, который держался на другом конце буксирного каната ярдах в тридцати позади. Сквозь небольшие иллюминаторы в лобовой части корабля мальчику были хорошо видны потрясенные лица Шустера, Шастера и Шулера. Чарли помахал им рукой и показал большой палец. Они даже не ответили. Они настолько остолбенели от всего происшедшего, что не верили собственным глазам.

Дедушка Джо, отдуваясь, поднялся к потолку и завис рядом с внуком.

– Чарли, мальчик мой! – возбужденно забормотал он. – За недавнее время мы с тобой повидали много забавных штук, но все это не идет ни в какое сравнение с этим...

– А где же Зрюки, дедушка? Они куда-то пропали...

Путешественники огляделись. Из всех Зрюков только их старый приятель с шишкой на задку остался на своем месте. Он по-прежнему двигался параллельным курсом, злобно глядя на Подъемник.

– Минуточку! – закричала бабушка Джозефина. – А там что такое?

И тут далеко в бездонной синеве космического пространства все увидели целое облако Червячих Зрюков, которое надвигалось на них, словно армада бомбардировщиков.

– Вы рехнулись, если думаете, что так легко от них отделались! – воскликнула бабушка Джорджина.

– Я не боюсь Зрюков! – сказал мистер Уонка. – Мы живо управимся с ними!

– Тысяча зеленых крокодилов! – закричала бабушка Джозефина. – Да они сейчас снова набросятся на нас! Смотрите, они уже рядом!

И правда, бесчисленная армада Зрюков, двигаясь с совершенно немыслимой скоростью, уже догнала Большой Стекланный Подъемник и была теперь всего в двухстах ярдах по правому борту. А старый знакомец с шишкой на задку был еще ближе – ярдах в двадцати.

– Смотрите, он меняет форму! – закричал Чарли. – Тот, что ближе всех! Он начал вытягиваться! Что он задумал?

И это тоже было правдой. Гигантское яйцеподобное тело медленно вытягивалось, словно жевательная резинка. Оно становилось все длиннее и тоньше, пока наконец не превратилось в огромное пресмыкающееся, толщиной с хорошее дерево и длиной с футбольное поле. Спереди торчал большой белый глаз с красным зрачком, а сзади – что-то вроде хвоста, сужающегося книзу. На самом конце этого хвоста вздувалась круглая шишка, полученная во время столкновения с Подъемником.

Пассажиры Подъемника молча ждали. Потом они увидели, как змееподобный Зрюк повернул к ним и начал медленно, но неуклонно приближаться. И вот уже его тело кольцами обматывалось вокруг Подъемника! Одно кольцо... еще одно кольцо... Что и говорить, жутковато было сидеть внутри и смотреть, как сверху по стеклу пластается эта мягкая зеленая масса.

– Он увязывает нас как посылку! – вопила бабушка Джозефина.

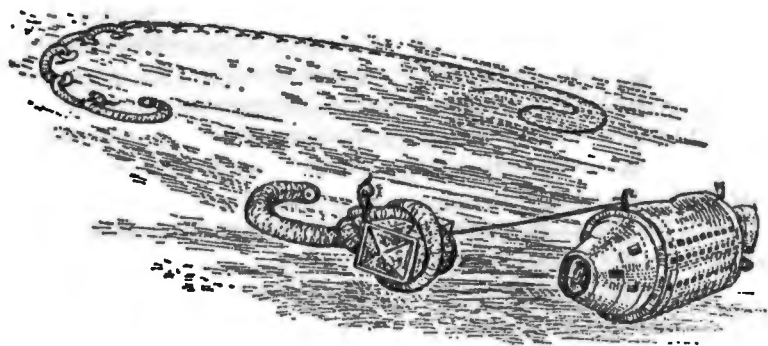
– Чепуха! – заявил мистер Уонка.

– Он раздавит нас как орех! – простонала бабушка Джорджина.

– Ни в коем случае! – уверенно ответил мистер Уонка.

Чарли мельком оглянулся на транспортный корабль. Бледные как полотно, Шустер, Шастер и Шулер приникли к стеклам иллюминаторов. Потрясенные, остолбеневшие и ошарашенные, они, разинув рты, напряженно следили за происходящим. Чарли снова показал им большой палец, на что только Шулер отреагировал слабой вымученной улыбкой.

– Ой-ой-ой! – рыдала бабушка Джозефина. – Да уберите же отсюда эту зеленую дрянь!

Но Зрюк, дважды обернувшись вокруг Подъемника, теперь пытался крест-накрест связать оба конца своего тела в прочный узел, и ему это удалось. Когда узел был туго затянут, снаружи остался болтаться конец длиной ярдов пять. Это был верхний конец туловища, тот самый, с которого глядели злые красные глаза. Но он недолго болтался без дела. Через несколько мгновений он принял очертания большого крюка, торчавшего вбок с одной из сторон Подъемника. За такой крюк было очень удобно цепляться.

Увлеченные этим зрелищем, наши путешественники совершенно забыли об остальных Червячих Зрюках.

— Мистер Уонка! — закричал Чарли. — Посмотрите на остальных! Что они делают?

И что же?

Все они тоже меняли очертания и вытягивались, но при этом не становились такими длинными и тонкими, как первый. Каждый из них превратился в толстый прут, загнутый с обоих концов, — со стороны головы и со стороны хвоста. Что-то вроде двустороннего крюка. И теперь все эти крюки цеплялись друг за друга, образуя бесконечную цепь. Тысяча Зрюков растянулась по небу в гигантскую цепь из двух тысяч крюков длиной в полмили, а то и больше! Причем передний Зрюк (чей передний крюк оставался, естественно, свободным) вел всю цепь, раскинувшуюся широким кругом, прямо по направлению к Большому Стеклопанному Подъемнику.

— Эге! — закричал дедушка Джо. — Да они хотят зацепиться за эту тварь, что обмоталась вокруг нас!

— И утащить нас! — воскликнул Чарли.

— На свою планету Зрюк в восемнадцати тысячах четырехстах двадцати семи миллионах миль отсюда, — добавила бабушка Джозефина.

— Они не имеют права! — закричал мистер Уонка. — Это у нас здесь патент на буксировку!

— Мистер Уонка! — воскликнул Чарли. — Они утащат нас! Вот что они задумали! И нас, и тех, кого тащим мы! Нужно как-то остановить их!

– Сделайте же что-нибудь, старый дурак! – взвизгнула бабушка Джорджина. – Нечего висеть сложа руки!

– Должен признаться, – сказал мистер Уонка, – что первый раз в жизни я нахожусь в некоторой растерянности.

Все в ужасе смотрели сквозь стекло на гигантскую цепь Червячих Зрюков. Передний Зрюк с крюком, на котором горели большие злобные глаза, приближался с каждой секундой. Еще мгновение, и он зацепится за крюк Зрюка, обмотанного вокруг Подъемника...

– Я хочу домой! – рыдала бабушка Джозефина. – Почему бы нам всем не отправиться домой?

– Гремучие ящерицы! – вдруг закричал мистер Уонка. – Домой! О чем же я думал раньше? Давай, Чарли! Живо! Мы возвращаемся в плотные слои атмосферы! Видишь вон ту желтую кнопку? Дави изо всех сил! А я займусь остальными.

Чарли и мистер Уонка в прямом смысле слова полетели к кнопкам.

– Держите шляпы крепче! – орал мистер Уонка. – Готовьте индивидуальные пакеты! Мы идем на посадку!

Ракеты посыпались из Подъемника во все стороны, а сам он резко опрокинулся и, клюнув носом, на огромной скорости устремился к Земле.

– Ракеты возвратного действия! – взревел мистер Уонка. – Не забыть про ракеты возвратного действия!

Он перелетел к другой группе кнопок и принялся барабанить по ним, как пианист-виртуоз.

Подъемник мчался к Земле головой вниз и все пассажиры, естественно, тоже теперь плавали головой вниз.

– Помогите! – вскрикнула бабушка Джорджина. – У меня вся кровь прилила к голове!

– Так перевернитесь! – ответил мистер Уонка. – Ведь это совсем не трудно!

Все сейчас же стали пыхтеть, выдыхать и кувыркаться в воздухе, пока наконец не приняли нормальное положение.

– Дедушка Джо, как там наш канат? – крикнул мистер Уонка.

– В порядке, сэр! – отозвался дедушка Джо. – Канат держит отлично!

Это было удивительное зрелище: Стекланный Подъемник на всех парах летел вниз, таща за собой на буксире огромный транспортный корабль. Но длинная цепь Червячих Зрюков не отставала – она без особых усилий поддерживала ту же скорость, и крюк переднего Зрюка готов был вот-вот уцепиться за крюк Зрюка, намотавшегося на Подъемник.

– Слишком поздно! – взвизгнула бабушка Джорджина. – Сейчас они подцепят нас и утащат с собой!

– Не думаю, – сказал мистер Уонка. – Разве вы забыли, что происходит, когда Зрюки на большой скорости попадают в плотные слои атмо-

сферы? Они сгорают дотла, оставляя за собой длинный огненный хвост. Они становятся падучими Зрюками! И скоро эти гнусные твари затрещат у меня, как сало на сковородке!

Между тем от боков Подъемника уже полетели искры. Стекло сперва порозовело, потом накалилось докрасна, а потом стало огненно-красным. Да и от длинной цепи Червячих Зрюков тоже посыпались снопы искр, а передний Зрюк уже весь светился, как раскаленная кочерга. Аналогичное сиянье шло и от твари, обвязавшей себя вокруг Подъемника. Этот последний, впрочем, отчаянно пытался развязаться, но никак не мог справиться с тугими узлами и через несколько секунд начал шипеть и потрескивать. Шипенье и потрескивание было слышно даже внутри Подъемника и действительно весьма напоминало потрескивание сала на сковородке. А еще через несколько секунд то же самое стало происходить и со всеми остальными Зрюками. Чудовищный жар буквально испепелял их! Они раскалялись сперва докрасна, потом добела и вспыхивали ярко-белым пламенем.

– Вот они, падучие Зрюки! – закричал Чарли.

– Прекрасное зрелище! – сказал мистер Уонка. – Это, пожалуй, будет покрасивей, чем фейерверк!

Спустя мгновение вся армада Червячих Зрюков исчезла в облаке пепла. Все было кончено.

– Победа! – воскликнул мистер Уонка. – Мы их поджарили, как картошку, и испекли, как блины! Теперь мы спасены!

– О каком спасенье вы говорите? – проговорила бабушка Джозефина. – Через пару секунд мы здесь сами поджаримся, как бифштексы! Посмотрите на стекло – оно уже горячей любой сковороды!

– Не надо пугаться, дорогая леди, – ответил мистер Уонка. – Мой Подъемник оснащен всевозможными автоматическими кондиционерами, аэраторами и вентиляторами. Теперь у нас будет все в полном порядке!

– Я не имею ни малейшего представления о том, что здесь происходит, – сделала миссис Баккет одно из своих немногочисленных заявлений, – но что бы это ни было, оно мне совершенно не по вкусу!

– Как, мама, разве тебе не нравится? – спросил Чарли.

– Нет! – ответила она. – Мне это совсем не нравится. Как, впрочем, и твоему отцу.

– Потрясающе! – сказал мистер Уонка. – Ты только посмотри вниз, Чарли! Видишь, как Земля становится все больше и больше?

– А ведь нам предстоит врезаться в нее со скоростью две тысячи миль в час! – простионала бабушка Джорджина. – Скажите на милость, как вы собираетесь замедлить ход? Вы, верно, об этом и не думали?

– У мистера Уонка есть гигантские парашюты, – объяснил ей Чарли. – Бьюсь об заклад, что здесь есть гигантские парашюты, которые раскроются перед самым падением!

– Парашюты? – презрительно проговорил мистер Уонка. – Парашютами пользуются только космонавты и прочие маменькины сынки! А нам не нужны никакие парашюты. Нам не нужно замедлять ход – нам нужно его ускорить! Я уже говорил вам, что нам необходимо падать с совершенно невероятной скоростью, иначе мы не пробьем крышу Шоколадной Фабрики.

– А как же транспортный корабль? – тревожно спросил Чарли.

– Через несколько секунд мы отпустим его, – ответил мистер Уонка.

– Ведь у этих троих наверняка есть парашюты, чтобы замедлить падение.

– А почему вы думаете, что мы не упадем куда-нибудь в Тихий океан? – спросила бабушка Джозефина.

– Я вовсе так не думаю, – ответил мистер Уонка, – но надеюсь, что все мы умеем плавать, не правда ли?

– Этот человек совершенно рехнулся! – закричала бабушка Джозефина.

– Он просто полоумный! – воскликнула бабушка Джорджина.

А Большой Стекланный Подъемник падал все ниже и ниже. И все ближе становилась Земля под ногами. Океаны и континенты летели навстречу нашим путешественникам, увеличиваясь с каждой секундой...

– Дедушка Джо! – приказал мистер Уонка. – Отпустите канат, сэр! Дальше пускай добираются сами! С ними теперь будет все в порядке, если, конечно, их парашюты сработают.

– Готово! – отпартовал дедушка Джо.

Гигантский транспортный корабль отвалился в сторону. Теперь он уже двигался своим ходом. Чарли на прощанье помахал рукой трем космонавтам, но ни один из них не ответил. Они так и сидели, словно в столбняке уставившись на стариков, старух и маленького мальчика, что плавали по воздуху внутри Стекланного Подъемника.

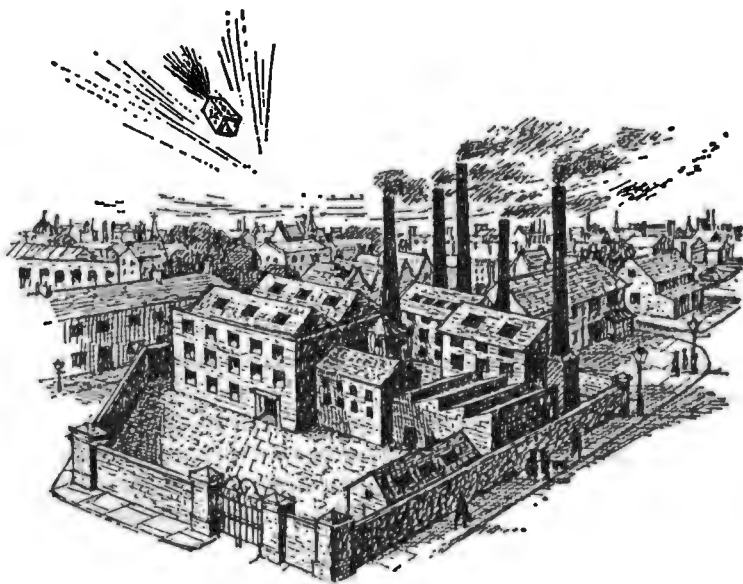
– Осталось уже недолго, – проговорил мистер Уонка, добираясь до ряда крошечных бледно-голубых кнопок в верхнем углу. – Скоро выяснится, удастся ли нам остаться в живых. Прошу всех соблюдать абсолютную тишину! Мне необходима полнейшая концентрация внимания, иначе мы приземлимся не туда, куда нужно!

Подъемник нырнул в густое облако, и некоторое время пассажирам было ничего не видно. А когда они вынырнули обратно, транспортный корабль уже исчез. Земля была теперь совсем близко, и прямо под ними расстились горы и леса... потом поля и рощи... потом маленький город.

– Вот она! – закричал мистер Уонка. – Моя Шоколадная Фабрика! Моя любимая Шоколадная Фабрика!

– Вы хотели сказать: Шоколадная Фабрика Чарли? – поправил дедушка Джо.

– Ну, разумеется! – согласился мистер Уонка. – Я совсем забыл! Конечно, это твоя фабрика! Прости меня, мой мальчик! Ну, вот и приехали!

Сквозь стеклянный пол Подъемника Чарли увидел, как внизу мелькнула широкая красная крыша и высокие фабричные трубы. Подъемник падал прямо на них.

– Закрыть глаза и открыть рот! – закричал мистер Уонка. – Пристегнуть ремни и начать молиться! Мы летим сквозь крышу!

12. СНОВА НА ШОКОЛАДНОЙ ФАБРИКЕ

ТРАХ-ТАРА-РАХ!!!

Треск ломающихся досок, звон разбитого стекла – и абсолютная темнота, в которой Подъемник с невероятным грохотом и скрежетом прокладывал себе дорогу, круша все на своем пути.

Но вдруг грохот прекратился, ход Подъемника стал более плавным, как будто он двигался по рельсам или его катили, словно столик на колесах. А когда стало светло, Чарли внезапно осознал, что он больше не плавает в воздухе, а стоит на полу, так же как, впрочем, и мистер Уонка, дедушка Джо, мистер и миссис Баккет и большая кровать. Что же касается бабушки Джозефины, бабушки Джорджины и дедушки Джорджа, то они плюхнулись на нее и сейчас же начали закутываться в одеяла.

– Мы пробили крышу! – радостно завопил мистер Уонка! – Теперь мы на месте!

Дедушка Джо крепко пожал ему руку и сказал:

– Отличная работа, сэр! Просто великолепно!

– Ну и где же мы теперь? – спросила миссис Баккет.

– Мы вернулись, мама! – весело закричал Чарли. – Мы на Шоколадной Фабрике!

– Рада это слышать, но, кажется, мы сделали изрядный крут.

– Пришлось, – сказал мистер Уонка. – Чтобы не попасть в пробки на улицах.

– Никогда не встречала человека, который бы нес столько околесицы и бреда! – заявила бабушка Джорджина.

– Какая может быть беседа без околесицы и бреда? – сказал мистер Уонка.

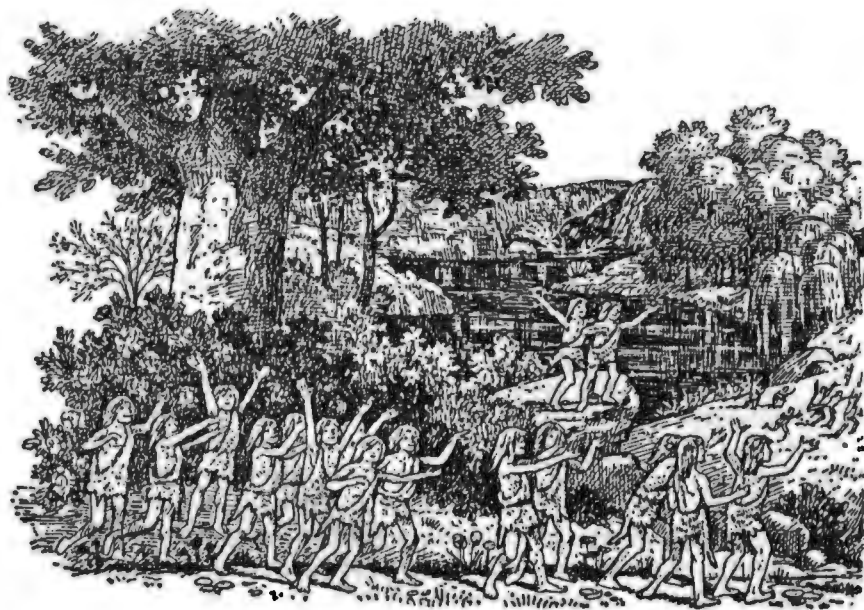
– Почему вы не следили за маршрутом этого проклятого Подъемника? – закричала бабушка Джозефина. – И прекратите молоть всякую ерунду и ахинею!

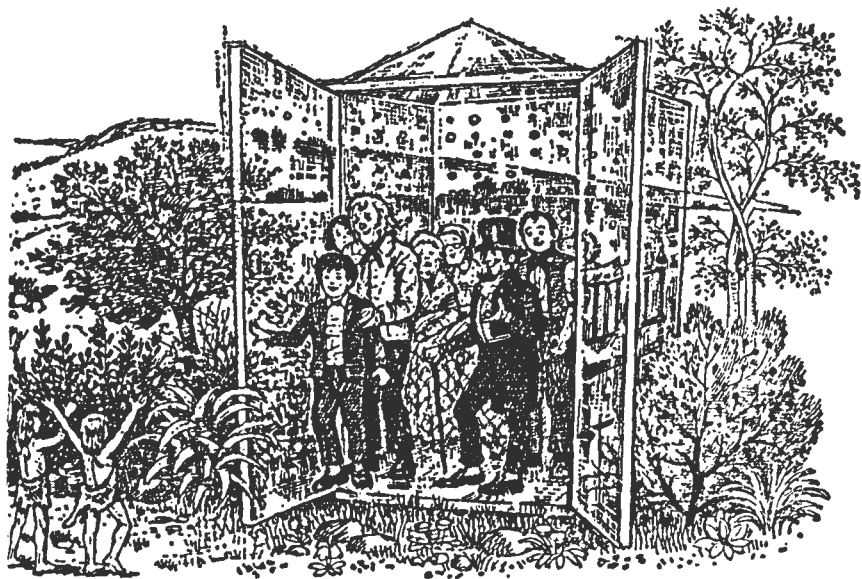
– От ерунды и ахинеи дурак становится умнее, – ответил мистер Уонка.

– Что я говорила! – воскликнула бабушка Джорджина. – Он с катушек сошел! У него не все дома и вдобавок крыша поехала! Я хочу домой!

– Поздно! – сказал мистер Уонка. – Мы уже на месте.

Подъемник остановился. Двери открылись, и Чарли увидел, что он снова в огромном Шоколадном Цехе, там, где течет Шоколадная река и шумит Шоколадный водопад, где все вокруг съедобно – деревья, кусты, трава и

даже прибрежная галька. А к Подъемнику уже со всех сторон спешили сотни крохотных симпатимпасов, радостно размахивая руками и выкрикивая приветствия.

От этого зрелища буквально захватывало дух, и даже бабушка Джорджина на какое-то время оцепенела. Впрочем, ненадолго.

– Это что еще за человечки? – неприязненно спросила она.

– Это симпатимпасы, – объяснил Чарли. – Они такие славные! Они понравятся тебе.

– Тсс! – сказал дедушка Джо. – Слушай, Чарли! Они опять застучали в барабаны – значит, сейчас запоют.

– Мы будем петь светло и звонко, – запели симпатимпасы. –

Вернулся к нам наш Уилли Уонка!

Вернулся цел и невредим!

А знали все мы как один,

Что встретит он в надзвездном мраке

Чудовищ, злобных как собаки.

Казалось, было слышно тут,

Как там они его грызут...

– Хватит, хватит! – воскликнул со смехом мистер Уонка. – Благодарю за теплый прием. Пожалуйста, кто-нибудь помогите нам вытащить отсюда эту кровать.

Сейчас же подбежало полсотни симпатимпасов, которые вытолкнули из Подъемника кровать со стариками. Следом вышли мистер и миссис Баккет, совершенно сбитые с толку происходящим. И последними – дедушка Джо, Чарли и мистер Уонка.

– Ну, а сейчас, – сказал мистер Уонка, обращаясь к дедушке Джорджу, бабушке Джорджине и бабушке Джозефине, – прыгайте из этой проклятой кровати и хватит валять дурака. Я думаю, вы тоже хотите приложить руку к управлению фабрикой!

– Кто, мы? – удивилась бабушка Джозефина.

– Да, вы! – ответил мистер Уонка.

– Вы, наверно, шутите, – сказала бабушка Джорджина.

– Я никогда не шучу! – ответил мистер Уонка.

– А теперь послушайте меня, сэр, – заговорил дедушка Джордж, выпрямляясь на кровати. – Для одного дня вполне достаточно тех неприглядностей, неопрятностей и неприятностей, в которые вы нас уже втянули!

– Но я вас и вытащил из них! – сказал мистер Уонка не без гордости. – Так же, как я вытащу вас из этой кровати, попомните мое слово!

13. КАК БЫЛ ИЗОБРЕТЕН «УОНКАВИТ»

– Я не вставала с кровати двадцать лет и не собираюсь делать это ради кого бы то ни было! – резко сказала бабушка Джозефина.

– И я тоже! – добавила бабушка Джорджина.

– Но еще совсем недавно вас в ней не было, – напомнил мистер Уонка.

– Невесомость есть невесомость, – сказал дедушка Джордж. – Тут уж ничего не поделаешь!

– И все равно мы не касались ногами пола, – уточнила бабушка Джозефина.

– А вы попробуйте, – предложил мистер Уонка. – Вдруг вам понравится?

– Попробуй, Джози! – вступил дедушка Джо. – Это совсем не трудно. Я вот попробовал, и все обошлось!

– Спасибо, но нам и здесь хорошо! – ответила бабушка Джозефина. Мистер Уонка вздохнул и грустно покачал головой.

– Что ж, – медленно и очень печально сказал он, – значит, вот как...

Он склонил голову набок и задумчиво смотрел на стариков. И тут Чарли, который не сводил с него глаз, заметил, что в уголках его губ мелькнула знакомая усмешка. «Ага, – подумал мальчик, – сейчас что-то будет!»

– Полагаю, – произнес мистер Уонка, в задумчивости приставив палец к кончику носа, – полагаю... поскольку случай совершенно необычный... я мог бы израсходовать на вас совсем немного... самую малость...

Он остановился и покачал головой.

– Самую малость чего? – неприятно спросила бабушка Джозефина.

– Нет, – ответил мистер Уонка. – Это бессмысленно. Если вы твердо решили оставаться в кровати во что бы то ни стало... А эта штука слишком дорогая, чтобы тратить ее попусту. Извините, что я заговорил об этом.

Он повернулся и пошел в сторону.

– Эй, – закричала бабушка Джорджина. – Если уж начали, договаривайте до конца! Что это за дорогая штука, которую нельзя тратить попусту?

Мистер Уонка остановился и неторопливо побрел назад. Медленным и тяжелым взглядом он окинул трех стариков в кровати. Те тоже молча смотрели на него и ждали. Подогревая их любопытство, он выдержал паузу еще немного. Позади него в полном безмолвии толпились симпатимпасы.

– Так о чем бишь вы говорили? – не выдержала бабушка Джорджина.

– Да продолжайте же в конце концов! – воскликнула бабушка Джозефина.

– Хорошо, – заговорил наконец мистер Уонка, – я расскажу вам. Но слушайте внимательно, потому что это может в корне изменить не только вашу жизнь, но и вас самих.

– Я не хочу, чтобы меня изменяли! – закричала бабушка Джорджина.

– Могу я продолжать, мадам? Благодарю вас. Итак, недавно я по своему обыкновению валял дурака в Цехе Изобретений, смешивая и взбалтывая всякие реактивы и соединения, и вдруг заметил, что у меня получилось что-то совершенно необычное. Эта штука меняла цвет прямо на глазах и вдобавок время от времени подпрыгивала. Да-да, подпрыгивала как живая! «Это еще что за номер?» – закричал я и сейчас же отправил ее в Испытательный Цех, чтобы дать на пробу дежурному симпатимпасу. Эффект оказался мгновенным! Он был потрясающим, невероятным, но в то же время крайне неблагоприятным.

– И что же произошло? – спросила бабушка Джорджина, садясь на кровати.

– Действительно, что же? – сказал мистер Уонка.

– Отвечайте на вопрос! – приказала бабушка Джозефина. – Что случилось с этим симпатимпасом?

– Да... – проговорил мистер Уонка, – конечно... Жалеть о том не стоит, чего уж больше нет... Так вот, я понял, что натолкнулся на новый и невероятно действенный витамин. И, кроме того, я понял, что если мне удастся сохранить его силу, устранив побочный эффект, который оказал такое ужасное действие на дежурного симпатимпаса...

– Какое действие он оказал на симпатимпаса? – не унималась бабушка Джорджина.

– С каждым годом я слышу все хуже и хуже, – сказал мистер Уонка, – поэтому, прошу вас, когда обращаетесь ко мне, говорите немного громче.

Спасибо. Итак, я был просто обязан придумать, как устранить этот побочный эффект, чтобы люди могли пользоваться витамином без... э-э...

– Без чего? – рявкнула бабушка Джорджина.

– Без опасности для здоровья, – ответил мистер Уонка. – Словом, я засучил рукава и взялся за работу. Я не вылезал из своего Цеха Изобретений. Я смешивал день и ночь. Я перепробовал все смеси, какие только существуют на свете. А надо сказать, что в одной из стен Цеха Изобретений есть небольшое отверстие, ведущее непосредственно в Испытательный Цех, который расположен прямо за этой стеной. Таким образом, я мог по мере необходимости сразу передавать полученную новую смесь дежурному доблестному добровольцу. Ну-с, результаты первых нескольких недель были до такой степени неутешительны, что лучше о них не вспоминать. Перейдем сразу к сто тридцать второму дню моих штудий. В то утро я радикально изменил состав смеси и маленькая пилюля, которая получилась в итоге, была уже не такой активной, как прежде. Она по-прежнему постоянно меняла цвет, но теперь только с лимонно-желтого на голубой и обратно. И когда я клал ее на ладонь, она уже не прыгала как блоха, а только слегка подрагивала, да и то еле-еле. Я бегом бросился к отверстию в стене и передал пилюлю дежурному симпатимпасу. Им оказался сморщенный, лысый и беззубый старикан, который в придачу уже пятнадцать лет не вставал с инвалидного кресла на колесах. «Образец номер сто тридцать два», – сказал я старику, делая мелом соответствующую запись на доске. Старик взял пилюлю и стал с опаской ее разглядывать. Впрочем, после того, что произошло со сто тридцать одним его предшественником, мне трудно упрекать его за некоторую боязливость.

– Да что, наконец, произошло с ними? – заорала бабушка Джорджина.

– Почему вместо ответа вы все время крутите вокруг да около?

– Я вещи эти держу в секрете, – ответил мистер Уонка. – Так вот, этот мужественный старик, несмотря на свои опасения, запив водой, проглотил пилюлю. И сейчас же началось что-то совершенно невероятное. Его облик стал меняться прямо на глазах! Секунду назад старик был почти абсолютно лысым – только на висках и на затылке торчали пучки седых волос, – а теперь по всей голове, словно молодая трава, рассыпались побеги новых золотых волос. Меньше чем за полминуты, у него отросла прекрасная, густая, рыжая шевелюра! И в то же самое время с его лица начали исчезать морщины – не все, а примерно половина, – так что он вообще стал выглядеть гораздо моложе. При этом он, очевидно, испытывал что-то вроде щекотки, потому что сперва заулыбался, а потом начал хохотать во всю глотку, широко раскрывая рот, в котором я увидел то, что поразило меня больше всего: из бледных голых десен росли зубы! Замечательные, белые, крепкие зубы, которые увеличивались с каждой секундой! Я был так ошарашен, что не мог произнести ни слова. Я стоял, просунув голову в отверстие

в стене, и не сводил глаз со старого симпатимпаса. А он между тем начал медленно приподниматься со своего кресла. Сперва он неуверенно как бы ощупал ногами пол. Потом встал... потом сделал несколько шагов... Он взглянул на меня огромными сияющими глазами и тихо проговорил: «Смотрите! Я снова хожу! Это настоящее чудо!» – «Это великий омолодитель “Уонкавит”!» – сказал я. – Он вернул вам молодость! Как, по-вашему, сколько вам сейчас лет?» Тщательно поразмыслив, симпатимпас ответил: «Пожалуй, почти точно так же я чувствовал себя, когда мне было лет пятьдесят». – «А сколько вам было перед тем, как вы приняли “Уонкавит”?» – спросил я. «Семьдесят», – ответил он. «Значит, – сказал я, – вы помолодели на двадцать лет». – «Точно! – в восторге закричал он. – Я готов прыгать, как молодой лягушонок!» – «Так уж сразу и прыгать!» – сказал я. – Пятьдесят лет – это еще отнюдь не молодость. Посмотрим, не смогу ли я омолодить вас еще немного. Ждите меня здесь, я сейчас вернусь». Я бегом бросился к своему рабочему столу и быстро приготовил еще одну пилюлю «Уонкавита» по прежнему рецепту. «Проглотите-ка ее», – сказал я, протянув симпатимпасу вторую пилюлю. На этот раз, не колеблясь ни секунды, он нетерпеливо сунул ее в рот и быстро запил водой. И представьте себе, не прошло и полминуты, как еще двадцать лет слетели с него, словно кожура с мандарина. Теперь это был стройный и моложавый симпатимпас лет тридцати. Издав радостный вопль, он как сумасшедший принялся плясать и скакать по комнате. «Вы рады?» – спросил я его. «Я в восторге! – закричал он. – У меня припадок телячьего восторга!» Он выбежал из Испытательного Цеха показаться в новом обличье друзьям и родным. Так был изобретен «Уонкавит», – закончил мистер Уонка, – и устранен его ужасный побочный эффект.

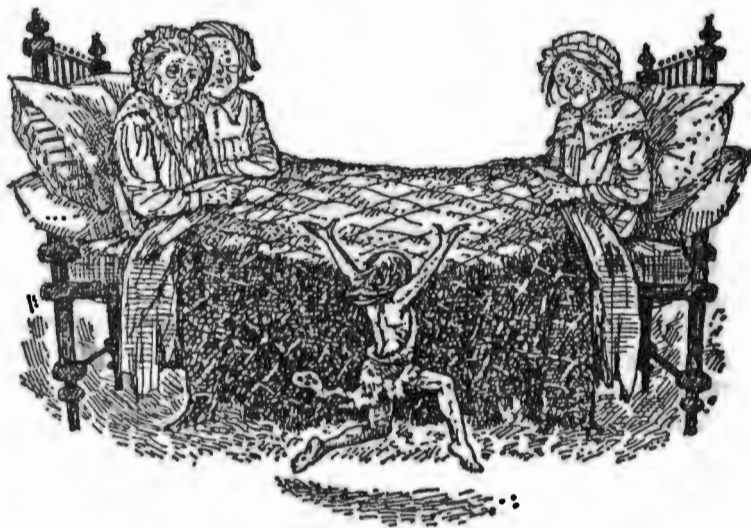
– А почему тогда вы не хотите принять его сами? – спросила бабушка Джорджина. – Ведь вы говорили Чарли, что слишком стары, чтобы управлять фабрикой. Отчего бы вам не проглотить пару пилюль и не сбросить лет сорок?

– Задавать вопросы умеют все, – сказал мистер Уонка, – а вот отвечать – совсем другое дело. Итак, если вы трое хотите попробовать этот витамин...

– Минуточку! – заговорила бабушка Джозефина, садясь на кровати. – Сначала я бы хотела своими глазами взглянуть на этого семидесятилетнего симпатимпаса, которому сейчас тридцать!

Мистер Уонка щелкнул пальцами, и тут же из толпы симпатимпасов выбежал молодой и весьма бойкий мужчина лет тридцати. Остановившись перед кроватью с тремя стариками, он раскланялся и сделал несколько замысловатых па.

– Вот! – гордо проговорил мистер Уонка. – Еще две недели назад это был глубокий старик, не встававший с инвалидного кресла! А посмотрите на него теперь!

– Слышишь, Чарли? – сказал дедушка Джо. – Они опять застучали в свои барабаны!

Вдалеке, на берегу Шоколадной реки, Чарли снова разглядел оркестр симпатимпасов. Он состоял из двадцати исполнителей, и каждый из них молотил в огромный барабан, который был в два раза больше самого музыканта. Странный медленный ритм понемногу захватил остальных симпатимпасов, и, словно в трансе, раскачиваясь из стороны в сторону, они начали распевать:

Для тех, кто слаб, для тех, кто стар,
Для тех, чья жизнь – сплошной кошмар,
Для тех, кто ходит еле-еле
Иль вообще лежит в постели,
Для тех, кто плох совсем на вид
И дать уж дуба норовит –
Теперь придуман «Уонкавит»!
Он вас излечит от артроза,
Хондроза, атеросклероза,
И всяческих других хвороб,
Что нас порой вгоняют в гроб.
В строю зубов исчезнут бреши,
Завьются волосы на плеши,
Румянец вспыхнет на щеках,
И все вокруг, увидев, как

Внезапно вы похорошели,
Вам сразу бросятся на шею!
Но главное (чем нам стократ
Ценнее этот препарат) –
Не факт, что стали вы моложе
(Хотя и это важно тоже),
А то, что с каждой таблет-
Кой жизни лиших двадцать лет
Получит каждый индивид,
Употребивший «Уонкавит»!
Теперь к успехам путь открыт
Тем, кто смышлен и башковит,
Кто понял, что ему сулит
Великолепный «Уонкавит»!

14. РЕЦЕПТ «УОНКАВИТА»

– Вот они, эти пилюли! – воскликнул мистер Уонка.

Он стоял у края кровати, держа в поднятой руке маленький пузырек.

– Самые дорогие пилюли на свете! Кстати, именно поэтому, – продолжил он, бросив хитрый взгляд на бабушку Джорджину, – я не принимаю их сам. Это слишком дорогой продукт, чтобы переводить его на меня!

Он держал пузырек над кроватью, и трое стариков, задрав головы и вытянув тощие шеи, пытались разглядеть, как выглядят эти чудодейственные пилюли. Чарли, дедушка Джо, мистер и миссис Баккет тоже подошли посмотреть. Надпись на этикетке гласила:

«Уонкавит».

Каждая пилюля омолаживает ровно на двадцать лет.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ:

не принимать больше, чем предписано мистером Уонка!

Сквозь стекло было видно, как блестящие ярко-желтые пилюли сверкали и подрагивали внутри пузырька. Пожалуй, даже лучше сказать: вибрировали. Причем вибрировали настолько интенсивно, что невозможно было разглядеть форму самой пилюли. Воспринимался только цвет. Казалось, что под их оболочкой заперто что-то не от мира сего, что-то маленькое, живое и с невероятной энергией рвущееся наружу.

– Они шевелятся, – сказала бабушка Джорджина, – а я не люблю есть то, что шевелится. А вдруг они будут шевелиться в животе, после того как я их проглочу? Как те мексиканские скачущие бобы, которые я съела пару лет назад. Помнишь, Чарли?

– А я же говорил тебе, что их не надо есть, бабушка!

– Они потом скакали у меня внутри целый месяц! Я не могла ни минуты просидеть спокойно!

– Прежде чем я решусь проглотить хоть одну из этих пилюль, – сказала бабушка Джозефина, – я должна точно знать, из чего они сделаны.

– Не хочу вас пугать, – проговорил мистер Уонка, – но состав пилюль чрезвычайно сложен. Погодите-ка минутку... он у меня где-то был записан. Он начал рыться в карманах фрака.

– Он должен быть где-то здесь, – бормотал он. – Не мог же я его потерять. В этих карманах я ношу все самые важные и нужные вещи. Беда только, что их так много...

Мистер Уонка стал выворачивать карманы и выкладывать их содержимое на кровать: самодельная рогатка, игрушечная пищалка, резиновое яйцо, кусочек колбасы, запломбированный зуб, игрушечная граната со зловонным газом, пакетик чесоточного порошка...

– Он должен быть где-то здесь, – все бормотал он. – Обязательно должен быть... Ага! Вот он!

Мистер Уонка выудил из кармана измятый клочок бумаги, разгладил его, поднес к глазам и начал читать вслух:

РЕЦЕПТ ИЗГОТОВЛЕНИЯ «УОНКАВИТА»

Возьмите плитку самого лучшего шоколада весом в одну тонну или, если для вас это проще, двадцать полных мешков молотого шоколада. Засыпьте в большой котел и поставьте в раскаленную печь. Когда шоколад расплавится, немного уменьшите огонь, чтобы не пригорело. Затем в кипящий шоколад добавляйте при непрерывном помешивании и строго в указанном порядке следующие ингредиенты (каждый ингредиент следует закладывать только после того, как предыдущий полностью растворится):

*копыто кентавра,
хобот (и портфель) слона*,
желтки трех яиц трехсогузки,
жир африканского жирафа,
рог бодливой коровы (которого ей Бог не дает),
сок мениска василиска,*

*«Слон» – эмблема республиканской партии в США. – Прим. пер.

*шесть унций из пункций молодого недоскреба,
три волосинки (и две ворсинки) из спинки морской свинки,
клюв розовогрудого альбарбоса,
мозоль гиены, не соблюдавшей личной гигиены,
четыре усика безусого четырехуса,
череп (а также пахи и ахи) морской черепахи,
панты пантеры,
уд удава,
мокрота крота,
кожа (и рожжа) пятнистой тарарабумбии,
белки двенадцати яиц белки,
два локтя пучеглазого брандахлыста (если не найдется двух локтей,
то сойдет и аршин),
квадратный корень астролябии, растущей в бермудском треуго-
льнике,
ключица (и замок) дикого комодавры.*

После того, как все вышеперечисленное полностью растворится, продолжайте кипячение на протяжении следующих двадцати семи суток, исключив помешивание. К концу этого периода вся жидкость должна испариться и на дне котла останется твердый комок смеси размером с футбольный мяч. Разбейте его молотком и внутри увидите маленькую круглую пилюлю. Это и будет «Уонкавит».

15. ДО СВИДАНИЯ, ДЖОРДЖИНА!

Мистер Уонка закончил читать рецепт и, бережно скатав листок, сунул его обратно в карман.

– Да, чрезвычайно сложный состав! – сказал он. – Неудивительно, что мне пришлось так долго его подбирать.

Мистер Уонка поднял пузырек над головой и слегка встряхнул его. Пилюли внутри громко застучали друг о друга, словно стеклянные шарики.

– Ну, сэр, – сказал он, предлагая пузырек сначала дедушке Джорджу, – хотите попробовать пилюлю-другую?

– Готовы ли вы поклясться, что действие будет таким, как вы говорили, и никаким другим? – спросил дедушка Джордж.

Мистер Уонка положил руку на грудь и торжественно произнес:

– Клянусь!

Вперед выступил Чарли, а следом и дедушка Джо. Эти двое все время старались держаться вместе.

– Извините, пожалуйста, за вопрос, – сказал Чарли, – но все-таки уверены ли вы до конца, что абсолютно правильно составили смесь?

– Я-то уверен, а с чего это ты вдруг начал задавать такие дурацкие вопросы? – спросил мистер Уонка.

– Я вспоминаю о жевательной резинке, которую вы дали Виолетте Борегард, – ответил Чарли.

– Так вот что тебя беспокоит! – воскликнул мистер Уонка. – А разве ты не помнишь, мой мальчик, что я вовсе не давал Виолетте этой резинки? Она схватила ее без разрешения! Я кричал: «Остановись! Выплюнь обратно!» – но глупая девчонка не обращала на меня никакого внимания. А «Уонкавит» – это совсем другое дело. Я сам предлагаю эти пилюли твоему дедушке и бабушкам. Я рекомендую их! И если их принимать согласно моим предписаниям, они безвредны, как леденцы!

– Разумеется, безвредны! – закричал мистер Баккет. – Удивляюсь, чего еще вы ждете?

Попав в Шоколадный Цех, мистер Баккет буквально стал другим человеком. Раньше это был тихий, скромный и застенчивый мужчина. Проведя большую часть жизни за прикручиванием колпачков к тюбикам с зубной пастой, едва ли можно выработать в себе иные черты характера. Но волшебное зрелище огромной Шоколадной Фабрики вдохнуло в него новые силы. А вся эта история с пилюлями просто потрясла его.

– Послушайте! – закричал он, подойдя к краю кровати. – Мистер Уонка предлагает вам новую жизнь! Так соглашайтесь, пока не поздно!

– Это восхитительное ощущение! – сказал мистер Уонка. – И все произойдет очень быстро. По году в секунду. То есть за каждую секунду вы будете становиться моложе ровно на один год.

Он подошел к кровати и аккуратно поставил пузырек с пилюлями на самую середину.

– Прошу вас, друзья мои! – сказал он. – Угощайтесь!

– Смелей! – закричали хором симпатимпасы.

Теперь к успехам путь открыт

Тем, кто смышлен и башковит,

Кто понял, что ему сулит

Великолепный «Уонкавит»!

Это было уже чересчур для несчастных стариков. Все трое одновременно бросились на маленький пузырек. Шесть костлявых рук пытались схватить его, но проворней всех оказалась бабушка Джорджина. С победным воплем она отвинтила крышку и высыпала крошечные желтые пилюли на колени, загородив их руками от остальных, чтобы никто не мог отнять ее добычу. Она быстро пересчитала пилюли и возбужденно воскликнула:

– Отлично! Здесь двенадцать штук! Шесть мне и по три – вам!

– Так нечестно! – завизжала бабушка Джозефина. – Каждому по четыре!

– По четыре! – крикнул дедушка Джордж. – Эй, Джорджина, отдавай мою долю!

Мистер Уонка пожал плечами и отвернулся. Он терпеть не мог ссор и склок и не переносил в людях жадности и эгоизма. «Пусть сами разбираются между собой!» – подумал он и пошел прочь. Он медленно брел к Шоколадному водопаду и говорил себе: «Никуда не денешься! К сожалению, люди почти никогда не могут разойтись миром, если речь заходит о чем-то по-настоящему ценном. И хуже всего они ссорятся из-за денег. А ведь эти пилюли дороже денег. Они дают то, что нельзя купить ни за какую цену. Каждая из них стоит по меньшей мере миллион долларов». Он знал, что на свете есть много очень богатых людей, которые готовы заплатить и больше, чтобы стать на двадцать лет моложе. Он остановился у берега Шоколадной реки под самым водопадом, глядя как расплавленный шоколад с шумом и плеском падает вниз. Мистер Уонка надеялся, что грохот водопада заглушит крики спорящих стариков, но надежда оказалась тщетной. Он прекрасно слышал все, что делалось у него за спиной.

– Я первая их взяла! – кричала бабушка Джорджина. – Значит, мне и делить!

– Ишь какая умная! – вопила бабушка Джозефина. – Мистер Уонка дал их не тебе одной! Он дал их всем нам!

– Мне полагается моя доля, и я ее получу во что бы то ни стало! – орал дедушка Джордж. – Эй, жена! А ну-ка давай ее сюда!

Потом, прерывая перепалку, раздался строгий голос дедушки Джо:

– Прекратите немедленно! Все трое! Вы ведете себя как дикари!

– А ты, Джо, не суйся не в свое дело! Тебя это не касается! – заявила бабушка Джозефина.

– И вообще, Джози, – продолжал дедушка Джо, – будь поосторожней. Четыре пилюли – слишком много для одного человека.

– Конечно! – вмешался Чарли. – Бабушка, ну пожалуйста, съешьте по одной или по две штуки, как говорил мистер Уонка, и оставьте немного для мамы с папой и для дедушки Джо!

– Да уж! – воскликнул мистер Баккет. – Я бы не отказался от такой пилюльки!

– Как было бы замечательно, – проговорила миссис Баккет, – стать на двадцать лет моложе и забыть, как по вечерам ноют ноги! Мама, не могла бы ты выделить нам по одной штуке?

– Едва ли! – отрезала бабушка Джорджина. – Эти пилюли предназначены только для нас троих! Так сказал мистер Уонка!

– Где моя доля? – заорал дедушка Джордж. – Джорджина, я кому сказал, давай ее сюда!

– Отпусти меня, грубиян! – раздался крик бабушки Джорджины. – Ты делаешь мне больно! Ой!.. Хорошо! Хорошо! Перестань выкручивать

мне руку, и я разделю их поровну!.. Вот... Четыре Джозефине... четыре Джорджу... и четыре мне...

– То-то же! – сказал дедушка Джордж. – Давно бы так. Ну, кто принесет немного воды?

Даже не оборачиваясь, мистер Уонка знал, что три симпатимпаса уже бегут к кровати с тремя стаканами воды. Симпатимпасы всегда рады помочь любому.

Наступила небольшая пауза, а потом опять раздался голос дедушки Джорджа:

– Пошло дело!

– Я снова буду молодой и красивой! – воскликнула бабушка Джозефина.

– Прощай, старость! – кричала бабушка Джорджина. – Ну-ка, все дружно! До дна!

В районе кровати все затихло. Мистеру Уонка ужасно хотелось обернуться и посмотреть, что там творится, но усилием воли он заставил себя не делать этого. Краешком глаза он видел толпу неподвижно застывших симпатимпасов – их глаза были напряженно устремлены в направлении кровати. Потом тишину нарушил голос Чарли:

– Ох ты! Вы только посмотрите! Фантастика! Это... это невероятно!

– Я не верю своим глазам! – завопил дедушка Джо. – Они становятся вся моложе и моложе! На самом деле! Гляньте-ка на волосы Джорджа!

– А зубы! – кричал Чарли. – Эй, дедушка, у тебя выросли новые зубы!

– Мама! – бросилась миссис Баккет к бабушке Джорджине. – Мама! Ты такая красивая! Ты такая молодая! А посмотри на папу!

Она указала на дедушку Джорджа.

– Разве не красавец?

– Что ты чувствуешь, Джози? – взволнованно спросил дедушка Джо. – Скажи мне, каково снова почувствовать себя тридцатилетней?.. Минутку! Да тебе уже меньше тридцати! Двадцать и ни одного дня больше!.. Может быть, уже хватит?.. Я бы на твоём месте остановился. Двадцать лет – прекрасный возраст!..

Мистер Уонка грустно покачал головой и закрыл глаза руками. Если бы кто-нибудь стоял сейчас рядом с ним, он бы услышал, как мистер Уонка тихонько бормочет про себя:

– Боже мой, боже мой! Снова то же самое...

– Мама! – кричала миссис Баккет, но в ее голосе уже слышались тревожные истерические нотки. – Мама, не пора ли остановиться? Это уже слишком! Тебе уже куда меньше двадцати... Никак не больше пятнадцати... даже десяти... Мама... ты... ты... ты уменьшаешься!

– Джози! – одновременно с миссис Баккет кричал дедушка Джо. – Джози, прекрати! Ты уже стала маленькой девочкой! Остановите ее! Скорей!

– Они ушли слишком далеко! – воскликнул Чарли.
– Они съели слишком много! – сказал мистер Баккет.
– Мама уменьшается быстрее всех! – стонала миссис Баккет. – Мама, ты слышишь меня? Ты можешь остановиться?

– Вот это скорость, ничего не скажешь! – проговорил мистер Баккет, который, казалось, один получал удовольствие от всего происходящего. – Действительно год в секунду!

– Похоже, этих годов у них больше не осталось! – простонал дедушка Джо.

– Маме уже не больше четырех! – плакала миссис Баккет. – Три... два... год... Господи, помилуй! Что с ней? Куда она пропала? Мама! Джорджина! Где ты? Мистер Уонка! Идите скорей сюда! Скорей! Случилось что-то ужасное! Что-то не так сработало! Моя мама исчезла!

Мистер Уонка тяжело вздохнул, повернулся и неторопливо и абсолютно спокойно направился к кровати.

– Где моя мама? – рыдала миссис Баккет.

– Взгляните на Джозефину! – кричал дедушка Джо. – Умоляю вас, взгляните на нее!

Мистер Уонка посмотрел на бабушку Джозефину. Он сидела в середине огромной кровати и надрывалась: «Уа! Уа! Уа!»

– Это же грудной ребенок! – кричал дедушка Джо. – Моя жена теперь – грудной ребенок!

– И дедушка Джордж такой же! – радостно улыбаясь проговорил мистер Баккет. – Вон он ползает вокруг! Кто бы сказал, что это мой дорогой тесть, отец моей жены!

– Да, это мой отец! – стонала миссис Баккет. – Но где же Джорджина, моя старушка-мать? Она исчезла! Мистер Уонка, ее нигде нет! Совершенно нигде! Я видела, как она уменьшалась, уменьшалась и наконец стала такой маленькой, что растворилась в воздухе! Я хочу знать, куда она делась! И как можно ее оттуда извлечь?

– Леди и джентльмены! – сказал мистер Уонка, подойдя к кровати и поднимая руки, чтобы их успокоить. – Прошу вас, пожалуйста, не изводите себя! Ничего страшного...

– И это вы называете «ничего страшного»? – закричала бедная миссис Баккет. – Когда моя старушка-мать пропала неизвестно куда, а мой отец стал грудным младенцем...

– Славный карапуз! – заметил мистер Уонка.

– Не могу не согласиться, – вставил мистер Баккет.

– А как насчет моей Джози? – воскликнул дедушка Джо.

– А что с ней такого? – спросил мистер Уонка. – Она очень изменилась, не правда ли?

– Да! То есть я хотел сказать: нет! Я сам не знаю, что говорю! Она тоже стала грудным ребенком!

– Но очень здоровым, не так ли? – сказал мистер Уонка. – Позвольте спросить вас, сэр, сколько пилюль она приняла?

– Четыре, – мрачно ответил дедушка Джо. – Как все.

В горле у мистера Уонка что-то скрипнуло, а на лице появилось выражение глубокой скорби.

– Почему, ну почему люди не могут быть хоть немного внимательней? – грустно проговорил он. – Почему они не слушают, что я им говорю? Ведь я заранее и очень подробно объяснил, что каждая пилюля омолаживает ровно на двадцать лет. Так что если бабушка Джозефина приняла четыре штуки, то она автоматически становится моложе на... четырежды двадцать, сколько это будет?... дважды четыре – восемь, добавляем ноль... восемьдесят... она автоматически становится моложе на восемьдесят лет. Позвольте мне спросить вас, сэр, сколько лет было вашей жене до приема пилюль?

– Восемьдесят, – ответил дедушка Джо. – Восемьдесят лет и три месяца.*

– Вот и получается! – воскликнул мистер Уонка, расплываясь в радостной улыбке. – «Уонкавит» работает как часы! Сейчас ей ровно три месяца! В жизни не видел такого пухленького розанчика!

* Здесь и далее – небольшая нестыковка. В книге «Чарли и Шоколадная Фабрика» говорилось, что всем старикам больше девяноста лет – *Прим. пер.*

– Я тоже! – сказал мистер Баккет. – Она бы взяла приз на конкурсе самого здорового ребенка!

– Первый приз! – добавил мистер Уонка.

– Не огорчайся, дедушка! – сказал Чарли, взяв старика за руку. – Не переживай! Она и вправду симпатичная девочка!

– Мадам! – обратился мистер Уонка к миссис Баккет. – Позвольте спросить вас, сколько лет было вашему отцу, дедушке Джорджу?

– Восемьдесят один год! – прорыдала миссис Баккет. – Ровно восемьдесят один.

– Значит, теперь он – крупный, здоровый годовалый мальчуган! – радостно объявил мистер Уонка.

– Потрясающе! – сказал жене мистер Баккет. – Ты будешь первой в мире женщиной, которая меняла подгузники своему отцу!

– Пусть сам меняет свои вонючие подгузники! – заявила миссис Баккет. – Я хочу знать, где моя мать! Где бабушка Джорджина?

– Ах, да! – проговорил мистер Уонка. – Эхе-хе!.. Где же наша бабушка Джорджина? А сколько лет было упомянутой леди?

– Семьдесят восемь, – ответил миссис Баккет.

– Ну, конечно! – засмеялся мистер Уонка. – Теперь все понятно!

– Что понятно? – спросила миссис Баккет.

– Дорогая мадам! – сказал мистер Уонка. – Если вашей матери было всего семьдесят восемь лет и она приняла четыре пилюли «Уонкавита», которые, как мы только что выяснили, омолаживают человека ровно на восемьдесят лет, то нечего удивляться, что она исчезла. Она откусила больше, чем могла проглотить! Она сбросила больше лет, чем ей было!

– Что вы имеете в виду? – спросила миссис Баккет.

– Элементарная арифметика! – сказал мистер Уонка. – Сколько будет семьдесят восемь отнять восемьдесят?

– Минус два, – ответил Чарли.

– Ура! – воскликнул мистер Баккет. – Моей теще минус два года!

– И где же она теперь, позвольте спросить? – проговорила миссис Баккет.

– Это хороший вопрос, – ответил мистер Уонка. – Очень грамотный вопрос! Действительно, где же она теперь?

– И у вас нет ни малейшего предположения?

– Разумеется, есть! Я совершенно точно знаю, где она находится!

– Так скажите скорей!

– Видите ли, – ответил мистер Уонка, – вам необходимо понять, что если вашей матери сейчас минус два года, то ей нужно прибавить два года, чтобы добраться до нуля. Значит, ей придется подождать...

– И где же она будет ждать? – спросила миссис Баккет.

– Натурально, в зале ожидания! – ответил мистер Уонка.

«БУМ-БУМ! БУМ-БУМ! – внезапно загремели барабаны оркестра. – БУМ-БУМ! БУМ-БУМ! БУМ-БУМ!» И несколько сотен симпатимпасов, собравшихся в Шоколадном Цехе, начали скакать, подпрыгивать и раскачиваться в ритм музыке. «Послушайте нас!» – распевали они.

Из уваженья к этой теме
Мы просит вас хотя б на время
Не засыпать и не храпеть,
Ведь то, о чем мы будем петь,
Имеет важное значенье
Для всех людей без исключенья.

Итак, вот вкратце наш рассказ.
Слыхал ли кто-нибудь из вас
О крошке Голди – той, что летом
Гостить к любимой тетке в Четтэм
Приехала? В один из дней
С утра сказала тетя ей:
«Ты знаешь, детка, я поеду
Куплю чего-нибудь к обеду!»
Ну чтоб ей – спросит тут любой –
Не взять племянницу с собой?
Увы, на то была причина:
Чтоб выпить в баре рюмку джина.

И вот, хромая и кряхтя,
Уходит тетя, а дитя,
Подобно молодой овечке,
Бежит, естественно, к аптечке
И что же видит там она:
Аптечка до краев полна
Пилюль, суспензий и таблеток
Всех форм, размеров и расцветок!
«Ура! Попробуем вон ту!» –
И вот она уже во рту. –
«Ой, как же вкусно, как же сладко!
И пахнет, словно шоколадка!»
Но, проглотив двенадцать штук,
Почувствовала Голди вдруг,
Что стало ей немного душно:
Она икает некультурно
И ощущенья в животе
Какие-то совсем не те.

Откуда ж было знать бедняжке
 Про тот мучительный и тяжкий
 Недуг, которым тетя Кэт
 Страдала двадцать восемь лет.
 Звалась та страшная зараза
 Хроническим скоплением газа,
 А весь аптекарский запас
 И предназначен был как раз,
 Чтоб в дождь и в зной, в жару и в стужу
 Те газы выводить наружу.
 Причем случилось, как на грех,
 Что самым сильным среди всех
 То дьявольское средство было,
 Которым злоупотребила
 Малышка Голди, — врач его
 Назначил пить раз в год всего
 По полпилюли. Всем нам ясно,
 Как для детей оно опасно.

Сперва у девочки внутри
 Всхрипнуло что-то раза три,
 Но это было лишь начало —
 Потом там что-то заурчало,
 Зашевелилось, а потом
 Раздался страшный треск и гром!
 На стенах задрожали полки,
 Из люстры брызнули осколки
 И штукатурка с потолка
 Уже посыпалась слегка.
 Сосед промолвил, брови хмуя:
 «Похоже, скоро грянет буря!»
 Но взрывы, грохот, рев и рыг
 Не прекращались ни на миг.
 В испуге шепчет Голди-крошка:
 «Мне нездоровится немножко».
 (Формулировка хоть верна,
 Но, безусловно, смягчена —
 Иначе выражаться надо,
 Когда в желудке канонада.)

Меж тем вернулась тетя Кэт,
 С собою в дом внеся букет

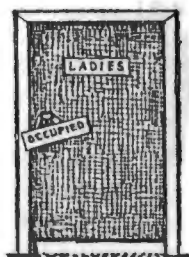
Двойного джина. В чем тут дело,
 Старушка сразу разглядела.
 «Пилюли!» – ахнула она.
 «Я, тетя, кажется, больна», –
 Сквозь слезы Голди простонала.
 «Тут удивительного мало,
 Раз ты могла, забыв про честь,
 Тайком мои пилюли съесть.
 Не худо было б извиниться», –
 Сказала тетя и в больницу
 Звонит, мол, шлите докторов:
 Ребенок очень нездоров.

Друзья, мы знаем: вероятно,
 Вам будет слышать неприятно
 Про зонд, катетер и клистир
 (Хотя с их помощью спасти
 Врачи пытались Голди) – вы ж ведь
 Хотите знать, сумела выжить
 Малышка Голди или нет.
 Врачи, собравшись на совет
 Вокруг девической постели,
 Вздыхали, охали, кряхтели
 И уж спровадить на тот свет
 Больную девочку хотели,
 Мол, еле-еле душа в теле,
 Но тут малышка им в ответ
 Сказала весело: «Похоже,
 Я выздоравливаю все же!»

И вот, очухавшись с трудом,
 Вернулась наша Голди в дом
 К своей любимой тете Кэтти,
 Куда за ней в кабриолете
 Приехал через день отец.
 На том истории конец?
 Но нет! Несчастья Голди хворой
 Закончатся еще не скоро.
 Ведь если яд в больших коли-
 Чествах вы внутрь себе ввели,
 То это худшее из бедствий
 Пройти не может без последствий.

А с бедной Голди, как назло,
Такое и произошло.
Она пилюль так много съела,
Что те, в ее внедрившись тело,
Остались там на много лет,
Ей принося ужасный вред
И много разных огорчений.
Ведь вместо милых развлечений,
Веселых игр и приключений
Ей каждый день часов на шесть
Теперь приходится засесть
В клозет – а это, скажем прямо,
Не красит облик юной дамы.
Итак, друзья, поверьте нам:
Чтоб избежать подобных драм
И нежелательных оказий,
Вам следует ни в коем разе
Лекарств без спроса в рот не брать
И в страшных дозах их не жрать.

16. «ВИТАУОНК» И МИНУСЛАНДИЯ

– Теперь все зависит от тебя, Чарли, – сказал мистер Уонка. – Это твоя фабрика – как ты скажешь, так и будет. Заставить нам бабушку Джорджину ждать два года или попробовать вернуть ее прямо сейчас?

– Вы действительно могли бы ее вернуть? – закричал Чарли.

– Попытка – не пытка. Почему бы не попробовать, если только ты на самом деле этого хочешь?

– Конечно, хочу! Хотя бы ради мамы. Видите, как она переживает?

Несчастливая миссис Баккет в слезах сидела на краешке кровати и утирала глаза платком.

– Бедная мамочка! – все повторяла она. – Теперь ей минус два года, и я не увижу ее целых двадцать четыре месяца, если только увижу вообще!

С другой стороны кровати сидел дедушка Джо и с помощью одного из симпатимпасов кормил из бутылочки свою трехмесячную супругу. А рядом мистер Баккет пытался ложечкой затолкать в рот годовалому дедушке Джорджу нечто под названием «Растительное детское питание Уонка», но по большей части разливал все ему на грудь и на подбородок.

– Ну и грязная же работенка! – сердито ворчал он. – Говорили: приедешь на Шоколадную Фабрику, будешь как сыр в масле кататься! А кончилось тем, что я стал кормящей матерью для собственного тестя!

– Все идет как по писаному, Чарли! – сказал мистер Уонка, оглядывая эту трогательную сцену. – Они прекрасно справляются без нас. Мы здесь пока не нужны. Пойдем искать бабушку Джорджину!

Он схватил Чарли за руку и потащил к открытой двери Большого Стеклянного Подъемника.

– Нам нужно спешить, если мы хотим успеть до начала!

– До начала чего?

– До начала вычитания, конечно! Ведь все отрицательные числа вычитаются! Ты что, совсем не знаешь арифметики?

Они были уже внутри Подъемника, и мистер Уонка торопливо искал нужную среди сотен других кнопок.

– Вот она! – наконец проговорил он, осторожно нажимая маленькую матовую кнопку, на которой было написано «Минусландия».

Двери мягко закрылись, и с жутким свистящим звуком могучая машина прыгнула вправо. Чарли изо всех сил ухватился за ноги мистера Уонка, но тот выбросил из стены откидное сиденье и пригласил:

– Присаживайся, дорогой Чарли, и не забудь пристегнуть ремни! На дороге будет много крутых поворотов!

С обеих сторон сиденья действительно были крепкие ремни, и Чарли затянул их потуже. Мистер Уонка откинул сиденье для себя и тоже надежно пристегнулся.

– Нам нужно опуститься глубоко под землю! – сказал он. – Ты даже не представляешь себе как глубоко!

Подъемник набирал скорость, непрерывно меняя направление движения. Он резко свернул налево, некоторое время шел прямо, потом опять свернул налево – но при этом с каждой минутой уходил все глубже вниз.

– Эй! Посмотри-ка сюда! Скорей! – проговорил мистер Уонка.

Чарли глянул сквозь стекло и мельком успел увидеть что-то похожее на огромный карьер с неровными скалистыми стенами, усыпанными сотнями симпатимпасов с кирками и отбойными молотками в руках.

– Леденцы, – сказал мистер Уонка. – Крупнейшее в мире месторождение леденцов!

Подъемник мчался дальше.

– Мы уходим все глубже, Чарли. Все глубже и глубже. Сейчас мы уже где-то на глубине двести тысяч футов.

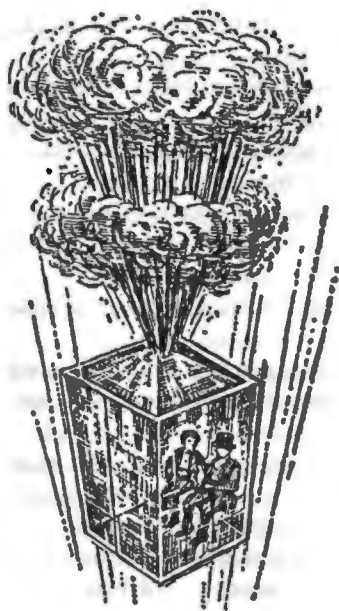
За стеклом проносились самые диковинные картины, но Подъемник несясь с такой чудовищной скоростью, что Чарли только иногда удавалось разглядеть хоть что-то. Один раз ему показалось, что он видит кучку крошечных домиков, похожих на перевернутые чашки. Между ними были даже улочки, по которым прогуливались симпатимпасы. В другой раз, когда они пересекали огромную рыжую равнину, утыканную какими-то штуковинами, напоминавшими буровые вышки, Чарли увидел, как из земли внезапно ударил высокий столб густой коричневой жидкости.

– Шоколадный фонтан! – закричал мистер Уонка, хлопая в ладоши.

– Обалдеть можно, какой здоровый! Отлично! А он нам так нужен!

– Что это такое? – спросил Чарли.

– Мы снова нашли шоколад, мой мальчик! Новое богатое месторождение! Какой замечательный фонтан! Да ты только посмотри!

С устрашающим ревом Подъемник устремился вниз еще круче, чем раньше, и по-прежнему сотни, буквально сотни, захватывающих картин мелькали за его стеклами. Вращались какие-то гигантские шестерни, что-то взбивали огромные миксеры, мимо проносились бескрайние сады конфетных деревьев, пролетали озера, размером с футбольное поле, наполненные разноцветными жидкостями – синей, зеленой, желтой. И везде можно было увидеть работающих симпатимпасов.

– Теперь ты понимаешь, что все, что ты видел раньше, когда мы путешествовали по фабрике с этими несносными детьми, было только ничтожной частью всего предприятия? – спросил мистер Уонка. – Оно уходит под землю на много миль. В самое ближайшее время я постараюсь тебе все показать. Но если делать это с толком и не спеша, то нам не хватит и трех недель. А сейчас у нас

есть другие заботы, и мне надо сказать тебе кое-что очень важное. Слушай внимательно. Мне придется говорить очень быстро, потому что через пару минут мы уже будем на месте. Я полагаю, ты сообразил, что происходило в Испытательном Цехе с теми симпатимпасами, на которых я проверял свой «Уонкавит». Разумеется, ты догадался, что они ушли в минус и исчезли, точно так же как твоя бабушка Джорджина. Состав был гораздо сильнее, чем нужно. Одному из симпатимпасов стало аж минус восемьдесят семь! Только представь себе!

– Вы хотите сказать, что ему теперь придется ждать целых восемьдесят семь лет? – спросил Чарли.

– Это-то меня и беспокоило, мой мальчик! В конце концов, уважающий себя человек не может оставлять своих лучших друзей в минусе на целых восемьдесят семь лет...

– А если их еще вдобавок вычтут! – добавил Чарли. – Это ужасно...

– Конечно! Но что мне оставалось делать? И тогда я сказал себе: «Уилли Уонка! Если ты смог изобрести “Уонкавит”, который делает людей моложе, то с таким же успехом ты можешь изобрести и что-нибудь еще, что делало бы их старше!»

– Ага! – закричал Чарли. – Понятно, к чему вы клоните! Тогда можно будет все минусы превратить в плюсы и вернуть людей обратно!

– Совершенно верно, мой мальчик! Но при том условии, что я смогу найти, где они сейчас находятся.

Подъемник еще круче ринулся вниз. Казалось, он устремился к центру Земли. Теперь за стеклами уже ничего не было видно – вокруг царил непроглядная тьма.

– И вот, – продолжал мистер Уонка, – я опять засучил рукава и взялся за работу. Снова и снова я ломал голову над новым рецептом... Я должен был материализовать возраст, чтобы делать людей старше... еще старше... И меня осенило. «Ага! – воскликнул я. – Кто из живых организмов старше всех на земле? Кто живет дольше других?»

– Деревья, – сказал Чарли.

– Верно! Но какие деревья? Не дугласова пихта, не дуб, не кедр. Нет, мой мальчик! Старше всех пирамидальная сосна, что растет на склонах пика Уилера в штате Невада. Сегодня там можно найти экземпляры, которым не меньше четырех тысяч лет от роду! Это факт, Чарли! Можешь спросить любого дендрохронолога, только не забудь посмотреть это слово в словаре, когда мы вернемся. Окрыленный этой идеей, я вскочил в свой Большой Стеклоанный Подъемник и пустился колесить по свету, собирая частицы долгожителей...

пинту смолы 4000-летней пирамидальной сосны,

обрезки ногтей с пальцев правой ноги 168-летнего русского крестьянина Петровича,

*яйцо, отложенное 200-летней черепахой, принадлежащей королю
Тонги,
хвост 51-летнего аравийского скакуна,
ус 36-летнего кота по кличке Пупсик,
старую блоху, которая 36 лет жила на Пупсике,
хвост 207-летней гигантской тибетской крысы,
гнилой зуб 97-летней старой ведьмы, живущей в пещере на горе
Попокатепель,
бабки 700-летнего буйвола из Перу...*

... из самых разных стран. Да, Чарли, я искал везде старые живые существа и от каждого из них брал какой-нибудь небольшой, но важный орган – волосок, ресницу – иногда это была унция-другая грязи, которую я соскребал с его пяток, пока оно спало. Я выслеживал кабана-свистуна, рисового тупиала, мокрохвостку, жабистого попугая, обоюдоострого слизня, гигантскую завитушку и ядовитую чучундру, что может с пятидесяти ярдов попасть в глаз своей ядовитой слюной. Но сейчас не время рассказывать об этом подробно. Короче говоря, после того как я несколько долгих недель кипятил, выпаривал, смешивал и тестировал в своем Цехе Изобретений, мне удалось получить маленькую чашечку черной маслянистой жидкости, из которой я дал четыре капли на пробу одному храброму двадцатилетнему симпатимпасу, добровольно согласившемуся участвовать в эксперименте.

– И что произошло? – спросил Чарли.

– Это было невероятно! – воскликнул мистер Уонка. – Не успел он проглотить свои четыре капли, как сейчас же начал сморщиваться и съеживаться, волосы и зубы стали выпадать и буквально через несколько мгновений он превратился в дряхлого 75-летнего старика! Вот так, дорогой Чарли, и был изобретен «Витауонк»!

– А вы вернули из минуса всех остальных симпатимпасов?

– А как же? Всех до одного! Сто тридцать один симпатимпас был возвращен из минуса! Конечно, мой мальчик, все это было не так просто, как на словах. Пришлось преодолеть много неожиданных препятствий и затруднительных ситуаций... Бог ты мой! Да мы уже почти на месте! Хватит разговоров – я должен следить за дорогой!

В этот момент Чарли осознал, что моторы Подъемника больше не режут и сам он уже не мчится вперед с сумасшедшей скоростью. Кажется, моторы вообще перестали работать, а Подъемник начал свободно дрейфовать в пространстве.

– Отстегни ремни! – сказал мистер Уонка. – Мы должны быть готовы к действию!

Чарли отстегнул ремни, встал с откидного стула и посмотрел за стекло. Подъемник медленно плыл в густом сером тумане, который яростно клунился вокруг, как будто со всех сторон его нагоняли могучие ветры. Причем

впереди туман казался еще более густым, почти черным, и клубился еще свирепей и страшнее. Мистер Уонка открыл дверь лифта.

– Отойди от дверей! – сказал он. – Что бы ни случилось, главное не вывалиться наружу!

Клубы тумана ворвались внутрь Подъемника, неся с собой затхлый и спертый воздух глубокого подземелья. Стояла свинцовая всепоглощающая тишина. Ни звука, ни шороха, ни ветерка. От этой серой потусторонней тишины Чарли стало немного жутковато – как будто он в самом деле попал на тот свет, где нет живых людей.

– Вот она, Минусландия! – прошептал мистер Уонка. – Теперь нам надо отыскать здесь твою бабушку, а это уж как повезет. Может, найдем, а может, и нет!

17. В МИНУСЛАНДИИ

– Не нравится мне здесь! – прошептал Чарли. – Прямо оторопь берет!

– И меня тоже, – ответил мистер Уонка. – Но нужно взять себя в руки и делать свое дело.

Туман оседал на стекле Подъемника, и видеть, что делается снаружи, можно было теперь только через раскрытую дверь.

– Мистер Уонка, а водятся здесь какие-нибудь живые существа?

– Здесь полным-полно Гнолей.

– А они опасны?

– Если Гноль тебя укусит, мой мальчик, считай, что ты пропал!

Окутанный облаком грязно-серого тумана, Подъемник медленно опускался все ниже и ниже, мягко раскачиваясь из стороны в сторону.

– А как выглядят эти Гноли? – спросил Чарли.

– Никак, – ответил мистер Уонка. – Они не могут выглядеть.

– Вы хотите сказать, что никогда их не видели?

– Их нельзя увидеть, мой мальчик. Можно только почувствовать, как они вопьются в тебя... Но будет поздно – от них уже не спасешься!

– Так значит... Они и сейчас могут быть вокруг нас?

– Очень вероятно, – проговорил мистер Уонка.

Чарли почувствовал, как по телу у него бегут мурашки.

– А от их укуса умираешь сразу? – спросил он

– Сначала тебя вычтут... потом разделят... Делить будут медленно – это занимает много времени... Вообще, это очень долгий и болезненный процесс... А потом ты станешь одним из них.

– Мистер Уонка, а нельзя ли нам закрыть дверь? – спросил Чарли.

– Боюсь, что нет, мой мальчик! Ведь сквозь стекло мы теперь не сможем увидеть твою бабушку – оно совсем затуманилось.

Чарли стоял у открытых дверей Подъемника и смотрел на клубящийся туман. Вот так, думал он, наверно, и выглядит ад... только без адского пламени... Во всем здесь чувствовалось что-то нечистое... что-то дьявольское... Вокруг такая мертвящая тишина, такая пустота, такая безысходность... И вдобавок это постоянное движение, эти клубы и завихрения густого тумана, как будто его гонит какая-то тайная злобная сила... Чарли вдруг почувствовал, как кто-то коснулся его руки. От неожиданности он подскочил на месте и чуть не выпрыгнул из Подъемника.

– Не бойся, – раздался голос мистера Уонка. – Это всего лишь я.

– Ох! – Чарли едва перевел дыхание. – Я уж было подумал...

– Я знаю, что ты подумал, Чарли... Я хотел тебе сказать... я рад, что ты со мной. А представь себе, каково здесь одному... Мне ведь приходилось спускаться сюда одному... и много раз...

– Я бы, наверно, не смог... – проговорил Чарли.

– Вот она! – воскликнул мистер Уонка, указывая пальцем в туман. – Нет, это не она... Боже мой, я готов был поклясться, что только сейчас видел ее на краю вон того темного пятна! Смотри внимательно, Чарли!

– Вон! – сказал Чарли. – Вон там! Смотрите!

– Где? – закричал мистер Уонка. – Покажи пальцем!

– Ее... ее уже снова нет. Она как будто растаяла... – растерянно проговорил Чарли.

Они стояли перед открытой дверью, вглядываясь в густые клубы серого тумана.

– Вон она! Вон там! Разве вы не видите? – закричал Чарли. – Скорей!

– Вижу, Чарли! Я вижу ее! Сейчас мы подберемся поближе!

Мистер Уонка потянулся к кнопкам позади себя и начал их поочередно нажимать.

– Бабушка! – закричал Чарли. – Мы пришли за тобой!

Бабушка Джорджина слабо, очень слабо, виднелась сквозь туман, и, более того, туман виднелся сквозь нее! Она была полупрозрачной – впрочем, точно нельзя было даже сказать, была ли она вообще. Казалось, что это

всего лишь тень. Худо-бедно еще виднелось ее лицо и смутные очертания туловища, окутанного ночной рубашкой. При этом бабушка не стояла вертикально, а плыла в клубах тумана лежа.

– Почему она лежит? – прошептал Чарли.

– Потому что она в минусе, Чарли. Ты же знаешь, знак минуса выглядит так... – мистер Уонка провел рукой в воздухе горизонтальную черту.

Подъемник подбирался все ближе. До призрачной тени бабушкиного лица оставалось уже не больше ярда. Чарли вытянул руку наружу, чтобы коснуться ее, но не ощутил прикосновения. Его рука прошла насквозь.

– Бабушка! – выдохнул он.

Но она стала уплывать в сторону.

– Назад! – воскликнул мистер Уонка.

Внезапно из какого-то потайного кармана он выхватил пистолет-распылитель. Это такая старомодная штука, из которой раньше, когда еще не было аэрозолей, распыляли дезинсектанты от насекомых. Мистер Уонка прицелился прямо в уплывающую тень бабушки Джорджины и трижды резко нажал спуск – РАЗ! ДВА! ТРИ! И при каждом выстреле из ствола пистолета вырывалось славное черное облачко. Бабушка Джорджина моментально исчезла.

– Глаз – алмаз! – закричал мистер Уонка, подпрыгивая от возбуждения. – Я достал ее из обоих стволов! Врезал ей, как полагается! Получи порцию «Витауонка»!

– А куда же она делась? – спросил Чарли.

– Туда, откуда пришла! На фабрику, конечно! Она уже не в минусе, мой мальчик! Она теперь в плюсе на все сто процентов! Теперь нам нужно быстро убираться отсюда, пока Гноли не обнаружили нас!

Мистер Уонка нажал кнопку, и Большой Стекланный Подъемник рванулся вверх.

– Садись на место и не забудь пристегнуться! – сказал мистер Уонка.

– Мы идем наружу!

С ревом и грохотом Подъемник устремился к поверхности Земли. Чарли и мистер Уонка, надежно пристегнутые, сидели бок о бок на откидных стульях. Мистер Уонка начал запихивать пистолет-распылитель в огромный карман под складками своего фрака.

– Жалко, конечно, что приходится иметь дело с такой неуклюжей штукой, – сказал он. – Но иначе ничего не выйдет. Разумеется, в идеале было бы оптимальным накапать необходимое количество капель в чайную ложечку и дать выпить пациенту. Но когда человек в минусе, это, увы, невозможно. Попробуй напоить с ложечки тень! Поэтому приходится использовать пистолет-распылитель! Бах! – и готово! Другого способа нет, мой мальчик!

– Но все сработало отлично, разве нет? – спросил Чарли.

– Отлично-то отлично! Я бы даже сказал: здорово. Опасаюсь только, как бы не вышло небольшой передозировки...

– Я не совсем понимаю, что вы хотите сказать.

– Мой мальчик, если четырех капель «Витаунка» хватило молодому симпатимпасу, чтобы стать глубоким стариком, то...

Мистер Уонка развел руками.

– Значит, бабушка Джорджина получила слишком большую дозу? – спросил Чарли, немного побледнев.

– Боюсь, что это еще мягко сказано.

– Но... но зачем же тогда вы так сделали? Зачем вы выстрелили три раза? – Чарли начал всерьез волноваться. – Ведь она получила несколько пинт вашего «Витаунка»!

– Галлонов! – закричал мистер Уонка, хлопая себя по бокам. – Галлонов, мой мальчик! Но, дорогой Чарли, пусть тебя не волнуют такие пустишки. Главное, что мы вернули ее! Что теперь она снова в плюсе!

Дело сделано – бабушка в плюсе!

Есть один лишь предмет для дискуссий:

Кто подскажет ответ,

Сколько нынче ей лет,

Нашей славной строптивой бабусе?

18. САМЫЙ СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК НА ЗЕМЛЕ

– Мы возвращаемся с победой, Чарли! – воскликнул мистер Уонка, когда Большой Стекланный Подъемник начал замедлять ход. – Теперь твоя семья снова в полном составе!

Подъемник остановился, дверь открылась и перед ними опять оказались Шоколадный Цех, Шоколадная река, толпы симпатимпасов и в центре всего этого – огромная кровать.

– Чарли! – закричал дедушка Джо, – Слава богу, ты вернулся!

Чарли крепко обнял дедушку Джо. Потом маму. Потом папу.

– А где же бабушка Джорджина? – спросил он.

Никто не ответил. Только дедушка Джо молча указал на кровать. Причем сам он старался не смотреть куда указывал. Да и никто из взрослых туда не смотрел. Чарли подошел поближе, чтобы лучше разглядеть – на одном конце кровати безмятежно спали два спеленутых младенца: дедушка Джордж и бабушка Джозефина – а на другом...

– Не беспокойся, – сказал мистер Уонка, положив руку мальчику на плечо. – Я предупреждал тебя, что доза может оказаться малость великовата.

– Что вы сделали с ней? – закричала миссис Баккет. – О, моя бедная мамочка!

На другом конце кровати, опершись о подушки, лежало самое странное существо, какое Чарли видел за всю свою жизнь. Оно не могло быть древней окаменелостью только потому, что слегка шевелилось и даже издавало звуки. Скрипучие квакающие звуки, какие издавала бы столетняя жаба, если б умела немного говорить:

– Ну-ну-ну, да ведь это же Чарли!

– Бабушка! – закричал Чарли. – Дорогая бабушка! Что с тобой?

Ее лицо было размером с соленый орешек. Глаза, рот и даже нос утопали в бесчисленных морщинах, так что черт лица было практически невозможно разглядеть. Волосы были совершенно белыми, а руки, покоившиеся поверх одеяла, казались только комочками сморщенной кожи.

Присутствие этого древнего существа приводило в ужас не только мистера и миссис Баккет, но даже дедушку Джо. Все они старались держаться подальше от кровати. Зато мистер Уонка был весел, как всегда.

– Дражайшая леди! – воскликнул он, подойдя к краю кровати и взяв одну из этих сморщенных рук в обе свои. – Поздравляю вас с возвращением! Как вы себя чувствуете в этот светлый и радостный день?

– Не так плохо... – проквакала бабушка Джорджина, – совсем не так плохо... Если принять во внимание мой возраст...

– Рад за вас! – сказал мистер Уонка. – Вы просто молодчина! Теперь нам осталось только узнать точно, сколько вам сейчас лет, и можно переходить к дальнейшим действиям!

– Вы больше не совершите здесь никаких действий, – проговорила миссис Баккет, неприязненно поджав губы. – Вы натворили уже вполне достаточно!

– Но скажите мне, моя бесценная, но бестолковая гримза, – заговорил мистер Уонка, обернувшись к миссис Баккет, – что за беда, если бедная

старушка стала еще немного старше? Тем более что мы можем исправить это в один момент. Вы что, забыли про наш «Уонкавит»? Одна пилюля – и двадцать лет долой! Вы и глазом не успеете моргнуть, как мы превратим ее в цветущую юную девушку!

– Что толку, если ее муж еще в пеленках? – простонала миссис Баккет, указывая на годовалого дедушку Джорджа, который мирно посапывал на кровати.

– Мадам, – сказал мистер Уонка, – нельзя делать два дела одновременно. Всему свой черед.

– Я запрещаю вам давать ей этот скверный «Уонкавит»! – заявила миссис Баккет. – Провалиться мне на этом месте, если вы снова не отправите ее в минус!

– Я не хочу в минус! – проквкала бабушка Джорджина. – Если я снова попаду в эту проклятую Минусландию, Гноли разделяются со мной!

– Не надо бояться! – сказал мистер Уонка. – Теперь я сам буду следить за правильным приемом лекарства. Я лично проконтролирую, чтобы вы приняли нужную дозу. Но слушайте внимательно! Я не могу определить, сколько именно пилюль вам надо принять, прежде чем точно не узнаю, сколько вам лет! Это очевидно, не так ли?

– Вовсе это не очевидно! – заявила миссис Баккет. – Почему вы не можете давать ей по одной пилюле? Разве это не безопасней?

– Это невозможно, мадам. В таких серьезных случаях, как этот, «Уонкавит» в малых дозах не действует вообще. Необходимо принять все сразу. Нанести концентрированный удар. А одна пилюля не сдвинет ее ни на шаг. Она зашла уже слишком далеко. Теперь или все, или ничего!

– Нет! – твердо сказала миссис Баккет.

– Да! – настаивал мистер Уонка. – Прошу вас, дорогая леди, выслушайте меня! Когда очень сильно болит голова и необходимо принять три таблетки аспирина, поможет ли вам, если вы будете принимать по одной каждые четыре часа? Нет, не поможет! Потому что нужно принять все сразу! Так же и с «Уонкавитом»! Ну, могу я теперь приступить к делу?

– Приступайте! – со вздохом проговорила миссис Баккет. – Надо же что-то делать!

– Отлично! – сказал мистер Уонка, подпрыгнув на месте и исполнив небольшое антраша. – Итак, сколько же вам сейчас лет, дорогая бабушка Джорджина?

– Не знаю, – проквкала та. – Я уже давным-давно сбилась со счета.

– И вы не можете сказать хотя бы приблизительно?

– Не могу! – рассердилась старуха. – И вы не сможете, если, конечно, доживете до моих лет.

– Попробуйте вспомнить! – сказал мистер Уонка. – Вам просто необходимо вспомнить!

Крошечное сморщенное лицо сморщилось еще сильнее. Все застыли в ожидании. Не в силах оторвать глаз от этого древнего существа, симпатимпасы подступали все ближе и ближе к кровати. И только два младенца продолжали спать как ни в чем не бывало.

– Может быть, вам сто лет? – спросил мистер Уонка. – Или сто десять? Или сто двадцать?

– Все это бесполезно! – проквакала бабушка Джорджина. – У меня всегда была скверная память на числа.

– Но это же катастрофа! – закричал мистер Уонка. – Если вы не скажете, сколько вам лет, я не сумею помочь вам! Я не могу больше рисковать! Всех, и даже самого мистера Уонка, охватило уныние.

– Ну, что вы скажете теперь? – злобно спросила миссис Баккет.

– Послушай, бабушка, – заговорил Чарли, придвигаясь к ней поближе, – не надо вспоминать сколько тебе лет, попробуй лучше вспомнить какие-нибудь события... вспомни что-нибудь... что угодно... что-нибудь самое давнее... Это может нам помочь.

– За эти годы было столько событий, Чарли... Всего и не упомнишь...

– Ну, вспомни хоть что-нибудь!

– Не знаю, милый... Может, и припомню одно или два, если собраться с мыслями...

– Ну же, бабушка! – нетерпеливо настаивал Чарли. – Вспомни! Какое твое самое первое воспоминание?

– Ох, мой мальчик, все это было так давно!

– Ты помнишь что-нибудь из того времени, когда ты была маленькой? Как я сейчас?

В ее крошечных запавших глазах что-то слабо вспыхнуло и подобие улыбки скользнуло в уголках бесцветных губ.

– Какой-то корабль... – проговорила старуха. – Помню какой-то корабль... Как забыть?..

– Отлично, бабушка! Корабль! Что это был за корабль? Ты плыла на нем?

– Да, мой милый... Мы все плыли на нем...

– А куда? И откуда? – не отставал Чарли.

– Этого я уже не скажу... Я была совсем маленькой...

Бабушка откинулась на подушку и закрыла глаза. Чарли упорно смотрел на нее, надеясь, что она скажет что-то еще. Все боялись пошевелиться.

– У него еще было такое славное имя... у этого корабля... что-то такое красивое... Но, конечно, мне теперь уже не вспомнить...

Чарли, который все это время сидел на краешке кровати, вдруг вскочил на ноги. Его лицо пылало от возбуждения.

– А если я назову это имя, ты вспомнишь его?

– Может быть, Чарли... я могла бы...

– «МЭЙФЛАУЭР!»* – выкрикнул Чарли.

Голова старухи оторвалась от подушки.

– Верно! – проквакала она. – Ты угадал, Чарли... «Мэйфлауэр»... Такое красивое имя...

– Дедушка! – воскликнул Чарли, едва не пускаясь в пляс. – В каком году «Мэйфлауэр» отплыл в Америку?

– «Мэйфлауэр» вышел из Плимута шестого сентября тысяча шестьсот двадцатого года, – ответил дедушка Джо.

– Плимут... проквакала старуха, – ... это мне тоже что-то напоминает... Да, пожалуй, это мог быть и Плимут...

– Тысяча шестьсот двадцатый! – воскликнул Чарли. – Силы небесные! Это значит, ей... сосчитай, дедушка!

– Так, – сказал дедушка Джо, – тысяча девятьсот семьдесят два отнять тысяча шестьсот двадцать... это будет... не мешай мне, Чарли... это будет... триста... пятьдесят два!

– Гремучие змеи! – воскликнул мистер Баккет. – Значит, ей триста пятьдесят два года!

– Ей больше, – сказал Чарли. – Бабушка, а сколько лет тебе было, когда ты плыла на корабле? Восемь?

– Думаю, даже меньше, мой милый... Я была совсем маленькой девочкой... лет шести, не больше.

– Значит, сейчас ей триста пятьдесят восемь! – объявил Чарли.

– Вот что значит «Витауонк!» – гордо сказал мистер Уонка. – Я же говорил, что это очень сильнодействующая штука!

– Триста пятьдесят восемь лет! – не мог прийти в себя мистер Баккет. – Невероятно!

– Подумать только, чего она перевидала за все эти годы! – сказал дедушка Джо.

– Бедная мамочка! – всхлипнула миссис Баккет. – Ради всего святого...

– Спокойствие, мадам! – сказал мистер Уонка. – Сейчас начнется самое интересное. Где мой «Уонкавит»?

Тут же к нему подбежал симпатимпас с большой бутылкой в руках. Мистер Уонка взял ее и положил на кровать.

– В какой возраст нужно вернуть бабушку Джорджину? – спросил мистер Уонка.

– В семьдесят восемь лет! – твердо сказала миссис Баккет. – Точно туда, откуда началась вся эта неразбериха!

– Может быть, она хочет стать немного моложе?

– Ни в коем случае! Это слишком рискованно!

* «Майский цветок», корабль на котором прибыли в Америку первые поселенцы из Англии. – *Прим. пер.*

– Слишком рискованно! – согласилась бабушка Джорджина. – Если вы будете слишком умничать, вы снова загоните меня в минус!

– Как хотите, – сказал мистер Уонка. – Теперь мне надо кое-что подсчитать.

Сейчас же другой симпатимпас притащил большую классную доску. Мистер Уонка достал из кармана кусочек мела и начал писать:

Исходный возраст 358 лет

Искомый возраст 78 лет

На сколько нужно стать моложе 280 лет

Если одна пилюля «Уонкавита» омолаживает на 20 лет, то, чтобы получить необходимое количество пилюль, делим 280 на 20.

Итого: 14.

– Ровно четырнадцать пилюль «Уонкавита», – объявил мистер Уонка. Симпатимпас унес доску обратно, а мистер Уонка взял бутыл, открыл ее и отсчитал четырнадцать маленьких, блестящих, желтых пилюль.

– Воды! – приказал он.

Новый симпатимпас подлетел со стаканом воды.

Мистер Уонка высыпал в стакан все четырнадцать пилюль. Вода забурлила и запенилась.

– Пейте, пока она пузырится! – сказал он, протягивая стакан бабушке Джорджине. – Ну, залпом!

Она выпила.

Мистер Уонка отпрянул назад и вынул из кармана большие позолоченные часы.

– Не забывайте: год в секунду! – прокричал он. – Ей предстоит сбросить двести восемьдесят лет. Значит, на это уйдет четыре минуты сорок секунд! Сейчас века так и замелькают!

Стояла такая тишина, что было слышно, как тикают часы мистера Уонка. Поначалу с этим древним существом, лежащим на кровати, ничего особенного не происходило. Закрыв глаза, она откинулась на подушки, и только время от времени ее морщинистое лицо и маленькие ручки слегка вздрагивали и подергивались.

– Прошла минута! – объявил мистер Уонка. – Сейчас она уже на шестьдесят лет моложе.

– А с виду не скажешь, – сказал мистер Баккет.

– Естественно! – ответил мистер Уонка. – Что такое шестьдесят лет для трехсотлетней старухи!

– Как ты себя чувствуешь, мама? – тревожно спросила миссис Баккет. – Скажи что-нибудь!

– Прошло две минуты! – объявил мистер Уонка. – Теперь она моложе на сто двадцать лет!

Сейчас на лице старой женщины уже можно было разглядеть довольно существенные изменения. Кожа стала понемногу разглаживаться, рот не выглядел таким запавшим, а нос не так выдавался вперед.

— Мама! Ты в порядке? — закричала миссис Баккет. — Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь!

И тут внезапно (да так, что все присутствующие чуть не подпрыгнули от неожиданности) бабушка Джорджина резко приподнялась на постели и прокричала:

— Слыхали новость? Адмирал Нельсон разбил французов при Трафальгаре!

— Она сходит с ума! — сказал мистер Баккет.

— Ничего подобного! — ответил мистер Уонка. — Просто она дошла до девятнадцатого века. Прошло уже три минуты! — объявил он секунду спустя.

Теперь старая женщина буквально оживала с каждой секундой. Это было потрясающее зрелище!

— Геттисберг! — прокричала она. — Генерал Ли вот-вот будет здесь!

Несколько мгновений спустя она вдруг застонала, как от физической боли, и проговорила:

— Он умер! Умер! Умер!

— Кто умер? — спросил мистер Баккет, наклонившись к ней.

— Линкольн! — простонала старуха. — А вон идет поезд...

— Она, должно быть, сама видела это! — сказал Чарли. — Она была там!

— Она сейчас там! — сказал мистер Уонка. — По крайней мере была там несколько секунд назад.

— Может быть, кто-нибудь объяснит мне, — начала миссис Баккет, — что здесь происхо...

– Прошло четыре минуты! – объявил мистер Уонка. – Осталось только сорок секунд и сорок лет!

– Бабушка! – воскликнул Чарли, выбегая вперед. – Ты теперь почти такая же, как была раньше! Я так рад!

– Я не поверю, пока все это не кончится, – сказала миссис Баккет.

– Готов об заклад биться, что в последний момент что-то не сработает! Так всегда бывает! – добавил мистер Баккет.

– Но только не тогда, сэр, когда за дело берусь я! – сказал мистер Уонка. – Время вышло! Сейчас ей ровно семьдесят восемь лет! Как вы себя чувствуете, дорогая леди? Все ли у вас в порядке?

– Терпимо, – проговорила старуха. – Вполне терпимо. Но вас мне не за что благодарить, настырная старая треска!

Это была снова она! Сварливая и вечно недовольная бабушка Джорджина, которую все так хорошо помнили! Миссис Баккет крепко обняла мать и заплакала от радости. Но старуха отпихнула ее и ворчливо спросила:

– А что, хотела бы я знать, делают на том конце кровати эти два сопливых младенца?

– Один из них – ваш муж, – ответил мистер Баккет.

– Чушь какая! – возмутилась бабушка Джорджина. – Куда, в самом деле, подевался Джордж?

– Боюсь, это правда, мама, – сказала миссис Баккет. – Он слева, а справа – бабушка Джозефина...

– Ах вы... вы, протухший чизбургер! – закричала бабушка Джорджина. – Да как вы посмели...

– Ну-ну-ну, – быстро заговорил мистер Уонка, – ради всего святого, давайте не будем в столь поздний час начинать новую склоку! Если только никто не будет лезть в бутылку, мы с Чарли в два счета вернем этих младенцев в прежнее состояние!

19. ДЕТИ ВЗРОСЛЕЮТ

– Принести сюда «Витауонк»! – приказал мистер Уонка. – Сейчас мы разберемся с этими грудничками!

Тотчас же к нему подбежал симпатимпас с маленькой бутылочкой и двумя серебряными ложечками.

– А ну-ка подождите минутку! – вмешалась бабушка Джорджина. – Что это за пакость вы собираетесь дать моему мужу?

– Все будет в порядке, бабушка! – сказал Чарли. – Обещаю тебе, все будет в полном порядке. Это «Витауонк», он делает человека старше и устраняет действие «Уонкавита». С его помощью мы смогли вернуть тебя из минуса!

– Вы дали мне слишком большую дозу! – огрызнулась старуха.
– У нас не было другого выхода...
– А теперь вы хотите проделать то же самое с Джорджем!
– Ну конечно же нет! – воскликнул Чарли.
– Меня вы загнали в триста пятьдесят восемь лет, – продолжала она, – что же помешает вам допустить еще одну небольшую ошибку и дать ему в пятьдесят раз большую дозу? И тогда со мной в постели окажется двадцатитысячелетний пещерный человек! Только представьте себе: в одной руке у него дубина, а другой он тащит меня за волосы! Нет уж, благодарю покорно!

– Бабушка, – терпеливо сказал Чарли. – Там, в минусе, нам пришлось использовать распылитель, потому что ты была призраком, а теперь мистер Уонка может...

– Не говори мне про этого человека! – закричала она. – Это просто полоумный негодяй!

– Нет, бабушка, ты очень ошибаешься. И теперь он уже может отмерить до капли точную дозу и ложечкой влить ее им в рот. Правда, мистер Уонка?

– Чарли, – сказал мистер Уонка. – Теперь я вижу, что когда уйду на покой, фабрика будет в надежных руках. Ты учишься прямо на глазах. Я так рад, мой мальчик, что выбрал именно тебя! Итак, друзья, каков же будет вердикт? Оставим этих младенцев как есть или сделаем их немного постарше?

– Начинайте с Джозефины, мистер Уонка! – сказал дедушка Джо. – Я хочу, чтоб ей снова было восемьдесят лет!

– Благодарю вас, сэр! – ответил мистер Уонка. – Я невероятно ценю ваше доверие, но как же все-таки насчет второго младенца – нашего дедушки Джорджа?

– Так и быть, я согласна, – проговорила бабушка Джорджина. – Но хорошенько зарубите себе на носу, что я не потерплю рядом с собой пещерного человека!

– Значит, решено! – сказал мистер Уонка. – Чарли! Сейчас мы с тобой обработаем обоих разом! Одна ложка мне, другая – тебе. Я накапаю в каждую ровно по четыре капли, разбудим этих младенцев и вольем им это в глотки!

– Который из них мой?

– Бери лучше бабушку Джозефину, она все же поменьше! А я займусь дедушкой Джорджем. Держи ложку!

Чарли взял серебряную ложечку и протянул ее мистеру Уонка, а тот откупорил бутылочку и накапал из нее четыре капли маслянистой черной жидкости. Потом повторил эту операцию со своей ложечкой и вернул бутылочку симпатимпасу.

– Кому-то надо подержать детей, – сказал дедушка Джо. – Я, пожалуй, подержу бабушку Джозефину.

– Вы, что, с ума сошли! – воскликнул мистер Уонка. – Разве вы не знаете, что «Витауонк» действует мгновенно? Не по году в секунду, как «Уонкавит», а – раз! – и готово! Как молния! Стоит только его проглотить – и все! Взросление и, соответственно, рост происходят в одну секунду! Надеюсь, теперь вам понятно, сэр, что мгновение спустя у вас на руках вместо грудного младенца окажется восьмидесятилетняя женщина, и вы просто уроните ее на пол!

– Понятно, – проговорил дедушка Джо.

– Готово, Чарли?

– Готово, мистер Уонка!

Чарли обошел кровать с той стороны, где лежала спящая малютка – бабушка Джозефина, – просунул руку ей под голову и приподнял ее. Девочка проснулась и громко заплакала. Тем временем на другой стороне кровати мистер Уонка проделал ту же самую операцию с годовалым дедушкой Джорджем.

– Давай вместе, Чарли! – сказал мистер Уонка. – На старт, внимание, марш! Поехали!

Чарли затолкнул ложку в открытый рот бабушки Джозефины и вылил жидкость прямо ей в глотку.

– Смотри, чтобы она обязательно проглотила все до капли! – закричал мистер Уонка. – «Витауонк» не подействует до тех пор, пока не окажется в желудке!

То, что случилось затем, довольно трудно описать, потому что все произошло буквально за одну секунду. А за одну секунду можно только успеть быстро и громко сказать «один-два-три-четыре-пять». Как раз столько времени у Чарли и оказалось, чтобы увидеть, как грудная девочка растет, увеличивается в размерах и съеживается в восьмидесятилетнюю старуху. Это было даже страшно. Только что на кровати лежала грудная малютка, а теперь он видел перед собой знакомое морщинистое лицо любимой бабушки Джозефины.

– Здравствуй, милый! – сказала она. – Откуда ты взялся?

– Джози! – закричал дедушка Джо, бросаясь к ней. – Ты вернулась! Какое счастье!

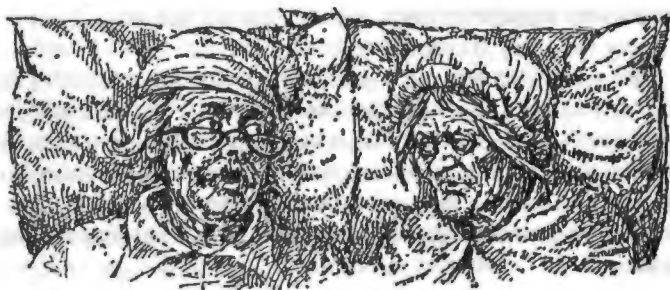
– Да я вроде никуда и не уходила, – ответила она.

Дедушка Джордж также совершил благополучное превращение.

– Ребенком ты выглядел гораздо лучше, – сказала ему бабушка Джорджина. – Впрочем, я рада, что ты теперь снова взрослый, Джордж... по одной причине...

– По какой же?

– Ты теперь не намочишь постель!

20. КАК ЗАСТАВИТЬ ВСТАТЬ С КРОВАТИ

– Я уверен, – обратился мистер Уонка к дедушке Джорджу, бабушке Джорджине и бабушке Джозефине, – я совершенно уверен, что после таких приключений вы все втроем согласитесь наконец встать с кровати и принять участие в руководстве Шоколадной Фабрикой.

– Кто, мы? – спросила бабушка Джозефина.

– Да, вы! – ответил мистер Уонка.

– Вы, должно быть, рехнулись! – сказала бабушка Джорджина. – Что до меня, то я предпочитаю остаться в этой большой и удобной кровати.

– И я тоже! – заявил дедушка Джордж.

В этот момент в толпе симпатимпасов на другом конце Шоколадного Цеха началось какое-то волнение. Они возбужденно переговаривались, перебежали с места на место, размахивали руками, а потом к мистеру Уонка подбежал один симпатимпас с огромным конвертом в руке. Мистер Уонка наклонился, и тот начал что-то оживленно шептать ему на ухо.

– Люди за воротами фабрики? – воскликнул мистер Уонка. – Что за люди?.. Как они выглядят?.. Они не опасны?.. Что такое?.. ВЕРТОЛЕТ!.. Они прилетели на вертолете?.. И дали вам этот конверт?..

Мистер Уонка схватил конверт, быстро его разорвал и достал свернутое в трубочку письмо. В абсолютной тишине он пробежал письмо глазами. Все боялись пошевелиться. У Чарли мурашки побежали по коже. Он чувствовал, что должно произойти что-то ужасное. Казалось, в самом воздухе висело предощущение какой-то угрозы. Эти люди за воротами, вертолет, беспокойство симпатимпасов... Чарли следил за лицом мистера Уонка, стараясь понять по его выражению, насколько плохими были новости.

– Тысяча гремучих змей! – закричал мистер Уонка и подпрыгнул так высоко, что не смог приземлиться на ноги и шлепнулся задом на землю.

– Тысяча храпящих бегемотов! – завопил он, вскакивая и размахивая письмом, как будто отгонял комаров. – Эй, вы все, вы только послушайте! Слушайте!

И он начал читать вслух:

БЕЛЫЙ ДОМ
ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

МИСТЕРУ УОНКА

Сэр!

Сегодня наш народ и все люди доброй воли празднуют благополучное возвращение из космоса нашего транспортного корабля со 136 пассажирами на борту, которое было бы невозможным, если бы не помощь, оказанная каким-то неопознанным космическим кораблем. Мне доложили, что восемь космонавтов неопознанного корабля проявили при этом небывалые доселе храбрость и мужество. По сообщениям наших радарных станций неопознанный корабль упал на землю в районе, известном под названием «Шоколадная Фабрика мистера Уонка». Вот почему, сэр, я обращаюсь с этим письмом именно к вам.

Выражая благодарность всего нашего народа восьмерым героям, я хотел бы пригласить их посетить Белый дом и провести здесь несколько дней в качестве моих почетных гостей.

Сегодня вечером в Голубом зале Белого дома я организую в их честь торжественный прием, во время которого собираюсь лично приколоть к груди каждого из них медаль за храбрость. Приветствовать мужественных космонавтов, чей славный подвиг вписан отныне золотыми буквами в историю нашего народа, будут самые выдающиеся люди планеты: вице-президент США (мисс Эльвира Тиббс), члены моего кабинета министров (в полном составе), руководители армии и флота, все мои конгрессмены, знаменитый фокусник из Афганистана (который в настоящее время учит меня брать назад свои слова; оказывается, это очень просто – нужно только прочитать их задом наперед и – готово). Ну и кто же еще? Разумеется, губернаторы всех штатов, мой главный переводчик и конечно же моя кошка, миссис Мурка.

Вертолет ждет у ворот фабрики, а я с радостным нетерпением жду вас в Белом доме.

За сим и остаюсь искренне ваш

Ланселот Р. Джиллиграсс

Президент Соединенных Штатов Америки.

P.S. Не могли бы вы захватить с собой несколько плиток «Замечательного молочного шоколада Уонка»? Я его так люблю, а у меня его постоянно воруют прямо из ящичка стола. И, пожалуйста, не говорите нянюшке.

Мистер Уонка закончил. В наступившей тишине Чарли слышал неровное дыхание своих родственников. От неожиданного ощущения счастья у него закружилась голова. Первым очнулся дедушка Джо.

– Э-ге-гей! – радостно завопил он и, схватив Чарли за руки, пустился с ним в пляс вдоль берега Шоколадной реки.

– Мы едем, Чарли, едем! – распевал дедушка Джо. – Мы едем в Белый дом!

Мистер и миссис Баккет тоже пели, плясали и смеялись. Мистер Уонка бегал по Шоколадному Цеху и гордо показывал симпатимпасам письмо президента. А когда все немного успокоились, он хлопнул в ладоши, требуя внимания.

– Итак, друзья мои, не будем терять время! Чарли, дедушка Джо, мистер и миссис Баккет! Вертолет за воротами фабрики – не будем заставлять его долго ждать!

И он начал подталкивать всех четверых к дверям.

– Эй! – взвизгнула бабушка Джорджина. – А мы? Мы ведь тоже приглашены в Белый дом!

– В письме говорится: всех восьмерых! – закричала бабушка Джозефина.

– Это значит и меня тоже! – сказал дедушка Джордж.

Мистер Уонка оглянулся и посмотрел на них.

– Разумеется, вы тоже приглашены, – сказал он, – но как мы втащим в вертолет вашу кровать? Она же не пройдет в дверь!

– Вы хотите сказать... вы хотите сказать, что если мы не встанем с кровати, то никуда и не поедем? – проговорила бабушка Джорджина.

– Именно это я и хочу сказать, – ответил мистер Уонка. – Пойдем, Чарли!

Он слегка подтолкнул Чарли локтем и прошептал:

– Не останавливайся! Иди прямо к дверям!

И тут неожиданно сзади с громким шумом взлетели в воздух простыни и одеяла и послышался жалобный скрип пружин. Это трое наших стариков, все разом, пулей вылетели из кровати. С отчаянными криками «подождите нас! подождите нас!» они устремились за мистером Уонка. Забавно было смотреть, как они бежали по огромному Шоколадному Цеху, – только сверкали голые пятки да развевались ночные рубашки, – скача через тропинки и кусты, как молодые козы по весне.

Они бежали так быстро, что когда бабушка Джозефина вдруг решила резко остановиться, она пролетела еще добрых пять ярдов.

– Стойте! – закричала она. – Мы все с ума сошли! Как мы можем пойти на торжественный прием в Белом доме в своих ночных рубашках? Как мы покажемся почти голыми перед всеми этими важными людьми, когда президент будет прикалывать нам медали?

– Ох! – простонала бабушка Джорджина. – Что же нам теперь делать?

– Неужели у вас нет с собой никакой другой одежды? – спросил мистер Уонка.

– У нас вообще нет никакой другой одежды! – ответила бабушка Джозефина. – Ведь мы уже двадцать лет не вставали с кровати!

– В таком виде невозможно ехать! – простонала бабушка Джорджина. – Нам придется остаться!

– А разве нельзя купить что-нибудь в магазине? – предложил дедушка Джордж.

– На что купить? – спросила бабушка Джозефина. – Ты забыл, что у нас же совершенно нет денег!

– Денег? – закричал мистер Уонка. – Господи, о деньгах можете не беспокоиться – у меня их сколько угодно!

– Послушайте, – сказал Чарли, – давайте попросим летчика, чтобы он по дороге сел на крышу какого-нибудь большого универмага. Тогда вы могли бы спуститься вниз и купить что хотите.

– Чарли! – воскликнул мистер Уонка, схватив мальчика за руку. – Что бы мы делали без тебя! Ты просто гений! Идемте скорей, нас ждут в Белом доме!

Взявшись за руки и приплясывая, вся компания вышла из Шоколадного Цеха и, пройдя по подземным коридорам, выбралась наружу, где перед воротами фабрики их ждал большой вертолет. Группа весьма rispetable-льно выглядевших джентльменов приветствовала их у трапа.

— Ну и денек нам сегодня выдался, Чарли, — сказал дедушка Джо.

— Еще не вечер, — с улыбкой ответил Чарли. — Самое интересное только начинается!

ДЖЕЙМС И ПЕРСИК-ВЕЛИКАН
(перевод М. Фрейдкина)

13

ВОЛШЕБНЫЙ ПАЛЕЦ
(перевод Н. Демуровой)

95

ЧАРЛИ И ШОКОЛАДНАЯ ФАБРИКА
(перевод М. Фрейдкина)

115

ЧАРЛИ И БОЛЬШОЙ СТЕКЛЯННЫЙ ПОДЪЕМНИК
(перевод М. Фрейдкина)

207

Роальд Даль
ДЕТСКИЕ БЕСТСЕЛЛЕРЫ

«Джеймс и персик-великан»
«Волшебный палец»
«Чарли и Шоколадная Фабрика»
«Чарли и Большой Стеклоанный Подъемник»

Перевод
Н. Демуровой, М. Фрейдкина

Рисунки
Pene du Bois
Faith Jaques
Nancy Eicholm Burkert

Оформление
М. Заболотниковой

Компьютерная верстка
Я. Беззубяк

Редактор
М. Сахаров

Корректоры
М. Злодеева, А. Лебедева

Издательство «Бумажная Галерея»
ЛР № 066824 от 27.08.1999 г.

Подписано в печать 20.11.2001 г.
Формат 60×90/16. Объем 19 п. л.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Заказ № 1702.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской
областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.
Тел.: 3-01-60; 3-46-20; 3-46-05.

ISBN 5900504-62-X

9 785900 504629

ДВК 1 07

КОД 9631

ЕД ш

ЦЕНА

11

9 785900 504629